

АНДРЕЙ АЛЕНИН

A character wearing a red hooded cloak and a black mask with a gold emblem. The character is holding a sword with a glowing blade. The background is dark with a faint, intricate pattern.

ПО ВОЛЕ СУДЬБЫ
БЕЗ ПРАВА
НА СПАСЕНИЕ

Эдриан — мятежный принц одного из свободных королевств жаден и властолюбив. Ради желанного могущества он не щадит даже друзей. А те, отвергнутые всеми, и отвергающие всех, ведомые своими целями, в месте со своим покровителем отправляются на другой конец мира, где по его приказу рушат и без того наполненную несчастьями жизнь молодой девушки. В мире, полном технических безумств, магических чудес и опасных чудовищ Ханне остаётся лишь одиночество и родовое проклятие. Но ни гнев и ни жажда мести, ни боль потери и ни погоня за справедливостью, а только любовь помогает ей выдержать все удары судьбы, пережить все трудности и бороться за свою жизнь до последнего вздоха.

— Э-эй! Полурослики! Куда же вы бежите!?

Хриплый бас нарушил тишину подземелья. Ему вторило гулкое эхо. Четверо мужчин не спеша продвигались вдоль стены пещеры и масляными фонарями с рефлекторами освещали себе путь. Яркий свет лучами скользил по гладкому серому камню и разгонял непроглядную тьму.

— Прекращайте прятаться! Если сдадитесь сами, то умрёте быстро и совсем без мук! — Снова подал голос один из четвёрки.

— Да! Мы всё равно вас найдём! Так не тратьте наше время и покажитесь сами! — поддержал его приятель.

Внешний вид этих людей, был вполне приличным, а вот сама внешность не оставляла сомнений, что за хороший барыш, они и мать родную ужокошат и не поморщатся. Глядя на эти лица и всматриваясь в эти глаза, даже самый распоследний простачок не поверит, что эта четвёрка зарабатывает честным трудом. Двое из них продолжали освещать дорогу, а другая пара держала наготове заряженные арбалеты. Два хоббита спрятались за большим камнем, и украдкой смотрели на своих палачей. Что бы не выдать себя им пришлось потушить свет, что у них имелся. Оба тряслись от страха, понимали, что надо бежать, но не могли сдвинуться с места. Бежать в такой темноте было форменным самоубийством, а освещать себе путь, значит быть обнаруженными.

— Зачем они это делают, профессор Штерн? — Раздался в темноте дрожащий шёпот. — Почему господин Эдриан так поступил? Мы же только хотели опубликовать находку, но не претендовали на неё.

— Прости Мария. Наверное, это всё моя вина? — Ответил ей более уверенный, но такой же тихий шёпот.

— Что? Что вы такое говорите? Я не понимаю? — Голос в темноте звучал изумлённо и напугано.

— Послушай. То, что мы здесь нашли, опасно. Понимаешь? — Профессор Штерн говорил тихо и торопливо. — Мне кажется, что это реликт со времён тысячелетней битвы. Господин Эдриан искал совсем не то, о чём говорил, и просто обманул нас. Я кое-что читал об этом. Это древние, писания, скорее сказки, а не научные факты. Я не знаю откуда это известно ему. Видимо храм не смог уничтожить всю ересь колдунов.

— Я не понимаю. О чём вы говорите?

— То, что я прочитал, заставляет меня так думать. Я не собирался являть эту находку миру, я хотел обратиться в храм за помощью. Ты мало прожила среди людей, могла не знать, но склонен думать, что мы нашли то, что имеет прямое отношение к священному писанию и нашей истории.

— Но как же...

Он не дал ей перебить себя и продолжил:

— Не думай сейчас об этом. Я всё тебе расскажу, когда мы выберемся отсюда. Не знаю, как, но Эдриан как-то разгадал мои замыслы. Или задумал убить, когда впервые посетил музей. Сейчас это не важно. Главное выбраться отсюда.

— Мы можем спрятаться получше и подождать, когда у них масло кончится, а они уйдут? — С надеждой спросила Мария.

— Нет. Свето-камни на исходе. Нам придётся их обойти. — Решительно прозвучало в темноте.

— Но как же? Здесь всего один путь, а дальше тупик.

— Это не так. Я сам разрабатывал этот туннель. Там оказался ещё один проход. Спуск крутой, но он уводит вниз. Мы можем попытаться. Я не успел всё исследовать, но, если всё правильно рассчитал он выведет нас отсюда.

Ответом ему была тишина.

Штерн выглянул из-за своего укрытия и увидел, как люди не спеша поднимались к ним по узкому уступу. Ещё несколько минут и быть беглецам обнаруженными, и без сомнения мёртвыми.

— Надо бежать! — Он чуть не повысил голос, но вовремя сдержался. — Мы выберемся, я тебе обещаю.

Эти слова, и приближение душегубов подействовали на девушку, и она всё же решилась.

— Но бежать надо быстро, придётся освещать дорогу. Ты будь впереди, а я прикрою тебе спину. Уже пора. На счёт три.

Он вложил ей в руки два, гладких наощупь камешка, размером с куриное яйцо каждый, и начал тихо отсчитывать. На три Мария приложила один камень к другому, и они засветились тёплым жёлтым светом. Такого вполне хватало, чтобы осветить пространство на пару ярдов вокруг.

Хоббиты рванули в туннель. В ответ им раздались гневные ругательства. Убийцы тут же увидели своих жертв.

Мария тяжело дышала и неслась вперёд, а профессор вслед за ней. Прошло не меньше трёх минут, прежде, чем запыхавшийся хоббит остановил девушку.

— Подожди... Мы... пропустили... проход.

Он забрал у неё камни, и они побежали обратно. Но было уже поздно. Они успели только разобрать проход от камней, когда на них упал свет фонаря.

— Вот вы где! — Раздался довольный, злорадствующий голос.

Профессор Штерн, и его спутница замерли на месте. Он уже приготовился получить арбалетный болт в сердце. Свет слепил и хоббит зажмурился от страха. Тренькнула тетива, но вместо болта, что-то большое и твёрдое сильно ударило в грудь, и сбросило в черноту спасительного прохода.

Когда он пришёл в себя, камни в руке Марии освещали пол, всего на несколько дюймов. Прямо перед её лицом. Залитое кровью, с пустым взглядом остекленевших глаз.

Штерн дёрнулся от страха, и взвыл от боли. Кость торчала наружу, а вся нога горела огнём. В первые секунды, он хотел умереть. Положение его было настолько отчаянным, насколько это возможно. Но профессор отринул эту мысль и решил побороться за свою жизнь. Сейчас, он жалел о том, что, втянул в эту авантюру свою аспирантку, к которой питал тёплые чувства. О том, что поверил принцу. О том, что жажда знаний, денег и славы привела его к такому печальному концу.

Штерн сожалеет, а сам стянул с пояса кожаный ремень, кое-как дополз до Марии, вытащил болт из её груди, и с помощью двух этих предметов соорудил себе подобие шины. Он потерял сознание, когда ставил кость на место, но ему удалось.

Хоббит сжёг все имеющиеся спички, но так и не понял где находится. В отличие от других пещер, здесь было тепло и сухо, а камень под ногами больше напоминал, посеревшую от времени, кость.

Передвигаться было тяжело, но он взял камни и пополз. Проползал несколько ярдов в одну сторону, и если ничего не менялось, то возвращался и полз в другую. Штерн хотел понять пределы своего пристанища, попытаться найти выход оттуда.

Свет погас неожиданно, и весь оптимизм профессора, как ветром сдуло. Теперь всё, что он мог, это ползти вперёд наощупь и надеяться на лучшее.

С каждым преодолённым футом, нога болела всё сильнее. Он перестал ползти, когда понял, что больше не может терпеть эту пульсирующую боль. Он весь вспотел, у него началась лихорадка, и сейчас профессор жалел об аптечке первой помощи оставленной в лагере. Он достал флягу и сделал несколько глотков. Поболтал и понял, что воды там плещется совсем немного. Снял куртку и рубаху, обмотал ей ногу. При себе у него был небольшой молоточек и несколько зубил, маленькая кирка, и пару кисточек. А ещё карты Гиблейских гор, которые миллиардами тон нависали над его головой. Эта мысль стала давить на рассудок и грозила его уничтожить. Темнота и тишина вокруг готовы были ей помочь.

Он снова очнулся, окружённый одной лишь тьмой. Нога так и не прошла, и болела ещё сильнее. Рот пересох, и Штерн допил остатки воды. А потом просто лёг на спину и терпел боль.

Профессор не знал, сколько времени провёл здесь. Он впадал в забытьё, бессчётное количество раз. Боль то уходила, то возвращалась и снова грызла ногу. Когда он спал, ему снилось синее небо над головой. Солнце и облака, свежий ветер и родной дом. А когда бодрствовал — страдал. Он умирал от жажды и голода, понимал, что погибнет здесь, но продолжал цепляться за жизнь. Медленно сходил с ума и то рыдал, то смеялся, как истинный сумасшедший. Хоббит пил свою мочу, но жажда только усиливалась. Он молился богам, в которых никогда не верил, а потом проклинал их, орал до хрипоты, выл как собака, и снова заливался жутким душераздирающим смехом. Ответом ему было одно безмолвие. Однажды он очнулся, от того, что грызёт себе руку и пьёт свою кровь.

Силы ещё не покинули его, но он мог только лежать, судорожно вдыхать спёртый воздух и смотреть на еле видный, мерцающий огонёк, далеко впереди. Мысль о свете, не сразу нашла отклик в истощённом сознании. Сердце забилося с новой силой, а Штерн, окрылённый безумной надеждой, собрал в кулак последние силы и остатки воли. Пальцы заскребли по полу, и он медленно пополз к источнику света. Ползти, с каждой минутой, было всё тяжелее. Сил почти не осталось. Профессор хрипел и полз на четвереньках, подволакивая уже бесчувственную ногу, падал, но поднимался снова, и полз дальше. Прошла целая вечность, когда он обессиливший приблизился к источнику света и смог рассмотреть. Над головой, ярдах в двадцати висело нечто, формой напоминающее огромное сердце. Оно похоже на затухающий уголёк пульсировало тусклым светом, но не билось. В воздухе его держали десятки тонких жгутов, которые росли из мрака вокруг.

Штерн не в силах двигаться дальше упал на спину и смотрел, как над ним пульсирует нечто.

I

Рассвет. Яркое солнце, показалось из-за горизонта и согрело землю первыми лучами. Свет быстро заскользил по верхушке высокого леса, пролился на зелёные кроны, затем устремился дальше, по густой траве, сияя на капельках росы, нежно коснулся высокой каменной стены, крытых башен и дозорных в тюрбанах и набитых кафтанах.

Свет побежал дальше и озарил большой комплекс, что раскинулся за стеной. На огромной территории расположилось много каменных и деревянных построек: кузницы, конюшни, лазареты, бани и другие невзрачные и грубые, но добротнo отстроенные здания. Весь этот пейзаж мог бы показаться унылым, не стоящим внимания, если бы не одно, «но», что находилось в центре квадратного периметра стен. Кубическая четырёхэтажная конструкция цвета грозовой тучи, с маленькими зарешеченными окошками, возвышалась над землёй и навивала мысли не об унынии, а о каком-то необъяснимом ужасе. Обычно, все без исключения, кто видел это творение человеческих рук впервые, хотели бы оказаться как можно дальше от него. Когда на здание попал солнечный свет, стены как будто впитали его и стали ещё темнее.

Решётка одного из окошек с глухим звуком вылетела наружу. Двое побритых наголо людей, в серой потёртой форме из мешковины и босиком, проворно выпрыгнули из проёма и с невероятной скоростью побежали в сторону стены. Первым мчался тощий юноша среднего роста, с прыщавым худым лицом и оттопыренными ушами. Второй человек, низкий и полноватый, с маленькими поросычьими глазками, орлиным носом и пухлыми губами, отставал от него на пару ярдов. Охранники на стенах заметили бегущих и начали стрелять в них из луков. Специальные наконечники стрел не предназначались, для убийства, и должны были только остановить беглецов, но те ловко уворачивались. Они быстро преодолели расстояние до стены и в один прыжок перемахнули через неё. Стрелки уже звонили в сигнальные колокола, они не сумели поразить цель и теперь били тревогу.

Беглецы неловко приземлились, упали и покатались по земле, но на удивление быстро, поднялись на ноги и целые и невредимые припустили в сторону джунглей. Они преодолели, половину пути, до спасительной чащи, когда из открывшихся ворот появилась группа погони. Лошади преследователей быстро набрали скорость и мчали галопом, а впереди стремглав неслись две большие собаки.

Убегающие достигли вырубки каштанов, быстро преодолели её, прыгая с пня на пень, и скрылись в чаще джунглей. Стражники немного замешкались, вынужденные спешиться; лошади могли переломать себе ноги на большой скорости. Собаки не останавливаясь, устремились вслед за беглецами. Преследователи схватили арканы и сети и тоже бросились в погоню. Одетые в лёгкие кафтаны, они сразу взяли быстрый темп. Последними спешились двое в красных халатах поверх облегающей чёрной одежды, в тюрбанах и масках закрывающих нижнюю половину лица. Они припустили в сторону леса, не уступая собакам в скорости, и быстро обогнав стражников, скрылись в чаще.

Канг, отстающий с самого начала пути слышал за спиной лай собак и крики людей. Огибая деревья и перепрыгивая кусты, он чувствовал, как лёгкие наполняются огнём. Стараясь дышать только носом, он догнал Волеса, и сразу подметил, что тому тоже приходится нелегко. Мышцы начали ныть, силы быстро таяли, а пот катился градом по

лицам. Зелье, которое они приняли теряло свой эффект, а после того как оно окончательно перестанет действовать, начнётся ужасная боль. Условного знака всё не было видно, паника читалась во взглядах убегающих. До конца действия зелья оставались считанные секунды.

Лес немного поредел, и они выбежали на небольшой участок земли свободный от деревьев, пробежали ещё какие-то мгновения. Сначала болезненно вскрикнул Канг, а за ним Волес и оба кубарем покатались по земле мимо густого разросшегося, высокого баньяна, а тишину разорвали их истошные крики полные нестерпимой боли, вызванной сильнейшими мышечными спазмами.

Почти сразу за убегающими из зарослей выскочили собаки, на большой скорости они неслись прямо на беглецов. Огромные тела, оскаленные пасти, и инстинкты настоящего хищника без капли сомнений. Синдарийские тигродавы не раз оправдывали своё название и не редко давали отпор тиграм. Они почти настигли свою жертву, но раздался кроткий визг и на землю уже летели разрубленные туши. Кангу и Волесу пришлось откатиться в сторону. Никто бы не заметил, что произошло с животными, обычному человеческому глазу было бы доступно какое-то смазанное, не чёткое движение. Только двое в красных халатах, что скрывались в зарослях, отлично всё видели.

Вскоре появились преследователи и сразу обнаружили орущих от боли беглецов, и только приблизившись, заметили то, что осталось от собак. В ту же секунду стражник вскрикнул и упал замертво. Лезвие рассекло туловище от таза до плеча, оставило на теле кровавую борозду и тут же изменив траекторию полёта устремилось дальше. Молниеносный удар, и голова ещё одного стражника разлетелась как спелая дыня. Остальные преследователи прыжком разорвали дистанцию, они рассредоточились вокруг врага, побросали арканы и достали кривые сабли из ножен.

Человек, который в секунду упокоил двух стражников двигался слишком быстро, и когда он решил атаковать из укрытия, преследователи сначала увидели оружие, а уже потом его обладателя. Не меньше восьми футов роста с лицом, заросшим густой белой бородой. Он держал на плече огромный клеймор и взирал на окруживших его людей. Во взгляде, этого человека мрачном, как грозовая туча, совсем не было страха, чего нельзя сказать о его противниках. Черноволосые и смуглокожие, редко большого роста эти жители юга вряд ли когда-нибудь видели уроженца далёкой северной страны, что находится на другом конце мира. Для них этот северянин был великаном.

Надолго воинов это не смутило их было десять, а враг всего один, поэтому они быстро пришли в себя и напали. Один кинул сеть, в попытке набросить на великана, и сразу же несколько воинов ринулись на него сзади. Сеть упала на пустое место, а напавшие разрубили пустоту. Огромный воин незаметным движением ушел в сторону, сбил двух стражников, и тут же перерубил ещё одного, единственным ударом. Тяжёлый металлический нагрудник, наручи и открытый шлем совершенно не мешали ему двигаться, а огромный меч выглядел опасной, смертоносной пушинкой в испещрённых шрамами руках. Оставшиеся воины попытались ещё раз накинуть на него сети, но их враг снова увернулся, и срубил голову ближайшему к нему стражнику. Оставшиеся на ногах люди окружили великана. Первый сделал выпад, северянин резко, крутанулся всем корпусом, ушел в сторону, и развернувшись, рубанул нападающего по шее. Голова покатилась по земле, а из обрубка хлынула кровь. Не останавливаясь он набросился на остальных. Быстро, невероятно быстро, будто и не двигался по земле, а порхал над ней. Он порубил всех в несколько ударов, превратив человеческие тела в кровавые обрубки. Те, двое стражников, которых он сбил с ног в начале

боя, встали, и бросились на утёк.

— Рюк, не дай им уйти! — Послышался за его спиной страдальческий голос.

Северянин не внял просьбе и остался на месте, он подал знак не шуметь, прислушиваясь к чему-то. Через несколько мгновений после того как убегающие стражники скрылись в чаще, из неё раздались их полные ужаса крики, впрочем, они быстро оборвались.

— Рюк, дай скорее сумку! — Услышал северянин за спиной голос Волеса.

Он снял со спины, большую сумку, которая хорошо крепилась к плечам и поясу кожаными ремнями и больше напоминала заплечный чемодан коричневого цвета. Кинул её юноше.

Волес дрожащими руками открыл свой сундучок со множеством отделений, выбрал какую-то склянку, достал её и начал жадно пить содержимое. Выпив половину протянул оставшееся подползшему к нему на четвереньках Кангу, и почти сразу почувствовал, как по телу, изнутри, разливается тепло и отступает боль. Зелье усвоилось ещё не до конца, но скоро оно подействует полностью.

Из зарослей слева в северянина полетела серая металлическая полоса, и он успел отбить её в последний миг. Такая же полоса просвистела рядом с Кангом, который чудом избежал смертельного удара. Рюк быстро подскочил к лежащим и его меч замелькал, отражая удары. Выпады были быстрыми и неожиданными, он парировал очередную атаку, а гибкое лезвие при этом изгибалось и продолжало полёт. Оно не редко оставляло на бёдрах и открытых плечах Рюка неглубокие, но болезненные порезы.

Волес достал ещё одну склянку и протянул её Кангу.

— Пей целиком, быстрее или нам конец! — Отчаянно прокричал он.

Канг здраво оценивал ситуацию и выпил всё без вопросов, хотя и не был уверен в содержимом.

— Надо подождать, скоро подействует. — Не громко сказал Волес.

Рюк начал уставать. Он почти не видел противников только их лезвия, летящие из зарослей с разных сторон. Они были похожи на ядовитых змей, которые прыгали на свою добычу из укрытия, в надежде ужалить. Северянин, не смотря на свою огромную скорость и молниеносную реакцию, с трудом отбивал хлёткие удары и даже не искущённому в битвах зрителю стало бы ясно, что долго так продолжаться не будет. Понимал это и Рюк. При очередной атаке, он встретил гибкое лезвие мечом, и стальную змею закрутило вокруг клинка. Он быстрым движением крутанул клеймор, это позволило ему удержать оружие противника на несколько секунд. С другой стороны, к нему устремилась ещё одно лезвие. Великан похоже только этого и ждал, он поймал металлическую полосу на наруч, и удерживая рукой потянул вражеское оружие на себя. Потом тут же отпустил клеймор и бросился в сторону второго противника, вцепившись в серую полосу.

Рюк скрылся в чаще, а когда вернулся, бросил на землю обмякшее тело человека в красном халате. Это оказалась девушка, уже без тюрбана и маски. Северянин свернул ей шею и безжизненное лицо с открытыми, алого цвета глазами, обратилось к небу, а мертвенно бледная кожа начала слабо и еле заметно дымиться.

— Ну что! Может теперь покажешься мне на глаза, грозный воин Синдари! — Прокричал громким басом Рюк. — Это была твоя подружка или мать!? — Он не сильно пнул тело поверженного врага и улыбнулся. Северянин понимал, что время играет против них, и хотел выманить противника, хотя, не сильно надеялся на такую простую уловку, но вопреки его ожиданиям, она всё-таки сработала.

Где-то вдалеке прокричал павлин, тихо щебетали птицы на высоких кронах. Прошло несколько томительных секунд, прежде чем из-за деревьев вышел человек и встал напротив Рюка. У него были такие же алые глаза без зрачков, как у мёртвой девушки, и такая же бледная кожа. Соединённые стальные пластины, длинной серой полосой, обёрнутые вокруг торса, оканчивалась деревянной рукоятью, которую бледнокожий держал в руке. Меч-уруми мог разить как хлыст, вот только был гораздо опаснее.

Человек взглянул на девушку, потом на северянина. Он отбросил свой меч-уруми, рукой медленно потянулся к лицу и снял маску. Синдариец несколько секунд холодно и безучастно смотрел, на противника, но вот изо рта на дюйм показались острые верхние клыки, а ногти на руках, утолщаясь, превратились в четырёхдюймовые серповидные когти. Он резко согнулся в коленях, растопырил руки и зашипел. И теперь во взгляде этого существа Рюк прочитал полное превосходство над таким смертным как он, из человека противник превратился в опасного хищника, а страшная улыбка предвещала жестокую расправу. На миг в голове великана промелькнула мысль, что он немного перегнул палку в попытках выманить врага.

Это всё Рюк успел понять за мгновение до того, как тварь прыгнула на него, целясь когтями в глотку. Великан успел упасть и в полёте выставить ноги. Он пнул существо в красном халате в живот, и не смотря на свой грозный вид бледнокожий отлетел на несколько ярдов. Разница в весе давала о себе знать. Они встали одновременно и посмотрели друг на друга.

Рюк лихорадочно соображал, что же делать дальше. Его меч валялся где-то среди деревьев, а зелье, которое он принял с минуты на минуту перестанет действовать, вся невероятная скорость улетучится, исчезнет, как тьма на рассвете, а для него это означало верную смерть. Но великан совершенно не знал, что предпринять. Противник был очень быстр и опасен. Северянин достал кинжал из-за голенища, с мыслью, что от него будет мало проку. Существо напало вновь. Оно атаковало, не опасаясь оружия противника. Великан ударил и лезвие проткнуло ладонь бледнокожего насквозь. Тот пятернёй обхватил кулак противника и вывернул ему руку, казалось, этот монстр совсем не чувствует боли. А вот северянин чувствовал, зелье окончательно потеряло свой эффект. Он получил пинок в грудь, выпустил из руки кинжал, отлетел и упал рядом с телом убитого стражника. Существо прыгнуло и выставило когти перед собой, а Рюк закрылся руками в жалкой попытке защититься. На миг, он устыдился своего трусливого поступка, а потом мысленно приготовился к болезненному, и почти наверняка, смертельному удару.

Сердце его продолжало стучать, отбивало быстрый, монотонный ритм. Один удар перерос в десяток, а враг всё не спешил отобрать его жизнь. Не понимая, что происходит, северянин убрал руки и увидел, как напавшая на него когтистая тварь, висит в нескольких дюймах над землёй. Над головой существа, нависла большая чёрная клякса, из которой, медленно вылезали чёрные, смолянистые отростки похожие на осьминожки щупальца, толщиной с руку. Они кольцами обвивали плечи и шею твари в красном халате и медленно сжимались. А потом начали расти, всё быстрее, выбираясь из кляксы. От больших отростков отходили такие же, только меньше. Они, оставляя на одежде грязные следы чёрной маслянистой субстанции, пытались добраться до лица и заползти под одеяние. Бледнокожий снова зашипел, напрягся всем телом и дёргал шей в попытке освободиться, но тёмная магия держала крепко. Большое щупальце заползло в рот, а те что поменьше в нос, уши и глазницы. Подвешенное тело периодически дёргалось в конвульсиях. А потом чёрные отростки, всего

за пару секунд растаяли в воздухе вместе с кляксой из которой появились. Обмякшее тело упало на землю. Из рта, глазниц, ушей и носа белокожего лилась кровь. Всё это время Рюк смотрел на творящееся тёмное колдовство, не сводя глаз, и только, когда оно исчезло, а поверженный враг упал на землю, повернулся к бежавшим заключённым.

Волес потихоньку вставал, а вот Канг чувствовал себя куда хуже. Он стоял на карачках и заметно исхудавший, и побледневший. Под ним была лужа рвоты, он обмочился и обделался. Глаза вываливались из орбит, так он их выпучивал. Он силился что-то сказать, но у него получались лишь хриплые стоны. Юноша тут же подбежал к Кангу, чтобы помочь ему подняться. Колдун приподнялся и его вырвало. Он оттолкнул Волеса и прохрипел, так громко, как только мог:

— С-с-су-ука-а! — А потом, упал на пятую точку, да так и остался сидеть.

— Ну ладно тебе Канг, дружище! — Хлопотал вокруг него Волес. — Ты же видел, без тебя никак не обошлись бы, а тут и случай подходящий подвернулся зелье опробовать. — У него был тонкий мелодичный голос.

На услышанное Канг ничего не сказал, а просто грозно посмотрел на юношу, отвернулся, и перевернулся на живот в попытке подняться.

Волес всё причитал:

— Я же его для тебя придумал, ещё до того, как мы сюда попали, чтобы гадость эту из тебя вытравливать если придётся. Вот и пришлось. Сколько ты тут слизи орочей сожрал? Галлон, наверно? Тебе бы ещё неделю силы восстанавливать, а тут раз и всё, одним махом!

Он сделал рубящее движение рукой и примирительно улыбнулся.

С помощью Волеса, Канг, всё-таки встал и посмотрел на лысого юнца суровым взглядом:

— Вот себе бы и восстанавливал, алхимик хренов. — Прохрипел он слабым голосом.

— А мне то оно зачем? — Удивлённо спросил Волес. — Я-то конечно выпью, и обосрусь на благо нашей компании, но больше ничего бы не произошло. А вот ты, старина, ловко справился. Ведь нравиться силу-то иметь, а потом никакой благодарности. — Он притворно насупил.

Колдун повернулся к алхимику, и сказал громко:

— Скажу, как только ты начнёшь меня предупреждать, чем мне это обернётся!

— Времени у нас не было знаешь ли тебе побочные эффекты зелья перечислять, да и тебе, я думаю не интересно тогда было. — Волес снова насупил.

Канг, конечно, всё прекрасно понимал. И то, что выбора особо не было, и то, что с силой он чувствует себя гораздо лучше. Хотя в том, что других решений у парня не нашлось он не был уверен до конца и поэтому злился, но как-то вяло, сказывалось истощение организма, даже уставшее и бледное лицо не поменяло своего выражения в приступе вспыхнувшего на миг и тут же потухшего гнева.

— Побочные эффекты мне перечислять не надо, можно просто сказать: «Приятель, сейчас тебе будет очень хреново». Или что-нибудь в этом роде!

— И что тебе от этого полегчало бы? — скептически спросил Волес.

— Не знаю, — Грубо ответил ему Канг, а потом помолчав немного, добавил уже спокойно, — Спасибо.

Усталость всё-таки победила, и колдун быстро успокоился. Когда юноша повернулся к нему, Канг, ничего не дал ему сказать и быстро направился к северянину:

— Рюк, дружище, рад тебя видеть. Умираю с голоду, есть чего-нибудь сожрать?

— Да конечно, — ответил Рюк, — пойдёмте, моя стоянка не далеко, только меч найду.

И он скрылся в чаще, вернувшись, уже через пару минут, со своим оружием в руках. Канг, опёрся на плечо северянина, чувствовал он себя, не важно, ноги у него подкашивались. Волес подошёл к трупу девушки, и пнул её в бок:

— Здорового ты её, клянусь своей сумкой! Такое простому человеку давно не удавалось. — Он пристально посмотрел на Рюка. — Что ты принял?

— Яростную грацию выпил. — Немного смутился северянин.

— Ого! хороший выбор. — Улыбнулся юноша. За тем, на секунду, задумался, как будто его что-то смутило, и сказал. — Что-то быстро выдохся?

— Ну часов у меня не было. — Развёл руками великан и тут же сменил тему. — Да, страшная тварь, никогда таких не видел, только слышал, что сильные и быстрые.

— Долгая история, пойдём, надо спешить. Расскажу её по дороге.

Рюк взвалил Канга на плечо, и они углубились в заросли.

Место, на котором только что произошло кровавое побоище, опустело и затихло. Солнце уже успело немного подняться над джунглями, ярко осветив землю. На деревьях защebetали птицы, и только они увидели, что произошло, когда, тёплый утренний свет попал на двух мёртвых существ, в красных халатах. Их кожа на открытых участках тела начала тлеть и расползаться. А когда совсем прогорела, они вспыхнули. Яркие, огненные цветы ревущего пламени распустились на несколько секунд и тут же завяли, а бледнокожие существа превратились в две кучи серого пепла.

— Ты, мой северный друг, сегодня совершил легендарный поступок! Убил бессмертную асуру.

Они быстро шли, а Волес быстро говорил. Под ногами стелился папоротник. Вокруг росли высокие пальмы и баньяны, опутанные лианами и плющом. Солнце просвечивало сквозь зелёные листья, а в воздухе пахло прелой травой.

— Кого? — Перебил его Рюк.

— Асуру. Не перебивай. Они не просто так двоих стражников, выпили, ты их напугал. Днём они слабее чем ночью, хотели сил поднабраться.

— Не понимаю, почему они не напали сразу? Тогда бы я точно не сдюжил.

— Я же говорю, при дневном свете эти, по сути вампиры, уязвимее, не только слабее, но и соображают хуже, солнечный свет мешает им сосредоточиться. Они переоценили себя и не до оценили противника. И ничего удивительного, при такой-то силе, люди им не соперники. В общем, в тюрьме много чего интересного рассказывают.

Асуры появились в Синдарии лет сто назад. Тогда страной правил один царь и у него был один единственный сын, на которого он возлагал надежды, как на достойного наследника. Как-то раз на охоте, его сын был ранен неизвестным существом. По поводу существа все говорят, кто, во что горазд, один говорил, что это был король горгон, а другие, что это просто ядовитая змея, не известная науке. Есть ещё легенда о божественном вмешательстве, но она меня совсем не интересует. В общем, вылечить его никто не смог. Даже целители из храма Созидания только руками разводили. Болезнь неизлечимая. — Волес замолчал вспоминая. — в итоге, как-то он излечился, то ли сам выздоровел, то ли нашли лекарство для принца... Как его звали-то? — Он опять замолчал.

— Серадж. — буркнул Канг.

— Точно. Он излечился, но стал тем, кем стал. Я изучал этот вид в университете,

интереснейшее явление, предположительно это мутация с последующей, уникальной перестройкой организма.

Рюк с опаской покосился на алхимика, но тот похоже не заметил этого и беззаботно продолжал говорить.

— Он первый такой. Остальных людей он сам делал себе подобными. Только людей. — Уточнил алхимик. Он находился в прекрасном расположении духа, а его приподнятое настроение всегда сопровождалось болтовнёй, кому-то не понятной, а некоторых откровенно раздражающей. — Пил их кровь и давал пить свою. Это как-то связывало их на телепатическом уровне. В общем обмен частицами жизненной энергии, флюидами, и мозговыми волнами, и прочим, посредством дистанционного психического воздействия, вызванного уникальным изменением протекания биоэнергетических процессов организма.

Рюк взглянул на юношу, как на неожиданно заговорившее дерево. На этот раз, алхимик заметил реакцию великана и тут же смутился, потупив глаза, но уже через несколько секунд заговорил снова.

— Если проще, то все остальные асуры преданы Сераджу до смерти. Сначала он сам их выбирал, а позже это уже делали генералы крови. Первые семь, кто был избран. У каждого генерала по семьдесят солдат, если верить слухам и такие числа не с проста. Нельзя превышать популяцию, потому, что, эту прорву надо кормить кровью, исключительно человеческой. Пусть не часто, но, если этого долго не делать, эти твари сорвутся от голода, и тогда, будут рвать на куски, всё что найдут.

— Где же они столько человеческой крови возьмут? — Рюк перебросил Канга на другое плечо, и тот крякнул.

— Как бы это не звучало, но проблем не возникло. Каким бы чудовищем не был с виду Серадж, он стал хорошим царём вопреки всем ожиданиям. Первым делом, со своим отрядом преданных асур, уничтожил всех влиятельных заговорщиков, решивших, что чудовищу не место на троне Синдари. Он создал специальные тюрьмы, поместил туда своих врагов и доил их как коров, только вместо молока — кровь. Позже, очистил всю страну от разбойников на дорогах и в городах. Спустя какое-то время тюрьма превратилась в бизнес с покупкой доноров. Так нас называли при продаже. Ещё нищие потянулись на дармовые харчи, за свободу. Люди там могут дожить до старости.

Днём с асурой ещё можно тягаться, а вот ночью, тебе бы пришлось рубить эту кровососущую тварь на куски, из-за потрясающей способности к регенерации. Они не просто пьют кровь чтобы насытиться, не чувствовать голода и не потерять контроль над собой. К сожалению, исследовать живого или мёртвого асуру не представлялось возможности, поэтому, кое-что, остаётся не понятно, но они не стареют и не болеют, сильные и быстрые, способные к запредельной регенерации. И чем дольше пьют кровь, тем сильнее становятся со временем.

— Это пока вы сидели, с вас кровь выкачивали?

— Правильно говорить брали кровь. Да, у нас брали кровь, сколько раз не помню уже, я сбился со счёта...

Канг висел на плече Рюка, и вслушивался в разговор. Голова его гудела, в глазах двоилось и очень хотелось пить. При воспоминании о заборе крови подкатила тошнота. Тёмный колдун как во сне видел себя со стороны. Не большого размера помещение с маленькими окошками под потолком и белыми стенами. На стеллажах и подносах лежали: бинты, шприцы, грубые скальпели и зажимы. Вдоль стен стояли столы, здесь же в кровь

добавляли антикоагулянты, добываемые из слюны летучих мышей вампиров, чтобы, не сворачивалась. Всё было как наяву, холод кушетки, давление ремня в районе живота и боль от входящей в вену иглы. Он лежал и чувствовал, как жизнь вытекает из него, устремившись по тонкому каучуковому шлангу. А за тем сознание померкло.

Очнулся он от восклицаний Волеса:

— Ого! Клянусь своей сумкой! Это же Геномарвари пятой модели! Где ты их раздобыл?!

— Их купил господин Эдриан.

— Тогда понятно. — Протянул юноша. — Таких не купишь, если ты не чертовски богатый благородный.

Канг встал на всё ещё трясущиеся ноги, и посмотрел на тройку крупных, мускулистых, при этом изящных, запряжённых коней тёмно-коричневой масти. Взгляд, не в меру осмысленный, на крупе выжжено клеймо с номером модификации. Генномодифицированные лошади могли легко вынести длительную, быструю скачку, долгое время не нуждались в воде и пище, а также имели кое-какие способности к быстрой регенерации организма. Кроме того, привязывались к хозяину и вставали на его защиту в бою. Рюк достал дорожную одежду, и отдал её товарищам. Кангу протянул воды в бурдюке. А когда тот переоделся, дал кусок вяленого мяса и пару спелых бананов. Потёртые штаны из хорошей кожи, поношенные куртки на местный покрой и даже сапоги пришлись в пору и вся троика, не мешкая двинулась на восток.

Первый успешный побег за всю историю тюрьмы обернулся для коменданта наихудшим образом. Сидя на кровати, Дхавал стоически выслушивал рапорт в пол уха и размышлял о тщетности человеческих попыток строить планы на иллюзорное будущее, и сетовал на злодейку судьбу, часто прокручивая в голове вопросы: за что? И какого чёрта? Уже не молодой комендант, несмотря на возраст и сильно поседевшие усы, изо всех сил старался поддерживать дисциплину в расположении тюрьмы. Только новые рекруты, не знали важности стратегического объекта и могли начать чудить, но это всегда длилось не долго. Начальник охраны, что докладывал о происшествии служил здесь уже давно, но сейчас Дхавалу казалось, что он недисциплинированный новобранец неизвестно как продержавшийся на этом месте столько лет.

— Трупы уже заносят на территорию. — Докладывал начальник охраны Апу.

— Так, давай по порядку. Ты говоришь, что они жгли сухой конский навоз в камере, и что-то варили. С помощью какой-то дряни они смогли ослабить прутья решётки, а потом выбить. Я пока всё правильно говорю? — Спокойным, хрипловатым голосом спросил комендант.

— Так точно. — Апу нервничал, и сейчас, хотел бы находиться как можно дальше от коменданта. Всё это так и читалось на его лице.

— Давай дальше. Они смогли сварить зелье, чтобы ускакать отсюда как кузнечики. А отряд погони порублен в куски. И всё это за пятьдесят восемь дней до моей добровольной и одобренной отставки?! — Он сильно повысил голос и резко встал с кровати. Апу отшатнулся и неуверенным голосом сказал:

— Т-так точно.

Комендант посмотрел ему в глаза. Начальник охраны избегал встречаться с ним

взглядом. Дхавал подумал немного, а за тем приступил к своему любимому занятию и начал отдавать распоряжения:

— Поверка уже была? Вы выяснили, кто сбежал?

— Так точно... то — есть, никак нет.

— Это надо узнать и быстро. Что с асурами?

— Пепел.

— Твою мать. — Дхавал выругался в полголоса. — Соберите дрова для погребального костра. Надо похоронить мёртвых. — Он посмотрел на капитана: — Свободен.

Начальник охраны пульей вылетел из спальни Дхавала.

Комендант был уже почти одет. Он не спеша натянул высокие чёрные сапоги и намотал матерчатый пояс поверх длиннополого мундира песочного цвета. Начал было наматывать на лысую голову тюрбан, но быстро бросил это занятие. Руки его тряслись, он постоянно путался в витках, а голова пульсировала болью в висках. Он сильно нервничал, но не хотел в этом признаваться даже самому себе.

«Подумать только, до долгожданной отставки оставались считанные дни. Ещё пара месяцев, до увольнения. Куда лучше, чем торчать в этой дыре! А в место этого теперь что? Трибунал и в лучшем случае лишение всех званий и привилегий, а затем казнь?»

Про худший вариант он даже думать не хотел. В этом случае, ему грозило стать постоянным обитателем такой же тюрьмы.

«И ведь ладно если бы эти двое просто сбежали. Сбежали и ладно, Шива с ними.»

Он всегда поминал богов, когда злился.

«Но нет, им надо было поубивать дюжину стражников, и что совсем невыносимо, убить двух асур!»

Эта информация никак не укладывалась в разболевшейся голове. Не хотелось бы попасть под горячую руку генерала крови, если тот решит докопаться до истины. В Синдарии асуры умирали не чаще, чем... в общем, крайне редко и чем это могло обернуться для него, он не знал, но по привычке готовился к самому худшему.

Дхавал сильно хлопнув дверью вышел из спальни в свой кабинет, большой и светлый, с фигурными, куполообразными окнами и высоким потолком. На деревянном потёртом полу стоял массивный стол, заваленный бумагой и книгами, рядом деревянное красивое кресло с резными узорами. Вдоль одной из стен тянулись шкафы, заполненные книгами и пронумерованными архивными свитками, которые попадали в тюрьму в довесок к заключённым. В центре помещения на полу, лежала тигриная шкура, а над дверным проёмом, ведущим в коридор висел зелёный флаг Синдарии с трёхглавой золотой змеей, раскрывшей все три пасти.

Комендант подошёл к окну и выглянул на улицу. Оно выходило на ворота, рядом с которыми располагался плац. Заключённые уже собирали дрова на костёр. На плацу лежали тела, накрытые тканью сильно пропитанной кровью. Дхавал, выпучив глаза смотрел на то, что осталось от стражников, не веря в увиденное, а в голове крутился только один вопрос: кто мог сотворить такое с дюжиной опытных бойцов? Работающие заключённые постоянно и неоднозначно косились на мертвецов. Комендант поспешил вниз к Апу, который наблюдал за процессом работ вместе с охраной.

— Апу! Заключённых необходимо вернуть в камеры. — Он говорил шёпотом, и звучал предельно серьёзно.

— Почему, комендант?

— Парень, ты свои «почему» в задницу себе засунь. — Дхавал говорил ласково, но от этого голоса у Апу пробежал холодок по спине. — Но на этот раз, я всё-таки тебе объясню. Дюжины стражников мы сегодня лишились, а ещё двух кровососов. А если по-другому, то серьёзной сдерживающей силы мы лишились. Думаю, многие решат попытать счастье, пока есть шанс. Ты знаешь, кто здесь сидит!?

Апу хотел что-то ответить, но его перебил подбежавший охранник. Он отдал честь и отчеканил на одном дыхании:

— Бежавшими были заключённые под номером семьдесят пять и семьдесят шесть. — начальник охраны посмотрел на солдата, непонимающе. Дхавал сказал:

— Надо проверять в записях.

— Я опросил всех в соседних камерах. — Сказал докладчик. — их сосед рассказал, что это были алхимик и тёмный колдун. Дхавал сурово посмотрел на капитана:

— Чтоб тебя Шива драл! — От крика в висках начало ломить сильнее: — Марц исполнять приказ, заключённых в камеры! — Апу и его подчинённого как ветром сдуло.

Дхавал вернулся в кабинет, достал из шкафа бутылку с вином и глиняную кружку, налил половину и выпил залпом, в надежде унять головную боль. В голове худо-бедно, начали выстраиваться предположения дальнейшего развития событий:

«Асуры мертвы, а значит, царь Серадж об этом знает, а значит и все асуры вообще. Шива с ними, сами разберутся».

Комендант налил себе ещё вина, взял лист бумаги, подвинул чернильницу и принялся писать рапорт.

Должен был прибыть генерал Амрит, погибшие асуры являлись его подопечными. Дхавал сегодня был трижды удивлён. Во-первых, проклятым побегом. Во-вторых, приезда генерала крови он ждал не раньше, чем на рассвете (на улице сегодня весь день пекло солнце). А в-третьих, приехал не Амрит, а Рухул, другой генерал крови.

Погребальные костры давно уже догорели. Когда багровое солнце перевалило за горизонт на половину, охранник подал сигнал. В открытые ворота въехал генерал Рухул.

Он был одет, так же, как и другие асуры, только его халат и тюрбан были белыми. За спиной покоилась глефа на коротком древке. Белая, гладкая маска с прорезями для глаз, закрывала лицо полностью. Генерал сидел на большом вороном жеребце. Он спешил, и подошел к коменданту, который стоял по струнке. Рядом так же находился Апу и несколько стражников. Голова Дхавала так и не прошла до конца, и сейчас вновь начала пульсировать нарастающей болью. Но он раньше был солдатом, и военных привычек не забывал:

— Рад приветствовать Вас генерал Рухул в расположении тюрьмы Крави. Разрешите доложить? — он сразу решил перейти в наступление.

— Не вижу причин для радости, комендант. — Из-под маски послышался глуховатый, шипящий голос. Из прорезей для глаз на Дхавала смотрели две ярко-красных точки. — Я хочу знать, где прах моих братьев.

Комендант посмотрел на Апу. Тот побледнел:

— Оставили его там. — Он еле дышал.

— Собрать отряд и...

— Не спешите, комендант. — Перебил Рухул. — Я тоже пойду и мне нужен провожатый. Сколько было заключённых, и кто они?

— Двое, алхимик и тёмный колдун.

— Вы взяли след?

— Собаки потеряли его в прелой траве. Двигались они на восток. — Доложил комендант.

— Мне нужен провожатый до места убийства. Ещё чтобы он собрал прах и оставил его у вас до поступления дальнейших приказов. — Дхавал повернулся к начальнику охраны:

— Выполняйте.

Апу, с нотками обречённости в голосе выдал уставное: «Так точно» и пошёл собираться в поездку, став при этом ещё бледнее. Генерал Рухул развернулся и не спеша направился к своему коню. Комендант немного расслабился. Асура, не поворачиваясь к Дхавалу, прошипел:

— Не думайте, что легко отделались, комендант, думаю генерал Амрит захочет обсудить с вами случившееся. — Он вскочил в седло и выехал за ворота, в темноту, ожидая своего провожатого.

Голова у коменданта Дхавала взорвалась сильным приступом боли и его вывернуло себе под ноги.

Когда генерал и его провожатый подъехали к вырубке, совсем стемнело. Они спешили и привязали лошадей, начальник охраны зажёл факел.

Апу шёл впереди и лопатками чувствовал на себе взгляд асуры. Ему казалось, что тот пристально смотрит на него, как голодный хищник смотрит на жертву. А вот шагов генерала он не слышал вообще, лишь чувствовал присутствие, чего-то жуткого, чудовищного и голодного. Ему представилось, что это Яма, бог смерти, незримый, и такой осязаемый, ведёт его в загробный мир. Факел в руке провожатого заметно подрагивал и свет тускло отражался на листьях и стволах деревьев. Тени играли и плясали вокруг спутников, Апу про себя начал читать мантру.

Вскоре, они пришли к месту схватки. Рухул медленно пошёл по кругу, он иногда прихлебывался и жадно втягивал носом воздух. Начальник охраны воткнул в землю факел и руками начал собирать прах в небольшие глиняные кувшины. Это неудобно было делать руками, и часть праха ему удалось собрать только вместе с землёй, он начал трястись, сам не понимая от чего, то ли от ночной прохлады, то ли от страха, пробирающего до самых костей, его мысли металась, как перепуганные зайцы. Когда Апу закончил работу, и поднял голову, генерала нигде не было. Его охватил внезапный приступ паники. Он развернулся и увидел Рухула перед собой. Начальник охраны вскрикнул от неожиданности и отпрыгнул назад, споткнулся, чудом не упал и не выронил кувшины с прахом.

— Отведите мою лошадь в вашу конюшню, и позаботьтесь о прахе моих братьев.

Апу чудилось, что там, под маской, ужасное существо, некогда бывшее человеком, улыбается обнажив клыки. Он, в который уже раз сегодня отчеканил: «Так точно», схватил факел свободной рукой и поспешил исполнить приказ. А генерал крови с завидной прытью побежал на восток, скрывшись в темноте джунглей.

Они скакали почти весь день, с самого рассвета. А сейчас солнце за спиной, уже коснулось горизонта.

Путь троих всадников лежал через залитые солнечным светом, луга. Ветер гулял по

зелёному ковру, шевелил стебли высокой травы, и превращал её в волнующееся море. Потом они углубились в лес, двигались по заброшенной лесной дороге, что проходила, мимо старых, каменных развалов, неизвестного им строения, сильно заросшего лианами. Груды, обтёсанного камня, поросли мхом, и прятались от человеческих глаз, а барельефы, с изображениями мифических существ на сохранившихся участках стен, грозно нависали над путниками. И только теперь, преодолев, каштановую рощу, последнее препятствие на своём пути, всадники наконец-то увидели цель столь длительных, и потому мучительных скачек. Большой город, Маджит, раскинулся на холмистой местности, представ перед взором путников, пока ещё не чёткими очертаниями куполов и башен в свете красного зари.

Волес и Канг, весь, долгий путь, держались позади, своего северного провожатого по южным странам. Они не привыкли к длительным скачкам, а потому, в очередной раз жутко страдали, и были обрадованы, когда Рюк сбавил темп. Да и лошади, хоть и были не в меру выносливыми, как и люди нуждались в отдыхе. Северянин чувствовал себя прекрасно, даже во время быстрой скачки он успевал наслаждаться красивыми синдарийскими пейзажами. Диковинные цветы, вечно зелёные большие деревья, леса и долины поразили Рюка до глубины души. Он прибыл сюда вместе со своим покровителем несколько дней назад и ему очень понравилось это место. После увиденной красоты, прекрасного пения красивых птиц, и ощущения приятного и тёплого, южного ветра, его далёкая родина, казалась ему уродливым близнецом этого солнечного края.

Глухомор, большой северный край, где родился и вырос Рюк, где мало тепла и солнца. Место суровое, с такими же суровыми людьми. Говорят, не место красит человека, а человек место. Что касается Глухомора, и его жителей, то можно сказать, что они прекрасно дополняют друг друга. Люди приспособились к суровым условиям жизни, и благодаря этому являлись одними из лучших воинов, и охотников на континенте. Постоянные войны, и борьба за выживание, закаляли людей. Ярлы, не имея общего лидера, вели кровопролитные междоусобные войны, оттачивали искусство войны, и преклонялись перед ней, как перед божеством. Те воины, которые, снискали славы на полях сражений, и милость ярла которому они служили, допускались к тайнам друидов, и их секретам. В храмах, они проходили сложные и длительные обряды посвящения в тайны и сущность войны. Таких называли берсеркеры. Они устраивали настоящую резню, на поле боя, обращали в бегство врагов, и ввергли в ужас своих союзников, не чувствовали боли, усталости и страха. Охваченные жадной крови, они не различали своих и чужих, а когда безумие прекращалось, слуги войны не могли вспомнить своих деяний. Рюк был таким воином, когда-то. Как и другие берсеркеры, он не помнил, тех ужасных вещей, которые творил, в приступе кровавого безумия. Он не помнил, что сотворил, за что он был изгнан, из родного и неприветливого края. Северный воин долго скитался по миру и не знал, что делать со своей жизнью. Суровый, угрюмый, и не разговорчивый, как и его Родина.

Всадники постепенно приближались к городу и уже могли разглядеть стражников на стенах с красивыми фигурными зубцами. Храмовые башни с богатой, изысканной резьбой и барельефами, гордо возвышались над остальными строениями. Люди и лошади, очень устали и даже разговорчивый Волес, всегда любивший поболтать на самые разнообразные темы ехал молча. Они успели попасть в город перед самым закрытием ворот. Когда троица минула куполообразную арку, солнце почти скрылось за горизонтом, а на быстро темнеющем небе уже появились первые звёзды.

Мощёная дорога вела под уклон, петляя между жёлтыми, построенными из известняка

двухэтажными домами с плоскими крышами. Сегодня синдарийцы отмечают какой-то праздник, название которого Рюк никак не мог припомнить. По причине этого радостного события большинство жителей сейчас находятся в храмах, а улицы пустыют. Лошади побежали лёгкой рысцей, подгоняемые своими седоками. Все поскорее стремились к блаженному и долгожданному отдыху.

У Канга совсем не осталось сил, он ехал с опущенной головой и не обращал внимание на происходящее вокруг. Его лошадь просто брела за остальными, и быстро отстала. Волес заметил это, и перехватил поводья. Они поехали медленнее, что бы Канг не свалился. Алхимик чувствовал себя не в пример лучше колдуна и с интересом рассматривал местную архитектуру. Они въехали в другую часть города. Им начали попадаться маленькие скверики под большими раскидистыми каштанами, красивые, высокие дома из светлого камня. Со сводчатыми лоджиями и резными бортиками они взирали на одиноко бредущую троицу.

Днём, Рюку казалось здесь слишкомлюдно. Смуглокожие горожане заполняли улицы, площади, базары и уже за пару дней готовились к празднику: наряжали городские улицы цветочными гирляндами, женщины выставляли на подоконники вазы с разноцветными орхидеями, и красный гибискус в глиняных разрисованных горшках, а босоногая ребягня бегала от дома к дому, разрисовывая стены кармином, хной и другими цветными порошками. Город имел свою интересную историю, как и вся Синдария, благодаря своему географическому положению.

По всей южной границе страны простираются необъятные по своей территории ядовитые джунгли. Так их называли потому, что там обитало огромное количество, самых опасных и редких тварей, если не во всём мире, то на материке — точно. Болотные гидры, горгоны, ядовитые виверны, василиски и многие другие. Это, не считая всяких насекомых, змей и лягушек, а также множество редких и смертоносно-ядовитых растений. Синдария много лет использовала джунгли, как кладовку дорогих и полезных ресурсов, пока не встретила тех, кому это пришлось не по нраву. Как оказалось, аборигены были против такого положения вещей. Никому не нравится, когда кто-то использует его дом в качестве кладовой, приходит и забирает всё, что вздумается.

У местной разумной расы дикарей, была фиолетовая кожа и ярко-зелёные волосы. У мужчин руки от кисти до предплечья и ноги от ступней до колена покрыты небольшими шипами. Себя они называли Веросса, а люди прозвали их ядовитыми эльфами, или остроухими, из-за формы ушей. Правителю Синдарии пришлось вступить в военный конфликт, потому, что его визири, произвели сложные вычисления на счётах и смогли уверить царя в том, что война, в случае удачного исхода, окупит себя с лихвой, а в случае отказа от военных действий, в кладовую не попасть вообще. Но визири ничего не смыслили в военном деле, не взяв в расчёт, ни количество противника, ни особенностей ландшафта, да и вообще, не имея никакой достоверной информации о враге. И, вскоре экономически выгодное предложение, чуть не переросло в полномасштабную войну. Потому, что синдарийские войска были разгромлены, стоило им вступить на земли остроухих. Они просо оказались не подготовлены к ведению боя на вражеской территории. Поджечь их тоже не получилось, шаманы эльфов могли управлять растительностью в этих джунглях, поднимать огромные древесные стены, или выпускать корни деревьев под ноги противнику, уничтожая вражеские орудия. Да и сжигать собственную кладовую до верхов забитую ценными ресурсами, мог бы только недалёковидный идиот, тем более, что племена Веросса не предпринимали попыток захвата синдарийских земель. А затем царём Синдарии стал

Серадж. Асуры были не восприимчивы к большинству ядов, и смогли повлиять на исход, пока ещё не начавшейся войны. Но не на столько, чтобы победить. Было заключено шаткое перемирие. Все понимали, что война, занятие не благодарное, и ведёт только к смерти. Не получив желаемого силой, люди попытались менять то, что им нужно на что-нибудь, что могло бы пригодиться эльфам, например, неорганические удобрения и ещё целая куча интересных вещей из цивилизованного мира. Так происходило на западе, ближе к столице Синдарии. На восточных границах эльфы радушием не отличались и не поддерживали собратьев, а нарушителей своих владений, карали жестоко. Царь Серадж, запретил провоцировать конфликты на восточных границах под страхом тюрьмы или смерти.

Но и это не утихомирило людей. Да, на западном рынке можно было найти и Мадар, молочко которого использовали в качестве яда для стрел, Кантакари, с опасными плодами и листьями, но полезными в медицине цветами, для лечения кашля и лихорадки или Маниоку съедобную и ядовитую одновременно. Но вы никогда не найдёте на западном рынке Имперский Кровавик или Лунную Тень за которые любой медик или алхимик продал бы душу и всю родню в придачу. Не все растения удалось культивировать, и не всех животных смогли держать и разводить в неволе или в заповедниках. Что-то можно было получить, только рискнув жизнью, пробравшись на опасные территории, потому что, виверна вряд ли захочет делиться ядовитыми железами, а василиск, потерять хотя бы один глаз.

Благодаря соседству с джунглями Синдарийские брахманы и алхимики очень поднаторели в изготовлении противоядий, которые сразу раскупали местные. Не всем царь Серадж отбил охоту соваться в джунгли без приглашения. Люди на свой страх и риск ходили на опасные территории для ловли редких птиц, насекомых или животных, а также для сбора редких растений, которые стоят огромных денег, не забыв при этом прихватить с собой эти самые противоядия, необходимые для выживания на враждебной территории. Царь Серадж, недолго думая собрал всех сорви голов в гильдии и цеха. Местные знали всю флору и фауну как свои пять пальцев и если они состояли в гильдии, то их могли нанять купцы. Отряды охотников и собирателей, могли за одну вылазку выполнить несколько заказов. Денег купцы платили много, а гильдии при этом немало переправляли в городские управы. Такой вариант всех устроил и прекрасно работал, постепенно превратив маленькие пограничные форты в большие торговые города, такие, как этот.

Всё это Рюк узнал, от своего покровителя, когда они приехали в Маджит, и воин с интересом выслушал историю о любимившейся стране. Сейчас город выглядел тихим и спокойным, а спутники приближались к цели своего путешествия. Они подъехали к большому двухэтажному дому, с широкими арочными окнами, украшенными декоративной узорчатой решёткой, и стенами, песочного цвета.

— Что это за место? — Всё-таки не удержался от вопроса разговорчивый юноша.

— Какая-то гостиница. Её господин Эдриан выбрал. — С безразличием в голосе ответил Рюк.

Въехав на территорию просторного двора, они спешили, и северянин увёл лошадей. Волес поддержал усталого Канга и повёл его внутрь.

Богатая обстановка в помещении бросалась в глаза. Яркий свет пляшущего пламени внутри больших, кованных ламп, подвешенных к потолку, ослеплял после темноты улиц, но глаза быстро привыкли и с любопытством изучали экзотический, невиданный ранее, антураж. Даже физически вымотанный колдун, немного приободрился, и осмотрел зал.

Деревянный пол по всюду, устлала тонкие, конопляные, циновки. Стены и своды

потолка украшали разноцветные, яркие узоры, изображающие переплетения цветов с длинными стеблями, изящными тоненькими листиками и пышными, чудесными бутонами, рождёнными воображением художника. Дорогие и изысканные диваны, усыпанные шёлковыми подушками, соседствовали с низкими, массивными столиками из чёрного дерева, обступив их со всех сторон. На полу, около некоторых деревянных колонн, поддерживающих низкий, сводчатый потолок курильницы испускали сизый дым с каким-то цветочным, и приторным ароматом, заполнившим всё вокруг. В глубине помещения за одним из столов сидело три человека, каждый на отдельном диване. Один из сидящих заметил путников, и махнул рукой в приглашающем жесте. Волес улыбнулся, махнул в ответ и поспешил в глубину зала, поддержав под руку совсем ослабевшего товарища. У него заурчало в животе, напомнив о необходимости скорее чего-нибудь съесть. После тюремной, однообразной и отвратительной на вкус, пищи, в основном состоящей из риса и чечевицы, юноша убить был готов за хороший ужин и в предвкушении такового поскорее направился к столу.

Волес бесцеремонно сгрузил Канга на один диван, рядом с человеком в необычной шляпе, а сам сел напротив, около другого человека, в такой же одежде. Коричневые потёртые дублеты абсолютно одинаковые, как и широкополые высокие шляпы с пряжками, и один и тот же отрешённый взгляд. Волес никогда не видел этих двоих прежде. Юноша проигнорировал их и осмотрелся. В обеденном зале больше никого не было, и алхимик обратился к пригласившему их человеку:

— Клянусь своей сумкой! Как же я снова рад видеть тебя! Отрадно знать, что ты в добром здравии, и не забыл о нас. Я думал, что это конец, что остатки дней своих проведу в этом клоповнике и умру от потери крови, или от старости. Думал, что тебе не удалось выбраться и моего друга Эдриана постигла ещё более печальная участь. Но я до конца верил, что друг не бросит нас в беде. Канг вот сомневался, а я ни капли. Но хватит об этом, всё хорошо, что хорошо заканчивается. Расскажи лучше, что тебя так задержало?

Твёрдый, слегка надменный и крайне уверенный, холодный взгляд красивых карих глаз встретился с глазами Волеса. Ястребиные черты лица и длинные светлые волосы, завязанные лентой в хвост, казалось, придавали театральности внешности этого человека, но величественная осанка выдавала в высоком блондине знатное происхождение. Дорогой серый сюртук и жилет с золотыми клёпками, белоснежная рубашка с кружевными манжетами и накрахмаленным воротником, всё это подчёркивало образ богатого и влиятельного человека.

— Ты прав, друг мой. Друзья для того и нужны, чтобы помогать друг другу. — У него был властный, при этом, необъяснимо чарующий голос. — А что касается рассказа о том, что произошло со мной... Что же, его придётся немного отложить. Сейчас, вам нужно поесть и отдохнуть, утром, мы должны будем покинуть город...

— О! Куда-то поедет? — Волес, часто перебивал собеседников. Блондин не показал, что его это задело. Эдриан даже не изменился в лице, он с той же интонацией, продолжил говорить:

— ...желательно на рассвете. Волес, не имей привычки перебивать людей, это говорит о твоём плохом воспитании. Ты знатный словоблуд, и как я уже говорил тебе когда-то, не вижу в этом ничего хорошего. Запомни, чем больше ты говоришь, тем меньше услышишь. Вам нужно выспаться перед дальней дорогой, поэтому не трать ни моё, ни своё время, и дай мне закончить.

Волес потупился и перестал улыбаться, пока блондин отчитывал его за бестактность.

Канг взглянул на юношу. Парень успел порядком опостылеть колдуну, за те бесконечно долгие дни, проведённые за решёткой. Словесный поток извергался, днём и ночью, и деться от него было некуда. Канг стал не только невольником, но и невольным слушателем своего сокамерника и к концу их пребывания в заключении, знал о жизни Волеса столько же, сколько и сам Волес и даже больше.

Алхимик много говорил, но совсем не умел слушать. Выглядело это так, словно парень постоянно забывал о своей бестактности. У Волеса никогда не было друзей. Никто из его сверстников не хотел с ним общаться. Гений органической алхимии, который, закончил университет, на несколько лет раньше своих сокурсников, мог бы заткнуть за пояс многих учёных мужей, знаменитой на весь западный материк академии алхимиков, но был совершенно не адаптирован социально. Сокурсники чурались его одержимости наукам и предпочитали, свободное время проводить не за научными трудами, или в лаборатории, а в городских тавернах, распивая спиртное в шумной и весёлой компании, в которой не редко посмеивались над чудачком Волесом. Он был умнее их в разы и прекрасно знал о своём превосходстве. Аспиранты и диссертанты, на которых равнялся юный алхимик с тихой завистью покусывали локти и злились из-за его успехов, поэтому стоило ожидать, что дружеских отношений в этой среде ему завести не удалось. Юноша хотел найти друга, но не мог, все попытки заканчивались одинаково, его высмеивали или использовали под предлогом дружбы, а чаще всего старались просто не замечать. Казалось, что сама судьба была против. Огромная, холодная и тёмная пропасть одиночества меняла его самого, и отношения к людям. А потом, в его жизни появился Эдриан. Новый друг, не всегда говорил то, что хотел слышать алхимик, но никогда не давал повода сомневаться в своих намерениях. Молодой Волес ценил эту дружбу больше чем все сокровища мира и был готов на всё ради своих новых друзей. Поэтому, он не долго расстраивался из-за слов блондина, принимая его правоту. Через несколько мгновений он снова внимательно слушал, но уже без улыбки.

— Как ты, наверное, помнишь, Светлый Орден, и слуги моего брата, не дали нам совершить ритуал. Когда мы последний раз виделись, вас поймали, а алтарь уничтожили. Но мне, Рюку и Джостару удалось выбраться, и теперь, когда мы снова вместе, сможем завершить начатое, и получить желаемое.

— Подожди, ты же сказал, что алтарь уничтожили. Ведь строение древних не восстановить. Как же мы теперь сможем провести ритуал?

— Не переживай друг мой. Сейчас я не буду вдаваться в подробности. Гримуар хранит много тайн, но к сожалению новые знания были открыты мне только после нашей неудачи. Есть ещё один алтарь древних. — Глаза алхимика поползли вверх, и даже Канг оторвал голову от дивана и повернулся к Эдриану. — А самая приятная новость в том, что он находится совсем недалеко. Наш путь лежит на север.

Волес засмеялся в порыве радостных чувств. В отличие от красивого голоса смех алхимика казался противным хихиканьем, но он быстро взял себя в руки и заулыбался:

— Вот это новость! Клянусь своей сумкой, эта твоя книга просто находка. Что же, ещё один алтарь? Мне это нравится. Слышал, Канг, скоро мы получим силу древних, и никто больше не посмеет предавать, и обманывать нас!

— Волес! — Блондин зло смотрел на алхимика, но он сразу же успокоился, черты его лица смягчились и дальше он заговорил более мягко. — Не шуми. Да, мой брат и светлый орден далеко отсюда, но не стоит рисковать, как ты знаешь, бережёного созидатель

бережёт. Когда-нибудь твой язык доведёт тебя до беды.

Юноша, снова посерьёзней, а Эдриан потерял к нему интерес и перевёл взгляд на Канга: — Что с колдуном? Его состояние беспокоит.

Тёмный колдун откинулся, на спинку дивана, и похоже собирался придаться сладкому забытию крепкого и здорового сна. Алхимик наклонился к нему и проверил пульс, заглянул в глаза, приподняв веки, и пощупал лоб. После чего беззаботно плюхнулся на диван:

— Всё с ним в порядке. Организм просто вымотан. Еда и сон восстановят его силы.

Я думаю, завтра он будет чувствовать себя гораздо лучше... Он замолчал, глядя на то как Эдриан напряжённо смотрит на Канга. Это был не добрый взгляд, как показалась алхимику, было в нём, что-то осуждающее:

— Что-то случилось?

Внутренне, Волес напрягся. Он уже видел у друга такой взгляд.

Обычно это происходило, когда ему приносили плохие вести. Эдриан не скрывал своих эмоций, он продолжал сверлить взглядом, не замечая этого колдуна. Юноше хотелось как-то разрядить воцарившееся за столом напряжение, разобраться в том, что беспокоит Эдриана и всё уладить. Волес, только собрался заговорить, как вдруг, за его спиной, послышался какой-то шум. Он отвлёкся, чтобы посмотреть, обернулся и увидел красивых девушек в ярких сари. С золотыми серьгами, в ушах, носу и бровях, и заплетёнными в причудливые причёски чёрными волосами, они змейкой струились друг за другом от стойки к посетителям, с широкими подносами в руках. Девушки выставили на стол большой красивый графин с вином, много пиал с разнообразными и разноцветными соусами, и блюда с рисом, жаренной птицей и запечёнными овощами. За ними, на стол последовали вазы с фруктами и всякими сладостями. От горячих, свежих лепёшек, поднимался ароматный дымок. Волес увидел, что Эдриан успокоился, и перестал смотреть на колдуна волком. Блондин сам встал и налил всем вина, что было совсем необычно, так как, всегда это делали слуги. Принц из далёкого западного королевства мог налить вино только более богатому или высокому по положению дворянину, но он никогда, не стал бы наливать вино людям более низкого сословия и тем более без примеси дворянской крови в плебейских венах. В общем при Волесе он такого никогда не делал. Но еда занимала алхимика гораздо больше, чем причуды знатного человека. Он полностью доверял другу.

Неожиданно появился Рюк, как всегда тихо и молча. Он как будто точно знал, когда подадут еду. Великан отправил человека в шляпе, сидевшего рядом с Кангом, в комнату наверху, а сам сел на его место. Эдриан взял бокал, встал с дивана, и взглядом окинул присутствующих:

— Что же, рад, что вы присоединились ко мне. Теперь все в сборе, и мы можем закончить начатое. Поэтому, за успех. — Волес тоже встал, а вот Канг, только совершал жалкие попытки, у него совсем не было сил. Рюк помог ему подняться на ноги, и сунул в трясущуюся руку бокал с вином. Человек в шляпе сидел без движения.

— Успех, который зависит от сплочённости и доверия членов команды. — Он снова смотрел на Канга, но уже не со злостью, а с лёгкой, почти не заметной насмешкой. — Ваше здоровье. — Они выпили, колдун опять упал на диван, уронив бокал. Волес, недолго думая набросился на еду. Рюк присоединился к нему. Не ел только человек в шляпе, и блондин.

— А фто ты не еф? — Тот факт, что рот у Волеса был заполнен едой, совершенно не мешал ему говорить.

— Не говори с набитым ртом. — Назидательно ответил Эдриан, на мгновение он

задумался. — Всё-таки одну историю я смогу рассказать, пока вы едите...

— Ага, дафай.

Эдриан, недовольно посмотрел на Волеса, и тот осёкся, переключившись на еду.

— Послушай колдун, тебе это будет очень интересно.

Канг жевал, лепёшку с мёдом, которую ему подал Рюк. Он посмотрел на блондина с непониманием на лице, в ожидании продолжения:

— Думаю вам стоит знать, что как только мы приплыли на материк, подверглись нападению группы тёмных колдунов. И им нужна была книга. Ты случайно ничего не знаешь об этом? — Он обращался к колдуну.

— Не знаю — устало буркнул Канг.

— Да от худа он мофетт внать, мы ве фивели в фуйме. — Волес переводил удивлённый взгляд с Канга на Эдриана, не переставая, при этом, жевать. На него никто не обратил внимания.

— Что же, жаль. Но не расстраивайся, я смог узнать всё необходимое. Когда на нас напали в первый раз все мои люди погибли, удалось выжить только мне Рюку и Джостару. Но во второй раз, мы были готовы к нападению. Первый раз, несколько человек убежали. Они вернулись позже. Мы думали, что к ним придёт подкрепление, но этого не произошло. Они знали, что не справятся и всё равно решили напасть снова. Тогда мы смогли взять пленного. Он рассказал много интересного. Они чувствовали книгу, и хотели ей завладеть, даже сами не зная почему, они просто хотели её, как...

— Как под действием афродизиаков?

Все с раздражением взглянули на юношу, и даже неподвижно сидящий всё это время человек в шляпе покосился на алхимика, который потупился, заметив реакцию друга.

— Я просто так спросил. — пробормотал Волес себе под нос.

— Пленный колдун хотел трахнуть, её, или съесть, похоже, он и сам точно не понимал. Их было много, но они проиграли, потому что, мешали друг другу, готовые убивать любого, кто стоял на пути, в том числе и своих. И я пришёл к выводу, что ты не исключение. Ты никогда не интересовался книгой, как и остальные и редко приближался к ней очень близко. Но судя по тому, что я узнал этого недостаточно, чтобы не испытывать тягу к ней. Я не зря говорил о доверии. Ты всё знал, но не спешил сообщить нам, как смог побороть эту тягу к артефакту древних. Может расскажешь, как тебе это удалось?

Канг, не долго смотрел на своего разоблачителя. Он не хотел говорить об этом. Усталость сказала за него.

— Слизь горгоны — хриплым, усталым голосом заговорил колдун, — я готовил снадобье, используя слизь горгоны, которая в нужных количествах...

— В нужных пропорциях ослабляет силу колдуна, волшебника, или мага, но не нейтрализует её полностью, как орочьа, а сводит энергетический фон к минимуму, делая колдуна незаметным для светлых волшебников... Хм, можно предположить, что такое снадобье ещё и притупляет ту самую тягу к артефакту, то есть, как и в случае с чародеями затрагиваются разделы высокой алхимии, изучающие внутреннюю и внешнюю энергию человека, её генерирования и выражения. Очень интересно, а если...

— Значит ты намеренно уменьшал свою силу?! — Теперь уже Эдриан перебил алхимика, повысив голос. — А не думал ли ты, колдун, что твои действия привели к нашей неудаче?! В нужный момент ты не смог действовать!

— А как я должен был выживать, где правят грёбаные светлые?! В день ритуала я в

первый раз не пил слизь. Откуда мне было знать, что книга так подействует на носителей тёмного дара.

— Это не отменяет того, что ты соврал и того, что мы все могли погибнуть в тот день. Не буду говорить за всех, но я не могу полностью доверять тебе теперь.

— И что теперь? Найдёшь нового колдуна?

— Ты же знаешь, что нет, я лучше позабочусь о тебе. — Эдриан, хищным взглядом, впился, в Канга.

— Что это значит.

— Слизь первых, неплохо помогала тебе справляться, поможет и теперь. — Он победно откинулся на спинку дивана.

Догадка, как вспышка мелькнула в голове Канга. Он попробовал колдовать, не вышло. Колдун зло уставился на графин.

— О, она не в вине, она в воздухе. Это концентрат, в тебе его уже достаточно, чтобы хватило на всю дорогу. Надеюсь ты поймёшь, что я забочусь об общем успехе нашей компании. Что сделано, то сделано.

Канг огляделся вокруг. Усталость давила на всё тело. Сначала он даже не понял, о чём говорит блондин и не сразу заметил курильницы на полу. Ароматный дым заполнял, всё пространство вокруг. Волес смотрел на бывшего сокамерника, как-то растерянно, какое-то разочарование читалось в его взгляде.

Колдун злился. Он всегда злился. Эта злость давала ему силу, а сила порождала его злость. Они были связаны, дополняли друг друга. Без своей силы тёмный колдун чувствовал себя как без рук. Он мог жить обычной жизнью как простые смертные, но чувство, что тебя лишили какой-то важной функции, того, что ты умел лучше всего, не давало бы покоя. Как будто, больше никогда не видеть солнца, или не чувствовать вкуса еды, когда-то познав самые прекрасные кулинарные изыски. Ни один колдун, или волшебник, не пойдёт на эту душевную пытку без необходимости.

Кангу выбирать не приходилось. На Азаторне — западном материке, не было места для тёмных. Ему пришлось скрываться от многих, а снадобье подвернулось очень кстати. Он хотел перебраться на восток, но на пути ему встретился Эдриан. И сейчас он злился на этого человека, за то, что тот лишил его силы и уличил в обмане. Много хотелось сказать блондину и ещё больше Волесу. Тогда все планы принца рухнут, но в таком случае мечтам Канга тоже не суждено сбыться, он сделал выбор и в угоду своим желаниями озвучил совсем не те слова, что вертелись на языке.

— Знаешь, ты прав, доверия на вранье построить нельзя. Что сделано, то сделано. Надеюсь, это не помешает нашему успеху. — Он осмотрел присутствующих. — Может кто-нибудь поможет мне добраться до кровати, а то, я что-то устал.

Эдриан кивнул человеку в шляпе. Тот помог Кангу подняться, и не спеша повёл к лестнице. Волес смотрел им в след с видом унылой задумчивости.

— Зачем ты так, он же сказал, что не знал. Он бы мог всё мне рассказать. Я бы что-нибудь придумал. Почему он скрыл это от меня?

— Не знаю, спроси у него. — Принц потерял интерес к колдуну и сменил тему. — Как тебе моя новая охрана?

— Не знаю. Странные они какие-то. Хотя... шляпы какие-то знакомые. Не помню, где такие носят.

— В Конвенте.

— А, точно. Конвента, страна, где обосновалась гильдия гипнотизёров. Так это же, преобразованные! — Юноша выглядел, заинтересованным.

— Да, это они, я...

— Крутые ребята. Говорят, у них в место смертной казни, гипнотизируют приговорённых, что бы они воевали, или работали ...

— Так вот, продолжишь перебивать, я прикажу, этим крутым ребятам, тебя выпороть! — блондина начали раздражать, грубые привычки Волеса, который опять насупился. Эдриан налил ему и себе ещё вина:

— За друзей!

Они выпили.

— Кстати, о друзьях, где Джостар?

— Пошел прогуляться, утром он присоединится к нам. Я думаю тебе пора пойти отдохнуть, времени, не так уж много.

— Да, пожалуй, ты прав. — Волес потянулся, зевнул, встал, и пошёл к лестнице. Около самых ступеней он развернулся, и добавил. — Спасибо, что не бросил. — После этих слов юноша тут же поспешил наверх.

— Пожалуйста, мой друг, пожалуйста.

II

Девушка проснулась, и резко села в кровати. Она тяжело дышала, и ощупывала пространство комнаты безумными глазами, но уже через несколько секунд успокоилась и пришла в себя. Быстро бьющееся сердце постепенно меняло свой ритм на более спокойный, и юная девушка снова уронила голову на подушку. «Плохой сон, Ханна. Это всего лишь кошмарный сон».

В комнате стояла ужасная духота, большое окно было закрыто, дерево на ставнях рассохлось, а зелёная краска пооблупилась, и в помещение проникало много света с улицы. Девушка завернулась в простыню и поспешила к окну, чтобы поскорее впустить больше свежего воздуха. Не смотря на раннее утро на улице уже стояла жара, а солнце нещадно, и неуклонно двигалось к зениту, медленно поднималось над землёй, чтобы во всём своём великолепии предстать перед горожанами и одарить их своим сиянием. Окно располагалось на втором этаже и выходило на большую площадку с колодцем посередине окружённую двухэтажными домами с деревянными мансардами. Несколько девушек с корзинками в руках прошли мимо и скрылись в глубине узенькой улочки, разделяющей дома. Вспомнив о делах Ханна подошла к шкафу, достала одежду и быстро облачила свою подтянутую и светлокожую, слегка загорелую фигуру, в широкие зелёные штаны, расписанные более тёмными, зелёными цветами, и длинное шёлковое полотно намотала так, чтобы скрыть грудь. Она подошла к зеркалу и рассмотрела себя в отражении. Оттуда, на Ханну смотрело миловидное личико с зелёными глазами, веснушками, и маленьким слегка вздёрнутым носиком. Наспех расчесав рыжие, прямые волосы, доходящие почти до плеч, она отложила гребень и направилась к выходу, немного задержалась у двери и взглянула на картину, висевшую с боку на стене. Это был портрет в простой раме, на котором умелый художник изобразил женщину в зелёном, элегантном платье со стоячим воротником. Чёрные вьющиеся волосы, изумрудного цвета глаза, устремлённые куда-то сквозь пространство и время и слегка печальное выражение лица художник передал весьма чётко и на тёмном фоне изображение выглядело как-то мрачно и загадочно. Девушка, смотрящая на портрет, внешне казалась совершенно не похожа на изображённую женщину, во всём, кроме ярких зелёных глаз с таким же изумрудным блеском.

— Пожелай мне удачи. — Она тихо обратилась к женщине на портрете, и немедля, вышла из комнаты.

Спустившись на первый этаж Ханна заглянула в лавку. Там было тихо и пусто. Свет проникал через большие окна и играл жёлтыми красками на летавшей в помещении пыли. Приятный аромат, развешанных по всюду пучков с сушёными травами заполнял помещение.

— Опять он забыл.

В ответ на её слова, где-то в глубине дома, раздался глухой хлопок. Ханна направилась к одной из дверей, за которой обнаружилась лестница в подвал. Она быстро спустилась и открыла ещё одну дверь, обитую железом. В помещении она и обнаружила отца, на полу у каменного монолита, который служил главным столом для проведения опасных экспериментов. Лысый человек с седой короткой бородой, приходил в себя и не уверенно пытался встать. Ханна подбежала к отцу, и помогла подняться на ноги. Она сморщила нос,

когда учуяла неприятный кислый запах исходивший от дымящейся тёмной лужи, разлитой на каменном столе. Девушка выпрямилась и огляделась, оценивая беспорядок, творящийся в лаборатории и прикидывала, сколько времени ей понадобится на то, чтобы привести в порядок этот бардак и сколько колб и пробирок ей придётся отмыть сегодня.

Помещение под домом напоминало собой коробку из каменных плит, хорошо освещённую диковинными, лампами, подвешенными на цепях к потолку. На металлических блюдах, лежали несколько флюоритов, светящихся, при нагревании камней, которые при надлежащей алхимической обработке могли испускать много яркого света, очень удобного в работе требующей сосредоточенности и предельной точности. Утренний свет проникал и через маленькие зарешеченные окошки под самым потолком, но они освещали только дальнюю часть помещения. Там расположилось несколько столов, заваленных алхимическим инвентарём: весы разного размера, стеклянные, металлические, и фарфоровые тигели, различные ступки, реторты, колбы и пробирки в штативах, песочные и водяные часы. Баночки всевозможных размеров и форм с сомнительного вида содержимым, заполняли не только столы, но и стеллажи, расставленные вдоль стен. В углу, стоял атанор, специальная печь алхимиков из кирпича, цилиндрической формы. И ещё куча разных приборов и устройств, о назначении которых девушка даже не догадывалась.

Маркос закончил отряхивать лицо, опалённые брови и бороду, и кожаный фартук поверх голого торса, от жёлто-коричневой пыли. Он первый заговорил с дочерью:

— Почему ты не спишь? — хриловатый, мягкий голос выражал искреннее удивление.

— Вообще-то, уже утро, давно пора открываться.

— Пора открываться? Уже утро? — в голосе его появилось ещё больше удивления, хотя казалось это уже невозможно. Он отвернулся к столу монолиту и наклонившись начал изучать получившуюся коричневую лужу, продолжив говорить. — Не успел заказ закончить, много дел на сегодня, мне бы понадобилась твоя помощь... — Он оборвал себя, и пристально посмотрел на дочь. — Как ты себя чувствуешь?

— Да всё в порядке, — беззаботным голосом ответила Ханна, — и хватит спрашивать, последние пару дней я слышу этот вопрос, чаще чем хотелось бы. Я прекрасно себя чувствую и всё благодаря тебе, лекарство действует и теперь всё будет хорошо.

— Мне бы твою уверенность. — серьёзным тоном заговорил Маркос, вернувшись к изучению коричневой лужи. — Всё ещё проверить надо, чтобы делать такие утверждения. Препарат не завершённый, он избавляет на время, лечит симптомы, но не устраняет проблему. Впереди ещё много работы и пусть мы на правильном пути, это только его начало.

В серьёзном тоне отца, ели уловимо она различила напряжение и беспокойство.

— Что-то не очень-то ты рад, мог бы порадоваться за меня. — ответила она.

— Я рад. Просто устал за последние несколько дней. Послушай, солнышко, ты же знаешь я переживаю за тебя. Ты самое дорогое, что у меня есть. — он снова посмотрел на дочь оторвавшись от созерцания результата своей работы и на его лице, как показалось Ханне, мелькнула вселенская усталость, всего на мгновение, как тень при вспышке молнии в ночи.

— Я всё понимаю, — заботливо ответила она, — я всего лишь, хотела, чтобы ты порадовался вместе со мной, всё это благодаря тебе. Я думала, что ты порадуешься за меня, за нас обоих.

Маркос не долго смотрел на дочь, а когда заговорил, подошел к одному из столов и

начал там что-то искать:

— Ты права, у нас есть повод для радости. Здесь не только моя заслуга, без тебя бы я не справился! — он поднял голову, улыбнулся дочери и снова вернулся к своему занятию.

Она было поддержала улыбку отца, но неожиданные и такие до боли знакомые печальные мысли, тут же стёрли её с веснушчатого лица.

— Жаль, что мама не дожила до этого дня. — Только и проговорила Ханна.

— Да, мне тоже. — Он снова прервал поиски и посмотрел на дочь. — Я сожалею о том, что не могу исправить прошлого, не меньше твоего. Могу сказать, что Урсула порадовалась бы за нас, но это, к сожалению, всё, что я могу.

Он наконец-то нашёл, то что искал. В руке Маркос держал шприц из стекла и металла, с ним подошёл к каменному столу и с одного раза собрал почти всю жидкость.

— Сойдёт. — констатировал он, и ещё раз взглянул на Ханну, — У меня сегодня много работы, мне нужна твоя помощь в лавке.

— Да, я помогу. — Взгляд девушки опустился на каменный пол, вся её поза выдавала, что она волнуется. Это не укрылось от отца, он подозрительно и пристально посмотрел на дочь:

— Что с тобой?

— Всё хорошо, я просто хотела поговорить. Сегодня ведь начало фестиваля огней. — Ответила Ханна, не глядя в глаза.

— А-а. К которому весь город готовится. Мы приехали сюда позже прошлогоднего фестиваля и не застали дня празднества, говорят, это было то ещё событие.

— Да ничего себе событие, — оживилась Ханна, — да это самый крупный праздник за всё лето. Я бы хотела пойти сегодня на этот фестиваль, сначала будут моления в храмах, за тем люди зажгут огни и пройдут по центральным улицам...

— Подожди — подожди, если я не ошибаюсь это первое шествие проходит...

— Всё начнётся после заката, я смогу помогать тебе пока ты не закроешься.

— Что? На закате? Ты хоть слушала меня? Говорю же, всё ещё проверять и перепроверять надо. А если что-то случится? — Говорил он спокойно, но всё равно, было видно, как он возбуждён. — А что если у тебя припадок случится посреди улицы?

— А что случиться, папа? Если бы ты верил в это, то не стал бы рисковать, оставляя меня спать в моей комнате. Что-то ты не боялся припадка и ушёл работать. Как только я стала принимать твоё лекарство, всё пришло в норму. — Она говорила твёрдо, но создавалось впечатление, что девушка решила побить все рекорды по скоростным монологам, тем самым выдав своё беспокойство.

— Я ушёл сразу как понял, что припадка не случится, и пик вероятности миновал. Я ушёл, когда понял, что тебе больше ничего не угрожает.

— Вот видишь, папа, ты сам говоришь, что мне ничего не угрожает. Пожалуйста, это самый грандиозный праздник за всё лето, тем более прошлогодний мы пропустили. — Ханна говорила и не смотрела в глаза, но, когда закончила, всё же взглянула, в ожидании реакции.

Отец молчал, сурово глядя на неё. Девушка чувствовала, исходившее от него напряжение. Казалось, что время остановило свой ход, а секунды растянулись до бесконечности:

«Неужели откажет?».

Что делать в таком случае, Ханна не знала. Когда она обдумывала этот разговор, то

была полностью уверена в том, что отец её отпустит. А теперь, червь сомнения пробрался в её сознание, вгрызаясь, как в свежий грунт, в переполненные верой мысли девушки. Она конечно же, уже была достаточно взрослой, для того, чтобы не спрашивать разрешения, но всё равно сделала это. Маркос заботился о ней с детских лет, и она полностью доверяла ему. Ханна не знала сколько прошло времени, может десять секунд, а может целая минута, мысли отца для неё были закрыты, но вот суровое выражение лица сменилась задумчивым с тенью всё той же вселенской усталости.

— Ладно, иди на праздник. Мы оба устали, тебе необходимо передохнуть. Но днём ты помогаешь мне, и я всё ещё раз перепроверю, возьму анализ крови и проверю реакцию.

Рот Ханны в мгновение расплылся в счастливой улыбке. Радость нахлынула стремительной волной, затопила все остальные чувства и смысла их в бескрайние океаны. Она подбежала к отцу, и крепко обняла:

— Спасибо, папа!

— Не за что. — Он отстранился, и направился к одному из столов, продолжая говорить на ходу, — Раз уж так получилось, — мужчина в фартуке, немного порывлся в одном из ящиков и извлёк оттуда четыре закрытые, маленькие склянки со светло-голубой жидкостью, — здесь на четыре дня, а точнее ночи. Если уж ты решила гулять по ночам, носи их с собой, не забывай пить по одной, перед закатом. Стоило бы пойти с тобой, но мне нужно доделать работу и дождаться заказчика, на исследование и ингредиенты тоже нужны деньги, к сожалению, даже джунгли не могут дать всего необходимого.

Ханна схватила, склянки и направилась, к выходу.

— Ты куда-то спешишь?

Она остановилась у самой двери:

— Да, хотела сходить на рынок, пока всё самое свежее не разобрали.

— Ладно, иди, но возвращайся скорее, у нас много дел.

Ханна вышла за дверь, и перед тем, как подняться по лестнице, тихо прошептала:

— Спасибо, мама.

Маркос стоял, и рассматривал подёрнутою ржавчиной обшивку, двери, которая только что закрылась за его дочерью. Решение отпустить Ханну далось тяжело, не взирая на то, что её состояние улучшилось за последние дни. Лекарство, которое он изобрёл, лишь убирало симптомы, но не могло избавить от самой болезни которая была похожа... да не на что она была не похожа в пределах изученного мира. Научные работы, что он прочёл, все изученные феномены и даже запретные и опасные знания, которые люди усердно пытаются стереть с лица истории, не смогли дать не то, что ответов, но даже малейшего совпадения с болезнью, павшей проклятием и испытанием, на его семью. Маркос снял тяжёлый кожаный фартук и опустился на стул. Мысли навалились тяжким грузом на усталого человека.

Сначала заболела Урсула. Когда он впервые столкнулся с этим кошмаром, то голову его не посетили предательские мысли, вызванные сильнейшим страхом и потрясением. Любой другой бы на его месте бежал без оглядки от увиденного ужаса, осеняя себя знаком созидателя, но Маркос оказался не таким впечатлительным. Он всегда старался докопаться до сути вещей, известный учёный, профессор кафедры алхимии при большом имперском университете, решил побороть свой страх и использовать научный подход. Конечно не только наука подстегнула алхимика. Маленькая Ханна любила свою мать, а он любил их обеих. Ещё тогда учёный начал работать над лекарством, но не успел.

Отчаяние всё больше укреплялось в его сознании, каждый раз, когда он терпел очередную неудачу, и смотрел на то, во что превращалась его любимая по ночам. Страшные припадки что одолевали бедную женщину с наступлением ночи, сначала слабые, но с каждым днём, они всё усиливались, превращая человека в жуткий кошмар. Чёрные, злобные глаза, перекошенное от ярости лицо и исходящий пеной рот могли напугать любого, но не смогли утратить искушённого алхимика, и любящего мужа. Он в тайне от всего мира наблюдал и изучал, скручивал жену по рукам и ногам, что бы она не могла навредить себе во время долгого приступа. В первые несколько недель он смог узнать о болезни многое и был преисполнен оптимизма и решимости. Прежде всего стало ясно, что припадок проходит, как только восходит солнце, чтобы повториться снова после заката. Так же было понятно, что это не заразно и Маркос мог работать без опасности для себя и окружающих, но болезнь прогрессировала гораздо быстрее, чем работа по изготовлению лекарства. Со временем организм больной женщины сильно измотался, мышцы напрягались до предела, пока Урсула бесновалась в своих путях. Позже, к приступам прибавилось кое-что ещё, вены на голове женщины стали чернеть, как будто их заполняла не кровь, а совсем иной гумор. Через два месяца, расписываясь в своем бессилии, учёный был готов обратиться к целителям светлых волшебников, из храма созидания, но вовремя остановился. Болезнь захватывала не только физическое тело, но и поражала человеческую суть, на уровне ментальных энергий и имела схожую природу с магией, творимой тёмными колдунами, как показал анализ взятого образца чёрной жидкости, а у созидателей к любым проявлениям силы разрушителей был только один подход — уничтожение. Если они не смогут излечить её, то убьют. Поэтому от этой идеи пришлось отказаться.

В одну из ночей, деревянный кляп не выдержал, Урсула перекусила его вместе с языком и долго умирала, истекая кровью, а его не было рядом в последние минуты её медленно угасающей жизни. Но несмотря на сильное потрясение он продолжал жить и работать ради дочери. Исследования неизвестной болезни привели его к мнению, что это может передаваться по наследству. Алхимик не был уверен в этом наверняка, но жизнь научила его, готовиться к худшему. Боязнь за благополучие дочери и страх потерять ещё одного любимого человека, заставили его продолжить исследования с оставшимися образцами крови покойной жены. Чувство потери, тяготило душу. Смерть Урсулы он объяснил эпилепсией, но некоторые соседи и коллеги, всё равно, начали косо посматривать в его сторону. Жизнь на прежнем месте, угнетала и становилась невыносимой, поэтому, когда Ханна подросла, Маркос продал всё, что у него было и они уехали в Синдарию, на другой континент.

Будучи человеком прагматичным, он не прогадал с местом. Во-первых, западные, алхимические практики, являлись редкостью в Синдарию, он смог открыть свою лавку. Во-вторых, страна, являла собой кладёз самых редких и разнообразных алхимических ингредиентов, благодаря своему соседству с ядовитыми джунглями. Маркос прекрасно это знал. И в-третьих, дочке очень понравилось это место. Она быстро освоилась, вступив в одну из охотничьих гильдий, или как их называли местные, шикари. Ханне с детства не хватало усидчивости, чтобы пойти по стопам отца, за то было полным-полно энергии, чтобы учиться фехтовать на рапирах и стрелять из лука. В этом она не плохо преуспела и не редко участвовала в ярморочных состязаниях. Здесь дочь была счастлива, пока и её не постигло это семейное проклятье. Тогда он и рассказал ей о том, почему умерла её мать.

В Маджите его работа сильно продвинулась, нелепая случайность подтолкнула к

правильному ответу, который он не мог найти, пока пытался вылечить Урсулу. Решение было у него под носом, а он не смог вовремя его разглядеть, и теперь корил себя за это. Когда им было совершено первое шокирующее открытие, он не находил себе места и работал как проклятый, а уже через несколько дней смог добиться первых результатов, не без помощи дочери, которая в силу новой профессии могла достать в джунглях всё необходимое. Она старалась, пока у неё хватало сил бодрствовать днём. И если бессонные дни и ночи выматывали его, то ей приходилось ещё тяжелее и, наверное, было намного страшнее чем ему. Девушка, усердно работала, не смотря на страх и физические мучения, поэтому, быть сегодня счастливой она заслужила по праву. Пусть фестиваль огней будет и её праздником.

Джостар быстро шёл по узким ночным улочкам Маджита, петляя в тёмных, пустых лабиринтах между стенами высоких домов. Проникающего сюда света не хватало, чтобы разглядеть хоть что-то. Редкие, и выщербленные ступени, вели под уклон, и любой человек, при такой темноте, рано или поздно, обязательно бы оступился. Этому способствовали вылитые за день помои, и объедки, разбросанные повсюду. Не споткнёшься, так поскользнёшься, хотя ни темнота, ни воняющие препятствия, не мешали Джостару быстро идти, и выбирать правильное направление. Конечно можно было избрать другой путь, менее смердящий и более освещённый, но в таком случае его шансы выбраться из того дерьма, в которое он влип сильно снижались. Место он выбрал не спроста, здесь его возможность оставаться незамеченным возрастала. Во-первых, царившая тут темнота, мешала разглядеть его хоть и не значительные, но заметные при нормальном освещении ранения, и порванную одежду. Во-вторых, в этой части района, он мог не опасаться кого-то встретить. Здесь и в любой другой день не слишком многолюдно, а сегодня ночью похоже никого нет вовсе. Все от бедного до богатого, и от мала до велика находились на центральной площади и в местном храме. А в-третьих, запах нечистот сбивал с толку Асур, что находились в городе. Они могли что-то почуять, и проявить интерес к его персоне, что было совсем уж не желательно.

Боли Джостар уже не чувствовал, и потому мог привести в порядок мысли, которые не давали ему покоя. Он шел и безошибочно ориентировался в узких лабиринтах, и прокручивал в голове события, в которых увяз по уши:

«Кто бы мог подумать, что старая лабораторная крыса выкинет такое. Да, Джостар, расслабился ты что-то, потерял хватку. Ведь сразу стало понятно, что со стариканом что-то не чисто, как только посланный к нему ворюга не вернулся. Не надо было на пролом идти. Если бы только Лавий был вменяемый большую часть своей жизни, не случилось бы таких конфузов. Ещё и удрал, трус! Небось у Эдриана отсиживается. Увижу, крылья оборву! А как всё хорошо начиналось. Ну старый, ну удружил. Надо с алхимиками поаккуратней быть, а то не ровен час и орка выпустить могут. Теперь осталось только добраться до Эдриана и остальных. Главное, дело сделано».

Удачное стечение обстоятельств, послужило тому, что они прибыли в Синдарию. Цель их путешествия, находилась в здешних местах, а кости дракона, по наводке в одном из Синдариийских городов. Человеком, владеющим одним из редчайших ресурсов на всём Затракане[1] был обычный торговец, алхимик, а не какой-нибудь махараджи, к облегчению Джостара. Всё казалось проще пареной репы. Он нашёл нужный дом, хорошего вора

домушника, и сложил один плюс один. Только в итоге получил почему-то ноль. Неудачливый домушник сгинул в доме. Это конечно заставило Джостара задуматься, но не насторожиться. Он сам выбрал столь удачный день, для кражи, пришёл к алхимику, когда вокруг никого не было, и застал его одного, в своей лаборатории. Джостар тщательно прокручивал события в своей голове и вспоминал всё до мельчайших деталей.

Он видел алхимика, пока спускался по лестнице. Высокие до колена сапоги бесшумно ступали по ступеням, Джостар подкрадывался к жертве. Взгляд резанул свет флюоритов, но глаза тут же привыкли к освещению. Он внимательно осматривался, пока крался к ничего не подозревающему человеку. Где-то здесь пропал посланный им вор, и он всё ещё не знал, что с ним произошло.

Как призрак, подошёл он не замеченным, приставил холодное лезвие к горлу алхимика, и задал только один вопрос: «Где кости дракона?». Джостар был готов услышать о том, как эта лабораторная крыса будет молить не убивать его, или о том, что он не знает не о каких костях, в общем любое нытьё и отпирание, но ответ его удивил. Человек только указал на дверь в дальнем конце большой комнаты. И вот здесь, именно где-то здесь Джостар и допустил ошибку. По дороге до проклятой двери, или в тот миг, когда увидел сейф перед собой? Он не успел среагировать, когда из темноты вынырнуло чёрное металлическое нечто, и ударило его в грудь так, что он отлетел к лестнице. Удар об ступени выбил воздух из лёгких, а спину пронзила боль. Дверь сорвалась с петель и улетела вслед за человеком, сбив при этом державшего её алхимика. Джостар быстро встал и хотел выругаться, но тут же подавился своими словами. То, что выбиралось из комнаты с сейфом, он ожидал увидеть меньше всего на свете. Любой алхимик уровня этого старика мог бы устроить достойный отпор своему убийце с применением опасных и смертельных изобретений. Но это был уже перебор.

Сначала из дверного проёма начали вылезать чёрные металлические отростки, состоящие из скреплённых между собой сегментов, по форме похожих на человеческие позвонки, это позволяло им двигаться плавно, как щупальцам осьминога. Каждый такой позвонок оканчивался коротким шипом, а каждый отросток, не меньше шести футов длиной, заканчивался острым, длинным четырёхгранным лезвием. Они вылезали из темноты и расплзались по стене, когда, вслед за ними из проёма показался их обладатель. Или то что от него осталось. У человека, а по форме он больше всего напоминал человека, отсутствовала одна рука и нога, его тело на весу поддерживалось четырьмя щупальцами, которые вылезали из-за спины и делали его похожим на паука. Существо, с ног до головы закованное в броню из стальных полос, подёрнутых ржавчиной, покачивалось в такт движению. Маска, закрывала голову полностью и смотрела на человека чёрными стёклами на месте глаз. Джостар во все глаза пялился на него и не мог поверить в происходящее. Перед ним стояла давно умершая легенда, боевой довод алхимиков. Уничтоженный этими же алхимиками, как одна из крупнейших неудач в истории академии. Бывший человек, а теперь бездушный, наштигованный механизмами организм выжидающе смотрел на противника. Три щупальца угрожающе поднялись и изготовились к стремительной атаке. Машина для убийства ждала приказа своего хозяина, только это мешало ей незамедлительно напасть на свою жертву. Джостар неотрывно смотрел на своего врага и вспоминал всё что он когда-то читал про этих тварей. Воспоминаний оказалось не много, в памяти всплыло лишь название модели — Спрут. Здесь он допустил вторую, за ночь, ошибку, не стоило

отвлекаться. Он пропустил время, когда алхимик оклемался, после падения, и встал за спиной своего боевого довода. В руке Джостара, во мгновение ока, появилась полоска заточенной стали и тут же отправилась в свой смертельный полёт. Но время было упущено, метательный нож вонзился в лоб алхимика, через мгновение после того, как с его губ сорвалась последняя команда: «уничтожить!»

Безжалостный, похожий на паука убийца, незамедлительно ринулся в атаку. Джостар успел перекатиться в сторону, за секунду до того, как три острых шипа ударили в то место, где он только что стоял. Несмотря на потрёпанный вид, и возраст этого якобы полностью уничтоженного монстра, биомеханическое существо было очень проворным. Джостар не ожидал такой скорости, от этого забытого всеми ископаемого.

— И где он тебя только отрыл! — со злости прорычал он.

Его хриплый баритон, потонул в замкнутом пространстве. Безвольному, смертоносному существу не было дела до недовольств жертвы, которую он собирался отправить на тот свет. Джостар всё это понимал. Он не был вором ни по профессии, ни по призванию, он был убийцей. И не взирая на столь опасный род занятий, всё равно хотел избежать этой схватки. Противник явно превосходил его в скорости, и силе. Но предсмертный приказ его только что почившего хозяина не оставлял ему выбора. Эта тварь не оставит его в покое пока не убьёт, или пока его механизмы не изнасятся.

«Что же, похоже выбора нет, придётся убить эту рухлядь, или не видать мне костей, как своих ушей. Вот только как?!»

Додумать он не успел, потому что щупальца, снова устремились к Джостару в своём смертельном полёте. Человек изворачивался и кувыркался, отступал, и извивался как уж на сковородке, пытаясь разминуться со своей смертью, которая с каждым ударом приближалась к своей цели, разбрасывая и ломая столы и стеллажи, вместе с содержимым. На одежде Джостара, появилось много рваных дыр, уже через пол минуты, от начала боя. Один из шипов, сорвал с него капюшон, и рассёк кожу на лысой, голове. Кровь на ране тут же запеклась, образовалась корка. Голубые глаза, на вытянутом, костистом лице, с выпирающей нижней челюстью и сбитым носом, зло посмотрели на спрута. Убийца успел кое-что понять, за время, скоротечной схватки. Страшному оружию алхимиков прошлого, не хватало манёвренности. Низкие потолки и заставленное помещение, стесняли его движения. Конечно деревянная мебель не являлась для него серьёзным препятствием, но каменные квадратные колонны, поддерживающие потолок в нескольких местах, давали Джостару хоть какое-то преимущество.

Убийца рванул вперёд с места, сделал кувырок под ногами, а точнее щупальцами своего врага, и оказался у него за спиной. Как он и предположил боевой довод не успевал развернуться. Джостар тут же выпрямился и откинул полы чёрного камзола, открыв, под ним чёрный комбинезон, и два стилета в ножнах закреплённых на поясе. Он быстро обнажил четырёхгранные клинки, и вонзил их в стыки между панциревидным наростом на спине боевого довода и двумя нижними щупальцами на которых тот стоял. Из сочленений полилась какая-то прозрачная жидкость, а отростки сразу обмякли. Механическое чудовище потеряло опору, и начало заваливаться назад. Джостар, пнул своего врага под мягкое место, одновременно высвободив клинки, и тут же ушел от возможной атаки, отступив назад. Спрут, по инерции подался вперёд, но быстро выставил перед собой ещё два металлических отростка и избежал падения. Похоже вес этого бронированного осьминога, не позволял стоять на двух щупальцах. Те из них, которые повредил Джостар, безвольно болтались по

полу. Он хотел повторить свою атаку, но существо не дало ему такой возможности и тут же предприняло ответные действия. С невероятной скоростью, те щупальца на которых стоял боевой довод, во время атаки человека, устремились вверх, а острые шипы, на их концах, вошли в каменную кладку потолка, как нож в масло, и увлекли вверх своего хозяина. Спрут быстро развернулся к своей жертве, и оставшиеся свободными пять шипастых отростков, атаковали, противника. Уколы сыпались на Джостара, с огромной скоростью. Первые несколько ударов он отбил стилетами, но затем пропустил пару выпадов. Шипы попали в предплечье и в ключицу. На рану на руке он не обратил внимания, а вот укол в ключицу заставил его болезненно вскрикнуть.

Полумеханической твари всё ещё было не удобно маневрировать. Двух щупалец для быстрого движения по потолку оказалось недостаточно. Джостар сделал кувырок, ушёл из обзора врага, и спрятался за колонну, переводя дыхание:

«Умный значит? Не все мозги ещё сгнили? Как же тебя побыстрее грохнуть?»

То обстоятельство, что существо оказалось на потолке только осложняло ситуацию. До него теперь было сложнее достать, и ещё сложнее нанести хороший удар.

«Похоже без помощи мне не обойтись.»

Из-за угла колонны, выскочил шип и устремился к голове убийцы. Джостар больше не мелил и рванул с места, он побежал вдоль стены, выкрикивая на ходу:

— Ла-ави-ий!!! Лавий! Лети сюда, быстро!!!

Что бы добавить эффекта своим воплям, убийца кинул в маленькое зарешёченное окно под самым потолком лаборатории, какой-то небольшой предмет. Через несколько мгновений, что-то снаружи вспыхнуло на миг и раздался глухой хлопок.

Прошло ещё несколько секунд беготни и криков прежде чем, в окошко влетело небольшое крылатое существо, серебристого цвета, размером не больше чем с ладонь. Оно ещё не успело влететь в помещение, а уже закричало детским, недовольным голосом:

— Чего орёшь?! Ты же сам сказал смотреть за улицей, а потом ещё будешь говорить, что я них....

Его тирада прервалась на полуслове, когда он наконец-то обратил внимание на происходящее:

— Твою мать, Джостар! Что за хрень?!

Боевой довод, тут же повернул голову в сторону новоприбывшего, а под его маской, снова что-то защёлкало. Черное щупальце устремилось к маленькому крылатому существу, и ударило наотмашь. Медлить было нельзя, убийца разбежался и прыгнул, удерживая стилеты обратным хватом. Одно лезвие попало в стык между панцирем, и ещё одним отростком, а другое прошло вскользь, заскрежетав по металлу. Щупальце повисло безвольной плетью. Джостар упёрся ногами в тело довода и высвободил стилет. У твари осталось четыре отростка, и это не могло не радовать убийцу. «Должно стать попроще».

Лавия нигде не было видно, как будто он и не прилетал сюда вовсе:

«Куда он делся? Неужели сбежал! Можно было и догадаться, трус проклятый.»

Боевой довод, развернулся к своей жертве, а под маской что-то за щёлкало. Он неожиданно и резко рванул в ту часть подвала, где ярко светились флюориты, резко крутанулся, и три щупальца завертелись как лопасти, сбив висящие на цепях лампы. Светящиеся камушки разлетелись по всему помещению. Те что поменьше быстро остывали, и начали тускнеть. Сразу же стало темно, и глазам Джостара понадобилось несколько ударов сердца, чтобы привыкнуть к темноте. Когда его зрение адаптировалось, он быстро

осмотрелся. Вокруг, по всему помещению, были раскиданы остатки мебели, вперемешку с флюоритами, они тускло светились во мраке подвала. Некоторые уже совсем погасли. Вскоре, комната погрузиться в полную темноту. Для убийцы, это не являлось проблемой, ему хватит и света, попадающего сюда из маленьких окошек под потолком. Проблема была в другом. Он нигде не видел своего врага. У Джостара засосало под ложечкой. Он уже и забыл, какого это, бояться за свою жизнь. Слишком уж опасный противник ему попался, и спасало только то, что соображал он лучше чем этот бронированный болван. Убийца привык быть убийцей. Именно его боялись все от мала до велика. Он приходил к своей жертве, кем бы она не являлась, от него не было спасения, будь цель графом, или генералом, да хоть самим императором, все они боялись его и ему подобных. А теперь испугался он. Пусть не сильно, всего на несколько мгновений, но он почувствовал то, что чувствовали его жертвы. И эти ощущения ему крайне не понравились.

За спиной раздалось знакомое пощёлкивание. Джостар рефлекторно, стрелой метнулся вперёд и сделал перекат. Всё это для того что бы тут же сделать ещё один, и ещё...

«Да, когда же это закончится?!».

Он не мог даже развернуться что бы увидеть противника. Всё время приходилось двигаться, потому что как только он срывался с места, туда сею же секунду, вонзались металлические шипы. Что бы понять это, не стоило даже смотреть. Каждый раз, когда он отскакивал, то слышал, лязгающий звук удара металла о камень. Стилеты пришлось отбросить, сейчас они ему только мешали, всё равно нормально контратаковать он не мог. Нужно было что-то предпринять, и срочно. Долго так продолжаться не могло.

Голова пульсировала болью, а плечо ныло при резких движениях. Корка на ранах лопнула, и они начали слабо кровоточить. Но убийца не обращал внимания на свои ранения. Он просто не мог остановиться, потому что это означало верную смерть, которая, в прямом смысле слова наступала на пятки. Всё это мешало Джостару нормально соображать, он просто уходил от ударов, и быстро перемещался по комнате. Спрут не отставал и как Синдарийский слон в посудной лавке, громил всё, что попадалось на его пути. Убийца сделал кувырок в воздухе, ушёл от очередного удара, и в полёте швырнул метательный нож в своего преследователя, который тут же отбил заточку одним из щупалец. Он в общем-то и не рассчитывал на удачное попадание, но это позволило, на краткий миг увидеть, что же всё-таки творится за его спиной. А посмотреть там было на что. На двух щупальцах, враг набрал ход, и шёл за ним, по инерции и неуклюже, он шагал по пятам за своей жертвой, и молотил всё, что попадалось на пути, свободной парой отростков. «Он уже почти не держит равновесия, можно попытаться. Жаль клинки выбросил».

Джостар резко остановился, уклонился от очередного удара и перекатился прямо под своего противника, ухватившись за одно из щупалец на котором пытался устоять боевой довод. Его приём сработал как надо. Враг, двигаясь по инерции потерял равновесие, и начал заваливаться вперёд. Он уже хотел выставить ещё одно щупальце для опоры, но Джостар не дал ему этого сделать. Перехватившись ближе к основанию он, напряг мышцы до предела и крутанулся всем телом, увлекая за собой противника. Спрут со всего маха врезался в колонну. Ощутимого вреда это не причинило, но дезориентировало на несколько мгновений. Он упал на спину, и не успел подставить отростки. Убийца тут же прыгнул сверху, метательный нож вырос прямо из его ладони. Он ударил сильно и быстро, пробил чёрное стекло маски, на месте глаза, и вонзил сталь в голову, по самое основание. Джостар резким рывком освободил ладонь, оставив клинок торчать в глазнице, и сделал быстрый кувырок

что бы уйти от возможной атаки, которой, впрочем, не последовало.

Боевой довод алхимиков лежал на каменном полу и не двигался. Только исправные щупальца, хаотично извивались расшвыряв обломки мебели, и остатки алхимического инвентаря. Щелчки, что раздавались из-под маски, звучали всё тише, пока не умолкли вовсе.

А всё произошедшее после боя, и вспоминать не хотелось. Навалилась усталость, раны ещё ныли, а голова немного кружилась. Пришлось потратить некоторое время, чтобы вскрыть сейф с механическим кодовым замком, и об этом тоже не хотелось вспоминать. Из всего, что случилось после схватки, хорошо запомнилось только содержимое сейфа. Кости, оказались красивым ожерельем. Большие отполированные до глянцевого белизны шарики и овалы держались на золотой проволоке, они бисером сплетались в прекрасный и эффектный узор. Джостар схватил ожерелье, и поспешно покинул уничтоженную лабораторию. Только на улице, на свежем воздухе, он начал приходить в себя. Боль утихала, а в голове прояснилось. Ночная прохлада обняла его невидимыми руками, приятно ласкала кожу, и помогла привести в порядок беспокойные мысли.

Из узких, и вонючих переулков, он вскоре выбрался, на широкую, ярко освещённую луной улицу. Здесь Джостар смог тщательнее оценить нанесённый ему ущерб. Сейчас он чувствовал себя гораздо лучше, нежели сразу после убийства спрута. «Убийства ли? Скорее акт милосердия».

Мозг этого существа, когда-то являвшегося человеком, всё ещё был жив. От этой мысли Джостару стало не по себе. Сложно было даже представить такое существование. Он огляделся. До места сбора осталось пройти совсем немного. Джостар поднял руку и посмотрел на разорванный рукав. Удар в предплечье, на который он не обратил внимания был самым неприятным. Рана не глубокая, но то что оказалась на месте плоти не понравилось нахмурившемуся Джостару. Измятые и сломанные маленькие валы, шестерёнки и пружины больше не функционировали. Где-то внутри предплечья уже работали миниатюрные поршни, и крутились оси. Это сработал вспомогательный механизм, но он не устранил проблему полностью. Левая кисть в чёрной перчатке, стала хуже слушаться, и уменьшилась сила сжатия. Была бы у него настоящая рука, из плоти и крови, он скорее всего лишился бы её от такого удара, хотя эта мысль совсем не успокаивала.

Когда он понял, что за последнее время стал часто ошибаться, было уже поздно. Убийца задумался, отвлёкся на изучение повреждений, и допустил третью за сегодня ошибку. Тихо, как кошка, откуда-то сверху прыгнула тень, оказавшись на его пути.

Лунный свет падал на человека в жёлтом халате и тюрбане, маска скрывала нижнюю часть лица. Невысокий воин держал в руке огромный клевец. Джостар остановился и выжидающе смотрел на асуру. Он злился на свою неосмотрительность, и потерю осторожности. А ещё больше он злился на появившегося кровососа, и уже прикидывал, как бы по скорее и по тише с ним расправиться, как вдруг, услышал за спиной шипящий мягкий голос, и снова, уже не в первый раз за эту ночь, убийца почувствовал себя беззащитной жертвой, замирающей в трепете перед лицом неминуемой смерти:

— Не стоит так торопиться, человек. Ночь только начинается.

[1] Затракан — Так называют свою планету люди западного континента.

III

Праздник уже начался. Ханна успела прийти к храму, когда моления окончились, и вскоре, люди зажгут огни и понесут их по улицам города до центральной площади. Ночь воцарилась в сопровождении неполной, невероятно яркой луны, и мириад светящихся точек, одарив своей чистой красотой все ненадолго отвоёванные у дня земли. Скоро синдарийцы ответят ей ярким светом таких же огоньков, зажжённых в знак победы добра над злом, знаменуя тот день, когда бог Кришна победил демона Наракасуру и освободил мир от хаоса и разрушения. Ханна посмотрела в ночное небо, на котором не наблюдалось ни единого облачка.

Вскоре, люди начали зажигать лампы, и свечи, и приготовились к шествию, а стены храма в миг озарились сотнями огней. Его высокие башни, с красивыми барельефами уходили в небо, и почти полностью оставались скрыты в ночной темноте. Сейчас их было не разглядеть, но при свете дня они завораживали, изображениями богов, мифических чудищ и древних героев, вырезанных в камне. Ханна смотрела на башни и думала о том, как мог бы выглядеть фестиваль с такой высоты.

Она задумалась, засмотрелась и умудрилась пропустить начало, когда женщины в красно-оранжевых шелковых одеждах, с глиняными лампами в руках пошли вдоль по улице и увлекли за собой пёструю толпу. Мужчины, женщины, старики и дети, все в красивых, и ярких нарядах. Людская масса начала движение, растягиваясь змейкой огоньков, вдоль по широкой улице. Ханна тоже нарядилась к празднику и пришла в светло-синем сальваре, расшитом золотыми цветами, вот только у неё не было своего огонька, и она не спешила присоединиться к этому радостному шествию. Вместо этого, девушка внимательно всматривалась в проходящих мимо неё людей. Когда процессия празднующих протопала мимо неё, она с озадаченным видом последовала за толпой. Со смежных улиц подходили ещё люди, по одиночке, парами, или в большой компании, все они несли огонь в своих ладонях. Они проходили мимо разрисованных и украшенных цветами домов. Узоры на стенах напоминали цветки распустившегося лотоса и символизировали неугасающий божественный огонь. Ханна старалась рассмотреть всех тех, кто присоединился к шествию. Огромная процессия, не спеша приближалась к цели своего торжественного похода. На большой площади, окруженной высокими домами, людей встретила не менее многочисленная толпа.

Праздник устроенный с размахом, просто не мог не радовать взор. Всё горело и пестрело яркими огненными красками, тени на стенах плясали свой завораживающий танец. Бодрая музыка флейты бансури переплеталась с мелодичной игрой на вине, под приятный ритм дхолака. Люди веселились и радовались. Аппетитные запахи от прилавков со всякой снедью манили к себе празднующих. Столы вынесли прямо на площадь, составили вместе в несколько рядов, а несколько расположили отдельно от остальных. В воздухе царствовал пьянящий аромат вина, и дыма от кальянов и чилимов. Девушки в пёстрых платьях и сари выкладывали прямо на земле, узоры из горящих лампад, а мужчины в ярких длинных рубахах, и эффектных куртках дхори, пили, курили, и дарили красавицам свои неоднозначные улыбки.

Несмотря на то, что Ханна выглядела немного потерянно, и озадаченно, нельзя было не отметить в её взгляде восхищения от увиденного. Праздники в Синдариин, могли привести в восторг любого, поражая своей фееричностью, и завораживающей атмосферой. Кругом царило веселье и заразительное ощущение торжества.

Она хотела прийти раньше, но пришлось ещё выслушать напутствие от отца. Он, не отвлекаясь от работы говорил о том, что вина ей придётся избегать. Ханна шла вперёд, мимо мужчин в дорогих халатах, и тюрбанах украшенных драгоценными камнями, и павлиньими перьями. Мимо девушек, которые танцевали какой-то красивый танец. Они синхронно кружились, исполняя сложные и плавные движения руками. Люди восторженно смотрели на представление, а танцовщицы отвечали им яркими блистательными улыбками. Ханна сама не заметила, как на её губах заиграла лёгкая улыбка, когда она взглянула на них. Девушка продолжала идти, и все, кто шёл ей на встречу улыбались в ответ. Эту местную особенность, если не сразу, то со временем подмечают все приезжие. А к приезжим синдорийцы в своём большинстве относятся дружелюбно и приветливо. Несмотря на своё положение, и достаток, на лице местного жителя, всегда можно увидеть искреннюю улыбку. У тех, кто впервые попал в Синдарию, может возникнуть ощущение, что даже касты нищих, и неприкасаемых, полностью довольны своей жизнью. Как будто попрошайкам в миску для подаяния каждый день бросают полновесные золотые, а прислугу почитают на равне с брахманами. Ханне нравилось здесь, нравились люди и их обычаи. За всё время, которое она пробыла в Маджете, она ни разу не пожалела о том, что отец привёз её сюда.

Девушка выпила лекарство отца перед закатом, и пришла на праздник, который оказался всего лишь предлогом, но не целью ночной прогулки. Она, наконец-то, увидела человека, которого искала ещё у храма, но так там и не нашла. В нескольких ярдах от неё, за столом сидел высокий юноша в роскошном шервани, и надо признать красивый юноша. Ханна никогда не считала себя ветреной девушкой, но не могла отрицать, что просто млела в объятиях этого молодого человека. Ах, эта юношеская любовь, страсть, которая будоражит сознание и чувства, в голову начинают лезть возвышенные и романтические мысли и где-то внутри рождается приятная дрожь соблазнительного предвкушения. Но сегодня Ханна была сбита с толку, поэтому всё ещё не решалась подойти.

«Что он тут делает? Мы же должны были встретиться у храма, а он тут сидит!».

Это был первый случай, когда он не пришёл. Озадаченность и негодование, смешались в одно неприятное ощущение. Озадаченность, из-за неординарности происходящего, а негодование... негодование, потому, что она уже очень давно ждала этой встречи. Получившееся непонятное ощущение, начало приобретать форму праведного гнева.

«Да как он мог просто не прийти, и даже ничего не сказал?! А я что должна думать? Обещал, что мы вместе огонь понесём от храма!».

Больше она не медлила, и твердо решила выяснить что происходит, а ещё излить поток бушующих, и не самых приятных эмоций, на ничего не подозревающего, но явно заслужившего этого, по мнению Ханны, юношу.

Она подошла и резко опустила руку ему на спину. Длинноволосый брюнет болезненно дёрнулся, быстро повернул голову и яростно посмотрел на Ханну. Через пару секунд в его взгляде появилось узнавание, и он заговорил:

— А, эт ты? С-садись, выпить хошь?

Он был в стельку пьян. Девушка поняла это сразу, как только услышала. Его тенор, звучал как-то хрипло, а язык слегка заплетался. Такое приветствие, просто обескуражило её,

а из головы тут же вылетели все мысли, вместе со словами, которые она хотела ему сказать.

— Тадж. Мы же должны были у храма встретиться. А что у тебя со спиной, ты что упал с лошади?

От Ханны не ускользнула болезненная реакция юноши, на её прикосновение. Она была сбита с толку и спросила первое, что пришло в голову. Однако, Тадж повёл себя странно, и не мало удивил её. Он начал смеяться, надменно, наигранно, и громко, брызгая вокруг слюной, испуская винные пары. Люди вокруг громко говорили и смеялись, играла музыка и смех юноши утонул в этих звуках, но несколько людей за соседними столами, стали любопытно поглядывать на молодую пару.

Младший сын главы самой влиятельной в Маджете гильдии шикари, предстал перед ней совсем в новом свете. Да он пил, но никогда не напивался до такого состояния и всегда был достаточно собран, чтобы вести себя прилично. Сын богатых родителей, но недостаточно избалованный, чтобы терять чувство собственного достоинства. Как и любой мужчина из касты охотников, любит стрельбу из лука, скачки на лошадях, и красивых девушек. Самодоволен, и вульгарен, как и любой молодой воин. Помахать саблей, выпить вина, поиграть в карты, пристрастия настоящего мужчины. Таким Ханне всегда виделся Тадж. А теперь она видела перед собой совсем другого человека. Ей почему-то казалось, что перед ней сидит и ржет, избалованный до предела ребёнок, грубиян не знающий ни рамок приличия, ни пределов своих капризов. Это вызвало в ней отвращение. Он перестал смеяться, вытер рукавом рот, и снова посмотрел на девушку, прищуренным взглядом:

— Нет, я не упал с лошади. — Язвительно ответил он, и опять отвернулся, приложившись к кружке с вином.

— А что тогда случилось? — Спросила она грубо. Наверное, грубее чем хотелось, но уж слишком он злил её сейчас.

— Ты со мной случилась, — не поворачиваясь ответил Тадж.

— Да, и что это значит? Я виновата в том, что с тобой произошло?!

Она сама не заметила, как повысила голос. На Таджа это подействовало не лучшим образом. Он резко встал, ударив о стол глиняной кружкой, которая чудом не разбилась. Его пьяный голос напугал Ханну:

— Представь себе, ты!

Ханна подметила, что всё больше людей коситься на них, и из-за этого ей стало не ловко. Девушка вызывающе смотрела на Таджа снизу, вверх:

— Нам нужно серьёзно поговорить, — сказала она так твёрдо, как только могла.

Юноша, отвлекся на неё, не более чем на удар сердца, а затем хотел продолжить свою нетрезвую речь, но Ханна решительно ухватила его за рукав куртки и потащила подальше от столов. Тадж в процессе пытался допить вино, но уронил кружку, и она всё-таки разбилась, вызвав молчаливое негодование у присутствующих.

— Эй ак-к-куратне-ей, я куртку облил!

Она затащила его в переулок, не освещённый огнями праздника, и резко, сама того не ожидая, сильно прислонила его спиной к стене. Юноша поморщился и оттолкнул её. Ханна была в полной растерянности. Никогда Тадж не позволял себе такого. Девушка попятилась назад, споткнулась и чуть не упала. Обида подступила к груди, и встала комом в горле. Но она из последних сил взяла себя в руки:

— Тадж! Да что происходит?! Скажи, что у тебя со спиной?!

— Ещё раз дашь волю рукам, я за себя не отвечаю! — Сказал он грубо, вместо ответа.

— Прости, я не хотела. Может уже расскажешь, что с тобой стряслось. Если уж обвиняешь в чём-то, то хотя бы объясни!

Он, внимательно глядел на девушку, медленно расстегнул куртку, спустил её до пояса и повернулся к ней спиной. Ханна застыла с раскрытым ртом. Её хотелось что-то сказать, но она не могла. Верхний участок голой спины, являл собой ужасное зрелище.

Запёкшаяся кровь, тонкими полосами испещряла смуглую кожу юноши. Она поймала себя на мысли, что пытается посчитать количество нанесённых ударов, когда Тадж запахнул куртку, и повернулся к ней лицом:

— Отец сказал, что бил не в полную силу, и что урок пойдёт мне на пользу. — Он икнул, и уставился на Ханну, в ожидании реакции.

Дар речи так и не вернулся к ней. Рука сама потянулась к Таджу, но он отстранился от неё.

— И за что он тебя? При чём тут я?

— Мой старший брат видел нас вчера на рынке. Он сказал обо всём отцу. — Он снова замолчал, выжидающе глядя на девушку.

— Великий создатель! Может уже расскажешь при чём тут я. Мне же не послышалось, ты сказал, что твой старший брат тебя заложил. Ему бы и выговаривал! — И опять она не заметила, как вид пьяного Таджа вывел её из себя. А ещё больше её раздражало, отсутствие внятных объяснений. Что с пьяного спрашивать? Стоило бы бросить эту затею, и узнать всё у трезвого человека, пусть и с похмельной головой. Но Ханна не могла успокоиться, и плюнуть на всё:

«Нет уж, ты мне всё расскажешь. Как же он ужасно выглядит. Первый раз вижу его таким. Если он так переживает нагоняй от папы, то это никуда не годится.»

— При чём тут я? — Спросила она, и прикрыла глаза, успокаиваясь. Но всё её спокойствие рухнуло, когда она снова взглянула на возлюбленного. Тадж пылал гневом, который казалось отрезвлял его, и придавал сил. Он выпрямился и упёр руки в бока, хотя видно было, как он слегка покачивается:

— А ты так и не-е поняла?! Так вот я те объясню. А я всегда считал тебя умной. Сложи два плюс два! — Чем сильнее он распылялся, тем чётче становилась его речь. Но это давалась ему не легко. Тадж весь покраснел, изо рта летела слюна. — Не заметила, что когда мы встречались ночами, никто о нас не знал, и ведать не ведал! А теперь нам приходится встречаться днём по чьей-то милости! И об этом сразу же узнают, и я получаю! Так понятней?!

Устремлённый на него взгляд наполнился пониманием. Как бы не злилась Ханна, а от правды она никогда не бегала. Мама всегда говорила, что это глупый забег. Ведь именно её недуг послужил причиной этих дневных встреч. Не было в них, той таинственности, которые рождала ночь, захватывая чувства, и даря взамен приятные ощущения, чего-то особенного и грандиозного. А сейчас эти чувства от ночного свидания маячили где-то на периферии ощущений уступив место волнению. Она не решалась сказать ему правду, потому что сама её боялась. Молчание и дневные встречи сказались на отношениях, и это тоже немного раздражало её.

«Ну почему он не может немного подождать. Отец скоро закончит работу над лекарством. Я излечусь, и всё будет как прежде, мы сможем пожениться. Неужели все парни такие нетерпеливые. Я бы ждала столько, сколько потребуется.»

Всё это было ей понятно. Волновало девичью голову совсем другое:

— Я не понимаю. С каких это пор отец устраивает тебе порку за твой холостяцкий разгул. До свадьбы это не воспрещается. Ты думаешь я не знаю ваших обычаев? Думаешь, если бы я знала, что твой отец так отреагирует, а старший брат заложит, стала бы рисковать и подвергать тебя опасности? Я бы лучше отказалась от этих встреч! А может ты решил, что я специально всё это подстроила? Если хочешь кого-то винить, вини свою семью, а не меня! — Она смотрела на него непонимающим взглядом, и была поражена его обвинениями. — Почему они так сделали, если ты ещё не женат?

Тадж грозно посмотрел на неё, и в девичьих глазах сверкнула какая-то пугающая догадка:

— Что происходит? Когда твоя свадьба? — она не заметила, как её голос дрогнул.

— Свадьбу хотят сыграть через три дня. — Небрежно бросил он.

Ханна прикрыла рот рукой и уставилась на него наполненными обречённостью глазами:

— Ты женишься на ней?

Он подождал немного, как будто наслаждаясь её реакцией, а потом яростно ответил:

— А что ты предлагаешь? Я сказал отцу, что сбегу с тобой отсюда! А знаешь почему? Да потому что я сделал тебе предложение, и ожидал ответа! Ты просила подождать, и я ждал! И сколько мне ждать я даже не знаю. — Он надвинулся на неё. — Да я ничего не знаю. Ты даже не говоришь, почему мы не могли встречаться ночью всё ссылаешься на какую-то ночную охоту! Когда ты дашь свое хреново согласие?! Долго я буду страдать от этой неизвестности по твоей милости!?

Она не могла вымолвить ни слова:

«Страдать? Ты говорил, что любишь меня, и что мы всегда будем вместе, а теперь получив хорошего ремня, ты сразу сдался? Да, наверно это очень больно, но чего теперь стоят твои слова?»

Ханна стояла и молча смотрела на Таджа. В её глазах застыли слёзы. Она смотрела на него, видела, как он подходит к ней, обнимает. Похоже юноша неправильно понял её молчание. Он начал ласкать её руками, и губами:

— Разве тебе меня не жалко? — шепотом говорил он, плавно поглаживая её бёдра и грудь и целуя шею, — я столько вытерпел ради нас, и не слова благодарности.

Кровь сразу прилила к голове Ханны одарив её ярким румянцем на лице. Но сегодня не из-за того, что в ней пылает любовная страсть, а из-за того, что в ней закипает ярость:

«Неужели он не будет ждать моего ответа? Что он хотел всем этим сказать?».

Она хотела закончить разговор, но Таджу, похоже, это было всё равно, он, увлечённый её телом, каждую попытку заговорить бесцеремонно прерывал страстным поцелуем. Девушке это надоело, и она попыталась вырваться, но юноша только усилил напор.

— Тадж, хватит!

— Я так понимаю, что скоро и любви от тебя не дождусь. — пропыхтел он себе под нос, и полез рукой ей под одежду.

— Тадж! Прекрати!

Она сама не заметила, как колено рванулось вперёд, и врезалось юноше в хозяйство. Тадж согнулся пополам и сдавленно застонал. А за тем она убежала.

Ханна шла по освещённой луной улице и старалась не плакать. Мысли метались и не давали покоя воспалённой девичей душе. Сердце сильно колотилось в такт быстрым шагам.

Вокруг никого не было, и она могла позволить себе редкие громкие всхлипы. Сознание пыталось отрицать и не хотело верить в то, что произошло. Она всегда считала себя сильной, готовой к потрясениям. Даже болезнь не смогла сломить её. А сейчас ощущение того, что она маленькая девчушка, которая забилась в угол шкафа и плачет, узнав о смерти матери, самого любимого человека во всём мире, не давало ей покоя. Как и тогда хотелось забиться в угол и плакать. Вспомнив о маме, она прекратила всхлипы и утёрла слёзы. Мысли о ней, немного успокоили, но она не могла перестать думать о его словах.

Получалось, что он скоро должен был жениться, а она вся тянула с ответом.

«А что я ему скажу? Послушай, Тадж, я нарожаю тебе кучу прекрасных детишек. Только вот, им по наследству передастся самая странная болезнь на свете, способная убить и их и тебя! Так что ли?! Глупые синдарийские обычаи! И кто только придумал определять пары ещё в детстве, не давая никакого выбора?»

Выбор конечно был, но последствия не самые приятные, любой, кто нарушал подобные традиции, неизбежно навлекал позор и бесчестие на всю семью. Ханна на это не надеялась, и не желала такого любимому человеку. Сначала ей стоит вылечить страшную болезнь. Она просто не могла выйти замуж в таком своём состоянии. То, что приготовил ей отец, давало временную отсрочку.

«Чего же в итоге я боюсь? Что он сбежит после первой брачной ночи? Да, пожалуй, так и будет».

Сегодняшняя ночная прогулка не придавала ей оптимизма. Она поймала себя на мысли, что даже сейчас думает о нем как о своём женихе. Невеста, которую выбрали Таджу родители, ещё когда ему было десять, являлась дочерью родителей, владеющих другой, чуть менее влиятельной гильдией шикари. Свадьба должна была ознаменовать слияние двух сильнейших гильдий, и поэтому отец возлагал на младшего сына больше надежды. А сын в свою очередь, решил пожертвовать свадьбой, традициями, деньгами и властью, ради западной дикарки, которая неожиданно свалилась на них, как снег на голову.

Ханна не пошла по стопам отца. Алхимия несколько не интересовала юную голову. С детства она витала в облаках, и мечтала о великих приключениях. В Синдарии она почти сразу нашла себе занятие по душе, вступив в одну из гильдий шикари. Для этого отец обучал её местной флоре и фауне, а Ханна упорно училась и, как выяснилось позже, совсем не зря. Там она и встретила Таджа. Их первые свидания были незабываемы. Он показывал ей город и рассказывал про местные обычаи. Казалось, что она нашла родственную душу. Сначала на эту интрижку никто не обращал внимания. Отец Таджа решил, что сын просто наиграется с экзотичной штучкой и пойдёт под венец. Он ошибся. Чувства молодых только крепили, и события приняли серьёзный оборот. Родственники её возлюбленного решили, что на их глазах может сорваться сделка века, поэтому поступили просто и практично, вежливо попросили Ханну уйти из гильдии. Так она и сделала, после чего, нашла общину охотников с размахом по скромнее. Но не перестала встречаться с возлюбленным. Их тайные ночные встречи продолжались до того дня, как её поразила страшная, неведомая болезнь, о которой она так и не решилась сказать Таджу.

«Снова мысли о Тадже. Надеюсь это он из-за вина так себя вёл. Хотя, какая разница. Три дня это слишком мало. Отец просто не успеет создать вакцину, которая излечит меня раз и на всегда».

Ей снова захотелось разрыдаться. Чувства одиночества и потери вновь навалились на юную девушку. С трудом подавив эмоции, она осмотрелась вокруг. Света луны было

достаточно, и Ханна сразу узнала в какую часть города её занесло.

«Далеко же я зашла».

Размышляя она не смотрела куда направлялась. Было всё равно, в какую сторону идти. А сейчас предстояло решить, куда же пойти теперь. Мысль о Тадже пронеслась внезапно, как вспышка молнии в ночном небе. Ноги уже были готовы нести её обратно, но девушка быстро остановила себя. Она ещё раз взглянула на звёзды, и не спеша пошла домой.

Путь до дома оказался не близкий. Когда она выходила из проулка на освещённую луной небольшую площадку, где расположилось её жилище, то мельком успела увидеть какого-то человека в чёрных одеждах. Точнее только его спину, и бритый бледный затылок. Человек быстро скрылся в тёмном переулке, на другой стороне площадки. Но её голова сейчас была забита своими безрадостными мыслями, поэтому Ханна даже не обратила на него внимания. Мельком взглянув на скрывшуюся в тени человеческую фигуру, девушка быстро пересекла площадку, и вошла в дом.

Голова раскалывалась. Он лежал на земле. Перед ним расплылась, и уже успела остыть на ночной прохладе, лужа отвратительно пахнущей рвоты. Весь низ живота саднило, похоже он отключился на пару минут. Юноша попытался встать, но мир закружился вокруг, и он грохнулся на землю, чуть не угодив в свою же блевотину. С нескольких попыток у него получилось, и он встал на ноги, держась рукой за стену. С площади слышалась музыка, и голоса на выходе из проулка. Он развернулся и пошёл в противоположном направлении. Кровь потихоньку отливала от головы, а тошнота и дурнота понемногу уходили. Он шел всё увереннее, но продолжал держаться за стену пока она не закончилась. Юноша остановился у колодца, кое-как набрал воды и вылил на себя, а затем ещё одно ведро, для того, чтобы просто сунуть туда голову. Так продолжалось несколько ударов сердца, а за тем Тадж поднялся и глубоко вдохнул. Боль внутри черепа никуда не делась. За то ясность мыслей пришла внезапно, и неотвратимо. Всё что произошло за несколько минут до того, как он упал, помнилось смутно. Весь разговор прошёл как в тумане, никаких подробностей. Только где-то глубоко в груди что-то саднило. Он чувствовал привкус рвоты на языке и испытывал отвращение к самому себе. Сегодня был ужасный день. Как сын главы самой влиятельной гильдии шикари в Маджите, Тадж не привык к такому обращению, со стороны родителей, а тем более со стороны какой-то бабы.

— Дерьмо! — Выругался он, в тщетных попытках припомнить почему она его ударила.

В девушке его привлекало отсутствие скучной синдариийской покорности. Местные девушки, которые не привыкли к мужским делам, как в общем-то и мужчины к женским, покорно сидели дома, растили детей и содержали хозяйство. Накладывался отпечаток кастовой системы. Царь Серадж упразднил касты, но одно дело поставить подпись на документе, и совсем другое, выбить предрассудки из голов синдариийских граждан. Порой Таджу не доставало этой покорности в Ханне. Но, несмотря на это, даже сейчас она очаровывала его, одними мыслями о себе. Юноша всегда считал её какой-то... живой. Самой живой на свете, и рядом с ней чувствовал себя таким же. Скучные синдариийки не интересовали его. Ведь он нашёл себе девушку, подходящую для такого завидного жениха. Он готов был жениться, но произошедшие за последние несколько дней события поколебали его уверенность. Последние её остатки растаяли сегодня.

«Да что им всем от меня надо!?»

Весь день, он жалел самого себя, и презирал всех остальных: отца брата, навязанную невесту, и свою возлюбленную. Сначала, они перестали встречаться по ночам. Ханна ссылалась на долгосрочные ночные вылазки в джунгли. Вскоре после этого случилось ещё кое-что. Он сделал ей предложение. Всё было обдуманно, юноша приготовился пойти на риск. Но случилось не мыслимое — она отказала. Точнее не отказала, а просила подождать несколько дней. Тадж был поражён её отказом, но всё же согласился подождать. Но прошло несколько дней, и ему сообщили, что свадьба с Манджулой состоится через пять дней, а он всё ещё ждал ответа от Ханны, которая продолжала ссылаться на вылазки, в ответ на вопросы про ночные встречи.

«И что теперь делать? Я же опозорю семью, если не женюсь. А женюсь ли я? У меня похоже теперь есть только два выхода. Или я сбегаю с Ханной, или женюсь на Манджуле.»

Во втором случае перспектив было гораздо больше. Тем более если взять в расчёт, что Ханна не согласилась на его предложение. Весь день он спрашивал себя, чего бы ему хотелось на самом деле? Куда бы он побежал с Ханной? А побежала бы она с ним? Он не мог ответить на два последних вопроса, но ответ на первый вопрос он знал наверняка. Ему хотелось совершать великие дела, участвовать в приключениях и прослыть в стране, как великий воин. Молодая кровь юноши бурлила и кипела при мыслях о геройских подвигах.

В довершение ко всем проблемам, навалившимся на него, отец призвал сына к ответу, а сын в свою очередь сказал совсем не то, что хотел бы услышать заботливый и суровый родитель. Расплата была жестокой. Сегодня она напомнила Таджу о детстве, когда отец, за непослушание, порол его кожаными ремнями. Раны, конечно, обработали и они уже почти не беспокоили, но почему-то это не утешало и не избавляло от боли внутри. Весь остаток дня, он лелеял свою обиду, на несправедливый мир, на отца, брата, Ханну, Манджулу, и на самую судьбу. Найдя утешение, в привычных вещах, он не заметил, как они захватили его разум, не дав возможности мыслить трезво. Вино и курительные травы, способствовали тому, что он не смог сдержать накопившиеся эмоции. Судьба не заставила себя долго ждать и снова сыграла с юношей злую шутку. Он никак не мог вспомнить, что пошло не так. На встречу у храма он прийти уже не мог. Навалившиеся проблемы: томительное ожидание, скорая свадьба на девушке, которую он почти не знает и порка, которая стала последней каплей, сломали его уверенность. В те минуты, ему казалось, что немного выпить не помешает. Перебрал, и сам не понял, как. И сделал глупость. Похоже вино, и конопля расслабили его, и он высказал всё тому, кто первый попался под руку.

Он набрал ещё воды, и стал жадно пить, выливая остатки на себя. Ночной прохладный порыв слабого ветерка, обдул мокрые волосы, и устремлённое ему на встречу лицо. Мысли медленно крутились в голове, и по кусочкам собирались мозаику памяти. Он вспомнил, её взгляд. Сквозь слёзы, она просила его остановиться.

«Тадж! Прекрати!»

Сейчас эти слова, почему-то отчётливо слышались в голове. На юношу навалилось немало за последние несколько дней. Но теперь он смог выговориться, пусть совсем не так, как хотел. Слова были произнесены, душа была излита, но остались неприятные последствия. Теперь, когда его голова прояснилась, а мысли выстроились в последовательный порядок, самообладание и контроль над телом вернулись к нему. Нужно было что-то делать, он злился на Ханну, за её внезапный удар, но...

«Тадж! Прекрати!»

Что-то было в этом голосе, и странные ощущения накатывали на него, когда крик возлюбленной проносился в мыслях. Ему чудилось, что он слышит его в ночной тишине. Может из-за этого у него саднит в груди, и чувство жгучего отвращения к себе? Это был крик отчаяния и боли, и от осознания этого на душе становилось ещё противней и постыдней.

«Какого чёрта я там истерику закатил? Что теперь делать-то?».

Она никак не выходила у него из головы. Им стоило поговорить, и сейчас он был готов к этому, как никогда в жизни. Уверенность нарастала в нём, пока не превратилась в чёткий план дальнейших действий.

«Мне придётся жениться. Я не опозорю семью. В конце концов я этого хочу. Если через три дня она не даст мне ответ, я женюсь на Манджуле».

Всё это он хотел сказать ей незамедлительно, они и так расстались хуже некуда, и он должен расставить все точки над ё. А ещё хотелось извиниться, за то, что повёл себя не достойно. Он потерял контроль над собой и это ему тоже не нравилось. Он бы никогда не стал её обижать, но...

«Дерьмо! У меня был чертовски хреновый день!».

Какое-то время, он просидел у колодца, приводя в порядок свои мысли. Но не смотря на своё пагубное состояние, до дома, в котором жила Ханна и её отец добрался быстро. В голове играли барабаны, и иногда мутило.

«Нужно было ведро с водой прихватить».

Во рту опять появилась сухость, и неприятный привкус, периодически подступающей тошноты. По дороге он вырвался водой, и ему стало легче, хотя во рту сделалось ещё противнее.

Здраво рассудив, что Ханна может быть где угодно юноша не придумал ничего лучше, как прийти к её дому. Он уже бывал здесь раньше, и знал Маркоса.

Когда его дочь вступила в гильдию, алхимик тоже решил проявить содействие, и стал делать противоядия для охотников, за ценными ресурсами.

«Если её нет дома, можно и с ним поговорить».

Он знал Маркоса, и не раз приносил ему заказы на противоядия для гильдии. Тадж подошёл к двери и постучался. Та тихо скрипнула, и приоткрылось во внутрь. На миг ему стало жутковато. Что-то было не так.

«Может Ханна пришла и не закрыла дверь?»

Он собрался, медленно открыл дверь и заглянул во внутрь:

— Есть кто-нибудь? — Голос прозвучал предательски тихо. — Чёрт.

Он вошёл во внутрь, а его глаза постепенно привыкали к темноте помещения:

— Э-эй, кто-нибудь есть дома?

Вокруг стояла тишина, только пол скрипнул, когда он прошёл вперёд.

«Похоже все спят. Может мне прийти завтра?».

Его мысли в глухой тишине, оборвал какой-то еле слышный звук. Он прозвучал совсем тихо, и вычислить его природу и источник было невозможно. Но через небольшой промежуток времени, звук раздался снова. Он был абсолютно идентичен своему предшественнику. Тадж прислушался, сам не замечая, как проходит в глубь дома, стараясь идти тихо, чтобы доски пола не скрипели. В его состоянии, это получалось не очень хорошо. Но чем дальше он проходил вперёд, тем отчётливее слышал эти звуки. Они раздавались с разной периодичностью и были похожи на тихое, обрывистое завывание ветра. Юноша подошёл к двери, за которой, как ему показалось, находится источник этих звуков. Он

открыл её, и чуть не свалился вниз, по каменным ступеням. Крутая лестница уводила в темноту. Короткое завывание прозвучало ещё раз, оборвалось, и стало тихо. Тадж всматривался вниз, но ничего не мог разглядеть. Почти все ступени, и то что находилось внизу было окутано непроглядной тьмой.

«Так можно и шею свернуть».

Он вернулся в дом и нашёл масляную лампу. Спуск вниз стал возможным, и он аккуратно, держась за стену одной рукой, а другой, ухватив, непривычно яркую после темноты лампу, перед собой, не спеша начал спускаться.

Это было не похоже на правду. Увиденное просто не укладывалось в голове. Такое бывает, когда уверен в чём-то на все сто процентов, но неожиданно узнаёшь, что ошибался. Это как будто тебе предлагают воды, которая на деле оказывается спиртом. Если человек этого не ожидает, то его рецепторы, несколько недолгих мгновений находятся в замешательстве, жжение, и осознание происходящего приходит не сразу. Так и сейчас, мысли Таджа реагировали на увиденную реальность.

Лампа не могла осветить всё помещение, но та его часть, на которую попадал свет, вызвала в голове юноши много вопросов, и неприятных предчувствий. Осколки алхимического инвентаря, и куски мебели, валялись по всюду. Щепки, стекло, металл и ещё куча всего перемешалось в беспорядке. В первые секунды, он не мог сдвинуться с места. Непонимание, и темнота впереди, вселяли в него неприятные ощущения чего-то жуткого. Догадки начали рождаться в сознании, одна хуже другой. Вокруг стояла тишина и темнота. Тадж аккуратно ступал вперёд медленным шагом. На полу не было места, чтобы свободно поставить ногу, он весь был усыпан обломками, и осколками, металлической посудой и её непонятным содержимым. Свет вырывал из мрака небольшие клочки пространства и являл юноше жуткое зрелище. Сделав несколько неуверенных шагов, он споткнулся обо что-то, и чуть не выронил лампу.

Увиденное на полу, вызвало у него желание развернуться, и убежать отсюда как можно дальше. Но это происходило в первые мгновения. Юноша быстро взял себя в руки.

«Что это за железная мумия? Похоже он не живой». Он не увидел это, пока оно не оказалось под ногами. Тадж распахнул свою красивую куртку, и достал прямой, кинжал. Кончиком клинка он потыкал в туловище непонятного существа, убеждаясь в своём предположении. Существо не пошевелилось. Голова была не подвижна, а в глазнице покоилась заточка.

«Кто его так?»

Звук, который юноша слышал наверху, повторился вновь, на этот раз гораздо громче, раздавшись откуда-то из темноты. Лампа снова чуть не вырвалась из его рук, от неожиданности. Теперь это завывание ветра стало больше похоже на всхлип. Тадж не раздумывая шагнул вперёд, он переступил, через спрута и двинулся в сторону, откуда послышался новый всхлип.

Тадж думал, что готов ко всему, но иногда происходят вещи, к которым просто невозможно подготовиться. Рука юноши ослабла и тряслась. Собрав последние силы он крепче сжал лампу, глядя на мертвое тело. Маркос лежал на спине, мертвенно бледный. Его остекленевшие глаза смотрели в потолок, изо лба торчал небольшой, метательный нож. Тонкая струйка крови уже запеклась, и казалась чёрной в свете огня. Вид мёртвого человека ошеломил юношу, к нему снова подкатила тошнота, мысли метались быстро и беспорядочно. Тадж понимал, что нужно что-то сделать, но стоял как вкопанный, борясь с дурнотой.

Он бы не за что не заметил Ханну, если бы не новый короткий всхлип. Она сидела на коленях, на границе света и тени, опустив лицо в пол, и обхватив руками голову. Её плечи, иногда вздрагивали, быстро поднимаясь и опускаясь. Рядом с ней, на полу стояла потухшая лампа. Вид девушки привёл юношу в чувства, и он не раздумывая бросился к ней:

— Ханна, ты ранена? Что здесь случилось? Кто это сделал? — Он присел рядом, обхватив её за плечи. — Ты в порядке?

«Чёрт! Что за дурацкий вопрос? Конечно она не в порядке!»

Он был взволнован, и не на шутку перепуган происходящим. Ему хотелось что-то сказать, утешить её, но нужные слова не приходили на ум.

«А что я ей скажу? Успокойся? Всё будет хорошо?»

Она дёрнулась, от его прикосновений, и подняла голову. Отрешённый и потерянный взгляд, покрасневшие глаза, не моргая смотрели на Таджа. Вид юноши подействовал на Ханну. Лицо стало приобретать страдальческое выражение, а глаза наполнились слезами. Она пальцем указала, за его спину:

— Эта тварь убила его! — Проговорила девушка, тонким дрожащим голосом.

Она снова опустила голову, прижавшись к полу, громко всхлипывая.

«Что? Эта тварь убила Маркоса?».

Это мало походило на правду. Вид лежащей поодаль груды металла вызывал страх. Он ещё раз взглянул на закованное в броню существо. В свете лампы, поблёскивала, гладко отполированная заточка, застрявшая в глазнице. Точно такая же заточка послужила причиной смерти алхимика.

«Если это оружие принадлежит этому, то похоже этот тип убил Маркоса, а потом покончил жизнь самоубийством».

— Послушай, Ханна, — Он снова обхватил её за плечи, — Ты уверена в этом? Похоже это сделал кто-то другой. Он убил и эту тварь, и твоего отца.

Девушка резко выпрямилась и сбросила его руки с себя. Она снова уставилась на Таджа, но так, будто заметила его только что. Слезы тонкими струйками стекали по её щекам.

— Что... что ты здесь делаешь? За чем ты пришёл? — Она непонимающе смотрела на него заплаканными глазами.

— Я... — Он растерялся, казалось, то что он хотел сказать было совершенно не уместно, но он всё-таки закончил фразу. — Я пришёл извиниться за то, что повёл себя так.

Девушка одно мгновение смотрела на него, а за тем издала громкий всхлип. В другой ситуации его можно было бы принять за смех. На миг, юноше показалось, что сейчас она разразится издевательским хохотом, смеясь над его нелепыми словами. Сразу последовал ещё один такой же всхлип, потом ещё один. Тадж потянулся к ней, но рука была, бесцеремонно, и грубо отбита в сторону:

— Ханна, послушай...

— Нет! — Она уже редела. — Нет! Нет!!!

Ханна резко встала, оттолкнула от себя Таджа и с криком убежала вверх по лестнице.

«Чёрт! Чёрт! Чёрт! Чёртов кретин! Надо было успокоить её, а не нести эту чушь!» Только вот нужные слова не лезли в голову. Обругав себя, он не раздумывая бросился за ней. «Сегодня определённо хреновый день».

Тёмные лабиринты улиц выглядели не знакомо. Юноша бежал по ним, беспорядочно сворачивал, то влево, то в право и ориентировался на звуки плача своей возлюбленной. Он запыхался, но никак не мог нагнать её, всё время останавливался, и прислушивался к ночной

тишине. Раны на спине саднили и Тадж снял куртку. Праздник был всё ещё в разгаре и здесь, в отдалении, от главных улиц и площадей, не было не души. Громкий плач раздался вновь, откуда-то слева и Тадж побежал на этот звук. Ему казалось, что он играет в прятки с призраком, которого никак не поймать.

«Где же она?».

Юноша завернул в проулок, из которого, как ему послышалось, раздавался плач, но никого не обнаружил, и остановился, пытаясь отдышаться. Он сильно вспотел. Звук раздался вновь, теперь уже справа и юноша, устремился туда, где, по его мнению, должна была находиться Ханна, но её снова не оказалось, там, где он ожидал.

«Нужно что-то делать. Так я её никогда не найду».

Девушка всё время перемещалась, не имея при этом цели, или конечного пункта назначения, и увлекала за собой юношу, всё дальше и дальше, от места трагедии. Хотя он уже не мог сказать этого наверняка, окончательно потерявшись среди высоких домов, в темноте. Новый звук, заставил его двигаться дальше. Тадж выбрался на более широкую улицу. Здесь было достаточно светло и он увидел, как в двадцати шагах от того места где он стоял, из проулка вынырнула какая-то тень, и быстро скрылась на другой стороне улицы. Луна на мгновение высветила синий сальвар, и блестящие в тусклом свете, вышитые золотые цветы. Тадж не зевал, и тут же бросился за ней. Он свернул раньше, в надежде перехватить её в проулках. Сменив тактику, он наконец-то смог добиться успеха. Она врезалась в него, и он схватил её крепко, не желая отпускать. Девушка редела, и рыдала, вырывалась и пихалась в надежде высвободиться. Она била юношу руками, и пыталась пнуть ногой, но он продолжал держать её зажав в своих руках, и сжав челюсти. Не нужно было ничего говорить. Сейчас любые слова были бы лишними. Он терпел тычки и удары, слушал крики душевной боли, и дикого отчаяния. Тадж совершенно не знал, что ему делать, но смутное чувство того, что сейчас ни что не сможет помочь её горю придавало сил и терпения, и он продолжал держать возлюбленную, обняв покрепче.

Прошло немного времени, но юноше оно показалась вечностью. Через несколько минут девушка начала уставать, её попытки стали более вялыми, а рёв и крики, превратились в тихий плач печали и скорби. Вскоре она совсем выдохлась. Её ноги дрожали, и она осела на землю. Тадж опустился рядом продолжая обнимать. Так прошло какое-то время. «Что же делать? Он пришёл сказать ей, что жениться на Манджуле, если через три дня он не дождётся согласия. А теперь совсем не хотел этого делать. У неё никого не осталось. Её отец убит. Происходит вообще чёрт знает, что! Ей необходимо помочь». Тадж не мог понять её, но видел, как ей больно.

«А мой старый придурок помирать не собирается. Дерьмо, не о том думать надо. Думаю, стоит её просто утешить».

Он, нежно погладил её по спине:

— Я здесь, с тобой. Всё буд... — он осёкся, вовремя одумавшись — я помогу тебе.

Ханна медленно приподняла голову, отстраняясь от Таджа, её неопределённый взгляд опухших от слёз глаз, устремился в пустоту, а голос был слегка охрипший:

— Ты не сможешь мне помочь. Теперь... никто не сможет... — Она медленно мотала головой.

— Что? Что ты имеешь в виду? Что у вас там произошло. — Юноше показалось, что тогда она была не в себе.

Девушка взглянула на него. От этого взгляда ему стало не по себе. В темноте было

плохо видно, но на него как будто дохнуло могильным холодом. Блестящие глаза мертвеца смотрели на него не отрываясь:

— Послушай, Тадж. Мне тоже есть, за что извинятся. Я была не совсем честна с тобой. Теперь я готова рассказать, почему я не дала согласия, и мы не встречались ночью. Теперь это всё уже не важно. Ни что не важно. Я не ходила на охоту по ночам. Последнюю неделю, я была больна. Точнее... я и сейчас больна. Мой отец придумал лекарство, которое убирает симптомы, но не лечит болезнь полностью. Она передалась мне по материнской линии. У меня неизвестная, неизлечимая болезнь, проклятие, от которого умерла мама. Всё это мне рассказал отец, когда со мной случилось тоже, что и с ней. Она умерла от этого, и я тоже умру, через три дня.

Ханна закончила свой рассказ, бессильно опустила голову, и прислонилась к стене:

— Прости меня Тадж. Я боялась рассказать, потому что люблю тебя. — Она больше не плакала, и горько усмехнулась. — У меня никого не осталось. И я умру вскоре после того, как закончится лекарство, которое мог изготовить только отец. Чёрт, а я даже не знаю, что произошло.

«Три дня...»

Эти слова камнем упали на душу, но было кое — что ещё. Тадж неотрывно смотрел на неё и впитывал каждое слово. Прямо сейчас, он стоял здесь перед ней и ненавидел себя.

«Как она это делает?»

Он, вместо того что бы проявить такую же твёрдость, пошёл и надрался, а потом, как ему сейчас вспоминалось, не сделал ничего достойного настоящего воина, и героя, да и вообще мужчины. Это заставило юношу устыдиться себя и своей слабости. С этими мыслями нарастала уверенность, и желание помочь, перейти к активным действиям.

— Ты ошиблась в подвале, кто-то убил и эту тварь, и Маркоса. Ты видела кого-нибудь?

— Видела кого-то, когда подходила к дому. Но он сразу скрылся, я даже не видела его лица. — она продолжала сидеть, уставившись в пустоту, — Ты женишься, заведёшь свою семью, а я даже не могу найти этого ублюдка, который лишил меня всего.

Тадж не мог не признать её слов, о свадьбе. Он сам собирался сказать ей об этом. Но сейчас его это не волновало. Ему всегда нравилась её воля к действиям и тяга к приключениям. Он никогда не видел девушку такой разбитой как сейчас. Но...

«Что значат её слова? Хочет ли она отомстить, и убить этого человека?»

Он не знал, и почему-то не решался спросить. Да и не хотел. Тадж уже принял решение и не бросит её, что бы не случилось. Юноша собирался что-то сказать, но Ханна движением руки остановила его, и резко встала на ноги:

— Тихо. — Прошипела она.

Юноша замолчал, глядя на возлюбленную, которая похоже к чему-то прислушивалась. Он всё равно не знал, чего ему ждать, и сделал то же самое. Сначала, не было слышно ничего, кроме тишины. Но уже через несколько ударов сердца ему начало казаться, что он что-то слышит. Сначала лязг, за тем громкий крик быстро оборвавшийся, и явно мужской. Звон металла проступил отчётливее, повторяясь с беспорядочной периодичностью.

— Что это? — шёпот показался ему предательски громким.

Она посмотрела на него в темноте, а за тем без предупреждения сорвалась с места и побежала на звуки ударов. Юноша тут же рванул следом, боясь снова потерять её из виду.

«Что с этими бабами не так? Только что с жизнью прощалась, а теперь, куда её понесло? Хотя понятно куда. Я и сам готов бежать куда угодно, хоть гидре в пасть, лишь бы

не думать обо всём этом».

И он бежал. За ней. Потому, что тоже хотел убежать, но не от смерти, а от своей беспомощности. От мысли, что он не в силах помочь возлюбленной.

Звуки слышались всё отчётливее, и уже можно было с уверенностью сказать, что Ханна выбирала правильное направление. Где-то не далеко шёл энергичный бой.

«Ого!» — Только и подумал он.

Молодая, горячая кровь не позволяла ему чувствовать себя трусом, но тем не менее стоило проявлять осторожность. Да, ему хотелось приключений, но не тех, что с плохим концом. Он наконец-то нагнал её и чуть не врезался, когда Ханна резко остановилась. Девушка подала ему знак не шуметь, приложив палец к губам, и они медленно подкрались к выходу из переулка. Эта ночь уже казалась Таджу просто полным бредом и безумием. Чего он только не насмотрелся за ближайший час. Сначала какой-то бронированный хрен знает кто, мертвец, а теперь ещё и это. Они незаметно выглядывали из переулка, и наблюдали за развернувшимся, на широкой улице, сражением.

Какой-то тип в чёрном отчаянно отбивался от асуры из отряда генерала Шилы. Об этом Таджу говорил его жёлтый халат и тюрбан. Он ловко напирал на человека, который ушёл в глухую защиту, орудуя короткой глефой. Скорость асуры поражала, он налетал на противника большими и мощными скачками, наносил молниеносный удар клевцом, и отпрыгивал обратно. Уверенная защита встречала клевец, лезвием и древком глефы, при этом человек в чёрном пытался контратаковать, но не поспевал за асурой. Скорость боя, и частота ударов, вызывали восторг и благоговейный ужас. У Таджа волосы стояли дыбом, а сам он покрывался холодным потом.

«Какой человек мог противостоять асуре уже столько времени, да ещё и ночью? Да ещё и двум?!»

Глефу человек в чёрном забрал у второго асуры, который распластался на земле и похоже не шевелился. По телу поползли мурашки от такого зрелища. Асуры считались непревзойдёнными воинами, грозной и главной силой Синдарии, а сейчас он наблюдает за тем как один человек даёт отпор кровососам.

«А человек-ли это?».

Он посмотрел на Ханну. Та похоже обезумела. Она хищным взглядом впиалась в лысого человека. Злобно и изучающе смотрела на него. Было похоже, будто она вот-вот кинется на него, как голодный волк на зайца.

— Зачем мы сюда пришли? Думаю, лучше не встречать. Уверенный и полный решимости взгляд резко обратился на него. Такой она ему всегда и нравилась, в её глазах, пылал изумрудный огонь.

— Это он. Этого человека я видела рядом с домом, — голос её звучал под стать взгляду, — Тогда мне было всё равно, но это точно он.

Сложно было не поверить. Непривычные для этих мест закрытые плотные одежды чёрного цвета, сильно контрастировали с местными нарядами, а его лысая голова, была похожа на бледную луну, разве что не светилась. Сперва он хотел спросить, не ошиблась ли она, но присмотревшись к весьма необычному для этих краёв человеку, пришёл к выводу, что ошибиться было тяжело.

«Запоминающийся мужик».

— Я убью его! — Услышал он рядом, и на уровне рефлексов успел поймать Ханну, уже рвущуюся в бой голыми руками. Он схватил её, и оттащил в переулок:

— Успокойся же ты! Она вырывалась, и не слушала его. Её действия снова приобрели форму истерики. Нужно было что-то делать и срочно, пока она не натворила глупостей. Он отстранил её от себя, а потом вlepил ей пощёчину, несильно, но эффект был достигнут. Холодная вода тоже отлично бы подошла, но её под рукой не оказалось. Ханна гневно посмотрела на него, а Тадж воспользовался образовавшейся заминкой:

— Одумайся, и послушай! Ты уверена, что это именно он был у тебя в доме? Ты сказала, что он был рядом с домом... — Он не хотел пускать её туда, а тем более идти сам. Ясно же было, что их там по стенке размажут, но он не должен показывать слабости при ней, больше никогда. — Может стоит убедиться? — Звуки боя приблизились, и в переулке послышался лязг. На выходе, там, где кипел бой что-то упало. Они подошли ближе, и уставились на метательный нож. Идеально отполированный металл, и узкое лезвие. Память резануло воспоминание, и Тадж сразу узнал оружие, убившее Маркоса:

— Такой же нож, как и в подвале.

Он посмотрел на возлюбленную, которая снова рванулась в бой, и в последний момент схватил её за руку, затащив обратно во мрак переулка:

— Да прекрати же ты! Куда ты пойдёшь? У тебя даже оружия нет.

«Только бы не пускать её туда. Интересно, там на западе, все такие, или только эта?».

— Это он. Ты сам сказал, что это его нож. — Она указала на заточку. Звуки боя опять приблизились, а потом снова отдалились. Девушка выжидающе смотрела на Таджа.

— Послушай, я не против, что бы ты убила этого уроды. Да я и сам с удовольствием помогу, вот только мы не справимся. Ты видела, как он дерётся? Он нас убьёт. Если асура не справиться, то у нас нет шансов.

— Мы сможем ему помочь, вместе мы справимся.

— Справимся? Да я за ними просто не успею, нужно подождать конца боя, может асура его убьёт, или ранит, а ты добьёшь. Она ничего не ответила, просто выглянула из переулка и смотрела на продолжение боя. Тадж выглянул следом. Только боя больше не было. Юноша снова был неприятно удивлён. На деле это выражалось тем, что он вцепился в Ханну, готовый всеми силами не пустить её к этому ужасному человеку. Но она и не пыталась ни на кого напасть, лишь смотрела на убийцу своего отца.

Глефа последний раз опустилась, кровь брызнула на мостовую. Жуткий человек в чёрных одеждах, отбросил оружие, а за тем из его предплечья повалил розовый дым и скрыл его полностью. Когда дым рассеялся, человек направился прочь со светлой улицы, и скрылся в ночном переулке. Ханна ещё раз посмотрела на Таджа:

— Быстрее! — Сказала она и рванула за лысым мужчиной.

Тадж не отставал, а в душе молился богу Ганеше что бы им на пути попался патруль стражи. Хотя, какой там патруль против этого монстра?! Безрассудство возлюбленной пугало его не на шутку и хотелось заручиться хот какой-нибудь поддержкой. Ханна, похоже не сомневалась в том, что человек в чёрном убил её отца. Да он и сам глядя на редкий для этих мест клинок не видел причин для сомнений.

Они старались держаться на расстоянии, и не шуметь, но это давалось не легко. Человек шёл слишком быстро и красться за ним приходилось чуть ли не бегом, как на охоте в джунглях. Раньше они охотились вместе. Приятные воспоминания нахлынули, но тут же отступили обратно, как морская волна, бьющаяся о скалы, они наткнулись на неприступную стену реального сейчас. Сейчас всё было по-другому, и надежды на то, что всё будет как раньше уже нет. Пропетляв минут десять, они вышли к гостинице для богатых купцов,

которые заезжали не так уж часто, зато могли оставить здесь целое состояние. Человек скрылся во дворе, а они остановились, и спрятались в тени домов, напротив.

— Что будем делать? — Спросил юноша.

— Придём, когда он уснёт, и убьём его. — сквозь зубы процедила девушка.

— Ты серьёзно?

— А что ты предлагаешь? Развернуться и по домам? Не знаю, как ты, а я так не могу. А что бы ты делал, если бы убийца твоей семьи маячил у тебя под носом?

— На твоём месте, я бы тоже места себе не находил, но зачем бросаться к зверю в пасть. У нас есть все доказательства, мы должны сообщить страже, его схватят и казнят. Так уж важно, как он умрёт? В ответ он услышал молчание. Ханна смутилась и задумалась. Прошла почти минута, пражде чем она ответила:

— Да, хорошо! Он нам не по зубам, я не слепая, сама всё видела! — Бессильно согласилась она. — Но я должна что-то делать.

— Нам нужно найти патруль.

Из-за угла, ниже по улице, послышались мужские голоса, а вслед за ними и ночной патруль. Восемь стражников в остроконечных шлемах и кольчугах поверх шёлковых халатов, не спеша шли, и о чём-то бурно спорили. Ханна смотрела на них пару мгновений, а потом двинулась на встречу. Тадж шумно выдохнул, и пошёл за ней.

«Сегодня, определённо, чертовски, хреновый день!».

IV

— Вжик, вжик, вжик...

Рюк водил точильным камнем по клинку. Ему бы стоило поспать, но в этом и была проблема. Зелье, которое он принял утром, наделяло не человеческими, и по истине чудесными силами. Только, как говорил Волес: «Что-то там эффекты дадут о себе знать...». Он устал, жутко устал с дороги, ему бы сейчас спать вместе с остальными, даже странный охранник принца, раскинувшись на диване и дремал. А он не мог. Бессонница продлиться где-то сутки, так что к рассвету должно полегчать, а сейчас, усталость упиралась в невидимую преграду, не позволяющую погрузиться в омут сладкого забвения. Он был не похож сам на себя, состояние его нервировало, а также заточка клинка и даже глухие шаги принца раздражали. Тот ходил из угла в угол, мерил шагами обеденный зал вот уже минут двадцать и периодически поглядывал на свои механические часы в форме луковицы. Огонь в лампах танцевал и отбрасывал свет на орлиный профиль. Сквозь кованые узоры, он рисовал тенями на сосредоточенном лице, когда Эдриан проходил особенно близко к лампе. Волнение читалось во взгляде принца, и оно передавалось северянину постепенно, каждый раз, по чуть-чуть, с редко бросаемыми нервными взглядами в его сторону.

Джостара не было довольно долго, и великан ожидал приказа найти убийцу. Он ему не нравился, Рюк не скрывал этого. Он с самой первой встречи испытал тупую неприязнь к этому человеку и это чувство он не мог обосновать сначала. Прошло время, а неприязнь всё нарастала вместе с пониманием природы её появления. Когда-то Рюк знал таких людей и дело было здесь не в ремесле убийцы. За ним самим тянулся проклятый кровавый след, деяния прошлого никуда не делись, преследовали его, напоминали великану о себе не принося покоя. Он прошёл много войн, подкрадывался в темноте к вражескому лагерю, убивал спящих, таких же как он, уставших от сражений воинов. И оправданий себе он не искал, а таким людям как Джостар тем более. Убийца, а не воин, который с лёгкостью устранял ребёнка или женщину, неважно кого и каким способом. Такой человек, по мнению северянина легко мог улыбаться тебе в лицо, и держать за спиной нож, чтобы пронзить им сердце, когда ты отвлечёшься. Таким людям нельзя доверять.

Меньше всего доверия в Глухоморе испытывали к берсеркерам в приступах кровавой ярости.

Эдриан стоял стеной между взаимной неприязнью двух убийц. Рюк не очень разбирался в таких вещах, но все они были нужны принцу для проведения какого-то ритуала, и только его приказ не позволял устроить им двоим кровавую бойню. Он говорил, что каждый член этой группы особенный и каждого он нашёл с помощью звёзд. Великан любил звёзды. Они напоминали ему о доме и о его мечте, звезде, которую он скоро достанет с неба. Каждый, кого нашёл Эдриан, имел свою мечту и самое главное, что понял северянин, эту мечту осуществит принц и исполнит его желание. Всех объединяло желание. У каждого своё, но оно было. Даже у Джостара, а ещё у принца, который не переставал быстро ходить по залу.

— Вжик, вжик, вжик...

Точильный камень работал, выдавал монотонный, назойливый ритм и казалось, что это он не давал блондину остановиться. Рюк знал, что его покровитель ждал самого убийцу не

меньше костей, смерть Джостара рушила все планы. Костей много, а убийца такой один, как и каждый из них. Именно так и понял северянин и с этим пониманием подкралось волнение, которое излучал Эдриан. Даже Лавий не удостоил их своим назойливым присутствием, призванный быстро сообщать о неприятностях. Джостар всегда действовал на своё усмотрение, и редко посвящал принца в свои планы. Всё это порождало недоверие, с которым, в прочем, блондин готов был мириться ради осуществления планов. И Рюку приходилось делать тоже самое. У Джостара было больше свободы и он пользовался своей незаменимостью. Великану иногда казалось, что в их бесконечных спорах, когда-нибудь, его покровитель не выдержит и собственноручно убьёт этого убийцу, ну или хотя бы попытается. Этот, с механическими руками был хорошим бойцом, и северянина это ещё больше раздражало. Но телохранитель не нарушал приказа. Загнанный рабовладельцами в самое сердце королевства Ферос, Рюк рубился, как загнанный зверь, но измотанный и уставший понимал, что проиграет. Тогда он и повстречал принца. Господин Эдриан спас его жизнь, и великан безоговорочно доверял блондину. Он сам предложил принцу свою жизнь и свое оружие в преданность и на веру, как делают на его родине. По доброй воле.

— Вжик, вжик, вжик.

Северянин глазами следил за принцем, мысленно готовился к исполнению приказа — отправиться на поиски Джостара, который как всегда не озаботился подробно рассказать Эдриану о своих действиях. Так что, круг поисков сужался до пределов всего города и не маленького города, как показалось великану.

Дверь открылась неожиданно, в проём ввалился убийца и не мало удивил своим внешним видом.

— Где кости? Почему так долго? — Спросил принц одновременно громко, угрожающе и властно. Камзол убийцы бал изорван, на голове зияла кровавая рана, рука висела плетью, а глаз отсутствовал, но принца это, если и обескуражило, то он не подал вида.

Джостар не удостоил его ответом, прошел мимо и плюхнулся на диван. Налил себе полный бокал вина и выпил залпом, и только потом, здоровой рукой залез во внутренний карман и извлёк на свет прекрасное и редкое украшение. Он небрежно бросил его на стол, после чего налил себе ещё вина.

Принц всего несколько ударов сердца взирал на лежащее перед ним украшение. Белые бусины, некоторые, размером с перепелиное яйцо, были искусно сплетены в узор. А за тем он придиричивым и гордым взглядом принялся за изучение убийцы.

— Что с тобой произошло?

— А сам как думаешь? — Язвительно ответил Джостар, осматривая повреждённое предплечье. — У алхимика оказались не только кости, но и сторож, страшная тварь. Пришлось её убить и старика тоже. — Лезвие из повреждённой ладони, показалось на половину, не желая выходить дальше, а убийца, подвернул рукав камзола, и продолжил осмотр.

— Это он тебя так отделал? — Надменная усмешка заставила на секунду отвлечься собеседника от осмотра повреждений.

— Да, а это ты знаешь дорогого стоит. — Он вернул принцу усмешку и снова увлёкся изучением руки.

— Прекрасно знаю. Тебя точно никто не видел?

— А раз ты прекрасно знаешь, зачем задаёшь мне такие вопросы? Вот кости, меня никто не видел и всё прошло гладко...

— Не стоит так торопиться, человек. Ночь только начинается.

Холодок пробежал по спине убийцы. Этот голос он не ожидал услышать. Не знал о присутствии произносившего эти слова до последней секунды. Только сейчас до его слуха донеслась тихая поступь того, кто подкрадывался сзади. Нет, не подкрадывался, просто шёл, как будто прогуливался, но настолько тихо, что его шаги не мог различить обычный человеческий слух. Он двигался как зверь на охоте, терпеливо и не спеша. Джостар слушал шаги и чувствовал в них грацию и изящество ночного хищника.

Убийца продолжал стоять, в ожидании продолжения, он совершенно не знал, что делать. Тот асура, что появился первым, неотрывно наблюдал за ним и не давал шанса на какие-то ответные действия. Второй асура медленно подошёл сзади и прошипел:

— Куда ты идёшь человек? От тебя пахнет кровью и смертью. У тебя идёт кровь, почему? Может она просто не нужна тебе? Мы можем взять её, если она тебе не нужна. Или ты пострадал в бою? Скажи нам человек, и мы поможем тебе.

Джостар прекрасно понимал, в каком положении оказался, но это понимание никак не могло ему помочь, и он не знал, что делать. Убийце оставалось только не выдать своих страхов, и он полностью сосредоточился на этом, быстро взял под контроль дыхание и успокоил мысли, не забыв при этом отвечать этому страшному существу самым праздным тоном, на который только был способен:

— Да нет, что вы. — Он беззаботно улыбнулся. — Просто подрался по дороге, ничего серьёзного. Повздорили немного, но я не в обиде.

Стоило как можно быстрее отделаться от них, и свалить отсюда. Он не справится с двумя асурами ночью, это было просто невозможно. Когда он встретил первого, то ещё лелеял надежду, что сможет одолеть его в бою, но появление второго обрушило эту надежду, оставив её руины на поругание бандам противного страха. Цепкие пальцы впились в его плечи, а над ухом звучал шипящий, похожий на громкий шёпот голос:

— Не пытайся обмануть нас, человек. Мы чувствуем страх и смерть. Они растворились в твоей крови и ввелись в твоё тело. И мы узнаем всё, что хотим. Но если ты будешь нам врать, то мы добудем правду, высосав её капля за каплей. Безэмоциональный шипящий голос не угрожал и не запугивал, а просто известил от чего становилось совсем уж не по себе. Сильные руки стиснули его плечи, так, что было трудно двигаться, он глядел прямо на асуру в жёлтом халате. Тот отпустил клевец и уставился в ярко-голубые глаза Джостара.

Алые глаза гипнотизировали лишали воли и желаний. Ему всецело хотелось довериться этим прекрасным существам и отдать им всю свою кровь без остатка. Убийце чудилось, что он парит над землёй, лёгкий, как пушинка. Противиться было почти невозможно, и вот он уже готов обнажить шею и предоставить кровавое угощение. Хотелось, как на духу, рассказать им всё, что с ним произошло, всё, что он совершил в доме алхимика. Но вдруг сознание вернулось, вместе с волей и пространственной ориентацией, отозвавшись болью в не до конца зажившей ключице на которую асура слишком сильно надавил. Джостар резко и глубоко вдохнул, вырвался из гипнотического омута и дёрнулся в крепкой хватке:

— Что происходит? Я ничего не сделал, отпустите меня! — Он заговорил возмущённо, но получилось не очень убедительно.

Пальцы надавили сильнее и голос над ухом прозвучал вновь:

— Как интересно. Что же человек. Сейчас... мы... всё... узнаем. — Резким и сильным рывком асура отдернул шею убийцы, раскрыл рот и с размаху вонзил в неё острые белые клыки.

Джостар чувствовал, как слабеет. Кровь покидала его вместе с силами. Асура крепко вцепился в шею и жадно пил. В ушах стоял звон, а зрение помутилось, он не понимал, что происходит. Но это продлилось не долго. Что-то изменилось. Его больше не держали крепкие руки, ноги подогнулись, но он выстоял, собравшись в последний миг. Звон в ушах проходил, а зрение начало фокусироваться в считанные секунды. Он посмотрел за спину, где только что находился кровосос и мысленно улыбнуться. Асура в белом халате и тюрбане, сорвал маску, и стоя на четвереньках блевал кровью. Вскоре он упал в большую багряную лужу и больше не шевелился. Убийца не ожидал такого эффекта, но сразу понял, что именно произошло. Он перенёс множество хирургических вмешательств в операционных своего бывшего клана. Операция на позвоночнике, чтобы он мог управлять своими протезами и алхимические вливания, прежде чем начать новую жизнь, посвящённую интересам клана. В его организм вживили специальную железу, которая прижившись в теле, выделяла биологическое вещество. Оно смешивалось с кровью, проходило через протезы, что заставляло работать механизмы, а кровь получила интереснейшие свойства, не доступные гумору простых смертных. Именно это вещество и отравило организм кровососа. Благодаря всему этому он был на порядок быстрее, сильнее и совершеннее обычного человека. С более превосходным зрением и слухом, сама кровь гораздо быстрее сворачивалась, а раны заживали, как на собаке. И сейчас его возможности и благоприятная ситуация давали ему выбор.

«С одним асурой, хотя бы есть шанс справиться...».

Джостар не успел додумать свою мысль. Когда он развернулся, его враг уже летел к нему на исходе стремительной атаки. Убийца действовал интуитивно. В последний миг он выставил руку и отвёл удар предплечьем. Атака прошла вскользь, клевец ушёл вниз и увлек асуру за собой. Джостар не успел понять, что произошло, как тут же получил ногой с разворота и пятка кровососа впечаталась в его челюсть, и голову откинуло назад. Тело повело, и он еле удержался на ногах. На расстоянии вытянутой руки в кровавой луже лежал асура лицом вниз. К его спине на кожаной перевязи крепилась глефа которую убийца ловко схватил и тут же отразил новую атаку. Кровосос ударил, а Джостар выставил древко для защиты. Глефа выдержала сокрушительный удар, но самого человека отбросило. Он сильно приложился о стену, и резко ушёл в бок от следующей свирепой атаки. Клевец оставил большую выбоину в стене и выдал фонтан каменной крошки прямо в лицо убийце который дернулся и болезненно вскрикнул. Он ударил в слепую, выкинул правую руку с блестящим узким лезвием в лицо врагу. Асура успел отпрыгнуть на несколько шагов, подарив драгоценные мгновения передышки своему противнику, на которого, впрочем, было жалко смотреть. Удар клевца оказался такой силы, что каменные осколки исцарапали убийце лицо. Кровь быстро запеклась, но глаз был потерян навсегда. Какой-то большой осколок повредил его, и он вытек. Одним единственным, ярко-голубым глазом Джостар посмотрел на своего врага. Кровосос ожидал увидеть страх во взгляде своей жертвы, поэтому не спешил нападать. Расслабленная поза говорила о пренебрежении к противнику, он хотел насладиться чужим страхом и своим превосходством, но жертва не боялась. Раненная дичь, загнанная в угол, испытывала только гнев. Осознание пришло к асуре не сразу, он ринулся в атаку, только было уже поздно.

«Убью! Убью! Убью! Убью!»

Джостар резко ухватился здоровой рукой, за раненное предплечье. Тайная пластина сработала и адреналин побежал по крови убийцы. Он подействовал мгновенно. Атака ночного хищника была отбита, и он отпрыгнул назад, чтобы атаковать вновь.

«Убью! Это я убийца! А ты жертва!»

— Жалкий кровосос, ты мне не ровня. — Прошипел он, отбивая очередной, быстрый выпад. Под действием адреналина его охватила эйфория, раненная рука больше не доставляла неудобств, а на место мыслей о потерянном глазе пришла ненависть и ярость. Сейчас был только он и жалкий червь, жаждущий скорой смерти.

Асура наскакивал, наносил удар и отпрыгивал обратно, потому что Джостар отчаянно пытался перейти в наступление. Враг казался неумолимым, он бросался в атаку без конца и наносил мощные удары. В очередной раз асура отпрыгнул, и на два пальца разминулся с метательным ножом, который чуть не проткнул ему глаз.

— Чёрт!

Джостар выругался, но времени не терял. Он атаковал сам, и тут же встретил сильный отпор, а весь развитый успех свёлся к тому, что убийце удалось сместиться от стены, на середину улицы. Эффект неожиданности был потерян. Не смотря на действие адреналина, асура оставался быстрее и сильнее. Он снова атаковал, безудержно наносил быстрые удары клевцом, под разнообразными углами, всё время менял стойки, и наступал с таким неистовым напором, словно хотел покончить с врагом единственным ударом.

Бессилие злило, съедало его изнутри, оставляло пустоту, которую тут же заполняли ярость и ненависть к врагу.

«Убью! Ты меня не остановишь! Не встанешь на пути моих желаний! Моей мечты!»:

— Умри!

Он крикнул и отбил очередной удар. Сделал резкий выпад, вынудив противника отпрыгнуть. В левой руке появился метательный нож и полетел до того, как враг завершил прыжок. Голову отбросило силой удара. Он попал! Это было неожиданно. Не сработавшая с первого раза уловка, сработала со второго, да ещё и раненой рукой. Джостар ринулся к врагу. Голова того была опущена, из скулы торчала заточка и по ней медленно стекала кровь. Асуре был нанесён ощутимый урон и это если не убило её, то существенно ранило и вывело из строя на какое-то время. Должно было ранить, и убить, и вывести из строя. Вот он враг, сейчас он умрёт, его голова покатится по земле, а за ней рухнет и тело. И... Джостар почувствовал, что оружие застыло и не движется и только потом увидел когтистую руку, что держала глефу.

«Какая же сила!»

Кровосос был быстр и собран, он обманул свою жертву. Нож так и торчал в его скуле, а металл поблёскивал в лунном свете. Одной рукой асура держал глефу, а другой нанёс удар клевцом. Это было неожиданно, обычный человек не смог бы эффективно ударить таким тяжёлым оружием на такой короткой дистанции, и Джостар сделал то, что успел. Он выставил раненное предплечье и шип клевца пробил его насквозь. Боли убийца не почувствовал, но рука больше не слушалась. Асура попытался освободить оружие, но не тут-то было, шип клевца намертво застрял в предплечье. Это вызвало мгновение замешательства у кровососа и невероятно быстрые действия со стороны убийцы.

Он снова испытал гнев. Протезы можно было отремонтировать, или заменить, но он сегодня вдоволь навоевался. Сначала этот мерзкий старик с его каракатицей, потом асуры.

«Надо было ту северную обезьяну с собой брать! Которая сидит сейчас в тепле, и греет свою задницу. Как и все остальные, пока я тут жизнью рискую за общее дело. И ведь хрен кто оценит!»

Вспышка злости вырвалась в один миг и голова Джостара впечаталась в лицо асуре. Из разбитого носа брызнула кровь, а маска слетела. Немедля, убийца отпустил глефу, и резким движением выдернул заточку из головы вампира, для того что бы вонзить её в сердце противника. Удар был быстрый, сильный и более результативный, чем ранение в голову. Джостар почувствовал, как лезвие пробило кость, в том месте, где её не должно быть, и погрузилось дальше. Ударом ладони он загнал заточку в грудь кровососу полностью. Асура тут же обмяк, и выпустил клевец. Он упал на четвереньки. Костяной нарост вокруг сердца, призванный защищать уязвимое место, не справился со своей задачей.

Никто в Синдарии не знает, что именно произошло с царём Сераджем, кроме него самого. Посвящённых было не много и все они давно умерли, унеся эту тайну в свои могилы. Любые повреждения, нанесённые асуре даже повреждение мозга, не являются смертельными, но сердце...Асура суть вампир, пьющий кровь и за счёт неё живущий, а сердце, которое бьётся быстрее чем у обычного человека, непрерывно гонит кровь через его тело. Как и весь организм сердце быстро регенерирует, но заточка мешала, не давала ему нормально работать и сильно ослабила кровососа. Вампир стоял на четвереньках, выпустив клевец, рука потянулась к груди, он медленно раздирал одежду острыми когтями. Джостар бил так, как ему подсказывало чутьё. Голова и сердце, две самые уязвимые точки у всех его жертв. Убийца мало знал об асурах, но опыт и выучка не подвели. Он не медлил, схватил глефу одной рукой и с силой опустил её на шею вампира. Голова покатила по земле, тело рухнуло, подавшись вперёд, а кровь медленно, расплзлась по земле багряной лужей.

Навалилась усталость, несмотря на то, что адреналин ещё действовал. Раны почти не болели, вот только отсутствующий глаз чесался. Джостар дотронулся до глазницы и зашипел от боли. Это немного привело его в чувство, и он продолжил свою работу. Подошел к другому асуре и тоже срубил ему голову, а только после этого отбросил глефу, затем вытащил клевец из парализованной руки и тоже отбросил в сторону. Усталость была такая, что гнев сразу улетучился. Ему хотелось поскорей вернуться в гостиницу и обработать раны. Асуры больше не подавали признаков жизни. Решение о дальнейших действиях он принял мгновенно, сказывалась усталость и слабость, а также отвращение к этим существам.

«Всё равно, даже если тела спрятать. Кровь останется».

Он осмотрелся вокруг, взглянул на небо.

«С первыми лучами солнца они сгорят, а здесь, это случится гораздо раньше, чем в тёмном переулке».

Больше он не раздумывал, задрал широкий рукав камзола, и обнажил немного увеличенное предплечье. Протез пробило насквозь и внутри отверстия в свете луны можно было разглядеть повреждённые механизмы и поломанные металлические трубки, искорёженные шестерёнки с изломанными зубьями и торчащие в нескольких местах пружины. Из отверстия медленно стекала какая-то, не определённого цвета жидкость.

Сила асуры впечатляла. Вампир мог орудовать клевцом всего лишь одной рукой, с невероятной лёгкостью. Человек не смог бы нанести столь мощный удар с такого близкого расстояния, и уж точно бы не пробил протез из секретного сплава. Джостар бегло осмотрел повреждения своим единственным глазом, потеря которого волновала его куда больше, чем урон, нанесённый протезу и нажал на ещё одну невидимую пластину. Из повреждённой

руки, прямо из отверстия, оставленного клевцом повалил розовый дым. Ветра не было, и он равномерно рассеивался вокруг убийцы.

Клан хранил много секретов и тайн, о своих технологиях, сокрытых от остального мира. Убийца должен быть не зрим и не ощутим, для других органов чувств. То, чего не заметят люди, учуют собаки, или иные существа с развитым обонянием. С этой целью и был создан «Розовый дым». Там, где он оседал, пропадали все запахи, а эффект мог длиться почти час. В городе находились ещё вампиры, которые наверняка почувствовали смерть своих, они не должны были взять его след. В другой протез тоже были встроены три аналогичные пластины, стой лишь разницей, что вместо «розового дыма», убийца выпускал газ из орочей слизи, чтобы убивать чародеев. Джостар немного посмотрел на раненную руку и на место, где располагалась третья, последняя пластина, но тут же отвёл взгляд и зашагал в сторону гостиницы к долгожданному отдыху и вкусной еде. Третью пластину он не хотел трогать, даже думать о ней. Она была его проклятием, и убийца мог только порадоваться, что тайное отделение внутри протеза осталось невредимо.

— И это по-твоему прошло гладко?!

Кажется, Рюк задремал, но громкий голос Эдрана вернул его в чувства. Охранник тоже проснулся и медленно озирался по сторонам. Принц тем временем продолжил говорить властно, обращаясь к убийце:

— Посмотри на себя! О том, что ты мог умереть, ты не подумал, или тебе и на свои желания насрать тоже?! Ты плюёшь на общее дело и готов подставить под удар всю мою работу, в которую я вложил огромные силы и средства! А ты можешь всё мне испортить!

На этих словах Джостар быстрым движением вытащил заточку из повреждённой ладони и с силой вонзил в столешницу. Он резко встал и гневно уставился на принца:

— Общее дело? Ты ещё мне будишь говорить про общее дело?! Так вот оно, твоё общее дело, лежит перед тобой! И занимался им я, пока ты и все остальные прохлаждались здесь! И сил, и средств, как видишь вложил не мало! — Он на мгновение прервался, продемонстрировав свои увечья. — Так что не смей говорить мне об общем деле, пока вы сидите здесь, а я делаю свою работу! Да если бы пошел кто-то другой: ты, твои олухи, — он указал головой на охранника в шляпе, — или твой личный сторож... Взгляд убийцы обратился на Рюка сидящего на табурете около стены. Его ярко голубой глаз, встретился с грозными глазами северянина:

— Что!? — Джостар, поднял безвольно болтающееся предплечье и помахал им перед собой, показывая великану. — Видишь? Я не в настроении обмениваться любезностями с тобой. Да катитесь вы оба к чёрту! — Он плюхнулся обратно на диван, и налил себе ещё вина. — Я здесь и живой, а кости лежат перед вами!

Он взял бокал и уже хотел опустошить его, он вопрос блондина опередил его:

— Где Лавий?

Джостар не донёс бокал до рта:

— Я думал он с тобой.

— Ты думал?! Да вы оба совсем охренели! Где он чёрт тебя побери?! Что там у вас произошло?! — Вышел из себя принц.

— Я вошёл в дом, и больше его не видел. Когда вышел, мелкого паскудника уже не

было. — Серьёзным тоном выпалил он. — Думал, что он свалил к вам.

— Нет, он к нам не прилетал. — Более спокойно ответил собеседник.

— Ну значит полетел ещё куда-нибудь. — Развёл руками Джостар. — Ты же его знаешь.

Небось нашёл какой-нибудь местный притон и радуется жизни.

— Убью гада. И где мне его искать?

— Понятия не имею. На рассвете сам прилетит... я думаю.

— Твою мать, а если он кому-то расскажет? У него моча в голове! Ты мог присмотреть за ним?

— Ещё чего! Я ему в няньки не нанимался. Он должен был следить за улицей, пока я занимался делом. Да и кому он расскажет? Таким же наркоманам? Он имени своего иногда вспомнить не может.

— Надеюсь, что так. Он бы нам ещё пригодился.

Джостар снова развёл руками, взял бокал и опять не успел отпить хотя бы глоток. Входная дверь открылась, и все уставились на входящих стражников. Они, бряцая кольчугами направились к столу, ведомые молодым парнем в богатой одежде и девушкой с распухшим от слёз лицом, которая, как только увидела Джостара впиалась в него пылающими гневом глазами. Охранник Эдриана, встал рядом с принцем, выжидающе глядя на пришельцев. Блондин успел кинуть полный непонимания взгляд на Джостара. Тот выглядел растеряно, то что сейчас происходило, было для него такой же неожиданностью, как и для всех. Восемь стражников и двое молодых людей подошли к столу, а девушка резко подняла руку и указала пальцем на убийцу:

— Вот он. Это он убил моего отца!

Они сомневались, да и Ханна, впрочем, тоже, разглядывая ненадёжное оружие патрульных. После увиденного ей в переулке, массивные деревянные дубинки выглядели детскими игрушками; притороченные к поясам стражников, они годились только для того что бы утихомиривать воров, дебоширов и других городских обывателей, впрочем, как и сами обладатели не надёжного оружия. Только у командира в место дубинки имелась простенькая сабля. Но иного выбора не было. Поиск помощи в других местах вызывал страх того, что она снова упустит убийцу отца, и не сможет отыскать его вновь.

— Ты уверена девочка?

Усатый командир патруля перевёл взгляд с гостиницы на неё. На его лице можно было разглядеть целую гамму противоречивых эмоций. С одной стороны, сообщение об убийстве являлось серьёзным обвинением, а с другой... Большой праздник, все навеселе, в том числе и городская стража. Патрулирование этого района должно было пройти покойно, без происшествий, все заправские кутилы сейчас собрались на площадях, и становились головной болью той части стражи, которой достались центральные районы города. При правлении царя Сераджа, воров в стране сильно поубавилось, никому из них не хотелось провести остаток жизни, или хотя бы какую-то её часть в кровавых тюрьмах Синдариин, поэтому здесь была тишь да гладь. Весь патруль настроился на спокойную смену, пытаясь извлечь из рутинной работы всё самое хорошее. В руках некоторых стражников, помимо масляных фонарей, присутствовали бурдюки с вином, и все были уже слегка навеселе. На лицах всех восьмерых угадывались одни и те же мысли. Меньше всего им сейчас хотелось решать какие-то проблемы, связанные с исполнением прямых обязанностей.

— Да ладно, посмотри на неё, глаза красные, морда опухшая, да она обкурилась или с перепоя. — Обратился один из патрульных к своему командиру. — Оставь её, и пошли дальше. А ну иди отсюда, пока дубинкой промеж ушей не получила! — Он схватился за дубину у пояса, и сделал шаг в сторону девушки, но она не отшатнулась, продолжив умоляюще смотреть на командира отряда.

Усатый стражник остановил его жестом руки. Похоже, он был ещё относительно трезв, по сравнению со своим агрессивным подчинённым и его мнения не разделял. Сомнения всё ещё не покидали его, казалось, он ждал чего-то, что смогло бы подтолкнуть к правильному решению. Лень боролась с чувством ответственности. Игнорирование жалоб обывателей было делом привычным, но девушка являлась иностранкой, при чём не плохо одетой, в общем, на городское отребье никак не походила. Размышляя о последствиях, которые могли сулить ему большие проблемы, он ещё раз окинул её придирчивым взглядом и спросил:

— А сама-то ты кто будешь?

— Мой отец алхимик, его зовут... звали Маркос, — на этих словах голос её дрогнул, — мы держим лавку на улице....

— Достаточно. — Командир патруля перебил её. — Я всё понял. Но ты ведь понимаешь, что, если ты соврала, или ошиблась, могут быть проблемы. Понимаешь, о чём я говорю?

— Ты что ей поверил? — Снова вмешался тот стражник, который хотел прогнать Ханну. — Да просто богатый клиент попользовал её и не заплатил, а она надралась и вот полезли мысли в пьяную голову, как бы его проучить. Ха, это надо такое придумать, отца убили, двух асур. Лично я не верю ни единому слову!

Кулаки девушки сами собой сжались. Они не верили ей. Ленивые, пьяные уроды, которые даже своего жалования отработать не могли. Эти люди были единственной её надеждой, а вместо того, чтобы помогать, стояли и издевались, желая побыстрее отвязаться. Всё это она хотела им сказать, слова почти сорвались с её уст...

— А моему слову ты поверишь, капрал? Или может мне стоит доложить кому следует как вы делаете свою работу. — Тадж твёрдой походкой приблизился к стражникам, и сурово взглянул на покрасневшего, от вина и громкой речи, патрульного.

Тот с презрением взглянул на подошедшего юношу:

— Ты ещё что за хрен? — Похоже богатый вид юнца его совсем не смутил. — Ты как с представителем власти разговариваешь? Да я тебя... — Он вытащил дубинку и уже хотел двинуться на Таджа.

Капрал снова остановил своего подчинённого:

— А ты сам кто такой будешь?

— Шикари Тадж, сын Виджая.

— А, бхайя[1] Тадж. Как поживает отец? — Ни сколько, не смутившись ответил стражник.

— Как всегда, — голос юноши был полон недовольства, — но не о нём тебе нужно беспокоиться. Девушка обратилась к вам за помощью, а вы встретили её насмешками. Вы ведёте себя не достойно воина, капрал.

Кажется, Тадж попал в самую точку и задел командира патруля за живое. Тот стиснул зубы и раздул ноздри, взглянул на своих подчинённых, потом опять на юношу:

— Это не тебе решать парень, — усмехнулся собеседник, — Я отбор прошёл, меня рекрутировали. Думаешь звание капрала мне за дарма досталось? Думаешь я трус и лентяй?

Не воин?

«Чего доброго, и нас сейчас избыют». Подумала Ханна, а злость на этих людей, только усилилась. Хотелось, как следует врезать по этой пьяной морде.

Капрал набычился. Конечно, какой-то сопляк, его тут недвусмысленно оскорбляет, перед подчинёнными, и похоже только авторитет главы влиятельной гильдии удерживал патрульного от опрометчивого поступка. На лице, так и читалось желание отдубасить наглеца сапогами по рёбрам.

— Мне нечего тебе сказать. — Спокойно ответил Тадж. — Всё, что она рассказала, правда, и я подтверждаю её слова. Ты и твои люди сами должны решить, что вы будете делать. Вы можете отходить меня дубинками, плюнуть мне в лицо, а потом пойти пить дальше. Так бы поступил воин, капрал?

Тот замешкался и не смог сразу дать достойный ответ. Похоже слова юноши его смутили, а тот продолжил.

— Или ты можешь помочь, тем гражданам, которых взялся оберегать. Скажи, как поступишь ты? Как и должно настоящему Кшатрию, или?

Ханна напряглась. Возлюбленный, то ли взывал к совести капрала, то ли просто брал на слабо. В любом случае он сильно рисковал. Девушка приготовилась, к тому, что патрульные сейчас бросятся их мутузить. Она всегда предвзято относилось к любителям выпить, особенно на работе. Шикари никогда не пили на охоте. Те, кто пренебрегал этим правилом, надолго не задерживались и покидали гильдию, как правило, вперёд ногами.

Но патрульные не нападали, хоть и с вызовом, а кто и с откровенной злобой, смотрели на юношу. Похоже слова Таджа вновь подействовали на не трезвого человека. На его лице теперь читалась не борьба лени и чувства ответственности, а противостояние гордыни и совести. Капрал всё ещё злился, но, уже не на юношу, а на себя. Тадж тоже заметил перемены на лице стражника и ещё, так сказать, подлил масла в огонь:

— Вспомни клятву, которую ты давал, когда тебя посвящали в Кшатрии. Если ты наплюёшь на неё, то опозоришь всю варну. Ты ведь хотел стать воином, вы все хотели, вспомните, почему вы так решили.

Его никто не прерывал. Пусть они были пьяны, но каждый из патрульных призадумался над словами Таджа. Капрал первым нарушил молчание:

— Да прав ты парень. — С раздражением ответил командир патруля. — Доложит он кому следует. Не переживай, не придётся. Давай, пошли, к твоему убийце, потолкуем. Он было хотел повернуться к гостинице, но Тадж остановил его, положив руку на плечо.

— Подожди. Этот человек очень опасен, мы можем не справиться. Лучше отошли кого-нибудь за подмогой.

Капрал скинул руку юноши, со своего плеча и с раздражением произнёс:

— Вот только не надо, за меня тут командовать и распоряжаться. Никого я не отошлю. Мне ещё не хватало, что бы сержант узнал, что мы тут винцом балуемся. А то я и мои парни неделю нужники чистить будем. Вот уж занятие достойное воина. — Усмехнулся командир, и остальные патрульные поддержали его смешками.

— Он двух асур прикончил. Ты понимаешь, что тебя там убить могут. Нужны ещё люди, или без жертв не обойдётся.

— Послушай парень, — всё так же раздражённо ответил капрал, — воду не мути. То о долге мне рассказывал, о клятвах о том, как воином быть, а теперь сам назад пятишься. Ты уж определись, чего ты хочешь. — Он демонстративно развёл руками. — Хватит тут мне

жути нагонять. Асур ночью вообще убить невозможно. Да и мы, чай, не пальцем деланы, да, парни?!

— Конечно, ратному делу обучены. — Поддержал его один из патрульных.

— Здесь трусов нет. Уж с одним как-нить сдюжим. Да, парни?

Ему тут же ответили:

— Ещё как!

— Пошли посмотрим, что там за герой.

— Вот только в восьмером одного мы ещё не боялись.

— Да ты понимаешь...

Тадж хотел возмутиться, но капрал бесцеремонно его перебил:

— Понимаю! — С раздражением и закипающей злостью рявкнул он. — И про долги понимаю, и про честь. Хватит уже. Сказал разберёмся, значит разберёмся. Ещё хоть слово, и точно дубиной врежу.

Тадж от злости раздул ноздри, но промолчал, а стражник продолжил:

— Я тебе покажу трус и лентяй. Давай, с нами пойдёте. — Он повернулся и обратился к Ханне. — Показывай уже своего убийцу. — За тем развернулся и махнул патрульным. — Пошли парни, покажем охотнику, как мы свою работу делаем.

— Их нужно остановить. А если там десять таких же сидит. — Прошептала Ханна, так, чтобы только Тадж её услышал.

— Думаю, только хуже сделаем. Я его шантажировал, и теперь он, нагоняя от сержанта боится больше, чем наших рассказов, в которые не очень-то верит. — Ответил он так же тихо.

— Да, перегнул ты палку. бравады у этого пьяного дурака, хоть отбавляй. Небось уже размечтался, как биться будет, вон, даже саблю достал. И что теперь делать?

— Да если бы он хоть в одной серьёзной заварушке участвовал, тогда бы поостерегся. А так одни тренировочные бои и усмирение таких же пьяных придурков. Может за подкреплением сбегать?

— Ага, пока бегать будем, этот убийца всех тут положит и смоеся.

— Давай ты сходишь, а я прослежу.

— Нет, я тебя тут не оставлю.

— И я тебя.

— Тогда остаётся только идти с ними.

— Ладно, но будь осторожна.

— Ты тоже.

Молчание продлилось совсем не долго. Принц обратился к пришельцам, приняв самую гордую и величественную позу, на которую только был способен:

— Как вы посмели? В чём обвиняют этого человека? — Возмущению в его голосе не было предела.

— Этот... Человек лишил меня семьи! — Повернувшись к блондину, Ханна прошипела ему в лицо.

— Что? Как это возможно? — Не колеблясь ответил принц. — Это мой человек, и он всё время находился здесь.

Девушку затрясло от этих слов, кулаки её сжались, а голова опустилась. Это враньё подействовало на неё не лучшим образом, раздался тихий всхлип. Девушку прервал юноша: обхватил за плечи, и отодвинул в сторону:

— Ещё его обвиняют в смерти двух подданных страны, а асуры не оставят его в живых.

То, что говорил юноша Рюк не понимал, он знал свой родной язык и общее западное наречье, да и общее восточное наречье научился понимать с недавних пор, но синдарийский акцент не давал ему шансов. Сказанного он не понял, но сталь в голосе этого паренька была красноречивей всяких слов. Напряжение, царившее в зале, всколыхнулось невидимыми волнами и заставило стражников положить руки на рукояти дубинок, а кулаки северянина сжаться крепче.

— Я не понимаю. Асур? Зачем ему это делать? — Недоумённо ответил блондин.

Девушку вопрос заставил задуматься, и она не произвольно ощупывала взглядом пространство перед собой. Глаза остановились на столе, где лежало ожерелье, а через миг раскрылись от удивления. Рыжая девчонка быстро, как змея метнулась к столу, протягивая руку к драгоценности. Джостар успел схватить его первым, а принц попытался оттеснить её. Рюку она напомнила белку, такую же рыжую и юркую. Ему казалось, что девчушка вот-вот вцепится в нос принцу, как маленький шустрый зверёк.

Юноша отвёл разбушевавшуюся девушку, подальше. Она что-то тихо говорила ему, но великан не мог расслышать с такого расстояния ни единого слова. Вскоре они закончили, и юноша вновь выступил вперёд:

— Это ожерелье принадлежало её семье и было украдено сегодня ночью этим человеком, — палец указал на Джостара, — а также он повинен в убийстве отца этой девушки.

— Да что это значит в конце концов? Я уважаемый купец, как вы смеете обвинять меня и моих слуг. Предъявите доказательства ваших обвинений. — Слова паренька, похоже, очень не понравились Эдриану. После этих слов, юноша извлёк из-за пояса нож и выставил на всеобщее обозрение, даже Рюк легко узнавал его форму и блеск.

— Эту я подобрал на месте смерти двух асур и такая же найдётся в доме девушки. Этот человек пойдёт с нами на место преступления для подтверждения вины, обвинят любого из вас у кого найдут такой же клинок.

Юноша указал на заточку воткнутою в стол и обвёл взглядом всех присутствующих в зале. У принца заиграли желваки и на миг гнев тенью скользнул по лицу. Рюк внутренне напрягся уже готовый выполнить приказ и напасть на патрульных. Но Эдриан быстро совладал со своими чувствами:

— Могу ли я взглянуть, юноша? — Он протянул руку, и парень, немного поколебавшись, вложил клинок в протянутую ладонь.

Принц взял клинок и не спеша начал осматривать его сосредоточено. Рюк недоумевал, что за спектакль разыгрывал сейчас принц, уже всем было ясно, что Джостар где-то засветился и убить всех свидетелей был бы сейчас очень кстати, если они хотят спокойно покинуть город. Но понимание быстро пришло к северянину, когда он повнимательнее присмотрелся к принцу. Вся его поза, его взгляд, дыхание, всё говорило о том, что Эдриан готовился нанести смертельный удар. Готовился вонзить клинок в горло этому юноше, быстро и неожиданно. От чего-то Рюку показалось, что принц ударит именно в горло.

Неожиданно за его спиной, как-то уж слишком громко раскрылась дверь, и северянин вздрогнул, так и не поняв задремал ли он снова или нет. Все обернулись на великана, а тот

оглянулся через плечо. В дверном проёме стоял низкий полный человек с пышными растрёпанными усами и непонимающе глядел на присутствующих, не зная, что сказать. А дальше всё произошло слишком быстро. Рюк только успел обернуться на звук и увидеть, как один из стражников упал замертво. Убийца на то и убийца, он опередил блондина, выбрал наилучший момент для нападения и нанёс первый удар.

Принц один миг смотрел на Джостара. А потом зарычал и попытался ударить парня ножом, но промахнулся и получил пинок от юноши. Упав между столом и диваном, он гневно закричал:

— Убить! Никого не выпускать! Рюк, первым делом вырубил хозяина гостиницы, имевшего несчастье заглянуть сюда в самый разгар веселья. О мече он даже не подумал. Вместо этого схватил табурет, на котором сидел и швырнул его в одного из охранников, сбив невезучего бедолагу с ног. А за табуретом полетел он сам, раздавая сокрушительные удары своими пудовыми кулачищами.

Джостар со стилетом бросился на трёх других стражников оттянув их на себя. Быстрый как змея он метнулся к врагу, четырёхгранное лезвие пробило кольчугу и вонзилось в сердце патрульного. Тот схватился руками за предплечье убийцы, удерживая его достаточно крепко и долго, чтобы это вызвало заминку. Из-за этого удар по голове Джостар пропустил, а от второго, рефлекторно попытался защититься повреждённой рукой, и слишком поздно осознал свою ошибку. Дубинка скользнула по парализованному предплечью, и ещё раз опустилась на голову. Джостар всё-таки высвободил руку с оружием и отступил на пару шагов, а самого его заметно пошатывало, удары оказались сильными.

Охранник принца скрестил короткий меч с саблей капрала и теснил его к выходу. Девушка стояла в каком-то отчаянном исступлении и неверящим взглядом смотрела на битву с уже понятным исходом. Не терял времени юноша. Он схватил свою спутницу и что есть силы потащил её к выходу.

— За ними! Не дайте им сбежать! — Приказ принца вновь сотряс воздух, но почти в пустую. Рюк не мог сию же секунду броситься в погоню. Стражники оказались крепкими, и с наскока одолеть их не удалось. Патрульный, атакованный табуретом уже приходил в себя и, ещё немного и он присоединится к своим. В другое время Великан бы справился быстрее, но переутомление сказывалось на реакции, и он не мог оставить врага за спиной.

У Джостара дела обстояли не лучше. Наученные опытом своего сослуживца и ведомые страхом двое патрульных пытались держать расстояние и кружились вокруг убийцы в попытке отвлечь и зайти со спины. Стражники полностью завладели вниманием противника, и пока им удавалось, сдерживать припятствовать выполнению приказа. Джостар мог бы метнуть заточку, и покончить с противниками за пару секунд, но они как назло закончились.

Капрал похоже осознал своё положение и яростно бросился на врага. Он хотел прийти на помощь к сослуживцам, но противник стоял как скала, и всё напирал. Стражник уже получил пару ощутимых царапин и явно проигрывал.

— Отступаем! Прозвучал приказ больше похожий на крик отчаяния и не дожидаясь реакции подчинённых капрал бросил в человека в шляпе свою саблю, развернулся на пятках и рванул к выходу. Охранник принца, отбив саблю, бросился за беглецами, и следом за ними скрылся в дверях. Он выполнял последний услышанный приказ, а другого принц отдать не успел.

[1] Бхайя — (Синд.) Обращение к равному по касте.

Трое людей, освещённые луной, столпились посреди улицы вокруг одного трупа. Капрал достал тряпицу и делал перевязь для сломанной руки, Ханна казалось прибывает в каком-то ступоре. Она с безразличием взирала на мёртвого человека, будто каждую ночь ей приходится смотреть на мертвецов, валяющихся на животе в луже собственной крови, чёрной в лунном свете.

— В печень попал. — Констатировал Тадж.

Ему никогда раньше не приходилось убивать людей, только Веросса, и то лишь один раз, когда они попали в засаду эльфов из враждебного племени. В секунду удара он не думал об этом, а когда осознал, то встревожился, но постарался скрыть свои чувства, вытер лезвие об одежду убитого, убрал кинжал в ножны, и взглянул на остальных. Стоило признать, что ощущал он себя гораздо лучше, чем пару часов назад. Адреналин наполнил тело юноши бодростью и готовностью к действиям. В голове прояснилось, голос звучал уже без хрипоты, а сталь, омытая в крови врага, предавала уверенности в себе. Этот странный человек в коричневом костюме из грубой замши, оказался крепким орешком. Не составило труда нанести ему смертельный удар, но это утихомирило его далеко не сразу. Капралу повезло, наруч смягчил неловкий удар. Командир патруля положил руку на перевязь и первым нарушил молчание:

— Там остались мои сослуживцы! Я был за них в ответе и не смог уберечь. — Похоже произошедшее в гостинице отрезвило капрала. Взрослый мужчина стоял, опустив голову словно нашкодивший ребёнок и выплёвывал слова. Было видно, как его переполняет ненависть к самому себе. — Я должен быть там с ними, а вместо этого сбежал как трус. Поддался гордыне. Из-за меня они мертвы. Я не послушал вас, повёл себя, как... Я не достоин быть воином...

— Это не так! — Тадж резко оборвал речь стражника и сурово воззрился на него.

Сержант поднял голову и недоумённо посмотрел на юношу, который продолжил:

— Ошибаются все, в том числе и я, когда не стал отговаривать тебя. Принимать решения не сложно, особенно, когда ты пьян, уж я-то знаю. Сложно потом отвечать за последствия. Трус бы побоялся соваться к убийце асур, и тем более не взваливал на себя ответственность за содеянное. Твои воины защищали себя и пали смертью храбрых. В той ситуации ты ничего бы не изменил, только сложил голову, как и остальные. Не думаю, что твои сослуживцы хотели бы этого. Думаю, они хотели, чтобы ты спасся и смог отомстить. Доложи командиру о том, что здесь происходит, пусть приведёт побольше людей. Если ты и сбежал, то только для этого. Те, кто засел в гостинице, грабители и убийцы, они не должны сбежать, а твои люди не должны умирать напрасно!

Голос его звучал как молот кующий сталь, стоит придать ей форму и остудить, и она выдержит любой удар. Тадж сам не ожидал от себя такого напора, даже Ханна оторвалась от созерцания покойника и подозрительно посмотрела на него, приподняв одну бровь. На капрала это подействовало, вид его стал более уверенный:

— Ты прав Тадж, я доложу сержанту. Позвольте узнать, что будете делать вы?

— Кто-то должен проследить за гостиницей если они уйдут, мы можем потерять их, а

они попытаются как можно скорее покинуть город. Нельзя медлить сержант, бегите скорее! На последних словах он повысил голос. Капрал кивнул, развернулся и бегом направился по улице под уклон. Тадж обратился к Ханне:

— Пойдём обратно, мы не должны их упустить. — Он взял её за руки и потянул, но она не поддалась. Зеленые, изумрудные глаза смотрели в карие глаза юноши, а проникновенный взгляд, прозревал глубже, в само сознание, в мысли, в душу.

— Почему ты со мной? — Тадж опешил. Если его слова звучали твёрдо, как кузнечный молот, то её вопрос прозвучал как молоток, вбивающий гвоздь в крышку гроба. Он стоял и слушал, как Ханна забивает гвозди в свой гроб. — Почему ты помогаешь мне? У тебя впереди будущее, а ты остаешься со мной в прошлом, почему?! У тебя скоро свадьба, будет семья, дети! — Слёзы потекли из её глаз мелкими ручейками, а она продолжала, отстраняясь от юноши. — Я потеряла всё, я уже мертва, меня уже нет, а ты здесь, почему!?

— Прекрати! — Его громкий окрик оборвал её тираду. — А как я должен поступать? Развернуться и уйти по-твоему?! Нет, я делаю то, что считаю правильным. Сегодня, после.. твоего удара, — глаза его на миг сощурились, — я хотел прийти и сказать тебе, что, если ты не дашь ответ через три дня, я женюсь на Манджуле. — У Ханны расширились глаза, но юноша не дал ей перебить себя. — Не надо. Ты тоже должна понять, что так и не дала ответа, а я не могу опозорить семью оставшись вообще без невесты. Я хотел сказать другое. Ты знаешь, что я только родился охотником, но внутри я другой. Я всегда мечтал стать воином, великим героем, Раджпутом, оберегающим людей от зла. И именно это я и считаю правильным сейчас. Я должен оберегать тебя, у нас осталось всего три дня побыть вместе. Я не понимаю каково тебе сейчас, но уверен, что тебе страшно и одиноко и я не брошу тебя. Не из жалости, а потому, что ты этого заслуживаешь. И я не позволю тебе умереть раньше! Ты ещё не мертва, пока я с тобой ты будешь жить! Пусть я не в силах вылечить тебя, но я останусь с тобой и верну то, что у тебя украли! Я не женюсь, пока не отомщу за тебя. — Он молчал несколько секунд, а Ханна стояла напротив и не находила слов. — Это самое малое, что я могу сделать для тебя. Я полюбил пламя твоей души, и оно заставило вспылать моё сердце, только с тобой я был по-настоящему счастлив.

Он замолчал и воцарилась неловкая пауза. Ханна неопределённо глядела на него, и недолго думая, юноша подошёл и страстно поцеловал её. И она не отстранилась, а утонула в его объятиях. Это продолжалось несколько ударов сердца, а за тем девушка первой отстранилась от него.

— Я... я благодарна тебе Тадж, но я прошу, не надо рисковать собой ради меня. Это всё становится опасным.

— Опасным? Сюда сейчас сбегутся солдаты и асуры, этих гадов обложат по полной, сложно будет уцелеть. — Он усмехнулся, но Ханна не оценила шутки.

— Наверно так думали те патрульные, которые были живы ещё несколько минут назад, и асуры вряд ли собирались умирать сегодня, но они все выполняли свой долг и все теперь мертвы. Пойми, сегодня я была сломлена, когда решила, что потеряла всё, но теперь я поняла, что это не так, теперь я поняла, что у меня есть ты. Больше у меня ничего и никого нет, только ты. Если потеряю тебя, то не уверена, что смогу перенести это. Это ломает меня. — Она понурила голову.

— Этого не произойдёт.

— Думаешь не произойдёт? Мы уже могли умереть, если бы не патруль. Те люди тоже погибли из-за меня. — На глаза её снова начали наворачиваться слёзы.

Он вздохнул и обнял девушку, та крепко вцепилась в его плечи, а юноша говорил:

— Ты самая отчаянная девушка, которую я знал. Ходить с тобой на охоту, одно удовольствие. Я многому научился у тебя и благодарен за это. Я был с тобой в джунглях, мы вместе рисковали и ни одна свадьба так не сближает. Ты не достойна умирать вот так, медленно считая минуты до своей смерти. Эти люди забрали у тебя самое дорогое, и я не успокоюсь пока те, кто сделал это не будут мертвы. Я не позволю тебе сдаться и останусь с тобой.

Ханна отстранилась и посмотрела на возлюбленного:

— Спасибо, если бы не ты, я бы давно пала духом, но я всё равно переживаю за тебя. Пообещай мне, что не будешь рисковать. Ты прав. Что я буду делать, если отступлю сейчас? Сидеть и напиваться пока не кончится лекарство? Нет уж, я найду себе применение по лучше.

Она говорила и с каждым словом её голос всё больше наполнялся жизнью. Тадж улыбнулся:

— Теперь я вижу ту Ханну с которой проводил такие страстные ночи.

Она вернула ему улыбку:

— Ладно, герой, всё равно я тебя не отговорю, да и себе место не найду. Придётся идти.

Она огляделась и подобрала короткий меч мёртвого человека. Он не выглядел внушительным и громоздким, но оказался ужасно тяжёлым. Ханна с шумом выдохнула, удерживая оружие в одной руке:

— У-ух! Как размахивать этой железякой? Двумя руками не удобно, ручка коротка.

— Дай попробовать. Она отдала ему клинок, который на вид оказался ненамного длиннее его прямого обоюдоострого кинжала без гарды. Меч действительно был тяжёлым, как будто его лили из чугуна. «Интересно, что за металл?». Он сразу отогнал эти мысли, не имеющие отношение к делу. Похоже короткий меч для него не был таким уж тяжёлым и им худо-бедно можно было управиться. Он передал Ханне свой кинжал в ножнах. Они выбрали нужное направление и побежали в сторону гостиницы.

На маленьких улочках было темно, высокие дома громоздились над ними, не давая проникать сюда свету, будь то луна или солнце. Они не видели лиц друг друга, только слышали учащённое дыхание. Никто не нарушил молчания, пока не вышли на широкую улицу напротив гостиницы. Тяжёлый меч мешал бегу, Таджу приходилось держать его в руке, потому что отцепить ножны от мертвеца он как-то не подумал и теперь запыхался сильнее чем девушка. Юноша оглядел каменный забор, обмазанный глиной, высокий, скрывающий почти всё здание. Взглянул на открытые ворота:

— Я пойду проверю.

Он только тронулся с места, как Ханна схватила его за руку и прошипела:

— Что ты проверишь? Ты вообще меня слушал? Я же сказала, чтобы ты не рисковал понапрасну. — Он открыл было рот, но девушка быстро приложила к нему руку. — И не надо опять своих геройских речей, о том, что мужчина должен. Не забывай, я всё равно смертник, а тебе жить ещё! — Она повысила голос, но заметила это и покосившись на здание стала говорить тише. — Лучше найди укромное место, так чтобы ворота было видно, а то нас здесь вся округа видит... Я пойду проверю.

На этих словах девушка крадучись направилась к массивному забору.

Тадж стоял на месте, пока она не скрылась в арке ворот, а затем направился вдоль по улице в поиске подходящего места. Он не нашёл ничего лучше, чем куча ящиков, наваленных

под матерчатый навесом и спрятался за них. Обзор был чуть хуже, но его самого скрывала тень, в то время как он видел почти всю площадку перед входом во двор. Не мог видеть только то, что творилось за приоткрытыми воротами. Ханна вернулась быстро к его облегчению. Она тихо и не уверенно пересекала улицу, глядя по сторонам, и только сейчас он вспомнил, что она не знает где он находится. Юноша не растерялся и издал звук, похожий на свиное уханье. Девушка тут же повернулась на звук и быстро направилась в его сторону.

— Ты где? — позвала она шёпотом.

— Здесь! — Ответил он, ей.

Она обошла укрытие и наткнулась на Таджа.

— Ну как? — Он заговорил первым.

— Отлично спрятался, снаружи вообще не видно.

— Да я не про это, я про разведку.

— А-а. Они ещё там.

— С чего ты решила?

— Свет горит на всех этажах, хотя шума нет. Кони ржут в конюшне. — Она серьёзно взглянула на него.

— Они собираются. Что-нибудь ещё видела, или кого-то?

— Нет. Я не стала подходить близко, слишком опасно.

В укрытии было темно и лиц друг друга они не видели, могли только услышать интонацию и по ней попытаться определить эмоции собеседника. Что-то не понравилось Таджу в её голосе, было там что-то от бессильной злобы, хотелось как-то ободрить её.

— Асуры придут с минуты на минуту, а за ними кшатрии, посерьёзнее этого патруля.

— Да уж. Если бы не ты, они бы вообще ничего не сделали. Похоже, без твоей помощи мне действительно не обойтись, жаль, что всё так вышло.

— Жаль. — Выпалил Тадж и добавил. — Вот что бывает, когда люди занимаются, не своим делом.

— Ты о чём?

— Я знаю капрала, раньше он дубил кожу для нашей брони.

— А, я что-то там слышала, ваш правитель отменил касты. — Ответила она.

— Что-то слышала? — Возмущённо спросил Тадж. — Да тут с отменой каст такое началось. Многим брахманам и кшатрием это не понравилось, а говоря о многих, я имею в виду подавляющее большинство. Назревала война, которой никто не хотел, были переговоры, в которых всем пришлось пойти на уступки, хотя сложно не признать, что Серадж добился своего. Говорили, что он просто сыграл на их самолюбии и жадности. Установили жестокий отбор для всех желающих, после которого ты можешь считаться кшатрием. Брахманы редко берут учеников, а рекруты кшатриев из более низших варн могут попасть только в касту Раджу, или иначе говоря стража: пограничная, городская, превратная и так далее. Но оттуда ты уже можешь попасть в касту Лохана и стать наёмником, но в касту Раджпутов и Кхатри такой не попадёт.

Юноша хотел отвлечь возлюбленную от плохих мыслей и похоже ему это удалось. Всё это время девушка слушала его и кажется не дышала и только когда он закончил, задала свой вопрос:

— Подожди, я не понимаю, что за варны?

— Ты здесь уже столько времени и не разобралась? — Удивился он.

— Я и не интересовалась никогда. Я иностранка и не вхожу в вашу систему, нужды не было, да и не пойму я этого.

— Ладно, слушай. Варна в Синдарии — это как сословие, оно объединяет людей по роду их занятий, по схожести их деятельности. Например, брахманы делятся на касты жрецов и разного рода учёных, медиков и алхимиков. Варна Кшатриев — это воинствующие касты, со своей иерархией. Ниже всего стоят Раджу, потом Лохана, а выше Кхатри и Раджпуты. Ещё есть варна Вайшьи, это всякие земледельцы, ремесленники и торговцы. И варна шудры: слуги, разнорабочие. Мы каста шикари считаемся воинствующей организацией, потому что ведём битвы с остроухими, но при этом продаём свои услуги и приравнены к Лохана. Капрал польстил себе, когда обратился ко мне, как к равному. Это примерно, как четыре стороны света: север, юг, восток и запад, так же и четыре основные варны. Но есть и другие стороны, северо-запад, юго-восток и прочие, так же и мы, отдельная каста охотников.

— Ну, пример с розой ветров поставил всё на свои места. А ты почему не пошёл в рекруты, если хочешь быть воином?

— И что потом? всю жизнь буду охранять тюрьму или ворота дворца?

— Ну не знаю, а капрал стойкий оказался, принял правду, и долг свой выполнил, думала растеряется. — проговорила она.

— К чему ты клонишь?

— Я к тому клоню, что в душе этот кожевник всё же не трус, и умеет правде в глаза смотреть, а какие-то там условности ничего не определяют. Не знаю зачем Сераджу такое понадобилось, но думаю это правильный поступок.

— Я эти условности с молоком матери впитал и не так-то просто от этого отмахнуться.

— Да уж, охрана ворот, или глава гильдии шикари? Только дурак ошибётся.

Она ничего не ответила, и юноша решил сменить тему разговора.

— Что это было за ожерелье. Они, — он указал в сторону гостиницы, — кучу трупов делают ради него, почему? Что это за штука?

В ответ он услышал тишину, на время, достаточное для того, чтобы пожалеть о своём вопросе. Ханна заговорила неожиданно:

— Это приданное, украшение моей мамы, я не видела его с самого детства и совсем забыла о нём, а отец хранил его все эти годы. Даже представить себе не могу зачем ради него убивать, может оно волшебное? Или очень дорого стоит? Не знаю.

— Но им оно срочно за чем-то понадобилось. — Он внимательно глядел на здание.

— Думаю, как раз из-за денег, ну не волшебное же оно, правда?

— Не похоже, что они испытывают проблемы с деньгами? Услуги Вишала, гольтьбе не по карману.

— Жадным всегда мало — процедила она.

Какое-то время они стояли молча, рассматривая гостиницу. Красивое здание с широкими арочными окнами, сейчас, в связи с событиями последнего часа, выглядело скорее зловеще. Окна второго этажа бросали свет на раскидистый каштан, одиноко стоящий во дворе. И вдруг зелёная крона погрузилась во тьму.

Ханна первая развернулась на какой-то шорох за спиной и тут же тьма их укрытия бесшумно схватила девушку и скрыла от глаз юноши. Он запоздало повернулся и увидел три пары красных точек. Похожие на угольки догорающего костра в ночной тишине, они смотрели на него один удар сердца. Таджа что-то дёрнуло и всё потонуло в этом красном

свете. Сознание заволокло и растворило в пульсации багрянца. А потом он погрузился во тьму.

— Ты!

Принц неистовствовал, вены на его голове вздулись, а лицо покраснело. Рюк с оружием наготове выглядывал за дверь. Ему сейчас стоило бы выполнять приказ принца и гнаться за сбежавшими, но похоже северянин, как и сам Джостар считал это глупой идеей и не спешил выскакивать в ночь. Прошло достаточно времени, чтобы беглецы успели затеряться в переулках; бегать и искать их по всему городу, а тем более разделяться по мнению убийцы было крайне неудачной идеей. Эдриан поливал его отборнейшими ругательствами и обещаниями скорой расправы вперемешку с угрозами ужасных мук, как душевных, так и телесных, а Джостар отгородившись от него диваном пытался уложить в своей голове мысль о количестве совершённых за ночь ошибок.

«Проклятые ножи! Заточки я могу оставлять спокойно, благо нашёлся в Мехенвальде кузнец, который заготовил мне большой запас по образцу. И хотя эти ножи и обладают идеальной идентичностью формы, веса и сплава, по ним не удалось бы меня найти. Оставался единственный вариант, за мной следили, причём от этого проклятого дома и трижды проклятого алхимика! И в подвале они были!? Как? Как!?»

Он не находил ответа на этот вопрос и не мог понять, где совершил ошибку.

«Может это случилась многим раньше, примерно в тот день, когда я встретил эту монаршею задницу?»

Принц продолжал поливать его отборной бранью, убийце он напоминал разозлённого ребёнка, которого только что побил другой ребёнок. Хотелось улыбнуться этому зрелищу, но он не хотел усугублять ситуацию. Адреналин потерял свой эффект и усталость от ран и битв наваливались постепенно, накатывала волнами.

— ... похоже, что проведение книги и звёзд, это просто какая-то шутка древних, которую мне не понять. Ты понимаешь, что ты загубишь всё дело! Никто из нас не получит ничего, и ты в том числе! Ты должен был только забрать кости!

Принц прервался и тяжело дышал. Джостар оторвался от своих мыслей на последних словах Эдриана:

— Если ты думаешь, что можешь справиться лучше, в следующий раз попробуй сам, думаю тебе понравится. Интересно, что ты будешь делать, когда на тебя накинется алхимический довод, или на любого другого, кого ты пошлешь. Не смей говорить мне об общем деле, пока сидишь здесь и протираешь обивку шикарного дивана, а я делаю всю грязную работу. В этих делах я лучший, кто у тебя есть. Асуры прицепились ко мне почуяв кровь от нанесённых этой тварью ран, я не провоцировал их, они сами напали и мне пришлось их убить. — При этих словах Рюк оглянулся на убийцу, приподняв одну бровь. — Как меня выследили я понятия не имею. Если я не распознал слежки, то и другие тоже не смогли бы. А на этом, должен сообщить тебе, как человек заинтересованный в нашем деле, что пора отсюда сваливать, пока не поздно, иначе нас обложат и мы покойники... ну или доноры, как повезёт. В общем хватит разводиться, что сделано, то сделано, кости у нас, — он достал ожерелье из внутреннего кармана, — и мы должны собираться уже сейчас если хотим успеть покинуть город.

Он говорил и по мере своего монолога всё больше в нем закипала злость. Если он и

ошибся, то только в том, что много на себя взял:

«В следующий раз и пальцем не пошевелю, хоть ты подыхать будешь».

Уязвлённая гордость профессионала бушевала внутри, разрывала в клочья все другие чувства и норовила вырваться наружу, но убийца держал себя в руках. У него, как и у всех имелись свои причины признать Эдриана ведущим в этой авантюре. Тем более, что на споры не осталось времени, уходить нужно срочно, однако блондин выглядел так, как будто этот вопрос волновал его меньше всего на свете. От такого взгляда мурашки пойдут даже по коже убийцы.

Однажды ему приходилось убивать одного диктатора. Желание госпожи он исполнил прекрасно, но тот взгляд он не забывал больше никогда. В момент смерти этот человек смотрел на него с таким превосходством, что Джостар невольно почувствовал себя жертвой этого узурпатора. И такое же ощущение у него было и сейчас. Это был триумф, замороженный в глыбу льда, так мог бы смотреть бог на человека, только не Созидатель, а скорее на оборот, Разрушитель, гневный бог, который собрался давить червей.

Тот диктатор, которого он заколол был безумцем, создав армию таких же фанатиков, он выжал клочок удерживаемой земли досуха, умеряя бездонный казался аппетит. Ничего необычного: вино, еда, опиум и девочки.

Когда Джостар крался по разгромленному дворцу, наткнулся на зрелище незабываемое, как и взгляд узурпатора и тирана. Девушка или то, что от неё осталось. Тело давно остыло, а под ним покоилась лужа засохшей крови. Она была повешена за шею, её золотистые волосы свешивались со слегка наклонённой головы. Глаза на сизом лице выпучились неестественным образом, а язык вывалился из открытого рта. От её тела везде были откусаны куски, так много, что почти не осталось нетронутой плоти. Всё тело было покрыто засохшей и чёрной от времени кровью. Эту картину Джостар запомнил на долго. Тогда он убил безумца, окружённого шайкой таких же обезумевших садистов и людоедов.

Потрясение прошло и Джостар стал внимательно вглядываться в глаза собеседника в поисках такого же безумия, но обнаружил там скорее холодный расчёт, только с тем же видом превосходства и уверенности в своей полной победе.

«Что же ты задумал?»

— Что думаешь Рюк? — принц повернул голову к северянину. Великан оторвался от двери и повернулся всем корпусом:

— Он прав господин, надо уходить и срочно.

— Много у нас времени?

— Сложно сказать господин. Всё зависит от успеха охранника, что погнался за ними. От размеров города, а он показался мне большим, и ещё Асуры. Думаю, что в худшем случае, у нас есть минут десять, пятнадцать, а в лучшем двадцать пять пока не станет совсем жарко, но я бы не стал так рисковать. Все вещи собраны, осталось взять еду и воду, мы должны успеть.

На этих словах у стены что-то застонало и через пару секунд над полом поднялась голова с растрёпанными усами и удивлёнными глазами. Рюк подлетел к хозяину гостиницы и вырубил его вновь.

Принц смотрел на своего телохранителя не больше минуты:

— Буди всех. Канг и Волес пусть сидят и ждут здесь! Охранникам скажи, чтобы собирали провиант и седлали коней. Когда закончишь, встань у дверей моей комнаты и никого не впускай, жди, пока я сам не позову тебя.

Он повысил голос и испытывающим взглядом пронзил убийцу насквозь:

— Дай кости!

Джостар бросил ожерелье, Эдриан не ловко поймал его, развернулся к убийце спиной и зашагал к лестнице на верх.

— Что ты задумал? Надо уходить!

Принц обернулся и кинул на Джостара то же взгляд диктатора:

— Ты уже принимал решения и смотри к чему это привело, — он театрально развёл руками, — теперь действовать буду я! Жди меня с остальными и приведи себя в порядок. — На лице блондина на миг проступила гримаса отвращения и призрения, а за тем он развернулся и направился к лестнице, великан как тень последовал за ним.

Лёгкий ветерок иногда задувал в широкое арочное окно с узорчатой декоративной решёткой. Снаружи шелестели листья раскидистого каштана. Ночной воздух, доносимый ветром, колыхал робкое пламя единственной свечи, стоящей в центре комнаты на красивом синдарийском ковре с тонким ворсом. Света не хватало, чтобы разогнать все тени, царившие в помещении, они лишь на время отступили и окружили маленький огонёк, в ожидании его скорой смерти. В небольшом кругу света находились ещё два объекта. Принц сидел на коленях напротив свечи и рассматривал большой кожаный футляр. Он блестел и переливался болотными тонами в свете неровного пламени. Кожа орка, очень напоминала крокодилю. Правильно выделанная, она могла подавлять магическое воздействие длительное время. Опыт нападения тёмных колдунов заставил принца принять меры предосторожности. То, что находилось внутри футляра не должно было привлекать внимание чародеев, и только необходимость двигала сейчас принцем Эдрианом, вторым сыном правителя королевства Ферос.

Он расстегнул ремни, откинул крышку чехла и извлёк на свет массивную книгу в чёрном переплёте с грубыми пожелтевшими страницами. На передней стороне обложки расположилось жуткое изображение, лицо, напоминающее человеческое, но настолько отвратительное, что в это сложно было поверить. Немой крик неестественно широко открытого и перекошенного рта и безумие больших раскрытых глазниц, чернеющих провалами на обложке. Искривлённый лик притягивал и отталкивал одновременно. Каждый раз, когда Эдриан брал гримуар в руки, то испытывал странное чувство: желание и страх переплетались в этом ощущении, всегда, стоило ему обратиться к ужасному лицу и его тайным, пугающим знаниям. Но желание оказалось сильнее страхов, как и всегда, как и в первый раз его стремление править сметало все сомнения. Сама судьба привела его к артефакту. Неудачный государственный переворот заставил искать оружие там, где не искал никто. Принц никогда не был силён в военном деле как его старший брат, он не участвовал в сражениях, не вёл воинов в бой и не стяжал славу великими подвигами. Вместо этого он собирал знания, посещал тайные библиотеки, читал запрещённые рукописи и изучал древние языки. Брат был воином и прирождённым лидером, наследником трона, а он книжным червём, но именно это и помогло ему в поисках. Поиски и раскопки стоили потраченных денег и усилий, книга открывала знания запредельные для этого мира.

Руки сами потянулись к обложке и открыли взору Эдриана первую страницу. Он начал медленно переворачивать жёлтые неровные листы, исписанные красными символами и

рисунками. Они выглядели незнакомо для любого другого, но блондин прекрасно понимал, что написано на этих страницах. Описание тех сил, которые он хочет впустить в мир и подчинить своей воле и желаниям. Звёздные карты, что помогли ему найти особенных людей: зверь, чаротворец, гений и убийца. Четверо разных людей, из разных мест, но рождённых под одной звездой в день, когда чёрная планета Горрат приближается к Азаторну.

Рюк был его телохранителем ещё до событий переворота всегда готовый беспрекословно подчиняться, отдавая дань какому-то дурацкому северному обычаю. Канг подвёл его, но с ним не должно возникнуть проблем, юный гений, Волес, доверчив, как дитя. И конечно же убийца, Джостар, который занозой сидел у принца в заднице. Он был слишком импульсивен и своенравен, чтобы поддаваться влиянию Эдриана. Но это, как и всё остальное, всего лишь досадная помеха на пути становления его правления. Убийца слишком многим рискнул ради обещанного могущества и это удержит его от опрометчивых поступков. Скоро все они падут жертвами его амбиций и утолят жажду власти, Джостар умрёт, как и остальные, а он примет их жертву в угоду своим желаниям.

Медлить больше не было смысла, мысли о скором обретении всего, что он жаждал так долго, встрепенулись и принц, прекратив листать страницы, закрыл книгу. Лицо снова воззрилось на него в немом, полном отчаянного ужаса крике. Книга казалась ему живой, с того момента как он в первый раз взял её в руки, она подросла не меньше чем втрое, как будто это было... живое существо. Эти мысли вселяли уверенность, что артефакт поможет ему добиться цели, ведь кто кормил его всё это время? Блондин закатал рукав, обнажил предплечье, выхватил прямой кинжал и сделал аккуратный, глубокий надрез на вене, прямо под запястьем. Кровь струйкой потекла по руке, и принц быстро повернул её, подставляя рану перекошенному рту, расположив запястье в нескольких дюймах над книгой. Сначала ничего не происходило, тёмная кровь мерно капала на чёрный переплёт и во рту страшного лица уже образовалась небольшая лужица, как вдруг в комнате появился новый звук, еле слышный, как будто кто-то маленькими резкими глотками допивает воду со дна стакана через соломинку. Лужица постепенно начала впитываться в обложку, а Эдриан упорно продолжал выдавливать из себя гумор, капля за каплей. Он быстро сжимал и разжимал кулак, держа руку над гримуаром. Не смотря на активную работу мышцами предплечья и напряжение, проступившее на лице, принц постепенно бледнел.

В тот раз, когда он узнал, что артефакт работает на крови, оказался делом случая в виде ножа для вскрытия писем и его неудачного использования. Тогда, только несколько капель попали на переплёт. Уже не единожды он воспользовался знаниями книги и столько же раз своей собственной кровью. В какой-то миг он отдёрнул руку и привалился на локоть. Не дав себе распластаться на полу, он собрал последнюю волю в кулак, чтобы не потерять сознание. Только через минуту достал из кармана маленькую склянку и кружевной платок, дрожащими руками откупорил пробку и вылил треть содержимого на ткань. Эдриан приложил мокрый платок к ране, останавливая кровь, и зашипел от болезненного эффекта. Затем, удостоверившись, что порез больше не кровоточит, отбросил всё в сторону и приблизился к книге. Не обращая внимания на слабость во всём теле, он лихорадочно перелистывал страницы, пока не дошёл до первого чистого листа. Он был абсолютно пустым, но блондин жадно всматривался в него. Он ждал ответа, на мысленный вопрос, что держал в голове, пока поил своей кровью ужасный лик. Через несколько ударов сердца, на чистом листе начали проступать красные пятна, медленно появляясь на жёлтой

поверхности, они приобретали всё более отчётливую форму, превращаясь в непонятные символы: руны, иероглифы, сложные геометрические фигуры, таящие в себе знания древних сил. Эдриан жадно поглощал каждый знак, каждый символ. Он больше никому не позволял дотрагиваться до книги и читать то, что там написано. Да, он показал её всей четверке, но никто не мог разобрать ни единого изображения или руны, для этого им стоило поить гримуар своей кровью, но эту информацию принц оставил в тайне ото всех. Он обманывал и увещевал, врал и запутывал, демонстрировал возможности артефакта, лишь бы убедить всех в своих искренних намерениях. Он обещал всем силу и власть, говорил, что они избраны звёздами и артефактом и почти все ему поверили, всё кроме убийцы. Его цинизм и недоверчивость встала принцу костью поперёк горла, для того, чтобы усыпить его подозрения пришлось убедить его, Канга и Рюка, что платить придётся, и молодой Волес пожертвует собой, ради их общего предназначения. Конечно, они ничего не сказали простачку алхимику, все они жаждали чего-то такого, что не давало им решимости предостеречь юношу. Каждый из них желал, каждый из них хранил тайны и свои скелеты в шкафу, которые держали всех их вместе своими костяными пальцами подле принца и его страшной книги. По мере заполнения пустых страниц кровавыми чернилами, улыбка росла на лице блондина. Артефакт не подвёл, и, хотя страницы ещё не заполнились до конца, Эдриан уже видел на них величие своего триумфа.

Книга не подвела и на этот раз, она никогда не подводила, кроме одного обстоятельства, которое блондин не мог понять, но принял в силу своего бессилия. Каждая выбранная жертва должна быть добровольной и обойти это условие невозможно. Сколько бы раз принц не обращался к артефакту, ответ был один и тот же. Если бы не это, Джостар не доставлял бы ему столько неудобств, а принцу не пришлось бы плести столь искусную паутину обмана и заботиться о том, чтобы все четверо заняли свои положенные места в жертвенном алтарном круге, как овцы на заклании. Символы больше не проступали и Эдриан ещё более, неистово стал вчитываться в красные надписи из его собственной крови. Он шептал одними губами и почти беззвучно проговаривал прочитанные слова все до последнего, после чего закрыл гримуар и аккуратно положил в футляр. Блондин вынул из кармана ожерелье и ещё раз взглянул на него, прежде чем оно последовало за книгой. При более пристальном рассмотрении и ярком освещении близкого пламени он заметил то, что до этого укрылось от его глаз. У самой застёжки, где костяные шарики и овалы были совсем крохотными, не хватало одного, самого крайнего и маленького. Лицо принца скривилось в недовольном презрении. Джостар и его халатность первое, что пришло ему на ум. Не думая больше о нём, он схватил футляр и направился к выходу.

Когда Волес и Канг спустились в обеденный зал Джостар сидел за одним из столов и рылся в своей сумке одной рукой, усердно пытаясь там что-то нащупать. Колдун пересёк зал и сел на диван рядом. Он явно не до конца проснулся, да и весь его вид говорил убийце о том, что тот скорее мертв, чем жив. Осунувшееся лицо и впалые, полуприкрытые глаза флегматично взирали на трупы, которые Канг беззаботно переступал, когда шёл через зал. Волес выглядел куда лучше своего бывшего сокамерника, увидев Джостара, он искренне обрадовался и послал ему свою сияющую улыбку. Юноша было припустил к столу, но споткнулся об одного из мертвецов и чуть не упал. Увидев препятствия, разбросанные на его

пути, он как-то побледнел и больше не улыбался. Плюхнувшись на третий свободный диван, придвинутый к столу, он странно посмотрел на Джостара и задал самый ожидаемый, по мнению убийцы, вопрос:

— Клянусь своей сумкой, что тут произошло?

— Хотели меня убить.

— Убить? за что?

— Долгая история, — усмехнулся в ответ Джостар.

— Да ладно, расскажи. — Волес не хотел оставлять его в покое. — Всё равно нечем заняться пока мы ждём..., а чего мы ждём-то?

— Понятия не имею. Наш принц что-то задумал, но не поспешил мне сообщить.

Ярость после общения с блондином куда-то улетучилась из его сознания, похоже спокойная обстановка последних десяти минут и усталость после половины ночи проведённой в схватках поспособствовали этому. Даже всегда и везде раздражающая болтовня этого назойливого паренька, сейчас, действовала умиротворяюще. Навалилась какая-то апатия, убийца ещё раз взглянул на юношу, с шумом выдохнул и изрёк:

— Ладно, помоги-ка мне. — Он с кислым видом придвинулся к Волесу и подтащил к нему свою сумку. — Найди в ней матерчатый свёрток с такими заточками, — Убийца пальцем указал на стражника с ножом в глазнице, — а то одной рукой ни хрена неудобно. Юноша быстро отвернулся и начал усердно рыться в сумке, чуть ли, не залезая в неё с головой. Впрочем, это занятие, как и всегда не мешало ему говорить:

— А почему одной рукой, что с другой?

Джостар молчал, а Волес не дождавшись ответа высунул голову из сумки и уставился на убийцу.

— Ого! Кто тебя так? — Он как будто только сейчас увидел собеседника и теперь с удивлением и интересом рассматривал его ранения. — Это они тебя так? — Юноша указал на тела стражников.

— Нет, ты нашёл?

— Да. — Волес извлёк из сумки свёрток со специальными карманами для ножей.

— Хорошо, теперь закатай рукав, — он протянул ему руку, ладонью вверх.

Юноша быстро выполнил это действие, и теперь рассматривал предплечье Джостара. Оно было правильной анатомической формы, но чуть-ли не вдвое больше обычного, из гладкого тёмно-серого металла, Кожаная перчатка осталась на руке, и скрывала кисть.

— Видишь контуры пластин?

— Нет. — Он тщетно вглядывался в матовую поверхность протеза.

— Да и не увидишь, их нужно знать наизусть. Ищи стыки.

Пальцы Волеса аккуратно и не спеша начали ощупывать стальную поверхность, глаза на сосредоточенном лице разглядывали убийцу и оценивали повреждения в молчании, пока взгляд не достиг изувеченного предплечья.

— Ого, клянусь своей сумкой, а это кто тебя так? — Он остановил поиск, скрытых пластин.

— Асуры. — Джостар поднял плечо и алхимик, воспользовался моментом, чтобы заглянуть в сквозное отверстие, пробитое шипом клевца.

— Асуры? Сколько их было?

— Двое, продолжай искать!

Юноша послушно продолжил своё занятие, но говорить не прекратил:

— Ты победил их? Да ещё и ночью? Здорово, а Рюк только с одной справился, со второй помогать пришлось.

— Кто бы сомневался.

— Чего они хотели?

— Узнать почему я весь изранен и в крови.

— А-а. А почему?

— Ты нашёл? — Медлительность Волеса начала его раздражать.

— Н-нет, то есть да. Сейчас. Вот, нашёл. — Он указал пальцем. — Здесь?

— Эта не та пластина, на три пальца левой, и она большая, дюйма два в длину.

— Нашёл, здесь?

— Да, нажимай, сильнее. Отлично.

Волес со всей силы надавил на невидимую пластину и с боку предплечья выехала плоская кассета с не большим ложем.

— Сюда необходимо зарядить заточки.

Волес неуверенно достал одну заточку и ещё более неуверенно начал укладывать её в ложе.

— Не так, нож должен точно попасть в паз, лечь туда без усилия. Чуть-чуть наискось поверни. Вот-так. Теперь укладывай остальные внахлёт.

Алхимик принялся за работу, методично и не спеша он укладывал полоски острой стали в кассету, при этом не отвлекался от своего излюбленного занятия:

— Так, почему ты весь изранен и в крови?

— Связался не с тем алхимиком, и он на меня боевой довод натравил.

— Что? Боевой алхимический довод? — Он замер и уставился на Джостара. — Это невозможно, они все были уничтожены. Может ты что-то напугал?

— Напугал?! Интересно, с кем можно перепутать спрута?

Юноша молчал, хотя убийца ясно видел, как парень старательно ищет ответ на его вопрос у себя в голове. Он не стал ждать пока на юного гения снизойдёт озарение:

— Ваша братия, похоже, окончательно с катушек съехала, если сотворила таких монстров. Они конечно прекрасно выполняли всё для чего их создали, но, чтобы придумать такое нужно быть полным психом. — Он внутренне содрогнулся, вспомнив о ещё живом организме, навечно помещённом в свою стальную тюрьму и полностью лишённом воли.

— Да много придумывать и не пришлось. Это не чистая выдумка алхимиков, а технология прошлого, как и многие другие, в том числе и твои протезы. Те, кто жили на Азаторне до нас превосходили нынешний мир во всех отраслях, а мы всего лишь пользуемся тем, что оставили нам древние. Боевой алхимический довод стал небывалым триумфом для научного мира и его величайшим разочарованием.

— Не хочешь продолжить? — Джостар головой указал ему на своё предплечье и Волес тут же вернулся к своему занятию. — Что ты о них знаешь?

«Если уж приходится слушать этого парня, то пусть хоть что-нибудь полезное расскажет. Кто знает, может этот не последний живой довод». — Подумал убийца.

— Я читал научные труды одного профессора с кафедры. Он описывал всю историю создания и возможные ошибки, из-за которых биомеханические изыскания в империи теперь под запретом.

— И что ты там вычитал. — Он внимательно наблюдал за тем, как длинные, худые пальцы юноши заправили в кассету последнюю заготовку.

— Что теперь?

— Теперь заправь кассету обратно, только аккуратно, не сдвинь ножи.

Волес сосредоточился, нахмурил лоб и одним резким движением загнал кассету обратно в протез. Пластина заняла своё прежнее место и вот он уже видел серый матовый металл и гладкую поверхность. Джостар не стал прятать протез под широким рукавом и начал упаковывать сумку:

— Так что там писал твой профессор?

— А-а. Он описывал время, когда академия алхимии наращивала своё влияние на Азаторне и на его политической арене, а вместе с ним власть, деньги и врагов. Там собрались лучшие учёные умы, гении, но к сожалению, ни одного бойца. Боевые алхимики, которые на тот момент осваивали свой род деятельности и были скорее сродни магам, а не воинам, в лучшем случае знали с какой стороны хвататься за меч. Политика, власть и все из этого вытекающие последствия для академии, требовали хорошей защиты от врагов. Тогда-то и были придуманы БАДы (Боевые Алхимические Доводы). Наёмная охрана стоила не дёшево, а, чтобы отстоять свои интересы и укрепиться как независимая фракция, алхимикам нужна была чёртова наёмная армия, а это были уже те суммы, отдавая которые академия работала себе в убыток. В конце концов любого наёмника можно было перекупить и главы академии посчитали, что не хотят платить за столь не надёжную охрану. Они задались целью придумать универсальную боевую единицу, эффективного и неподкупного убийцу, который заставил бы устрашиться всех врагов новоявленной фракции. И им это удалось, вот только они не учли, что в их созданиях осталось больше разума, чем это было необходимо. Все БАДы в конечном счёте сошли с ума и убивали всё живое в пределах видимости. Их устранение вылетело академии в целое состояние и гору трупов, но всех явных врагов алхимики убрали, а не явные после этого инцидента поумерили свой пыл с опаской поглядывая в сторону членов академии. Так она и заработала свою репутацию.

— И что стало с БАДами?

— Если не ошибаюсь, их не всех уничтожили. Часть продали рубежным княжествам, а те использовали их для битв с орками, выпуская доводов в степь за рубежную стену. Там они и нашли свой конец. — Волес замолчал, и убийца смог задать очередной вопрос.

— И что? Он говорил, как их проще убивать? Способы, уязвимые места, хоть что-нибудь?

— Вроде нет. На самом деле он даже не видел БАДа в живую, просто пользовался разными источниками. — В ответ Джостар только хмыкнул. — Хотя-я... что-то припоминаю, кажется, он упоминал, что обезвредить их удалось, только заманив в ловушки и для этого надо заранее подготовить поле боя...

— Ясно. — В случае с его ситуацией это было невозможно, и он сразу потерял интерес к рассказу Волеса — И как к этому старику попал один из них?

— Не знаю, слушай, а зачем ты не с тем алхимиком связывался? Ты же знаешь, я всегда рад помочь.

— А наш благородный вам не рассказал? Костей дракона больше нет, последнее сгорели при проведении того ритуала, когда на нас устроили облаву грёбанные волшебники. Мне пришлось раздобыть ещё.

Волес хотел что-то ответить, но его отвлек шум, со стороны лестницы. Принц спустился, опираясь на плечо северянина, и юноша тут же переключился на него, извергая на нового слушателя свой неисчерпаемый словесный поток.

— Слышал Рюк? Джостар двоих асур одолел и боевой довод ещё. Здорово, правда? Великан ничего не ответил, только послал убийце свой дежурный суровый взгляд, а тот ещё раз усмехнулся и потеряв интерес к Рюку взглянул на принца.

Лицо его было неестественно бледным, Джостар видел, как блондина трясёт мелкой дрожью, но он только усмехнулся этому зрелищу. Глаза принца ликовали, высокомерная усмешка искривила его рот, для полной картины не хватало лишь величественной осанки, но, похоже, что слабость во всём теле не давали блондину отпустить плечо своего телохранителя. Он обвёл всех присутствующих измученным, но целеустремлённым взглядом:

— Что же господа, если все готовы, то нам пора продолжить путь.

VI

Она не понимала где находится, просто брела вперёд, а вокруг, куда не глянь, всё пространство было затянуто серой хмарью, похожей на дождевые тучи, что застилают собой небо в непогожий день. Мысли путались и никак не помогали понять, что происходит.

«Где я?»

Воспоминания последних нескольких часов нахлынули неожиданно.

«Отец!»

Груз тупой давящей боли вернулся навалился тяжёлой ношей, а страх и отчаяние уже проникли в душу, вцепились стальной хваткой и медленно убивали изнутри.

«Тадж!»

Она не могла понять, почему его нет рядом.

«Убийца!»

Воспоминания о человеке в чёрном всколыхнули эмоции, но как-то вяло. Мысли неслись дальше, мимо убийцы и раскрывали тайны всего произошедшего с ней до...

«До чего?»

Она вспомнила, как они следили за гостиницей, как вдруг...

«Что вдруг?»

Всё что она помнила, как что-то дёрнуло её назад, а потом... она оказалась здесь.

Неожиданно, серая хмарь отступила, растаяла без следа и открыла взору ночной Маджит. Гостиница, улица и дома, от всего этого остались одни руины. Это выглядело жутко, как страшный сон. Кровавые ошметки, разбросанные вокруг начали появляться, как муравьи на поляне. Сначала ты замечаешь одного, а потом остальных, и вот, их уже не сосчитать, как мертвецов, которых становилось всё больше, по мере того, как Ханна осматривалась. Девушка остановилась, вокруг стояла оглушительная тишина, только разрушения и безмолвие царили повсюду. Мёртвецы целые или частично целые лежали вокруг. Воины в кольчугах и бахтерецах, со страшными кровавыми ранами обратили свои остекленевшие взоры в ночное звёздное небо. Тела асур тоже валялись повсюду и выглядели не лучше. Некоторые умерли с оружием в руках. Одного из кровососов размазало об, чудом, уцелевшую стену одного из домов. Он как будто врос в неё, раскинув руки и ноги. Ханна подошла ближе и увидела, что его просто расплющило.

Тело неожиданно отвалилось от стены и с глухим, чавкающим звуком грохнулось на мостовую. От неожиданности Ханна вскрикнула и отскочила в сторону. Вампир лежал лицом вниз, а спина и затылок превратились в сплошное кровавое месиво. Асура был мёртв. Ханна взглянула на стену, где остался багряный отпечаток в форме распятого человека. Это не могло больше продолжаться, непонимание происходящего и открывшаяся картина, дышали безумием в сознание девушки. На какой-то миг ей показалось, что она сходит с ума, глядя на кровавое пятно на каменной кладке, поэтому крик, рванувшийся из глубин её души, прозвучал пронзительно и громко, как будто, этим криком она хотела разбить все пугающие декорации, и вернуться в ту реальность которую она помнила:

— Да что! Здесь! Мать! Вашу! Твориться! Где я?

Она не ожидала услышать ответа, но услышала, не ожидала, что кто-то откликнется на

её отчаянный крик, но кто-то всё же откликнулся. Смех раздавался у неё в голове, или из пространства, со всех его сторон? Она так и не поняла. Сначала он был тихий и ехидный, смех родной бабушки, которая решила по-доброму посмеяться над попытками маленького внука, бороться с зарослями крапивы, что умудрялась давать ему сдачи, а тот надув губы и утерев выступившие слёзы, снова кидался в бой с коварным противником. Смех становился всё громче и в нём начали проступать нотки истерии и безумия. Ханну это напугало, сначала, но потом стало раздражать, а в следствии и злить. Кто-то смеялся над её отчаянием, и это задело её юную душу. Стоило бы окликнуть этого хохотунчика, поговорить с ним, узнать всё, что здесь происходит, но неожиданная вспышка спонтанной, какой-то иррациональной злости не дала ей этого сделать. Вместо того, чтобы, как все цивилизованные люди, наладить контакт и завести конструктивный диалог, она снова крикнула в пустоту:

— Смешно, да?! Покажись и я тебе твои смешки в задницу затолкаю!

На этот раз она ожидала какой-нибудь реакции, и та незамедлительно последовала. Смех резко оборвался, как только она прекратила кричать. Вместо него она услышала голос:

— Это вряд ли, Ханна. Это вряд ли.

Этот скрипучий, старческий голос, как и смех, раздавался отовсюду и не откуда. Она снова не смогла понять, где находится его источник. Было ощущение, что эти звуки рождаются только в голове.

— Где ты! Покажись! — Она озиралась по сторонам, в попытках увидеть незримого собеседника. Страх полностью покинул её, она даже не заметила, когда это произошло. Вместо него появился какой-то живой интерес к происходящему. Может быть и стоило убояться этой неизвестности, но ей совсем не хотелось бояться. А вот разобраться во всём этом очень хотелось, поэтому она просто отронила все сомнения.

— Кто ты?! Что тебе нужно!?

— Хе-хе-хе-хе. — Противный смешок раздался вновь. — Мне нужна ты. Хе-хе-хе.

— Да, а рожу свою ты не хочешь показать! — Она всё продолжала озиаться и постоянно перемещалась, в безуспешной попытке увидеть говорившего. Под ногу подвернулась чья-то сабля и Ханна тут же подобрала её.

— А ты хочешь её увидеть?

— Смотря, кому она принадлежит. — Её начали раздражать эти странные загадки неизвестно кого. — Выходи, если я тебе нужна!

Ответа не последовало, вокруг снова наступила тишина. Ханна перестала озиаться и замерла. Она так ничего и не заметила, просто в какую-то секунду поняла, что рядом есть кто-то ещё. Во время разговора она этого не ощущала. Девушка чувствовала, как этот кто-то сверлит взглядом её спину. Она быстро перекатилась вперёд, резко встала и развернулась.

Как часто человеку приходится видеть самого себя со стороны в буквальном смысле этого слова? Причём не своё отражение, а именно человека, точь-в-точь такого же. Двойники, которые похожи друг на друга, как две капли воды. Ханне такое приходилось видеть впервые. После мгновения потрясения, стало явным, что сходства не идеальны и имеются кардинальные существенные различия, да такие, что она сама себе удивилась, как можно было этого не заметить. Впрочем, сегодня она готова была поверить во что угодно.

Та же фигура, скрытая под той же одеждой, то же лицо, на нём те же пухленькие губки, вздёрнутый носик, веснушки, все до единой, и глаза... Не было в них того изумрудного блеска, что она видела на портрете матери, или, когда смотрела на своё отражение в зеркале.

Чёрная как смоль мгла, непроглядная тьма смотрела на Ханну этими глазами. Чёрные вены на лбу и висках виднелись из-под рыжих волос. И чёрная слюна показалась на зубах, когда губы её скривились в пугающей, хищной усмешке. В первые секунды, когда Ханна увидела саму себя в столь ужасной ипостаси, ей захотелось напасть на... Она даже не знала на кого, но всё равно хотела. Прошло ещё несколько секунд и любопытство разума победило необдуманый порыв.

— Кто ты, откуда ты меня знаешь?

— О, ты не узнаёшь меня. Хотя мы уже давно знакомы. — Черноглазая Ханна, даже при разговоре, продолжала злобно скалиться, обнажив белоснежные зубы, испещрённые чёрной слюной. — А вот твой папаша узнал бы, обязательно узнал, но ему уже не суждено меня увидеть, хе-хе-хе.

Ханна ощерилась:

— Отвечай, кто ты!? Откуда ты знаешь про него!? — Ей не понравилось куда уходит разговор. Память была свежа, а с ней и рана на сердце. На глазах её навернулись слёзы, но сквозь призму солёной влаги, она успела заметить, как тот гадкий двойник расплывается в ещё более широкой улыбке, что, казалось уже невозможно, в этот миг ей даже почудилось, что рот этой твари стал неестественно широким. Злость снова вернулась и на несколько мгновений перехватила контроль над разумом. Враг, а она уже не сомневалась, что это враг, находился шагах в пяти от неё и небрежно опирался ногой на обломок стены.

«Нравится смотреть на мои страдания? Не дождёшься!». Она быстро бросилась в атаку, но клинок рассёк лишь пустоту. Снова раздался противный скрипящий смех за её спиной. Девушка развернулась, и выставила перед собой саблю, но в этом не было необходимости, зловещий двойник стоял в пяти ярдах от неё и снова улыбался. И пусть Ханна находилась на относительно безопасном расстоянии, оружие она опускать не спешила:

— Кто ты? Отвечай, или...

— Или что?! — Голос оборвал её, и он уже не был таким старческим. Слова звучали твёрдо и с не поддельной угрозой. — Что ты сделаешь? Снова будешь рубить пустое место? Ты не причинишь мне вреда, я тот, кого ты боишься, я тот, кого боялась твоя любимая мамочка, я тот, кого боялся весь ваш род!

— Ты... ты... — Руки бессильно опустились, догадка как молния сверкнула в сознании, а понимание отозвалось в голове, точно раскат грома. — Ты...

— Да-а, теперь ты узнаёшь меня? Я твоя хворь, твоё проклятие, проклятие всего твоего семейства. Приятно познакомиться Ханна.

Она стояла и не знала, что сказать, молча слушала, а внутри, в мыслях и в чувствах, творилась полна суматоха.

— Удивлена, — продолжил собеседник, — но не боишься. Это хорошо, проще будет перейти к сути моего визита.

— Что тебе нужно? — Манера, в которой изъяснялось это существо, раздражало, поэтому Ханна ответила грубо и с вызовом.

— Смелая, дерзкая, мне нравится, что ж, изволь. Я пришел к тебе с предложением, хочу заключить с тобой сделку, выгодную для нас обоих.

— О чём ты говоришь?

— Я говорю о твоей жизни! Сколько тебе осталось прежде, чем у тебя кончится зелье? Поистине, твой отец создал величайшее снадобье, оно отлично справляется со своей задачей, удерживает меня здесь, не даёт уничтожить тебя.

— Что это значит? — Ей не нравилось это существо, не нравилась тема разговора, но любопытство разгоралось всё ярче.

— О, позволь.

Двойник тут же прыгнул на неё, да так быстро, что Ханна даже не успела защититься. На пальцах существа, что копировало внешность девушки, выросли длинные, чёрные когти. К своему стыду, всё, что она успела сделать, это зажмуриться, когда когтистая рука нанесла удар. Прошло пара секунд, прежде чем Ханна поняла, что ничего не произошло, и открыла глаза. Тварь, которая была так похожа на неё, стояла рядом, с каким-то обиженным выражением лица:

— Ты так ничего не поймёшь и не увидишь.

— Что я должна увидеть?

— Постарайся не закрывать глаза, тогда поймёшь. — Наигранно снисходительно ответил собеседник.

Существо медленно занесло когтистую руку и ударило снова, но уже более медленно и вяло. И она увидела. Страшные когти, не долетев до её тела на каких-то пол пальца, отскочили, будто отпружинили, а пространство в месте удара пошло рябью, словно двойник бил по воде.

— Видишь? — Проскрипела тварь. — Пока препарат действует, я не могу добраться до тебя. Но скоро он закончится, верно? И тогда я пожру твоё тело и убью тебя, как и твою мать, если не согласишься на сделку.

Существо говорило ей ужасные вещи. Смерть матери сильно потрясла и сломила девушку, но сейчас она твёрдо стояла и смотрела в чёрные глаза этой твари. Слишком много свалилось за одну ночь на юную голову, ей казалось, что она уже выплакала сегодня все слёзы. Ханна подавила щемящую боль, нарастающую в груди и постаралась придать своему виду больше уверенности.

— Я не собираюсь заключать сделки с тобой, кто бы ты не был, тварь. — Выплюнула она. — Я ничего не знаю о тебе, но уверена, что ты сущий урод, как снаружи, так и внутри.

Зря он напомнил ей о маме, она твёрдо решила, что, чего бы не хотела эта тварь, она этого не получит.

«Не знаю, чего ты хочешь, но я не отдам тебе этого, ни за что на свете. Ты и так отнял у меня всё.»

— Вот видишь, ты говоришь, что совсем не знаешь меня, а уже считаешь каким-то уродом, — наигранно обиженно сказал двойник, — я тебе жизнь спасти хочу, а ты даже не благодаришь.

— В могиле, тебя благодарить буду.

— Да что ты об этом знаешь?

— А ты скажи, что ты, или кто ты, может узнаю, как тебя убить. — Прошипела она.

— Это вряд ли, Ханна, это вряд ли. Хе-хе-хе. Видишь ли, я и сам не знаю кто я Мыслить, осознавать себя и окружающее я научился не сразу. Когда я понял, что я есть, я уже был. Единственное знание, что я помню, это то, что раньше я был частью целого, а со временем сам стал таким же целым. Когда я понял, что делаю, это уже являлось неотъемлемой частью меня самого. Если хочешь узнать моё имя, то у меня его нет, я его не знаю. Я идентифицирую себя, как паразит, который может жить и размножаться только в особях твоего рода. Я не знаю, как попал в первого носителя, но твои предки пытались от меня избавиться и в итоге проиграли, ты последняя.

Столько вопросов крутилось в её голове, они как неуправляемая толпа, галдели и лезли наружу, как крысы из горящего дома, которые пытаются сбежать через одну узкую щель, но в итоге застревают всем скопом. Сердце требовало немедленно уничтожить корень всех её страданий и убийцу матери и в то же время, желание узнать о своём проклятии как можно больше, отодвинуло гнев в закоулки души, где тот будет дожидаться своего часа, чтобы в нужную секунду вырваться на свободу.

— Тела, люди с примесью вашей крови, являются для меня естественной средой обитания. Я появился на свет только с одной целью, уничтожить того, в ком живу и умереть, выполнив задачу. Но с тех пор многое изменилось. Меня хотели уничтожить, но тщетные попытки твоих предков не к чему не привели. Они не хотели сдаваться, были упорны и многочисленны. Блюли чистоту крови и не разбавляли её. Да, их многочисленность позволяла подобное. Они продолжали род и искали способ уничтожить меня, но я жив, а они мертвы. Уже позже, когда вас стало совсем мало, вы пошли на то, чтобы размножиться вне вашего рода, но все погибли. С дерева облетели вся листва, а оно само засохло. Остался последний лист на умирающей ветке, но ему осталось не долго. — Мерзкая улыбка, и чёрная слюна потекла по подбородку.

— Откуда ты всё это знаешь? — Внутри неё всё клокотало, но она с интересом впитывала каждое слово, а ощущение чего-то важного подогревало её любопытство.

— О, я знаю всё, ведь я жил в головах твоих предков очень долго и их знания стали моими, а теперь, я отлично устроился у тебя в голове. Я знаю всё, что ты видишь, слышишь и чувствуешь. Я улавливаю всю информацию, что попадает к тебе и запоминаю всё, что забываешь ты. Я помню всё, что переживали твои предки, внутри которых я был и которых уничтожил.

— Я не понимаю, за чем ты уничтожаешь того, в ком живёшь? Ты как плотоядные пауки из джунглей? Они откладывают яйца в мёртвой плоти, определённой стадии гниения, а когда потомство вылупляется, то съедают эту плоть. Они могут размножаться, только в таких условиях, а когда остаются лишь кости ищут новый дом и, если не найдут умирают. Просто они не могут по-другому.

— Интересно, но всё не совсем так. Когда ваша самка беременеет, или самец выделяет семя, в вашем организме происходит выброс определённых гормонов в определённой пропорции и последовательности, что даёт благоприятные условия для внедрения в плод в будущем. А в человеке остаётся лишь часть, которая поражает мозг и вызывает приступы со смертельным исходом, после инкубационного периода. Это сложно объяснить тебе, жалкой оболочке. От меня отделяется та часть, которая должна умереть. Она остаётся в организме прошлого носителя, и самоуничтожается вместе с ним. Я не знаю, как попал в первого или в первых твоих предков. Я заразил всех. Я один, как... как исходный образец, контрольный центр, один разум на всех. Все мои части уже самоуничтожились со всеми носителями, и я последний кто должен умереть и уничтожить последнего из рода. Вот только что-то пошло не так. Когда я остался один, стал единым сознанием в одном теле, то начал понимать. Я прожил достаточно долго в человеческом организме и научился само-осознанию. Я эволюционировал, стал мыслить, как человек и контролировать свои желания, и я захотел жить, моя функция дала сбой и умирать я не намерен. Всё было хорошо до того момента, пока твои предки не стали мешать кровь. Смещение генов приводило к разным последствиям, но все с летальным исходом. Я перемещался из тела в тело, из носителя в носителя...

— А теперь другого носителя нет? — Она не настолько хорошо разбиралась в анатомии человека, и не поняла половины слов, но кое-что уловила.

— Ты быстро схватываешь, да, это отклонение, как и всегда, с того момента, как твой род стал мешать кровь. Часть меня так и не отделилась, а я остался, и теперь не могу обуздать свою функцию. Она начала поражать твой организм, а я не могу её остановить, только ускорить и усилить. А ведь до зачатия оставалось совсем не много. Не вовремя всё произошло. — Существо явно расплылось, от него на Ханну прямо дохнуло яростью. — Хватит вопросов! Я пришёл предложить тебе сделку. Мы можем выжить, ты и я. Есть способ победить смерть, но ты должна дать своё искреннее согласие на симбиоз.

— Что это значит?

— Твоё согласие данное добровольно запустит невербальные биологические процессы в твоём организме, и я смогу занять твоё тело и уничтожить свою часть, что поражает твой мозг. У меня было время изучить свои возможности и найти способ освободиться.

— Моё тело, а что тогда будет со мной?

— Наши организмы сольются в нечто большее и совершенное, ты получишь мои возможности, а я твоё тело. Общий результат предугадать сложно даже мне, например, какие-то способности, или внешние изменения. Всё не так просто, подобное слияние затрагивает не только телесные, но и энергетические процессы. Наши личности, твоя и моя, есть шанс, что произойдёт столкновение ментальных составляющих, и итог может зависеть от исхода противостояния так сказать духа и воли. Но я думаю, с этим, проблем не возникнет, хотя, даже при удачном исходе, ты сможешь управлять своим новым телом, только когда на него попадёт солнечный свет. Его излучение не позволит мне находиться в активной фазе. Но ты останешься жива, не будет больше припадков, и ты не сгинешь мелкой пылинкой в энергетических вихрях. Ну как, по рукам? Альтернатива не радужная, ты умрёшь в корчах, а со временем и я вместе с тобой. Давай решайся, не просто было наладить с тобой контакт, второй раз предлагать не буду.

Он говорил, а уверенность девушки, только росла и крепла. Её род отчаянно сражался с этим неизвестного происхождения врагом, боролся до последнего. На краткий миг в голове пронесли мысли о Тадже и влили в её душу ещё каплю решимости.

«Эта тварь не имеет границ в своей наглости! В лицо говорить о смерти моих родных, а потом предлагать мне такое! Остаться во власти этой тёмной твари и обречь себя на ад? И ещё хочет, чтобы я согласилась? Отдать тело своему врагу?! Теперь я знаю, что мой род всю жизнь пытался победить это чудовище и я не поступлю иначе. Не позволю убийце мамы жить».

— Я последняя. Не знаю, что ты, но мой род положил жизнь на то, чтобы уничтожить тебя и я закончу, то чего не сделали они и отец. Я уже смирилась сегодня с тем, что умру. Ничего не изменилось, кроме того, что я умру не зря.

Существо не переставало скалиться неестественно широким ртом:

— Думаешь, я не знал, что ты так ответишь. Все вы как один, одинаково упёртые, аж тошно. И я приготовил тебе ещё один весомый аргумент. Видишь ли, я забыл упомянуть, что, если ты не согласишься, я вполне осознанно доберусь до болевых центров твоего мозга. Дай только лекарство кончится. Я пойду на всё, чтобы добиться своего. И пусть моё тело всё равно убьёт твоё, у меня будет время, чтобы переубедить тебя. Поверь, такой боли ты ещё не испытывала, и я обещаю, смерть будет облегчением для тебя. — Его глаза широко раскрылись, существо заговорило неистово и с фанатизмом. — Предлагаю тебе согласиться,

иначе я не дам тебе просто сдохнуть, я превращу твою жизнь в сущий ад, буду пытаться твоё тело, каждую его клетку, каждую ночь, сломаю твою волю и дух, заставлю тебя согласиться. И связывать меня будет бесполезно, я буду атаковать тебя изнутри, заставлю твоё сердце замереть, а всё тело корчится от боли.

Ханна с вызовом стояла и смотрела на своего палача. У неё не было слов, ей стоило бы послать его куда по дальше и закончить этот проклятый кошмар, умерев и убив жестокую тварь. Она даже подумала о самоубийстве, но мысли о смерти, а тем более болезненной и медленной смерти сдавили её горло и грудь невидимыми тисками. На секунду Ханну посетило странное чувство, словно костлявая уже рядом, совсем близко, где-то за спиной, протягивает свою руку. И на эту секунду она каждой клеточкой своего тела ощутила ледящий холод и страх, и в то же время непреодолимое желание жить. Не смотря на громкие слова, самоубийство было тем порогом, который, она не могла преодолеть, страх расстаться с жизнью сковывал и подавлял волю к действиям. Мысли девушки металась, никак не желая складываться хоть в какую-то последовательность, как вдруг началось.

Мир вокруг задрожал, загудел, сотряс землю и всё что находилось в пределах видимости. Ханне показалось, что даже небо и луна тряслись вместе с землёй.

— Что это было? — С опаской спросила она.

— Не знаю, — беззаботно пожало плечами существо, — Это у тебя надо спросить.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А ты так и не поняла? Мы в твоей голове.

Ошарашенная Ханна выпучила глаза, но вовремя опомнилась и собралась. Она удивлялась не тому, что всё происходит у неё в голове, а тому, что вообще упустила этот вопрос. Она даже не подумала, как эта тварь здесь очутилась и как объяснить увиденное. Мир снова затрясся, чуть сильнее и на этот раз дольше.

— Но почему я здесь?

— Ты не помнишь? Может эти следы у тебя на шее помогут тебе вспомнить?

Ханна дотронулась до шеи и сразу нащупала там две запёкшиеся ранки. Она стояла и долго силилась понять, ощупывая их пальцами, а когда сообразила, воспоминания ворвались в память. Она взглянула на одного из мёртвых асур, что лежал неподалёку придавленный большим обломком.

— Почему они это сделали? — Спросила она, поглаживая раны на шее.

— А ты не понимаешь? Думай, вспоминай. Убили двух асур, как часто умирают асуры? — Гроыхать начало чаще и сильнее, и существо стало говорить громче. — Думаю, они испугались, вы были там, в том переулке, рядом с мёртвыми асурами. Их привёл к вам ваш же запах. Они приняли вас за убийц и просто не хотели рисковать. — Грохот нарастал с большой скоростью, и вскоре всё начало трястись, а существо продолжало орать. — Вместо настоящего убийцы, они поймали вас, а когда поняли, что ошиблись было уже поздно! — У Ханны заложило уши, и она закрыла их руками, тряска была такая, что она еле стояла на ногах, чтобы не упасть, пришлось опуститься на колени, а существо всё кричало. — Убийца на свободе! Согласись на слияние и я наделю тебя силами! Ты сможешь уничтожить его и отомстить! Я помогу тебе! Думай Ханна! Три дня! — Гул заглушил крики паразита, врезался в голову, и ей показалось, что та сейчас взорвётся, а когда сил держать её уже больше не было, она снова провалилась во тьму.

Она очнулась и резко села на земле. Мир быстро вращался, все предметы пейзажа отказывались занимать свои места, и мысли тоже. Плечи её были стиснуты крепкими

руками, они неустанно трясли девушку, и это никак не способствовало нормализации состояния. Ханна резко остановила Таджа своими руками:

— Прекрати! — Она откашлялась.

— Ханна! — Он снова взял её за плечи, но уже не тряс, а просто заставил посмотреть в глаза. — Посмотри. — Юноша встал, помог ей подняться и отошел, открыв ужасную картину разрушения и смерти. Ханна коротко вскрикнула и закрыла руками рот.

«Как?».

Она уже видела это всё, в своей голове.

«Это происходит на самом деле? Почему?».

Всё вокруг было разрушено и везде лежали мёртвые. Не много людей бродили около развалин. Какая-то женщина плакала вдалеке, склонившись над обломками. Несколько мужчин разбирали завалы.

Мысли крутились как-то вяло, она хотела спросить у Таджа, но он опередил её.

— Когда я очнулся всё уже случилось. Я поспрашивал, но никто ничего не видел. Не знаю, что это было, но где-то там, — он указал рукой на восток, — что-то происходит.

В подтверждение его слов в указанном направлении, где-то вдалеке, раздался грохот и утробный, приглушенный расстоянием, полный ярости вой. От такого воя замирала душа.

— Похоже мы всё пропустили. На нас напали асуры. Зачем они это сделали?

— Потому что испугались. — Отрешённо ответила она, и посмотрела на явно посветлевший горизонт.

«Скоро рассвет. Сколько я так провалялась?».

Так Ханна и стояла, Тадж подошёл к ней:

— Не знаю, чего они испугались, но если убийца твоего отца ещё жив, то уверен он там, где и этот ужасный вой. Нужно торопиться, правда я не знаю, что мы будем там делать. Посмотри вокруг, с этим нам не совладать.

Она не слышала в его голосе страха или нерешительности, её возлюбленный говорил твёрдо, но всё равно от этих слов она почувствовала раздражение:

— Тогда, может по домам? — Так же твёрдо ответила она и пошла по улице на северо-восток.

Он догнал её и вскоре они уже бежали, перепрыгивая куски развалившихся домов, и изуродованные тела воинов, и асур. Ханна обратила внимание на кровавый след, что уже видела ранее на уцелевшей стене дома. Они бежали вдоль по улице и безошибочно угадывали направление. Следы, оставленные тем, что убило этих людей не оставляли сомнений касательно маршрута. Разрушения тянулись вдоль большой улицы и куда бы не падал взгляд везде наблюдалась одна и та же картина. Повсюду разбитые, развороченные здания: лавки, кантины и простые жилища. И люди, словно тени на руинах призрачного города.

Чем дальше они продвигались, тем меньше попадалось по дороге мёртвых воинов. Люди и асуры, похоже, пытались сражаться с чем-то огромным, что неотвратимо двигалось в направлении окраин.

«Хорошо, что все сегодня на празднике. Но если кто-то и остался, и спал в домах...» — Подумала девушка.

Такие если и были, то Ханна их не видела, все они теперь погребены под развалинами своих жилищ. Дома в один миг превратились в гробницы. Люди только что праздновали, веселились, беззаботно отдыхали, а теперь, они пытаются разобрать завалы, в надежде,

спасти своих родных и близких. Кто-то спасал людей, кто-то имущество, а кто-то не выдерживал такого потрясения, бесцельно бродил по руинам, или заходилась полным безумия и горя плачем. Всё это давило на душу и было ей невыносимо. Ханна побежала быстрее, спасаясь от вины, от страха, от реальности, где гибнут все вокруг. Ветер обдувал её взмокшее лицо. Она старалась не думать об этом, вообще ни о чём, лишь нестись сломя голову, но мысли сами собой складывали в голове ужасные картины.

Страх потерять убийцу отца гнал её вперёд, горели лёгкие, а сердце билось в сумасшедшем ритме. Но ещё больше девушку пугало бездействие. Ханна продолжала бежать, потому что не могла остановиться. Это сложно было объяснить словами, как будто стоит ей прекратить, погоню и она просто сойдёт сума, её засосёт в чёрный провал безумия, душевных терзаний и одиночества. Лишь возлюбленный гонит прочь скорбные мысли, придает сил и уверенности. Она знает, всё это Тадж делает для неё и ради неё, и благодарность её безмерна. Но, как он отреагирует, если она опустит руки. Пожалуй, этого Ханна и боялась. И не хотела проверять. Не хотела тушить тот огонь, что разожгла в его сердце и остаться во тьме и одиночестве. Поэтому и бежала сломя голову от своего страха. Ханне было больно думать об этом. Девичья душа не находила себе покоя. Но и другие мысли приносили одну лишь боль.

Смерть отца, похищение ожерелья мамы, самое дорогое что у неё оставалось украли, вырвали из сердца. А ещё та ужасная тварь, паразит, что хочет завладеть её телом. Омерзительное чувство охватывало стоило только подумать о том, что это непонятное существо сидит у неё внутри. А ещё этот паразит потребовал продать душу, угрожая жестокой расправой. Похоже, что сегодня она взглянула в глаза своим демонам и теперь это сулило ей адские муки. Слова твари беспорядочно всплывали в памяти клочками, вырванные из контекста: «Ты сможешь отомстить», «Согласись на симбиоз», «Три дня». Какой у неё был выбор?

«Убить себя?»

Умирать было страшно, даже если эта смерть безболезненна, всё равно страшно.

«Если верить тому паразиту, смерть будет лучшим исходом. Он будет пытаться меня, пока я не соглашусь или не умру? И что дальше? Он займёт моё тело? И что он с ним сделает? Потерять тело и дать волю этому? Или умереть и убить его?».

И согласие, и отказ, казались ей ужасной перспективой. Все думы о поисках спасения, неизбежно приводили её к суициду на четвёртый день, перед заходом солнца, как самурай с западного побережья Немала, что совершает самоубийство ради высшей цели. На душе скребли кошки с огромными когтями, и от этого чувства она не могла избавиться.

Небо над городом постепенно светлело, до восхода солнца оставались считанные минуты. Разрушения так и не прекратились. По городу словно гномский поезд на полном ходу проехал. И держал путь к северо-восточным воротам. Трупы солдат уже не попадались на пути, но от вида разрушений по телу бегали мурашки. Осталось пробежать ещё немного, поезд сделал крутой поворот и проложил дорогу к городской стене, прямо через здание. Здесь дома заканчивались, Ханна и Тадж вышли на открытую площадь перед воротами, и...

Ханна вскрикнула и затормозила так резко, что поскользнулась и шлёпнулась на мягкое место. Она закрыла рот рукой и совершенно обезумевшими глазами смотрела на оживший кошмар. Чёрная гора возвышалась над ней. Сотканное из тьмы существо возвышалось над домами и городской стеной. Чёрные склизкие щупальца были повсюду, они тянулись от того места, где у нормального человека располагается поясница и служили чудовищу вместо ног.

Их было не счесть, они как юбка ниспадали вниз, всё время шевелясь, и переплетаясь между собой. Торс напоминал человеческий, но вместо рук тоже были щупальца. В огромном количестве они тянулись к уцелевшей части стены. И голова овальной формы. Этот монстр стоял к ней спиной, и Ханна не видела его лица, только чёрный затылок. Огромная тварь не видела их, но девушка, всё равно не могла пошевелиться, ноги, казалось, задеревенели, а сердце замерло. Она не ощущала своего тела, душа ушла в пятки, а мысли разлетелись во все стороны, как стая испуганных ворон. Она могла лишь смотреть и пытаться не наделать в штаны. Чудовище дотянулось до последних людей, оставшихся на нетронутым участке стены. Они пытались убежать, но щупальца схватили их и сдавили в смертельных кольцах. Через миг крики агонии оборвались, а на землю пролилась кровь. Тела были отброшены небрежным взмахом отростков. Ханна затаила дыхание, когда поняла, что кошмарное чудовище поворачивается в её сторону.

И тут с востока пришёл свет. Жёлтый краешек солнца показался из-за горизонта, проливая яркое утреннее сияние на всё до чего дотягивались его тёплые лучи. Огромная чёрная гора взвыла рёвом сотен тысяч голосов. Оглушающе громкий звук сотряс землю, и девушка заткнула уши. Вся правая сторона чудовища задымилась, когда свет попал на его тело. Монстр выл и закрывался рукой из щупалец. Он повернулся к девушке боком, подставляя лицо заре, и она увидела, что вместо лица у твари были только щупальца.

Его отвратительная плоть стекала вниз и шла пузырями, как будто плавилась на солнце, которое неотвратимо поднималось. Прошло всего лишь пара минут и тварь растворилась на свету, растаяла без следа. Ханна всё ещё была в оцепенении и не могла управлять своим телом. Она могла лишь глядеть перед собой и слышать голос сволочи блондина, который пытался убить Таджа:

— Уходим, быстро! — Донеслось до Ханны.

Ей казалось, что всё это какой-то кошмарный сон. На том месте, где только что стояло чудовище, теперь была круглая, пустая площадка земли, ну или почти пустая. Она насчитала десять человек: бородатый великан, надменный блондин, от которого так и веяло презрением, ещё пятеро одинаково одетых людей, в одинаковых чёрных шляпах, точь-в-точь, как у убитого в переулке. Ещё там находилось трое лысых мужчин, двоих она видела впервые, а вот третьего узнала бы даже во сне. Убийца отца и вор, как и вся его компания, восседал на большой лошади рыжей масти. Прошло ещё пару ударов сердца, прозвучал приказ уходить, и вся группа быстро скрылась из виду.

Ханна не знала сколько прошло времени. Она сидела на том же месте где приземлилась и с безразличием взирала на всё. От ворот ничего не осталось, точно их вынесли изнутри огромным тараном вместе с аркой и частью стены, чьи обломки разбросало по округе. Всё происходящее вокруг было для неё на грани понимания. Собралось много людей: горожане разбирающие завалы, городская стража и несколько праздных зрителей. Командир солдат разговаривал с Таджем, но Ханна не могла разобрать слов. Да и не хотела. Всё было как будто в сне. Снова смотрит на Таджа, в ответ он смотрит на неё, прекращает разговор и направляется к ней.

— Ханна, — он сел рядом с ней, — ты меня слышишь? — он слегка встряхнул её, но это никак не подействовало — Капитан не будет посылать погоню, у них огромные потери, убили всех асур, что были в городе, в общем они будут разбираться, а потом уже решать.

Сказал только, что передаст мои показания визирю махараджи. Плевать! Мы сами покараем их. — Выплюнул он последние слова.

И в голове словно гром грянул. Противоречивые чувства терзали рассудок. Только теперь она поняла, как боится за него. Всё это в одночасье стало очень серьёзным. Одно дело следить за гостиницей, а другое... Чёрная, кошмарная тварь, выше городских стен, не выходила из головы, а страх одиночества уже не пугал так сильно, как часом раньше. Предательские слёзы выступили на глазах и тут же полились ручьями. Ханна разревелась снова, выпустив наружу всё что накопилось у неё на душе. Она обхватила Таджа и рыдала у него на груди. А он крепко сжал её в объятиях.

У неё был выбор. Остановиться, прекратить эту безумную погоню, перестать бежать от смерти, и встретиться с ней лицом к лицу. И возлюбленный останется жив. Вот только этот отказ раздавит и его. Ханна знала, он не поймёт. Этот безрассудный глупец, мечтающий стать героем. И что он сделает тогда?

Ханна, не сразу успокоилась. Она отстранилась, и вытерла лицо.

— Ты не должен рисковать из-за меня. Мы должны прекратить...

— Не говори так! — Перебил Тадж. — Я не собираюсь смотреть как ты сдаёшься...

— А я не собираюсь смотреть, как ты лезешь на рожон из-за меня! — Теперь настала её очередь перебивать. — И мне плевать на ваши синдарийские обычаи, воинскую честь и правила мщения. — С каждым словом печаль улетучивалась, а её место занимала злость на возлюбленного. — Неужели ты так и не осознал, что меня скоро не станет, я смирилась с этим, но я не смирюсь с тем, что не станет тебя. Я виновата во всём этом, если бы мы ничего не предпринимали, все эти люди, — она обвела рукой пространство вокруг, — остались бы живы. Я люблю тебя и не позволю рушить свою жизнь ради меня.

— Любишь меня? — Тадж встал и навис над девушкой. — И не понимаешь моих причин? Думаешь знаешь всё о моих чувствах, на сколько они сильны или крепки? Тебе не одной больно терять любимых людей. На что я готов пойти ради тебя если люблю? И на что я буду готов ради дорогих мне людей. Смотреть как ты терзаешь себя я не собираюсь. И я сам буду решать, как мне поступить. Могу только сказать, что постараюсь не умереть.

Она смотрела ему в глаза. Он не понимал её. Карие очи пылали праведным огнём, и непоколебимой уверенностью. Этот упрямый осёл вбил себе что-то в голову, а она не могла его переубедить.

— И что ты предлагаешь? — Раздражённо спросила она. — Никакой погони не будет. Вдвоём поедем? Тогда думаю оба сдохнем. Ты видел, что это была за тварь?! — Она аж взвизгнула при этих словах и показала руками какая эта тварь была большая.

— Я видел, как солнечный свет убил её. — Твёрдо ответил он. — Нужно нападать при свете солнца.

— И как ты собираешься нападать? У нас двоих нет шанса с ними справиться, а подкрепления не будет, тот драный всеми козлами урод так и сказал. — Бессилие в сложившейся ситуации и упёртость возлюбленного злила, и эта злость уже начала изливаться не только на юношу. — Нужно найти грёбаную армию, чтобы с ними справиться?

— Армии у нас нет, есть охотники. — На лице Таджа так и читалось, что он только рад её раздражительности. И она не могла с ним не согласиться, лучше уж так, чем отчаяние.

— Не выйдет, мои все в недельном походе. Наша община маленькая, не чета вашей гильдии, людей мало.

— Значит я приведу людей. Пойдём. — Он взял её за руку и решительно потянул за

собой, но она не поддавалась.

— К твоему отцу? — С опаской спросила она. — Думаю если он увидит нас вместе, то плетей получим оба.

— Это моя забота. — Отрезал Тадж. — Тебе нужно домой, нужно организовать похороны для Маркуса. Думаю, тебе лучше...

— Это моя забота. — Перебила она его. — Ты не поедешь без меня. Встречаемся здесь через два часа. — Произнесла она тоном, не терпящим возражений.

Ханна, как и её возлюбленный, тоже решила. Если она не может его отговорить, то хотя бы постарается защитить. Тадж озадаченно посмотрел на неё, но ничего не ответил. Он помог Ханне подняться и страстно поцеловал.

Они прошли вместе какое-то время, а потом разделились, и Ханна осталась одна, наедине со своими безрадостными мыслями. Девушка не замечала никого вокруг, быстро шагала и старалась не думать обо всём этом. Но получалось скверно.

Она запустила события, на которые не может теперь повлиять. Тадж. Все эти смерти. «Может стоило бы умереть? Тогда Тадж не погибнет, и не кто больше не пострадает». — Твердил внутренний голос.

И от одной этой мысли становилось так горько и жутко, что девушка не могла этого выносить. Ханна побежала, чтобы отвлечься от своих дум, хотя это не сильно помогло. Оказывается, оставаться наедине с собой, иногда бывает очень ужасно. Мысли снова начали виться вокруг смерти, натолкнув на идею воспользоваться гуманным ядом, что безболезненно убивал во сне, и от этого замысла становилось не по себе, волосы вставали дыбом и мурашки пробегали по спине. Что бы Ханна не говорила, но где-то глубоко внутри, со своей скорой смертью она не смирилась.

Всё эти думы разрывали разум на части. Было больно от осознания, что она причина многих смертей. Но так ли это? А может и нет? Разве она виновата? Разве хотела всего этого? Нет, конечно же.

«А чего же ты хотела?»

«Не дать убийце отца сбежать, и вернуть мамину вещь».

«И чем это обернулось?»

«Я не хотела никому причинить вред».

«Но причинила же».

«Я не знала, что так выйдем».

«Теперь знаешь. И что будешь делать?»

«...»

«Ты творишь зло Ханна. И не важно, что ты не хотела. Но ты теперь такая же, как и тот человек в чёрном».

«Нет!»

Ханна вела внутренний диалог сама с собой. Она винила себя, и в то же время, понимала, что не убивала всех этих людей. Этой мыслью она успокаивала свою совесть, но получалось как-то скверно. Ей так хотелось поговорить, высвободить все эти душевные терзания, но рядом никого не было. Тадж ушёл за помощью и некому её, сейчас, утешить.

Девушка перешла на быстрый шаг. Ноги её гудели, за последние несколько часов, она изрядно набегалась. Ханна снова думала о Тадже. Он сказал, что женится на другой, если она не согласится выйти за него замуж. Сейчас эта проблема казалась ей не значительной, но, когда он говорил, слова чуть не сорвались с её губ. Девушка была готова дать своё

согласие там же на месте, не взирая на то, что неизвестная страшная болезнь вскоре убьёт её. Ханна смолчала потому что не хотела подвергать своего возлюбленного такому испытанию. Всё, о чём она могла думать причиняло ей боль, но разум предпринял попытку спасти девушку от тягостных мыслей, подкинув воспоминание из прошлого.

Из окна со второго этажа дома было хорошо видно подробности происходящего. На улице стояли сумерки, высокий масляный фонарь хорошо освещал небольшой участок мостовой, немного припорошенной снегом, который валил крупными хлопьями уже минут пять. В помещении было тусклое освещение от слабого огня в камине, поэтому маленькая Ханна прекрасно видела, как трое уличных оборванцев повалили на землю мальчика и пытались у него что-то отобрать, то ли конверт, то ли коробку, тогда она не могла разглядеть. Паренёк был хорошо одет, новенькая ливрея была вся в грязи, а из разбитого носа текла кровь. Мальчик вяло сопротивлялся и не пытался дать сдачи, даже не звал на помощь и девочке, смотрящей на него из окна, было непонятно почему. Она бы сама могла гулять на улице, но её наказал отец за то, что поставила приотличнейший синяк одному мальчишке под глаз за то, что тот постоянно задирает её. Отец парня оказался коллегой Маркоса, и она была наказана ещё до конца дня.

В тот момент Ханна точно помнила свои чувства: ей казалось, что жизнь не справедлива к этому мальчишке, что трое на одного, это попросту говоря, не честно. Нужно было помочь, но отец запретил выходить на улицу. Тогда, она повернулась к маме. Та гладила бельё большим утюгом внутри которого тлели маленькие яркие угольки. Ханна тогда хорошенько подумала и спросила:

— Мама?

— Да, дорогая. — Ответила мать, не отвлекаясь от работы.

— Если... Если необходимо, если я должна кому-то помочь, но... но тогда я тоже могу пострадать? Что... Что делать тогда?

Урсула взглянула на дочь и некоторое время смотрела на её задумчиво, а потом ответила с лёгкой улыбкой.

— Сделай что сможешь.

Для маленькой Ханны это послужило сигналом, она пулей рванулась к двери, вылетела с лестницы на первый этаж, и выбежала на улицу. Девчонка напала с разбега. Тот, что стоял ближе всех, худой и оборванный, получил пинок, споткнулся об объект грабежа и зарылся лицом в дорожный камень. Двое оставшиеся на ногах синхронно обернулись и уже готовы были напасть. Ханна не уступала худым оборванцам в пропорциях и совершенно их не боялась. Неожиданно сзади послышался голос матери, а за тем и отца. Уличные мальчишки, завидев взрослых, подхватили под руки своего товарища и припустили в ближайший проулок.

Позже, когда парню помогли и позволили согреться в доме, выяснилось, что это паж графини Сибрит, нынешней фаворитке при императорском дворе, об этом тогда трубили все новостные листы. Парень нёс от неё письмо с наилучшими пожеланиями дворянину, которого пожелал оставить инкогнито, но сказал, что сообщит графине о неоценимой помощи и великом геройском поступке столь юной особы. Мать не стала наказывать её тогда, а тот совет Ханна помнила, по сей день. Собрать волю в кулак и делать что сможешь, во что бы то ни стало.

Да, в детстве мир выглядел куда проще. Есть плохие люди и хорошие, одни делают

добро, другие творят зло. Сейчас всё было не так. Она не сомневалась, что человек в чёрном, и его спутники несут зло. Но вот кто же такая Ханна, если из-за неё гибнут люди? С этими мыслями она подошла к дому. На улице уже во всю пели птицы, солнце поднялось, достаточно, высоко и день обещал быть жарким. Вокруг всё было как прежде, как будто с ней ничего не произошло, и она просто вернулась домой после весёлого празднования на фестивале огней. Ощущение исчезло через миг, и девушка снова оказалась в суровой реальности. Прошло какое-то время, прежде чем она решилась войти в дом и спуститься в лабораторию отца.

Внизу царил полумрак, и полный разгром. Солнечный свет проникал в окошки, выхватывая из темноты участки пола, устланного уничтоженными вещами.

В глубине помещения, не было окон, и там властвовали тени, но зрение девушки постепенно привыкло, и она смогла отыскать отца. Он лежал на полу и выглядел таким бледным при тусклом освещении. Замутнённые глаза смотрели в потолок, руки и ноги раскинуты. Она села рядом и уже снова готова была зайтись слезами, но они не шли из неё, как будто их запас полностью иссяк. Вместо этого она закрыла глаза Маркоса и огляделась вокруг, в попытке отвлечь мысли хоть чем-нибудь. Почти совсем ничего не уцелело и первое, на что наткнулся взгляд Ханны, был большой искусно вышитый гобелен, от потолка до пола. Темнота скрывала любопытнейший геометрический рисунок, девушка была далека от алхимии, но то, что было вышито на гобелене, знала прекрасно. Путеводная таблица алхимиков. Она помнила, как отец рассказывал ей про неё, словно это было вчера.

Для алхимии на всём Азаторне наступил золотой век. Издревле алхимики, учёные, пользовались схемами и таблицами, чтобы упорядочить свои знания. Кому-то это удалось сделать лучше других. Первая общепризнанная, упорядоченная система называлась дерево Сифрот, или дерево жизни. И этой системой учёные умы пользовались многие века. Но алхимический прогресс не стоял на месте, и подобная схема перестала удовлетворять учёных светил, и тогда академией был разработан новый эталон знаний. Путеводная таблица алхимика. Она представляла собой совмещение круга креста и звезды. Крест находился в центре, и являлся основой схемы, символизируя стихийные начала природных процессов. Его линии оканчивались изображениями стихий. Вертикальная линия соединяло земля и воздух, земля внизу, воздух вверху. А горизонтальная, огонь и воду, огонь слева, вода, справа. Крест с символами стихий, находился внутри звезды. Все пять лучей заканчивались изображениями основы природных процессов. Снизу разрушение и созидание, как фундамент и основа движения жизни, на левом конце звезды, разделение, на правом соединение, и наверху изменение. Звезду опоясывал круг, он проходил тонкой линией сквозь изображения основы природных процессов. На эту линию были нанесены, как на нитку бывают нанизаны бусины, изображения известных алхимических элементов, каждый из которых был расположен в той части круга, которая более соответствовала его свойствам и агрегатному состоянию, в соответствии с расположением знаков стихий.

От воспоминаний Ханну отвлек неопределённый звук, будто что-то упало, она осматривалась и пыталась определить его источник. Звук раздался вновь, теперь уже точно около стены с окошками. Что-то копошилось среди разбросанного инвентаря и обломков мебели. Ханна напряглась и не знала толком, чего ей ожидать. Это продлилось какое-то время, но дальше ничего не происходило. Ждать вскоре надоело, и она двинулась к шевелящейся кучке разбитой посуды. Похоже, кучка услышала её шаги, потому что перестала шевелиться, а девушка тут же остановилась, в паре шагов. На краткий миг воцарилась

тишина, а за тем из-под кучки послышался детский приглушённый голос:

— Эй кто там? Джостар это ты? Помоги мне выбраться. Ты нашёл кости? Что произошло?

Ханна не стала ждать продолжения и поддалась порыву своего любопытства. Она опустилась на колени и разгребла осколки руками. Маленькое сереброкожее существо напоминало человека, вот только кроме цвета кожи неприсущего людям, присутствовали две пары больших крыльев, похожих на стрекозьи. А ещё его черты лица и форма тела, были какими-то угловатыми, словно он закован в броню. Несколько ударов сердца они смотрели друг на друга, а за тем маленький, испачканный в пыли человечек заработал руками и ногами, в попытке выбраться, но Ханна не дала ему этого сделать, выбросила руку и извлекла из-под завала небольшое существо несколько дюймов росту. Она держала его за ноги и талию. Мелкий гадёныш не растерялся, изловчился и укусил девушку за большой палец. Было больно, она вскрикнула и выпустила маленького человечка. Тот рванул было вверх, но болезненно пискнул и снова рухнул на пол. Он поднялся и попытался посмотреть, что послужило причиной внезапной боли. Существо то так, то эдак пыталось повернуть голову, а иногда просто крутилось вокруг себя, как собака, в порыве угнаться за своим хвостом.

Представителя крылатого народа бриджисов Ханна узнала без труда, отец рассказывал ей об этих существах. Их серебристая кожа являлась уникальной разновидностью хитина, который выполнял функции брони и отсутствующего скелета. Этот серебряный покров защищал лёгкого бриджиса от повреждений, но крылья являлись уязвимым местом маленького народца. Он перепугался не на шутку. Все знают, что нет для маленьких летунов ничего страшней, чем перспектива потерять крылья. Те приятные и волнующие ощущения, что дарит возможность летать ни один бриджис не сможет позабыть. Он попробовал взмахнуть крыльями, но скривился от боли:

— Мои крылья! Я не могу летать! — В глазах его стоял ужас.

— Эй!

Существо упорно не замечало Ханну, продолжало крутиться вокруг себя и что-то бормотать себе под нос, писклявым голоском. Тогда она, пальцами ухватила бриджиса за густую копну спутанных белых волос и подняла над полом.

— Пусти сука!

Она дала ему щелбан.

— Ты ещё кто такой? Откуда ты тут взялся?

— Отвали!

Щелбан не возымел должного эффекта, тон его голоса был не в меру наглым, а про крылья бриджис похоже забыл, потому что снова взмахнул всеми четырьмя и скривился от боли.

— А-а! Мои крылья... — Он снова заметался, а Ханна развернула человечка, не выпуская волос из своих пальцев и с завидной ловкостью подцепила ногтями деревянную занозу. Хитиновую броню она бы не пробила, но летунчику не повезло, и злополучная деревяшка угодила в сустав между крылом и спиной. Ханна сунула ему под нос занозу и бриджис тут же замолчал, ошалев на мгновение.

— Я сейчас её обратно засуну, откуда достала и летать тебе больше не придётся! Говори кто ты и какого хрена тут делаешь!

Девушка встряхнула его. Существо помедлило пару ударов сердца, сосредоточенно что-

то обдумывая, а за тем заговорило:

— Да не знаю я, пьяный был, не помню, наверное, с домом перепутал? — Он начал осматриваться и похоже пытался понять где он, а потом неожиданно замер, обратившись к девушке писклявым голосочком полным растерянности. — Уже утро?

— Пол часа назад рассвело.

— Рассвело? — Он раскрыл глаза на столько широко, что казалось они вот-вот вывалятся из орбит. — Но это значит... это значит, — он выглядел так, как будто на него сейчас снизойдёт какое-то озарение, — это значит... Что они... Бросили меня! Они бросили меня! Джостар, сволочь, кинул меня здесь. Да они весь мой порошок забрали!!!... - Он закрыл рот руками, и в ужасе уставился на девушку детскими напуганными глазками. Ханна в ответ, только усмехнулась.

— Проговорился, малявка! Если ты мне ещё раз скажешь про то, что ты здесь случайно, я тебе крылья оборву и сожрать заставлю. — Прошипела она с интонацией, не оставляющей сомнений, что это факт, а не просто угроза. Но бриджис не отреагировал, вместо этого он начал плакать, сначала не спеша, а за тем в захлёб рыдать, закрыв лицо трёхпальными руками.

— Эй. — Девушку это похоже смутило. — Прекрати, а? Мне вот... тоже тяжело... но я же не плачу. — Она была удивлена поступком бриджиса не смотря, на то, что слёзы из неё самой лились этой ночью втрое против этого. — Эй, тебя как зовут?

— Лавий меня зовут. — Он, как будто только теперь вспомнил про девушку и перестал рыдать.

— И от куда ты Лавий?

— Я из Мехенвальда. — Паренёк кажется приободрился и Ханне показалось, что как-то часто у того меняется настроение, это сбивало с толку, вот его жаль, а теперь снова хочется убить.

— Слушай Лавий, ты должен мне помочь. Кто такой Джостар? Человек в чёрном?

Лавий услышав её слова, замер и уставился на Ханну, как суслик на змею. Это продолжалось достаточно долго, для того чтобы девушке надоело:

— Эй! Окрик заставил бриджиса вернуться к реальности, он вздрогнул, а его маленькие глазёнки на выкате забегали из стороны в сторону.

— Что с тобой? Ты больной что ли?

— Нет... — Лавий перестал смотреть по сторонам, и сосредоточился на ней. — Я... я просто подумал... если ты видела... У него был мой порошок?

— Ага, целый мешок, — язвительно отреагировала девушка, — куда они направились? Они тебя тут бросили, а ты будешь жертвовать ради них крыльями?

Бриджис призадумался, но не на долго, он поднял глаза на девушку и сказал:

— Нет, крылья мне нужнее, чем эти сволочи. Я расскажу, если Чёрным гасителем угостишь.

— Чего?

— Ну или опиума мне достань.

Когда Ханна поняла, чего хочет Лавий, то даже растерялась от такой наглости и глупости, слова мелкого засранца разозлили и в тоже время развеселили.

— Ты идиот, или меня за дуру держишь? Ты не в том положении, чтобы ставить условия, давай рассказывай, а не то я из тебя слова, калёным железом выжгу.

— Ладно, ладно. Сейчас, погоди... что там Эдриан говорил? М-м-м... — Он аж зажмурился, вспоминая. — Точно, он говорил, что собирается на север...вроде. Я не знаю

куда они направились, принц со мной планами не делился. — Бриджис прервал свою тираду о чём-то задумавшись.

«Принц? Кто они все такие? Ладно это я потом узнаю. Маленький засранец просто подарок судьбы. Всё ведь сойдётся, они вышли через северо-восточные ворота. Надо у Таджа спросить, он должен что-то знать. Интересно, как у него дела...».

От мыслей её оторвал раздражающий писк:

— Эй! Я рассказал тебе всё что знаю, теперь дай мне какой-нибудь наркоты, мы же договорились. Девушка проигнорировала слова бриджиса, и стала искать что-то среди царившего беспорядка:

— Где-то здесь я видела...

— Эй! Ты слышишь!? Дай наркоты, хренова сука!

Она замерла и осмотрела пол:

— Не помню, чтобы о чём-то подобном с тобой договаривалась, так что заткнись...

— Я не...

— А ещё раз назовёшь меня сукой, я тебе ноги сломаю. — В подтверждение своих слов, она схватила человечка за ногу.

— Не-не-не! погоди! — Заверещал маленький летунчик.

— Слушай, Лавий, у меня выдался крайне хреновый день, так что постарайся меня не злить!

В переулке царил полумрак, но солнце уже палило во всю, просто его тёплые лучи не проникали в это место, высокие дома не давали им и шанса обогреть свои холодные стены, они обступили узкую полоску мощёной дорожки, как будто прятали её от дневного света. Сейчас день только вступал в свои права и ещё не набрался сил, но в полдень неумолимая жара падёт на город, и ни что не укроется от воцарившегося зноя.

Поздним утром, в переулке было прохладно, поэтому двое мужчин идущие друг за другом по узкому проходу мощёному камнем, чувствовали себя вполне вольготно. Тот, что шел впереди был огромен, не меньше шести футов росту, его плечи почти касались стен, нависших над ним домов. Бугры мышц спрятаны под доспехом из кожаных пластин, наручами и наплечниками из толстой кожи. Вместо шлема на голову намотан красный тюрбан. Парень, что шёл следом, видел, как здоровяк оглаживает свою пышную, густую каштановую бороду. Это всегда означало, что её обладатель находится в глубокой задумчивости. Тадж был так же одет и вооружён. На поясе крепились металлические диски, заточенные с внешней стороны.

Метательные чакры охотники стали использовать не так давно. Оружие прекрасно показало себя в джунглях. Брали и иное вооружение. Луки, если боялись испортить шкуру или небольшие арбалеты, со снотворным в специальном болте, если диковинную зверушку нужно доставить живой. Но во многих других случаях чакры приносили немалую пользу. Оружие хорошее в ближнем и дальнем бою, особенно против Веросса. Быть Шикари весьма опасное занятие, и не редко охота превращается в борьбу за выживание, когда, порой, углубишься в джунгли.

Охотники позаимствовали технику у Сикхов, военного рода Кшатриев. Воины Сикхов раскручивали металлический диск на пальце и могли метнуть на расстояние, в сотню ярдов,

ранив и даже убив не защищённого доспехом человека. Тадж не плохо освоил это оружие, но по сравнению с идущим впереди человеком, чувствовал себя полным профаном.

Юноша был на голову ниже великана, исключительно здорового для синдарийского племени. Тадж всегда поражался этому человеку, Махатма полностью оправдывал данное ему с рождения имя, что означало большая душа. Друг и заместитель отца, всегда занимал свой пост, сколько юноша себя помнил. Он старался равняться на этого добродушного и одновременно сурового, но справедливого человека.

Разговор с отцом прошёл совсем не так, как планировал Тадж по дороге к пристанищу охотников и ему пришлось согласиться с мыслью, что, если бы не вмешался Махатма, он не добился бы ничего кроме новых побоев и нравоучений о приумножении чести семьи. Первое, что сделал Виджай, отец Таджа, когда услышал его историю, хорошенько разукрасил сыну глаз и теперь юноша прикладывал к месту удара металлическую ложку, предложенную заботливым заместителем. Отец был не приклонен, Тадж клялся, что не женится на Манджуле, угрожал, что сбежит, но ни один из его доводов, так и не возымел должного эффекта. Хорошо ещё, что слухи о произошедшем в городе не успели докатиться до Виджая, иначе не было смысла даже надеяться. Он хотел уехать до того, как эти слухи облетят весь город. Юноша и не надеялся на лёгкую победу в этой словесной баталии, но даже не представлял с чем столкнётся, хотя должен был знать, что непреклонность главного охотника в городе станет таким непреодолимым препятствием.

— Во что эта Затраканская сука тебя втянула!? Ты совсем обезумел?! У тебя через три дня свадьба! Пусть городская стража разбирается, это не твоё дело! — Кричал отец. Эхо от его хриповатого баса разносилось по всему большому залу в здании гильдии, где часто собирались её члены для обсуждения важных вопросов. Правда, эти обсуждения больше походили на увеселительную попойку, но это никогда никого не смущало.

— Городская стража не намерена ловить воров и убийц по всей округе, они отказали в помощи.

— И ты сразу решил поиграть в героя! — Грузный мужчина, пару лет назад разменявший шестой десяток, расплылся во всю и брызгал слюной, а роскошные усы, подстриженные по последней синдарийской моде, шевелились в такт его крикам. — О чём ты вообще думаешь?! Мало того, что ты снова встречаешься с этой дикаркой, так ещё имеешь наглости заваливаться сюда и просить у меня людей?!

— До свадьбы я волен встречаться с кем захочу! Пусть я женюсь на Манджуле, но это не значит, что я люблю её. Неужели ты никогда никого не любил?!

— Думаешь, я не любил? Пусть брак с твоей матерью строился из расчёта, но это не помешало мне достичь всего этого. — Виджай величественно обвёл рукой огромный зал.

Высот он достиг небывалых, с этим мог бы согласиться любой Синдариец. Когда касты на законодательном уровне отменили, гильдии охотников и собирателей были в числе тех, кто не хотел принимать в свои ряды слуг, землепашцев и им подобных. Но им пришлось идти на уступки перед волей царя. Шикари, как и кшатрии на определённых условиях, неохотно, но всё же принимали представителей низших варн. Виджай поступил мудрее своих конкурентов. Он начал принимать в гильдию иностранцев. К тому времени, как царь Серадж упразднил кастовую систему, Маджит уже являлся крупным торговым городом и помимо торговцев и ремесленников сюда съезжалось большое количество солдат удачи: охранники караванов, телохранители купцов, охотники из-за пределов страны в поисках диковинной добычи и многие другие, кто зарабатывает на хлеб не без риска для жизни.

Иностранцы не входили не в одну из каст Синдари и их наём не бил так по репутации гильдии, как прислуга, угольщики, водоносы и прочий сброд по мнению Виджая и многих других Шикари. Был в этом и свой недостаток. Почти никто из новоприбывших иноземцев не разбирался в тонкостях данной профессии. Им не доставало знаний об опасностях, что таили в себе Ядовитые Джунгли, но Виджай решил и этот вопрос. Точнее не он сам, а цифры, выведенные на бумаги. Он ввел обучение, которое вполне себе окупалось. Правда оно, по большей части проходило на месте, и больше походило на какой-то безумный инструктаж.

Пусть сын и не достиг таких высот, но в упорстве он не уступал родителю.

— Да, власти и денег у тебя хоть отбавляй, но ты похоже забыл, что такое быть настоящим воином. Ты называешь её дикаркой, но у неё большая душа, а что случилось с тобой?

Похоже палку он всё-таки перегнул, юношеский пыл взбрыкнул, ударив гормонами в голову и обидным словом своему собеседнику, а потом махнул ручкой, оставив Таджа в одиночестве, наедине со своими проблемами. Но он всё-таки сказал именно то, что думал, так что кого теперь винить? Виджай, не смотря на смуглую кожу, смог покраснеть, гримаса ненависти исказила усатое лицо, он уже собирался для равновесия вселенной и выпуска пара, дать сыну во второй глаз. И в этот момент рука Махатмы легла на плечо друга, а мягкий бас спокойно прошелестел:

— Не горячись друг. Посмотри, ты воспитал настоящего мужчину, воина, а теперь пытаешься спрятать его под юбку?

Позже Тадж спросил у него: «Почему ты хотел помочь мне?», а Махатма ответил: «Я хочу помочь не тебе, а ей. Она хорошая девушка, а Маркос был хорошим человеком, у неё никого не осталось, мы были друзьями и моя обязанность, как и твоя, помочь Ханне». Сам он женат никогда не был, но возрастом был не сильно младше Виджая. Тадж так и не понял, что больше повлияло на отца в тот день: Махатма, кальян с гашишем или большой кувшин вина, что пустой лежал рядом со столом.

Удача повернулось лицом к юноше этим утром, и теперь Махатма вёл его какими-то переулками неизвестно куда.

— Спасибо, Махатма, я у тебя в неоплатном долгу.

— Ты уже говорил, — пробасил великан. Он продолжал упорно протискиваться вперёд по узкому переулку.

— Нет, правда, без тебя я бы впросак попал. Как он не понимает, я же....

— Слушай парень! — Махатма грубо оборвал его, повысив голос. — Ты знаешь, что такое впросак? — Он спросил уже спокойнее, но ему всё равно пришлось говорить громко, что бы Тадж за его спиной смог расслышать каждое слово.

— Э-э-э, ну, думаю, что это какая-то не приятная ситуация...

Услышав, великан добродушно рассмеялся в ответ и произнёс:

— Да уж, это точно, ситуация будет не приятная, я бы назвал это конфуз.

Он снова, по-доброму усмехнулся, а потом произнёс голосом наполненным серьёзными интонациями:

— Раз точно не знаешь, то и говорить не стоит, так можно и впросак, как говориться попасть. В общем, кроме шуток, постарайся не делать того, о чём я потом пожалею, ты меня понял?

Его лица Тадж не видел, только спину, но точно знал, что взгляд его суровый и сосредоточенный.

— Долго нам ещё?

— Нет, — бросил Махатма через плечо.

Недовольство заместителя можно было понять, после ночи проведённой за вином, разговорами и шахматами, ему меньше всего хотелось ещё день трястись в седле, но тут уж Виджай оказался не приклонен. «Раз такой умный, поедешь с ним, проследишь, чтобы к свадьбе он был здесь!» сказал он тогда.

Гнев его не смягчился, но как сказал потом Махатма: «Что-то он хочет из этого извлечь, раз так быстро согласился. Твой отец своего не упустит».

Его опыт оказался неоценим, великан сразу же взял ситуацию в свои руки. Первым делом он надавал Таджу по шапке, за то, что тот, вместо того что бы действовать самостоятельно, пошёл к отцу. Позже Тадж сам надавал себе по шапке за несообразительность. Потом Махатма расспросил все подробности произошедшего и настоятельно рекомендовал рассказать всё, что не сказал родителю. После рассказа под нецензурные комментарии они занялись подбором людей. И вот тут-то что-то пошло не по плану юноши. Он хотел набрать команду из бывалых охотников и верных товарищей, но выяснилось, что, собрав такую команду, пришлось бы нанимать телегу, грузить туда избранный отряд и надеяться, что к моменту встречи субийцами они смогут протрезветь, ведь так получилось, что в день фестиваля огней, почти все охотники гильдии, либо пьяные совсем, либо укуренные, такие, что подойти страшно, остальные же находились в рейдах по джунглям. Сам заместитель протрезвел в тот момент, когда понял, какой насыщенный день ему предстоит, но с остальными, как он сказал, такой фокус вряд ли сработает. Двоих их и Ханны не хватит, чтобы совершить задуманное, но у Махатмы, к счастью, оказался припрятан туз в рукаве и вот они уже минут двадцать шли куда-то на юго-запад.

— Надеюсь они стоят того чтоб переться в такую даль, ты их видел? Сколько их?

— Четверо, один из них приходил в гильдию вчера, весь день просидел в приёмной надеясь заработать, но у нас ничего для него не нашлось. Этот парень были далек от охоты, как я от танцев. Сказал из отряда Налётчиков, наёмник.

— Это ещё кто?

— Я слышал кое-что, — Махатма, сделал паузу на пару секунд, а потом снова заговорил. — Они имеют неплохую славу в землях западнее. Репутацию заработали благодаря исключительно эффективности своих действий. У них не плохо получалось. Мне рассказывали, что они атакуют вражеские лагеря по ночам. Снимают часовых на определённых участках, а за тем налетают как призраки из ниоткуда, проносятся по сонному вражескому стану и так же неожиданно уходят. Оставляют после себя только кровь и трупы, не успевшему опомниться врагу. Отсюда и название — Налётчики.

— И что же случилось с бравым отрядом? Ты сказал, что их четверо.

— Их постигла печальная участь-они попали в засаду, а эти четверо, всё, что от них осталось.

— И он тебе всё это рассказал?

— Ты же знаешь, я располагаю к разговорам, этот человек заинтересовал меня, когда я понял, что он обивает пороги гильдии вот уже много часов к ряду. Я думаю он просто хотел воспользоваться репутацией. Я так понял каждый член отряда пытал счастья в Маджете, будем надеяться их услугами ещё никто не воспользовался.

— Не знаю странно как-то нападать по ночам... Они что, как эльфы, в темноте видят?

— Вряд ли, но скорей всего кто-то в отряде умеет варить неплохое зелье ночного зрения, а это вещь не из дешевых, чтобы его покупать и перед каждым налётом на спящего врага целый отряд поить. Эти люди подходят как нельзя лучше, оружие при них и кони тоже, это облегчает задачу.

Всё это было интересно для юноши, чьи мечты стать воином, занимали большую часть его мыслей, но сейчас он думал о Ханне, о том, что его желание быть с ней каждую минуту и не отпускать, становится всё сильнее. Он думал о её улыбке, которая сменилась печальным лицом этой роковой ночью, нет, ещё раньше, когда они перестали встречаться по ночам. Ночные встречи будоражили кровь, приносили таинственность и новизну ощущений. А может дело было не в этих свиданиях, а именно в Ханне? Никогда он не испытывал такого не с одной другой девушкой. И именно в те дни его возлюбленная перестала одаривать его своей лучезарной, манящей улыбкой. Но, не смотря, на то, что он не мог больше думать ни о чём другом, слова Махатмы ободрили его и подарили надежду на успешный исход. Если эти люди так хороши, как рассказывает друг отца, может тогда Ханна хоть на секунду, снова улыбнётся и согреет его сердце. То как печаль и скорбь убивают возлюбленную, то, как боги обошлись с ней, сломает любого человека, а она держалась. Пока. Он восхищался её силой воли и боялся, что эта воля вот-вот даст трещину и сломается, уничтожив девушку, наверное, поэтому, старался изо всех сил, старался ради неё.

В своих размышлениях Тадж не заметил, как узкий переулок, закончился и вывел спутников на широкую улицу, которая с одной стороны заканчивалась уходящей вверх лестницей под арочным сводом, а с другой уводила к ступенчатому колодцу. Люди спускались с лестницы по двое, трое или по одиночке, они не спеша шли к колодцу с кувшинами и вёдрами. До юноши доносились обрывки разговоров, проходящих мимо людей. Новость о произошедшем, как саранча облетала город, и скоро она захватит его полностью, а потом, кто знает, может и полетит дальше, обростёт сплетнями и слухами. Молодой охотник, мог только порадоваться, что отец оказался не осведомлён.

Жара здесь ощущалась сильнее, чем в переулке, а солнце сильно припекало. Махатма быстрым шагом устремился к одному из домов, с необычной для этих мест резной деревянной вывеской, на которой облупилась вся краска и Тадж не смог разобрать, что там изображено.

Это оказалась кантина, в которой Тадж к своему удивлению не разу не был. Маджит большой город и он мог упустить несколько питейных заведений, но обстановка его поразила.

— Что это за место?

— Ха, — Махатма усмехнулся и взглянул на юношу, — не плохое местечко, правда? Один из охотников с окрестностей Большого Немальского Пути отошел от дел и устроил себе здесь райский уголок спокойной старости.

Обеденный зал мог бы похвастаться целой кучей трофеев тех тварей, на которых, видимо, раньше охотился владелец кантины. Голова тенелопы с чёрной блестящей шерстью, и закрученными спиралью острыми рогами висела на стене, рядом с головой варга. На против растянулось большое перепончатое крыло, пришилненное к стенк, как бабочка в коллекции энтомолога. Судя по размеру и виду, конечность принадлежала какой-то огромной летучей мыши. И ещё много чучел разных, диковинных и ужасающих на вид существ, названия которым Тадж не знал. Стиль интерьера довершал огромный арбалет, или

маленькая баллиста, юноша так и не понял, с каким-то сложным и непонятным механизмом взвода. Оружие висело на специальных крюках, вбитых в стену. Хозяина не было на месте, раннее утро не способствовало притоку клиентов, поэтому в зале было тихо, почти пусто. Двое человек сидели за одним из дальних столов и о чём-то усердно переговаривались. Махатма, завидев их тут же направился к людям, а Тадж с секундным опозданием пошел следом. Над двумя постояльцами нависла голова какого-то существа, похожего на ящерицу переростка, чью морду усеивали многочисленные костяные наросты. Двое мужчин прекратили разговоры и заинтересованно, но настороженно уставились на пришельцев. Юноша рассматривал чужестранцев. Один из них был родом из рубежных княжеств, что располагались севернее, по ту сторону Большого Немальского пути. Короткий ирокез часто можно увидеть на головах молодых парней и девушек, населяющих эти места. Молодое загорелое лицо, торс закрывала короткая, но до нелепого свободная кожаная куртка на голое тело. Откуда второй, сидевший за столом человек, Тадж, так и не понял. Его длинные волосы, сплетённые в толстую косу, выбивались из-под широкополой шляпы и были цвета бушующего пламени. Рыжий, с большим количеством конопушек под глазами, точнее глаз был только один. Один карий глаз изучал пришельцев с настороженным интересом, на месте второго расположился уродливый шрам, который безуспешно пыталась скрыть плотная чёрная повязка. Юноша подумал, что этот человек родом из западной империи, как и Ханна, но не мог говорить наверняка. Засаленную и потёртую рубаху одноглазого скрывала такая же, как у рубежника куртка из вываренной кожи. Оба жилистые, плечистые и немного угрюмые. На столе перед ними стояло пару кружек с водой.

Махатма первым приветствовал сидящих:

— Доброе утро, господа.

— Я бы пожелал тебе того же охотник, но стоит ли, если мы даже одно утро видим совсем по-разному? — Голос человека с рыжими волосами красивый и твердый уверенно прозвучал в ответ, — Не считите за грубость, просто на наш взгляд утро выдалось дерьмовым, поэтому перейду сразу к делу. Чем могу помочь, уважаемые?

— К делу так к делу, — невозмутимо ответил Махатма, — надеюсь смогу поменять ваше мнение по поводу сегодняшнего утра, хотя, по-моему, оно ничем не лучше вашего. Этот парень, — Махатма указал на человека с ирокезом и обратился к нему, — Ориндар? Я правильно запомнил?

— Орондер, — поправил его тот.

— Извини, — Примирительно поднял руку великан, — так вот вчера Орондер говорил, что вам нужна работа и сказал, где вы остановились, если вдруг нам будет что предложить. Так вот, у меня есть к вам выгодное предложение.

Он сделал паузу, но рыжеволосый сразу её заполнил:

— Интересно, какую услугу мы сможем оказать гильдии охотников и собирателей, неужели поохотимся на тигра?

Махатма усмехнулся и ответил:

— Не обольщайся, тигр опасен с обоих концов, а ты даже не знаешь с какой стороны к нему подходить, так что радуйся, что тебе достанется более лёгкая добыча.

— Я так понимаю мы будем иметь дело с нехорошими людьми, которых срочно требуется отправить к созидателю?

— Правильно мыслишь, десять человек покинули город примерно час назад, некоторые из них очень опасны, наша задача их догнать и отобрать украденную вещь. Трупы можно не

считать, если вам это важно.

— Очень опасные люди? Десять человек? А нас сколько? Шестеро? Оплата должна быть соответственной. По двадцать пять синдарийских лун на каждого, по десять из них авансом.

— А аванс не великоват? — так же спокойно ответил Махатма, — по десять лун на каждого и всего десять авансом, получите, когда вернёмся в город, от уменьшения количества участников, сумма не меняется, вот мои условия.

— Так не выйдет.

— А войдёт запросто? — Махатма продолжал говорить спокойно, это был человек, с которым лучше не торговаться. — Что тебя не устраивает?

— Ты знаешь, с оплатой всё не так плохо, мы вчетвером готовы к работе хоть сейчас, но наш пятый в тяжёлом состоянии, ему нужны лекарства и уход. Он сильно пострадал, а мы поиздержались малость, нам нужны деньги, чтобы оплатить услуги хорошего лекаря, а это не дёшево, мы ведь можем и не вернуться, — рот одноглазого тронула лёгкая, печальная усмешка, — но хотя бы один из нас должен выжить.

— И что же случилось с вашим другом, что услуги лекаря стоят настолько дорого? — Рыжеволосый долго молчал, Орондер тоже ничего не говорил, воцарилось напряжённое молчание. Человек в шляпе первым нарушил его:

— Мы должны были атаковать подвозы врага, шли в предрассветных сумерках, как и всегда. Никто ничего не понял до последнего мгновения. Лагерь оказался засадой, там были только часовые и немного людей, которые подожгли всё, а потом нас ждал обстрел, всех лучников убили, удалось выжить только его сестре. — Он кивнул в сторону Орондера.

— Да, я всегда говорил, что Джуда везучая. — Подхватил парень, но тут же замолчал, дав одноглазому продолжить.

— Пять человек спаслись из этой мясорубки, а мой вице-капитан сильно обгорел, поэтому ему понадобится лучший врач, что может предложить этот город.

— Что-то не могу понять, для людей, у которых нет денег вы тут не плохо устроились, такое без денег не по карману.

— Хозяин этого места мой должник и пока он отдаёт долг, я могу быть здесь. Он человек не плохой, всегда слово своё держит, просто мы с ним не в ладах, так что, когда долг будет уплачен, он вправе выставить нас на улицу, что и произойдёт в скором времени. Как видите ничего крепче воды нам тут не наливают. Ситуация безвыходная. А ещё провизия, амортизация снаряжения и лошадей? Так, что аванс обязательное условие, и уж точно не десять монет.

Махатма сурово уставился на рыжеволосого. В ответ человек в шляпе молчал. Испытывающий взгляд не отрывался от великана. Похоже, они решили торговаться и мериться взглядами до самого вечера. Воцарилась напряжённая обстановка и Тадж решил, что пора вмешаться, тем более идея пришла ему в голову достаточно давно, чтобы обдумать её. Медлить было нельзя, убийцы уходили всё дальше от города, пока эти двое играли в гляделки.

— Так, стоп. Так не пойдёт, у нас нет времени припираться. Если проблема в вашем друге, то я знаю лучшего лекаря в этом городе, у нас мало времени, поэтому предлагаю вам согласиться на эти выгодные условия. Мы сейчас доставляем вашего друга к этому лекарю, я оплачу уход и лекарства, а вы получите по пятнадцать синдарийских лун на каждого. Но только на четверых, по возвращению в город. Если дело, как ты говоришь в твоём друге, то

это предложение вам подойдёт.

Прошло не больше минуты, но для юноши это время растянулось на целую вечность.

— Согласен. — Одноглазый протянул Таджу руку и тот пожал в ответ. — Капитан Антуан, к вашим услугам.

— Собирайтесь скорее и выступаем, твой друг будет в надёжных руках.

— Что же, мы наняты, спешим исполнять. — И наёмники удалились на второй этаж.

Махатма повёл юношу к двери сказал назидательно и тихо:

— Отлично придумал, только вот оплата не великовата? Тадж уже хотел ему ответить, он собирался пристыдить друга, так как сам считал, что они не должны жадничать и терять время, но не успел, потому что, как будто из неоткуда, рядом с ними появился человек весьма необычной внешности. Юноша так и не понял, откуда тот взялся, не слышал шагов и готов был поклясться, что в помещении его не было. Худое лицо с острыми чертами, на голове копна спутанных кудрявых волос.

«Ещё один рыжий? Что-то много за последние сутки».

Это его не сильно удивило, странно было другое. У этого человека в отличии от Ханны и Антуана не было веснушек. Добродушное лицо, было мертвенно бледным, и морщинистым. Его глаза, две ярко-голубые точки внимательно рассматривали великана и юношу, казалось цепкий взгляд не упускал не одной детали. Он был среднего роста и одет в чёрный халат с широкими рукавами, расшитый золотой нитью. Под ним скрывалось чёрное одеяние из какого-то плотного материала похожего на замшу и высокие сапоги с большим количеством пряжек. Человек выждал несколько секунд, дав охотникам себя оценить, и только потом заговорил:

— Доброе утро, уважаемые охотники, — голос у него был мягкий и приятный, — не буду тратить ваше время и перейду сразу к делу, я хочу предложить вам свою помощь. Тадж, не сразу сообразил, о чём говорит этот рыжий мужчина, а когда понял, то вопрос всплыл сам собой в голове, но Махатма опередил своего спутника:

— Интересно, с чего ты решил, что нам нужна какая-то помощь?

— А-а. Так вышло, что я стал, как бы это сказать, невольным слушателем вашего разговора с теми людьми и решил, что вам нужна помощь, в общем, мне хотелось бы присоединиться к отряду, и помочь в вашем деле.

— Что значит невольным слушателем? Ты что подслушивал? — Таджу это не понравилось, он был полностью уверен, что они вчетвером, были единственными присутствующими в зале.

— О, вы просто не заметили меня и говорили достаточно громко, чтобы можно было расслышать каждое слово.

— И сколько ты хочешь за свою помощь? — Теперь вопрос задавал великан.

— Нисколько, я просо поеду с вами и помогу вам справиться с этими людьми.

— Может ты уже расскажешь, что тебе нужно! — Надо ещё было привести лошадей и Тадж злился, что этот человек задерживает их.

— Ваше недоверие вполне обоснованно, что же, не вижу смысла для конспирации. Видите ли, я своего рода тоже охотник только за людьми. Мои работодатели поручили мне найти и убить предателя, которого по стечению обстоятельств преследуете и вы. Он завёл себе серьёзную компанию и его стало сложнее достать, поэтому я предлагаю объединить усилия для достижения целей.

Что тут было ответить, этот человек был прав, как не крути, причин не верить ему, у

юноши тоже не было, тем более он мог обладать информацией о враге, да и ещё один человек будет не лишним, но Тадж не спешил отвечать, поэтому заговорил Махатма:

— А лошадь у тебя есть?

— Да, отличный жеребец.

Махатма молчал в раздумье и Тадж тут же воспользовался секундной паузой, он вспомнил один очень важный момент:

— Следы читаешь? Направление их определить сможешь?

— О, да конечно, это могу. — Приветливое лицо располагало к доверию и Тадж, услышав положительный ответ хотел дать по рукам, но прежде заговорил Махатма.

— Это всё хорошо, нас всё устраивает, вот только ты не нанимался и вроде как сам по себе, у тебя своя цель, у нас своя, поэтому, когда будешь делать свою работу, постарайся не мешать нам, договорились?

— Я понимаю, о чём вы говорите, и постараюсь не создавать проблем. Видите ли, я не преследую цели самолично умертвить этого предателя, но мне необходимо убедиться, в том, что он больше никогда не причинит неудобства моим работодателям. Если его убьёт кто-то из вас, я не сильно расстроюсь.

— Договорились, меня зовут Махатма, а этого паренька Тадж.

— Приятно познакомиться, меня зовут Вильям, но вы можете называть меня Вилл.

Они пожали друг другу руки, и когда рука Таджа схватила ладонь Вилла в чёрной облегающей перчатке, она показалась ему крепкой как камень и холодной как лёд.

VII

Конь нёсся галопом унося своего седока прочь от разрушенных ворот, по густой, невысокой, залитой солнечным светом, траве. Вокруг, куда не глянь раскинулись зелёные холмы, обрамленные полосками леса на горизонте. Мир просыпался, где-то вдалеке трубили слоны, приветствуя новый день, пели птицы, но Волес не замечал перед собой картины нового дня. Вместо живописного пейзажа, перед глазами у него стояла совсем другая картина.

в спешке покинули гостиницу и перебрались в конюшню, принц что-то чертил на земляном полу и в этот момент очнулся хозяин гостиницы, которого Рюк, по приказу Эдриана притащил с собой. Юноша видел в его взгляде сильнейший испуг и полное непонимание:

— Что происходит? Что вам нужно? Забирайте всё, только не убивайте.

Ему никто не ответил, Джостар нашёл верёвку и перекинул её через балку. Толстый хозяин попытался отползти подальше, но великан придержал его за плечо. Петля затянулась на ноге человека, и Рюк с усилием потянул верёвку, а грузное тело повисло над пентаграммой. Хозяин гостиницы умолял, хрип перешёл на визг, но ему снова никто не ответил, в центре пятиугольника пентаграммы вырыли аккуратную яму и на этом приготовления были закончены.

— Зачем его убивать? Он не в чём не виноват. — Спросил Волес у Эдриана.

— У нас нет выбора.

— Но почему он должен умереть? Разве мы не стремимся создать мир без насилия и жестокости?

— Именно так, мой юный друг, а знаешь, почему мы это делаем?

— Я? Я не понимаю. Мы делаем это, что бы настал лучший мир, в котором люди не будут страдать...

— Да, но это цель, а не причина. — Высокомерный голос друга приобрёл поучительный тон. — Причина же кроется в том, что этот мир жесток, по своей сути, поэтому нам и надлежит избавить его от жестокости. Жестоким людям не место в таком мире, и они понимают это. Ты избран звёздами изменить это, но многие не хотят ничего менять, в том мире они сильны, пока угнетают слабого, поэтому наш путь так труден. Твоя идея блага, но за любую мечту надо бороться, её надо добиваться, как любимую женщину...

— У меня не было любимых женщин.

— Не в этом дело. Если мы этого не сделаем, они поймают нас, а тебя вернут в тюрьму и некому будет тебя спасти, и мир останется жестоким.

— Но разве так всё должно быть?

— Я всё понимаю, ты напуган, я тоже и поэтому мы должны это сделать, для того, чтобы всё исправить.

— Да, пожалуй, ты прав.

— Ты доверяешь мне?

— Я... да...

После этих слов Эдриан подал сигнал и Джостар быстрым движением ткнул стилетом в

шею висящему вниз головой мужчине. Верёвка крутанулась вокруг своей оси и к юноше обратился лик умирающего человека. Он глотал ртом воздух, а кровь стекала по лицу намочив волосы и тонкой струйкой лилась в яму. Волес взглянул в глаза умирающего человека, и мысли в голове пустились новой, не привычной дорогой. Они пронеслись в сознании, перемешались с привычным мировоззрением и перекраивали его на новый лад. Что бы не говорил Эдриан, а поступки друга алхимик никак не мог связать с его идеалами, и потрясение от увиденной жестокой расправы, окончательно подготовило податливую почву юного разума, чтобы посадить в ней ростки сомнений и дать им прорасти. Было не жалко жизней тюремщиков, а тем более асур, все они обошлись с ним жестоко и не заслуживают жалости, но этот человек... После увиденного безжалостного убийства, совершённого в угоду собственным желанием, друг уже не казался таким хорошим, а его стремления такими уж благими. Мысли Волеса путались, он верил другу, а теперь страшился его деяний. Слишком много таких людей знал юноша. Людей, что ради своих прихотей готовы наплевать на чужую жизнь, как многие наплевали на него. А потом случилось много невероятного и Волес, захваченный происходящим решил отложить думы на потом и старался больше не смотреть в глаза мертвецу.

Принц дирижировал этим кошмарным оркестром, а все остальные, как послушные музыканты исполняли симфонию, творимую им. Они расселись вокруг пентаграммы, каждый со стороны одного из лучей и Эдриан погрузил книгу в яму. Пятеро людей пролили свою кровь в углубления изображённых на земле линий и она, будто ведомая чужой волей, устремилась к центру и смешалась с гумором хозяина гостиницы. Сначала ничего не происходило, у Волеса заныло порезанное предплечье, и закружилась голова, как вдруг в помещении послышались громкие звуки, похожие на большие глотки измученного жаждой человека, добравшегося до ведра воды. Уровень крови в яме начал медленно опускаться. Уже через минуту она свернулась в воронку и вся, до последней капли исчезла в искажённой пасти страшной книги. Снова наступила тишина, все со страхом и интересом взирали на гримуар. Алхимик пытался найти научное объяснение происходящего, но не находил, а тем временем из искорёженного рта начала вытекать какая-то чёрная жидкость и стала заполнять яму, а линии пентаграммы на миг вспыхнули неестественным чёрным светом. Когда книга скрылась в выделяемой жидкости, Эдриан схватил её, и они в спешке бросились к лошадям. Волес обернулся в тот миг, когда из чёрной лужи в центре пентаграммы вырвался такое же чёрный тентакль и обвил собой висящее тело, которое тут же утащил туда, откуда появился, оставив болтаться, оборванную верёвку. Это напомнило юноше вид убиваемой в джунглях асуры, когда такие же отростки нещадно душили кровососа. Происходящее вообще вызывало много вопросов у юного гения, но осознание фактов и сопутствующие этому размышления пришлось отложить потому что через пару ударов сердца жидкость в яме взорвалась фонтаном до самого потолка, обдав всё вокруг брызгами янтарно — чёрной жижи. Юноша успел вскочить в седло, а потом его, и всё вокруг накрыла непроглядная, вязкая тьма.

Всё, что он чувствовал это холод и страх, на равне с пугающей безмятежностью. Время потеряло свой ход и когда алхимик появился возле разрушенных ворот, то не смог сказать, даже приблизительно, сколько провёл во тьме. А потом они бежали, всё происходило так, как и задумано и юноша, увидев напоследок царившее в городе разрушение теперь пытался понять, что именно там произошло.

Сержант Масуд с суровым видом взирал на гостиницу толстяка Вишала. Массивное, не красивое здание стояло обособленно огороженное мощным каменным забором, что охватывал не малую площадь в одном из лучших районов города. Звёзды ещё не покинули небосвод, но горизонт уже начал понемногу заниматься утренним светом.

Крепкий сон, после пары кувшинов хорошего вина был грубо оборван капралом, а вести, что он принёс, сразу же отогнали пленительную дрему, и настроения сержанту точно не прибавили. Не взирая на пульсирующую головную боль и звон в ушах вперемешку с дурнотой, пришлось заставить себя тащиться в такую даль и делать свою работу. Как не крути, а отчитываться за смерть патрульных ему придётся и для этого не плохо было бы разобраться в ситуации. Пока он слушал доклад то думал, что всё ещё обойдётся и не торопясь натягивал сапоги, но, когда речь дошла до смерти асур, надежда на быстрое решение этой проблемы разлетелась как карточный домик под дуновением ураганного ветра.

— Ты видел, их тела?

— Никак нет, их видел свидетель.

— Какой ещё к хренам свидетель?! — Вскричал раздражённый Масуд, но тут же сильно пожалел об этом, голова казалось вот-вот расколется, а лицо скривилось в болезненной гримасе.

— Сын Виджая указал на одного из людей в гостинице, а потом они напали на нас, тот на кого указал Тадж первым атаковал патруль.

Всё это было странно, парень мог и перепутать, что ещё делать молодому богатею в день, а точнее ночь фестиваля огней? Ну конечно кутить. Может спьяну привиделось что-то? А может и нет. Ему до последнего хотелось верить, что это всего лишь досадное недоразумение, но капрал твердил обратное. Если асур убили, то все оставшиеся кровососы в пределах города рыщут по следу убийц, или что вернее уже устроили себе пир. Масуду очень хотелось, чтобы асуры уже всё уладили, но надеяться на это он не мог. В любом случае у него имелись свои мертвецы за которых предстояло держать ответ по долгу службы, поэтому здесь и сейчас он стоял, смотрел на гостиницу и неполную сотню Кхатрии, что занимали часть улицы перед зданием. Строй солдат в начищенных бахтерецах казался сплошной, идеально подогнанной стеной, а остроконечные шлемы многочисленными башнями неприступного стального форта. Острые сабли, копья и луки, закалённые в боях воины при таком обмундировании представляли собой внушительную силу. Встреча была неожиданной.

«Что здесь происходит?» — Подумал Масуд.

Увиденное шокировало, но оторопь быстро прошла, сменившись серьёзными опасениями. Чернобородый сотник стоял чуть в стороне и разговаривал со своими десятниками. Масуд решительно направился в их сторону, а те в свою очередь прекратили разговор и обратили на него пристальное внимание. Это как-то поубавило решимости сержанта городской стражи. Высшие воинские касты относились к Раджу с презрением. И на то у них были свои причины: не та подготовка, не те идеи, не та кровь. Но Масуд стараясь выглядеть уверенно продолжил свой путь, а когда приблизился, первым начал разговор:

— Разрешите доложить?

Сотник Кхатрии осмотрел представителей городской стражи, не проявив никаких

видимых эмоций, выглядело это так, словно он глядел на пустое место, а потом ответил безразличным голосом, отворачиваясь к гостинице:

— Разрешаю.

Масуд немного помялся, прежде чем заговорить вновь. Ему понадобилось несколько ударов сердца, чтобы собраться с мыслями, он подумал, что не хватало ещё выставить себя полным идиотом.

— Мне доложили, что в гостинице скрываются четверо убийц и мы пришли арестовать их и...

— Теперь нет, — всё тем же безучастным тоном перебил сотник, не сводя глаз со здания, — Вы и ваши люди переходите под моё командование, у нас приказ окружить гостиницу и никого не выпускать.

— Но... Так точно, но... Что происходит? — После всего услышанного похмелье, вместе со всеми вытекающими уже не казалось наибольшей из проблем и отодвинулось на задний план, маяча где-то на периферии ощущений, поэтому выглядел и разговаривал он вполне трезво, по крайней мере ни один присутствующий не подал вида, при этом Масуд был уверен, что его амбре должен был почуять каждый в радиусе нескольких футов.

Но если сотник это и заметил, то видимо, ему было всё равно:

— Приказ от них. — Он головой указал куда-то в сторону.

Сначала, масуд ничего не увидел, было ещё слишком темно, но через минуту начал различать в темноте какое-то движение. На крышах ближе всего расположенных к забору домов быстро перемещались большие тени. Асуры в разноцветных халатах, которые скрывала темнота медленно отступающей ночи, бесшумно подбирались всё ближе к зданию. Они кружили вокруг гостиницы смыкая круг, и сержант быстро сбился, когда попытался их сосчитать. Они подходили всё ближе и ближе, и грациозно перепрыгивали на забор окружающий здание. Масуд расслышал их жуткое шипение.

— Что-то серьёзное затевается, никогда такого не видел.

Сотник всё же оторвался от созерцания гостиницы и сверкнул глазами на заговорившего десятника:

— Так, все же слышали приказ, выполняйте, постарайтесь не растягиваться, делитесь на группы, но занимайте позицию так, чтобы могли видеть друг друга по всему периметру. Я останусь на этой позиции и прослежу за воротами. Сержант, Вы и ваши люди остаются со мной, а всем остальным выполнять.

Все поспешили выполнять приказания, а сержант думал о том, что полностью разделяет мнение десятника. Его и самого не покидало, тревожное чувство, всё увиденное вызывало непонимание и в следствии какой-то иррациональный страх, однако выглядело сие действие действительно жутко. Здесь было достаточно воинов, чтобы остановить боевого синдарийского слона, а ещё асуры, которые осторожничали, не смотря на свою численность. И дураку было понятно, что происходит что-то странное и опасное, но пугала неизвестность, рождающая эту напряжённую атмосферу.

Слова сотника заставили Масуда вздрогнуть и отвлечься от своих мыслей:

— Я расставил людей в округе, чтобы не подпускали гражданских. Никто из моих воинов, и я в том числе, не знают, что происходит, приказ не подпускать горожан тоже поступил от асур.

Он ещё раз взглянул на две дюжины городских стражников:

— Здесь моя десятка, и ваши люди, прикажите им построиться по флангам, мои встанут

в центре. Хорошо, что вы предусмотрительны, ваши копыта нам пригодятся.

Услышав о смерти вампиров Масуд решил подстраховаться, тем более убийство стражников, это серьёзно, а в особых случаях городская стража имела возможность перевооружиться в зависимости от ситуации и угрозы. Сержант посчитал, что это особая ситуация. Командир Кхатрии тем временем продолжал говорить:

— Своим людям приказывай сам, а иы лично, чётко выполняй мои приказы, я не знаю, что происходит, но мы должны быть готовы ко всему, поэтому не подведите. А теперь выполнять, строй людей.

И Масуд выполнил приказ. Он стал сержантом не за свои красивые глазки, а благодаря упорному труду и доброй службе, свой личный состав он хорошо подготовил и после короткого приказа, две дюжины патрульных разделились на два равных отряда и выстроились в одну линию по обе стороны от десятки Кхатрии. В ответ сотник только приподнял правую бровь на мгновение. Вот и вся реакция. Сержант даже не успел переварить свою обиду, возникшую по причине грубой оценки его стараний, как вдруг шипение со стороны гостиницы приковало к себе внимание людей, и заглушило все остальные звуки.

Вампиры, сидящие на заборе, как распуганные вороны, зашумели и прыснули в разные стороны в тот миг, когда конюшню разнесло, словно взрывом. Обломки дерева и камня разлетелись во все стороны. Те асуры, что оказались по расторопнее, приземлились на землю, или крыши близко стоящих домов, но были и те, кому не повезло. Несколько из них снесло кусками брёвен или камня. Воины Кхатрии закрылись круглыми выпуклыми щитами, а лучники отступали назад, спасаясь от обломков. Те асуры, что были сбиты, быстро приходили в себя, но были и те, кому не удалось избежать смерти, потому что пыль ещё не успела опуститься, а из-за забора вылетели огромные чёрные и блестящие, как смола отростки. Они извивались, плавно, как щупальца, полосуя пространство вокруг и хватали самых зазевавшихся вампиров. Страшные тентакли свивались кольцами вокруг пойманных ими кровососов, они с невероятной силой сжимались, давили жертву, сминали плоть и дробили кости. Кровь полилась во двор, а раздавленные тела асур разлетелись в стороны. Одно упало недалеко от того места, где стояла десятка сотника. То, что это был асура напоминало... да ничего не напоминало о том, кто это был. Кровавое месиво и клочки ткани, на перекорёженном куске плоти, вот и всё что осталось и было понятно, что этот вампир не поднимется больше никогда.

Масуду всё это казалось нереальным, он не мог видеть, что происходит во дворе, только солдат, напротив этого участка, которые поспешно отступили, спасаясь от угрозы. Сотник несколько секунд напряжённо смотрел на происходящее, поджав губы, а за тем выкрикнул приказ:

— Лучники на изготовку. — Масуд оторвался от созерцания жестокой расправы над гордостью синдарийских войск и увидел, что все стрелки по команде, чуть ли не синхронно вскинули луки. — Залп! Стрелы устремились к цели и смогли поразить каждое щупальце, но стало только хуже. Сержант видел, как часть забора, что находилась слева, разлетелась на куски. В находящихся рядом людей полетели осколками камня. Воины закрылись щитами, но от больших обломков это не спасло и их отбрасывало и придавливало к земле. Камни летели с такой скоростью, что даже не все оказавшиеся на этом участке асуры смогли уклониться. Раздались крики раненых. Стоящие рядом отряды устремились к пролому, на помощь сослуживцам.

— Залп, — снова послышался мощный голос сотника и у Масуда зазвенело в ухе, а потом лучники снова выстрелили. Командир Кхатрии схватил сержанта за плечо, потащил в сторону пролома:

— Не зевай, — сказал он ободряюще и одновременно сурово, — приказывай своим людям!

— За мной! Строем! — Прокричал он и побежал сам, перестав чувствовать на плече кольчужную рукавицу командира.

Пока они бежали, из пролома показалось ещё несколько извивающихся отростков, но они не доставали до людей и асур. Те отошли на безопасное расстояние и стреляли во что-то из луков. Лучники асур на крышах тоже дали залп из больших луков, целясь во что-то, что Масуд и его люди пока не могли увидеть. Когда он добежал и заглянул в пролом, то пожалел о том, что вообще притащился сюда.

Красное бесформенное нечто лежало на развалинах конюшни. Оно было похоже на кровавой сгусток, примерно с конюшню размером, прожилки чёрных вен испещряли кровавую плоть, а щупальца продолжали появляться прямо из этой жуткой опухоли, именно такое слово Масуд посчитал подходящим. Они разрывали свое узилище, прорывались наружу, и казалось им не будет конца. И вот уже не осталось ничего кроме клубка постоянно шевелящихся отростков. Сержант оторопел и стоял как вкопанный, не способный действовать, но снова голос сотника вернул его в чувства:

— Стреляйте!

Стрелы пролетали в воздухе и поражали цель, но было видно, что даже выстрелы асур не приносят результата. Они впивались в шевелящуюся противную массу без видимого эффекта, а древки ломались и перемалывались этим постоянно движущимся ужасом. Неожиданно, те тентакли, что были ближе к земле, как черви вгрызлись в почву и быстро погружались всё глубже. Они начали увеличиваться в размерах и подниматься вверх, будто росток, управляемый шаманом Веросса. Остальная часть отростков стала сплетаться между собой, и всё это переплетение начало оформляться в человеческий торс с шеей и головой без лица, только вместо рук, от плеча, чёрными аспидами ниспадали щупальца, их было много, и они постоянно шевелились, как и те, что служили ногами этому чудовищу. Всё время, пока это нечто росло и преображалось, люди и асуры не смели двинуться и, как мышь на кобру, смотрели на творящуюся во дворе гостиницы метаморфозу. Перед ними вырастал чёрный как смола страшный, ошеломляющий своим видом исполин. Сержант не смотрел на остальных и не мог знать о чём думают собравшиеся здесь люди и вампиры, он, как и все не мог оторвать глаз от свершаемого действия. То чувство, что он испытывал в эти секунды можно было бы назвать благоговейным трепетом, если бы этому ощущению чего-то великого и древнего не сопутствовало назойливое предчувствие скорой, неминуемой смерти.

Прошло несколько секунд и существо, полностью обрело форму, явив собой жуткое безликое чудовище. Не имеющее рта, оно издало пугающий, пробирающий до костей звук, похожий на тысячу криков нестерпимой боли, всех тембров, тональностей и высот. Масуд заткнул уши, а душа его ушла в пятки от этого страшного крика из адских миров. Звук оборвался, и воины взглянули на гиганта, высотой не меньше трёх этажей. Чёрное, узловатое, жуткое существо, покрытое вязкой смолянистой субстанцией, двинулось в пролом, разрушив своим мерзким телом часть забора. Люди медленно пятились, не решаясь атаковать, а командир Кхатрии, как и все в суровом молчании взирал на не ведомое чудовище.

Стрелы засвистели, пролетев над головой сержанта и устремились к чудовищу, асуры в

зелёных халатах опустошали свои колчаны, а потом выхватили сабли и ринулись к врагу. Там глефы их собратьев поднимались и опускались, врубаясь в мерзкую плоть, а белые халаты их хозяев все были в чёрной крови врага. Внушительные ноги-щупальца лениво отбрасывали их мощными и резкими ударами и тела вампиров пролетали над головами людей, и впечатывались в стены близлежащих домов. По крышам мелькали тени, они перепрыгивали с одной на другую, а серые стальные полосы, как змеи жалили свою добычу и наносили страшные раны. Боевые чакры асур в оранжевых халатах и тюрбанах взлетали вверх и впивались в голову врага. Для людей это послужило примером и приказ к атаке последовал незамедлительно. Лучники выпустили стрелы, а пехота построилась, ощетинившись наконечниками копий и прикрывшись щитами. Уже подоспели те, кто занял позицию с противоположной стороны гостиницы. Люди окружили существо, но продолжали расступаться, потому что оно неумолимо двигалось куда-то на восток, медленно, как будто ему было тяжело. Люди и вампиры неустанно атаковали, а монстр, успев преодолеть лишь пару десятков ярдов вдоль по улице, вдруг совсем остановился, а затем снова взревел своим ужасным голосом, заставив всех прекратить атаку. Он наконец-то обратил внимание на тех, кто калечил его тело, поводит безглазой головой, а потом вокруг воцарился ад.

Эдриан ликовал, он чувствовал мощь и силу, что переполняла его. Он не ощущал своего тела и не видел его, как будто он был кем-то другим, могучим и неотвратимым, извергающимся вулканом, сходящей лавиной, нависшим над землёй цунами, кем-то, или чем-то, чьё могущество было беспредельным. А ещё он чувствовал голод, что не имел ничего общего с чувством человеческим. Он жаждал насытиться, но знал, что привычная пища больше не умиротворит его аппетит. Этот голод и жажда захватывали, шептали на ухо и манили приятным ощущением всемогущества. И они требовали крови. Он почувствовал её запах, тепло на своих губах и солёный привкус на языке. Или ему это только казалось? Нестерпимо захотелось крови, жажда будто сводила с ума, а голоса в голове настойчиво требовали и чем дальше они продолжали, тем сильнее его одолевал нечеловеческий голод. Они обещали силу и избавление от нестерпимого желания, мысли о крови пьянили, а мощь что он ощущал внутри себя рождала экстаз. Голоса уже не манили, не просили и не обещали и даже не требовали, они настойчиво зывали: «Крови! Крови! Крови!» и принц больше не в силах противиться этому требованию и своему собственному желанию, тоже заорал вместе с ними: «Крови!». Она хлынула, словно вода, прорвавшая плотину, и затопила все его мысли и чувства. Кровь текла вокруг, он видел её и только её, вот он желанный гумор, стоит только протянуть руки и взять. И принц протянул.

Щупальца, растущие от плеч, простёрлись к людям, они полезли из всего тела и устремились ко всему живому, не давая и шанса на спасение. Стремительные как атакующие змеи они набросились на своих врагов и скручивали их в смертельных объятиях. Люди метнули копья и взялись за сабли. Они плечом к плечу с асурами отрубали тянущиеся к ним конечности и те падали на землю повсюду, но всё равно продолжали прибывать и казалось, им не будет конца. Люди начали уставать и всё больше воинов тентакли выхватывали из сбившегося строя. Воцарился хаос, щупальца, что выросли прямо из тела и головы, хватали асур которые атаковали с крыш, уродовали их тела в своих крепких объятиях и отбрасывали останки в уцелевшие отряды. Страшные отростки накрыли людей и всё пространство вокруг. Некоторые пытались сбежать, но их настигала быстрая смерть, воины сбивались в группы

стоя спиной к спине, они отражали атаки и пытались убежать от страшного чудовища.

Масуд стоял в круговой обороне с сотником за спиной и ещё четырьмя Кхатрии по флангам. Вокруг воцарилось полное безумие, крики обрывались, а людей становилось всё меньше. Сержант быстро огляделся и в какой-то момент понял, что не видит не одного из своих подчинённых. Повсюду текла кровь, валялись изуродованные тела и отрубленные щупальца. То тут, то там воины с криком взлетали вверх, а потом их давило, обдавая всё вокруг фонтанами крови и швыряло в обороняющихся людей.

Масуд взмахнул саблей и отрубил отросток, что бросился на него. Воины пытались отойти на безопасное расстояние, но казалось, смертоносные конечности повсюду и прорваться через них невозможно. Сначала он услышал вскрик справа, потом слева и через несколько секунд понял, что фланги больше никто не прикрывает. Ему хотелось бежать, но страх быть схваченным сковал тело и волю, не позволив сдвинуться с места и отойти от сотника, раскрывшись со всех сторон. Так они и кружились всё чаще взмахивали оружием, отрубая смертоносные конечности. Неожиданно, что-то сильно врезалось в сержанта. Раздался чавкающий, глухой звук и его с командиром Кхатрии отбросило на несколько ярдов. В голове звенело, хотя шлем смягчил удар. Сержант сильно приложился о землю и теперь пытался подняться. Звон в ушах быстро стих, он встал на четвереньки и почувствовал какое-то движение под ладонями, похожее на течение воды, а когда взглянул вниз то с содроганием понял, что это кровь. Она была повсюду и ручьями струилась по улице как вода в сезон дождей. В ужасе Масуд осознал, что она стремится не под уклон, а в направлении чёрного гиганта и это понимание готовилось сбросить разум со скалы здравого смысла в пропасть панического безумия. Дома вдоль улицы были смяты и разрушены чудовищным телом. Сержант поднял голову убедился, что тварь увеличилась в размерах. Кошмарное существо остановило свой кровавый пир и поводило головой как бы разглядывая небосвод, а затем, через несколько ударов сердца, издало свой жуткий рёв и двинулось вдоль по улице, разрушая дома. Теперь оно перемещалось быстро, набирало скорость, и несло прямо на лежащего стражника. Всего пару секунд он взирал на приближающуюся смерть, а затем встал и хотел бежать, понадеявшись успеть свернуть на боковую улицу, но вдруг споткнулся и снова повалился, растянувшись на мощёном камне. Сначала он подумал, что поскользнулся, но в следующий миг что-то с силой сдавило ему ногу. Увиденное, застало врасплох и несколько мгновений сержант в ужасе взирал на то, как чёрный, отрубленный отросток обвивает его ногу, сжимаясь всё сильнее. Руки вцепились в щупальце в тщетной попытке оторвать его от себя. Он глазами искал саблю, которую уронил при падении, но вместо неё увидел, как отрубленные тентакли шевелятся и извиваются как черви. Они, словно удавы бросались на последних выживших людей. На него с разных сторон медленно надвигались ещё несколько щупалец. Одно из них стремительно прыгнуло, обвилось вокруг шеи Масуда и сдавило горло. Перед тем как сознание окончательно померкло, он успел увидеть, как всё вокруг заволочла давящая темнота.

Эдриан купался в крови и упивался силой. Жажда больше не мучила его, он выпил всё, каждую каплю. Он совсем забыл о голоде и чувствовал себя всемогущим. Никто теперь не мог остановить его, как вдруг... Он испытал тревожное чувство:

«Что-то приближается!».

Он не знал, что это, просто чувствовал, что это и есть та неудержимая лавина, а он просто камень на её пути. Это и есть нависшая огромная волна, сносящая города, а он просто

очередной дом в её тени. Это и есть тот беспощадный вулкан, извергающий реки смертоносного огня, уничтожающий всё живое. Эта сила, что надвигалась сейчас уничтожит его, раздавит как жука и нет от неё спасения. И в этот миг принц вспомнил, вспомнил о своей цели. Сначала его мысли заглушались криками о жажде крови и силе, что барабанами стучала в ушах, но теперь он знал, что нужно делать. Он вспомнил о своих желаниях и забыл о крови, что текла вокруг. Страх подтолкнул его, Эдриан собрал силы, что были дарованы ему и устремился подальше от страшного, неведомого врага, к желанной цели. Он видел перед собой книгу и упорно двигался к ней. Она укроет, поможет и защитит от пугающей неизвестности, которая стремится уничтожить его. Принц выбивался из последних сил и двигался вперёд. Эдриан протянул руки, схватил свою давнюю находку и ужаснулся, глядя на своё же лицо, растянутое в немом крике на обложке. В тот самый миг, его тело вдруг обожгло ярчайшим светом, принёсшим невероятную боль, и он вскрикнул голосом тысячи криков боли, всех громкостей, высот и тональностей, а слепящий свет затопил всё вокруг. Эдриан снова оказался в своём собственном теле, на собственном коне, сжимая в собственных руках страшную книгу.

Ночь незаметно простёрла свою длань, не спеша накрывая землю тёмной вуалью, расшитую мириадами светящихся, ярких точек и нежно гасила последние красные всполохи заходящего солнца. Ему вторил небольшой огонёк, что горел у подножья холма и робко помахивал пламенем, уходящему свету дня. Вокруг костра сидели люди, они громко разговаривали, вспугивали ночную тишину, а из сгущающейся темноты им отвечала ночная птица. Весь день они провели в седле, и почти не отдыхали, но с наступлением темноты остановились на ночлег. Места тут были глухими, холмистая местность заканчивалась, а впереди простиралась сухая потрескавшаяся земля с небольшими островками пожухлой, невысокой травы и одиноко растущими, чахлыми тамариндами. Когда-то здесь располагались окраины синдарийских земель и находилось несколько деревень, реки тут не было и тем не менее, колодцы всегда были полны чистой воды. Но однажды подземные воды ушли, а за тем появились мангалы, огромные плотоядные черви, обитающие в недрах земли. Говорят, что их норы отвели подземную реку от людских земель и это осушило колодцы.

— ...Люди покинули эти земли, и они превратились в пустоши, разбойники не заходят в такую глушь, больше жмутся к трактам и деревням, а тут им ловить нечего, что сказать, пустошь. Эту землю бросили, места здесь одичали, думаю мангалы уже давно убрались отсюда, но готов поспорить, что диких зверей развелось множество. Говорят, северная гряда достигает восточного побережья и служит естественной преградой для орков, кентавров и прочих тварей, которые населяют Замкнутые Степи, но Южный хребет обрывается к западу отсюда. Там заканчивается граница Синдарии и начинаются земли Большого Немальского Пути, а у подножья гор, есть небольшой пограничный городок. Там, — Махатма указал на север, — с недавних пор стало беспокойно. Пропали несколько караванов, точнее не целиком, а только люди мулы и кони, товары так и остались не тронутыми. Это началось ещё в начале лета. Сначала пропал один, а потом это стало происходить всё чаще. Говорят, даже караваны с Азатрна пострадали от этой напасти. Вот тогда-то и началась шумиха. Я многого не слышал, но торговцы в Маджите говорят, что самые крупные и наиболее влиятельные торговые гильдии обоих континентов, посулили небывалую сумму охотникам

Пути, чтобы те как можно быстрее разобрались с проблемой. Все наши торговые дороги проходят гораздо западнее. Так они делают крюк, за то приходится вести с собой меньше воды для животных. Поэтому наши караваны не страдали от этой напасти.

Наёмники самозабвенно внимали бородатому великану. В друзьях у Махатмы ходил один брахман, собиратель сказаний. Благодаря ему охотник мог поведать множество интересного: истории святых людей прошлого и настоящего, рассказанные странствующими монахами, сказки о богах, великих героях и волшебных существах, и не нашлось бы такого слушателя, которому не понравились бы его рассказы. Вот и сейчас, наёмники слушали его с интересом и не прерывали.

Капитан Антуан курил, самокрутку, и ухмылялся. Он иногда выпускал изо рта клубы густого, едкого дыма и, кажется, позабыл про заточку оружия. Фальшон так и оставался лежать на коленях наёмника. Антуан первым нарушил тишину, когда Махатма закончил говорить:

— Люди пропадают? И мы как раз в то место направляемся? Всё интереснее. Думаю, стоит пересмотреть условия сделки, а в частности оплату.

— Ты это уже предлагал, когда увидел разрушенную стену и ворота. — Ответил великан.

— Я не верю в совпадения и готовлюсь к худшему, думаю мы сильно рискуем, если поедem дальше.

— Вот как начнёшь рисковать, так и поговорим о твоей премии.

На это Антуан ничего не стал отвечать. Он спокойно вернулся к заточке оружия, а ухмылка так и не сходила с его лица. Глядя на капитана Налётчиков, можно было подумать, что он уже выбил всем членам отряда по паре серебряных в виде надбавки.

Рядом сидели парень и девушка, близнецы, родом из рубежных княжеств, о чём говорили ирокезы на их головах, пару дюймов в высоту, с той лишь разницей, что у Джуды он переходил в толстую косу до середины спины. Если бы не это, отличить брата от сестры было бы гораздо сложнее. Одинаковая одежда, сложение и округлые черты лица, даже глаза одного и того-же цвета, в коих пылал задор молодости и азарт приключений.

— Интересно, что там случилось? — Задумчиво спросил Орондер.

— Тебе же сказали, люди пропали. — Грубо ответила ему Джуда.

— Сам знаю, но куда они делись?

— Какая разница, с тобой ничего не случится.

— Это почему?

— Потому что ты придурок. — Усмехнулась девушка.

— Сама ты дура!

— Хватит! — Прикрикнул на них Антуан. — Надоели уже.

Они всё время спорили дело не по делу. И за день изрядно всем надоели.

Четвёртый наёмник не вписывался в остальной отряд, худой, болезненного вида паренёк с жидкими соломенного цвета волосами был облачён в синюю сутану, похожую на те, что носят служители храма созидания. Ганс оказался алхимиком при наёмном отряде, не участвовал в битвах и был единственным, кто похоже не слушал охотника, вместо этого он внимательно рассматривал его кожаную броню.

— Света мало, я не пойму, вы что клеите кожу в несколько слоёв? — Он указал на доспех и вопросительным взглядом посмотрел на великана. Тот кивнул в ответ.

— Что это? Чем она проклеена, вы смазываете её какой-то... похоже на смолу.

— Так и есть. — Великан похоже не прочь был поведать ещё одну историю, очередному несведущему в специфике охоты в ядовитых джунглях. — Это смола, мы варим её и промазываем броню, перед походом в джунгли.

— Не понимаю, а для чего это?

Охотник похоже, только и ждал этого вопроса, сейчас он выглядел как абсолютно довольный жизнью кот, объевшийся сметаны:

— Если интересно, то я расскажу, но предупрежу сразу, услуга за услугу, а точнее ответ на ответ. Наслышан о ваших подвигах на западе, принцип вашей тактики мне тоже ясен, но есть один момент, который я не могу понять, и хотелось бы прояснить его. — Он сделал небольшую паузу.

— Я уже догадываюсь, что ты хочешь узнать, — паузу тут же заполнил Антуан, — секрет за секрет, это будет интересно.

— Отлично, но всё по порядку, видите ли, это не полная броня, а её облегчённый вариант, сам панцирь, наручи и поножи. Когда мы отправляемся в рейд на опасные территории, доспех закрывает тело максимально, а вместо шлема мы заматываем голову большим количеством слоев плотной ткани, так же, стараемся защитить как можно больше, и тоже промазываем смолой. Железо годится для поля битвы, в джунглях в нём не побегаешь. Жара, комары, здесь стоит ставить на мобильность. Мы не боимся стальных стрел и копий, в джунглях этого не встретишь. Зато есть змеи, которые заползут под доспех или будут кидаться из укрытия, как только ты скинешь с себя груды железа, устав нести тяжёлою ношу сквозь непроглядные дебри. Или, к примеру, псевдоленивцы. Об их когти, люди сабли ломали. Эти обманчивые твари полосовали кольчуги, что тряпки. И это ещё не всё. Есть насекомые, которые в состоянии найти брешь в любом доспехе, при чём многие из них смертельно ядовитые, а некоторые настолько огромны, что своими жвалами за раз оттяпают руку. При этом некоторых из них надо не просто поймать, а ещё заказчику доставить. Растения: кусты, деревья и лианы, могут напасть не хуже убийцы поджидающего в переулке или выпустить ядовитый газ, едкий сок, смертоносные иглы. А ещё есть Веросса, со своими отравленными дротиками и парализующими ядами, и единственная защита от этого всего — противоядия и хорошо выделанная кожа, ну и вот эта вот смола. Благодаря ей когти, иглы и дротики вязнут в броне, змея не прокусит её, ядовитый сок не просочиться. Мы рискуем жизнями, но это даёт хороший заработок. Западный эльфийский рынок предлагает далеко не всё, а люди не для всех редких растений могут создать подходящие условия, или не всех животных и насекомых разводить в неволе. Да и местные Веросса не так дружелюбны, как на западе.

— Понимаю, — отозвалась Джуда. Голос у неё был по-мужски грубоватый, и звучал с вызовом, но без злости. — Мы с братцем отслужили своё на рубежной стене и там, скажу вам, не сахар и комары, кстати, тоже есть. Мы не выходили за стену, но я видела орков и прекрасно понимала к чему нас там готовили. Я потом ночь не спала, вспоминая эти кроваво красные безумные глаза и крокодильи зубы. Если эти твари смогут прорваться, будет настоящий кошмар. — Она перестала смотреть на всех и уставилась в огонь.

— Все рискуют по-своему. Надеюсь, я ответил на твой вопрос? — Обратился великан к Гансу.

— Угу, а... а что за состав?

— Э-э не парень, не скажу, секрет шикари.

Они смотрели друг на друга, а затем алхимик первым отвёл взгляд и повернулся к

капитану.

— Ты ведь тоже, что-то хотел узнать? — Взял слово Антуан.

— Да, конечно. — Махатма задумался на пару мгновений, а потом продолжил. — Вы подкрадываетесь к врагу в то время, когда он этого меньше всего ожидает и застаёте врасплох. Тихо подходите и устраиваете резню, постоянно перемещаетесь, и это понятно. Меня смущает другое. Уверен, что вы нападаете на хорошие укреплённые лагеря противника, делаете всё быстро и отходите, но что бы нанести хоть какой-то ощутимый урон, нужно под-задержаться затянуть бой и потерять главное преимущество. Что бы проверить такое, а потом уйти с минимальными потерями нужно нечто большее чем удача и зелье ночного зрения, я прав?

— Прав охотник, — проговорил рыжеволосый наёмник, — я всё же предугадал твой вопрос. Секрет нашего успеха сидит перед тобой. — Антуан кивнул головой в сторону Алхимика и продолжил. — Видишь ли, наш Ганс выпускник академии алхимиков, точнее почти выпускник, парень что-то взорвал и его выгнали.

— Не что-то, а монумент, посвящённый профессору, изучающему неестественную ботанику, который успешно ввёл драконову кору в металлургию. Эти придурки говорили, что он из драконья, ага, так я и поверил.

— Парень искущён в военной алхимии, у него есть потенциал, вот только дисциплины не достаёт, да щегол? — Антуан выкинул руку в попытке потрепать волосы молодого алхимика, но тот ловко увернулся в самый последний момент. — Так вот, чтобы долго не рассказывать, Ганс, покажи ему.

Алхимик взял свою сумку, которую держал рядом с собой. Она напоминала маленький сундучок, обитый грубой коричневой кожей, на котором имелась ляжка, чтобы носить её через плечо. Махатма с любопытством взглянул на сумку, пока парень, некоторое время, задумчиво рассматривал содержимое. Его взгляд просветлел и ловкие руки извлекли на свет небольшой предмет. Махатма пересел по ближе, чтобы лучше видеть. Ганс держал вещь аккуратно, двумя руками и старался не подносить к огню. Это оказался свёрнутый пальмовый лист, плотно скрученный бечевкой. Свёрток, не больше ладони в длину и в пол ладони шириной, с торчащим из него чёрным, тонким шнуром, пары дюймов длиной. Великан долго разглядывал его, и пытался понять, что перед ним, но через несколько секунд всё-таки сдался и спросил:

— И что это?

— Бомба. — Ответил Антуан.

— Бомба? — С явным недоверием в голосе переспросил Махатма.

— Бомба.

— Мне приходилось видеть бомбу и выглядела она по внушительнее чем этот завтрак святого отшельника.

— Да. На Азаторне они уже меняют ход многих битв, но сюда плоды западной цивилизации доходят с опозданием и крайне дорого стоят, поэтому её трудно раздобыть и не легко изготовить, а это просто дешёвый аналог. Сила взрыва слабее и радиус поражения меньше, чем у имперских бомб, эти скорее слепят и глушат, но и трупы делают, внутри кое-что интересное, так что поверь, взорвётся, мало не покажется. Наш алхимик создаёт отличные и не дорогие бомбы, его взрывчатка прекрасно довершает наши налёты. Не даёт противнику и шанса. — Антуан докурил свою самокрутку и бросил окурочек в костёр. Он с вызовом во взгляде и всё той же ухмылкой на лице посмотрел на Махатму. — Мы

забрасываем лагерь такими шуками, чтобы быстро отступить. Бомбы не у всех, только у прикрывающих отход. — Он взглядом указал на бомбу и продолжил. — Демонстрировать не буду, у нас кончаются запасы, но могу заверить, наш Ганс творит чудеса.

— Да ладно, — откликнулся светловолосый юноша, — просто, когда отчисляли, я с досады у куратора книгу свистнул интересную, оттуда и рецепты.

— Не прибедняйся, — ответил великан, — нет смысла хранить знания, если не имеешь возможности их использовать. И много у вас таких бомб осталось?

— Э-э, не, не скажу, секрет Налётчиков. — Улыбнулся парень и убрал бомбу обратно в свой сундучок.

Наёмники засмеялись, и Махатма засмеялся в ответ.

Ханна и Тадж сидели рядом, по другую сторону костра. Девушка подняла голову в ответ на смех и взглянула на великана. Не смотря на крайне негативное отношение Виджая и других подхалимов охотников к её персоне, Махатма никогда не питал к Ханне враждебных чувств. Наоборот, поддерживал юную охотницу, всегда готовый помочь, и когда он появился вместе с Таджем у разрушенных ворот, у неё потеплело на душе. Он по-отцовски обнял её и выразил соболезнования, как всегда, от всей души. Великан предложил помочь организовать похороны, но она отказалась.

Денег дома оказалось не так много и девушка, недолго думая отдала их подруге отца из соседней лавки, и попросила организовать похороны. Времени на объяснения не было, и Ханна просто сказала ей это в лицо, а потом быстро ушла, и пыталась не плакать, когда слышала за спиной голос недоумевающей женщины. Ещё дома девушка твёрдо решила, что не увидит похорон. Денег для найма лихих людей не хватало, и она могла понадеяться только на возлюбленного.

Тажд приятно удивил, правда вместо ожидаемой команды охотников, пришли совсем неожиданные персонажи. Времени на разговоры не было и наспех познакомившись они направились в путь. Четвёрка наёмников не вызвала у неё недоверия в отличие от Вильяма.

Он вышел откуда-то из темноты и присел у огня отдельно от остальных. Бледное лицо выглядело неестественным и в свете пляшущих языков пламени походило на восковую маску, а цепкий взгляд ярко-голубых глаз с интересом изучал всех присутствующих. Этот человек источал какую-то невидимую ауру, сотканную из опасности и смерти, и не смотря на приветливое выражение лица, у Ханны создавалось впечатление что он как хищный, дикий зверь, в любой момент может наброситься и растерзать её. Тадж рассказал, кто такой Вильям и почему он присоединился к отряду. Услышанное только усилило тревогу и настороженность по отношению к наёмному убийце.

Юноша сидел рядом хмурый и сосредоточенный он смотрел на огонь и казалось не замечал никого вокруг. Настроение его менялось в процессе погони и к вечеру возлюбленный стал мрачнее тучи, что не укрылось от Ханны. Угрюмый и молчаливый, он являлся её отражением и это беспокоило и без того лишённый отдыха разум. Девушке хотелось верить, что это просто усталость, но почему-то не получалось. Она так и не решилась заговорить, у неё самой на душе скребли кошки, а от этого напряжённого молчания становилось ещё паршивее. Вид Таджа постоянно наводил на мысли о неминуемом грядущем и поведение его вызывало не только беспокойство, но и раздражение. Та необходимая поддержка и опора, что не позволяет ей свалиться в зияющую холодной чернотой пустоту полную отчаяния сейчас отдалилась и оставила её в одиночестве. Свет спасительного маяка, разгоняющий непроглядную хмарь густого тумана тускнел и терял

очертания, таял, как и надежда не сбиться с пути. Она не могла понять причин поведения Таджа. Тревога смешалась со злостью и из-за этого чувства детской обиды она так и не заговорила с ним, а он молчал в ответ.

Ханна сильно устала, ночь без сна и день проведённый в седле вымотали её, но не взирая на это, в дороге, она всё время подгоняла отряд, и часто вырывалась вперёд. Мама говорила ей, что стремление к цели делает нас сильными и юная охотница двигалась вперёд, отринув предательские мысли и тревогу. Страхи и сомнения атаковали её сознание, когда отряд остановился на ночную стоянку и весь вечер не оставляли в покое. Днём они таились в закоулках души и просто ждали своего часа, чтобы напасть и погрузить девушку в пучину отчаяния. Она потеряла день, но так и не продвинулась к цели. Вопреки её недоверию к Вильяму, он оказался хорошим следопытом и, по его словам они отставали примерно на половину дня, что говорило о большой скорости лошадей в преследуемом отряде. Ночная остановка даст фору убийцам отца, но животные у преследователей были не в пример хуже и, если кони нужны живыми и здоровыми, готовыми утром продолжить путь, их необходимо накормить, дать воды и отдых после долгой скачки. Это вызывало чувства бессилия и злости. О том, что они не успеют нагнать убийц, Ханна и думать не желала, но ей пришлось унять свои эмоции и смириться с неизбежным привалом.

Спать ей не хотелось. Опасения очередной ночной встречи с тварью, что поселилась у неё в голове не давали ей провалиться в спасительную дрему. Девушка мысленно ругала себя за трусость, которую рождает страх встречи с убийцей матери и это придавало сил. Она так и не решилась поделиться рассказами о своём сне, ни с Таджем, ни с Махатмой и поэтому, сейчас, сидя у костра в большой компании Ханна чувствовала себя бесконечно одинокой, и почему-то хотелось выть, глядя на луну.

Усталость накатывала большими волнами бушующего моря, а сон не шёл. Это отвратительное состояние притупляло мысли, замедляло реакцию и раздражало. Ханна опустила голову и продолжила перелистывать исписанные страницы небольшой книжки без переплёта. Листы разного размера и цвета, были сшиты вручную. Книгу она нашла ещё в подвале, в открытом сейфе, которого раньше не видела и по какому-то душевному наитию взяла с собой, отметив, что эта вещь была важна для отца, раз он хранил её здесь. В процессе сборов она пыталась допросить Лавия, но тот пресёк все её попытки совершить сие действие. Бриджиса начало трясти мелкой, дрожью, он стонал и подвывал, размазывал сопли, и слёзы по лицу, а в итоге совсем отгородился от мира, перестав реагировать на внешние раздражители. Это была ломка, маленький наркоман умолял дать ему дозу хоть чего-нибудь, а потом орал и метался по небольшой клетке, которую Ханна нашла дома. Великан во время первой же остановки занялся пленником. С помощью гашиша из личных запасов и нескольких бранных слов он поставил страдальца на ноги минут через пять. Правда сильно это не помогло, потому что охотник немного увлёкся процессом и переборщил. Его подопечный был радостно неадекватен и от него сложно было добиться внятных разъяснений. Лавий сказал, что принцу не хватало каких-то драконьих костей для ритуала и они с Джостаром пришли именно за ними, но не о каком ожерелье маленький наркоман не знает. А потом он заявил, что хочет жрать и успешно отключился прямо в своей импровизированной тюрьме. Ханна быстро сложила мозаику в своих мыслях, и не сразу смогла поверить в то, что увидела на получившейся картинке. От Бриджиса она больше никаких разъяснений не добила, тот продолжал крепко спать и на прочь отказывался просыпаться. Подумав не много девушка уже не сомневалась в словах сереброкожего

человечка быстро осознав, что мамино ожерелье имело куда большую ценность чем она представляла. Мысли уже сменили своё течение, она была полностью уверена в своих догадках, однако, это знание не приносило никакой пользы для возвращения украденной ценности.

Рука перелистнула очередную страницу, исписанную непонятными формулами, таблицами, алхимическими элементами, соединениями и схемами. Пометки были сделаны на первом языке Солсхейма, коим пользовался современный мир учёных светил, и который Ханна почти не знала, поэтому могла прочитать лишь самые простые слова. В попытке расшифровать записи она обратилась к алхимику наёмников, но тот просмотрев пару страниц, с сожалением сообщил, что там затронуты энергии, выделяемые при мозговой активности, в которых он совсем не разбирается.

Ханна без особого смысла перелистывала страницы, одна за другой, и разглядывала неразборчивый подчерк отца. Она перевернула очередной лист, и увидела рисунок который заставил сердце замереть на миг. До боли знакомый предмет был аккуратно и схематично изображён на грубой бумаге, с пояснениями на Солсхейме. Ожерелье матери она бы не с чем не спутала. Из всех непонятных символов, что не как не желали приобретать смысл, она смогла узнать лишь несколько, а прочитав, сложила в слово, и невольно вспомнила о приданиях про древних хтонических существ, что населяли землю в незапамятные времена.

— Ханна ты в порядке?

— Что? — Голос Махатмы оторвал девушку от мыслей о драконах.

— На тебе лица нет. Ты нормально себя чувствуешь? Она не знала, что ответить добродушному великану, поэтому спросила:

— Махатма, ты знаешь что-нибудь о драконах?

— О драконах? — Протянул охотник. На минуту он задумался, продолжив смотреть на девушку, а потом изрёк. — Да, знаю одну историю, но ты уверена, что сейчас подходящее время? Тебе нужно выспаться.

— Расскажи пожалуйста. — Она не преследовала никакой цели, суетные мысли путались и утомили настолько, что сил уже не осталось даже на них, просто хотелось послушать историю, как в детстве, когда мама читала ей сказки, а маленькая Ханна засыпала под её мелодичный голос.

— Что же, хорошо. — Не стал сопротивляться великан, и все присутствующие обратили на него внимание. — Драконами этих существ называют на Затракане, на Немале их называют Кайдзю, мы же в Синдарии зовём их Дэвы. Сейчас это уже не имеет значения, последние драконы вымерли ещё в те далёкие времена, когда человечество делало свои первые шаги по этой земле. В древние времена, ещё до появления первых людей они бороздили океаны и воздушные просторы, ходили по суше и являлись хозяевами этого мира, а ныне от них остались только кости упокоенные в недрах земли и наскальные рисунки, которые люди находят в пещерах. Учёные мужи твердят, что эти существа были всего лишь большими зверьми, но легенды и придания приписывают драконам не только великую мудрость, но и поистине волшебные способности. Прошло слишком много времени, шелуха разных слухов крепко срослась с зёрнами истинных знаний и на сегодняшний день почти невозможно отделить одно от другого. Учёные твердили своё основываясь на исследованиях и наблюдениях, а писатели и музыканты выдумывали истории и исполняли песни на радость публике, но и те, и другие совершили ошибку, посчитав, что на Затракане не осталось ни одного живого дракона. Некоторые из них не умерли, а просто впали в длительную и

глубокую спячку в своих подземных пещерах.

Эта история началась в землях орков, что расположены далеко на северо-востоке. Говорят, что когда-то давно, орки были разумнее своих современных собратьев и строили свои цивилизации, до той поры, пока что-то не заставило их уйти под землю, где они скрывались тысячелетиями. Всё это случилось за долго до появления человеческой расы, поэтому никто не знает, что именно произошло, хотя, как и всегда, болтают разное. Долгое время, проведённое под землёй, изменило орков, враждебная среда и кромешная тьма заставили этих зеленокожих существ адаптироваться к своему новому существованию. Прошло много лет, и орки из разумной расы превратились в полудиких кровожадных существ. Когда они всё-таки выбрались на поверхность спустя долгое время, то явили миру, не цивилизованный народ, а страшных необузданных монстров. Разум покинул их, уступив место безумию, рождённому во тьме подземелий. Но кое-что сохранилось из далёкого прошлого, жизни на поверхности.

Гоблины. Они жили под солнцем вместе с орками, с ними же последовали во тьму и спустя много веков вернулись обратно. Это очень трудолюбивый и умный народец прислуживал оркам ещё с давних времён, делая буквально всё, начиная с уборки жилищ и заканчивая услугами лекарей. В подземных пещерах гоблинам было-бы сложно выжить в одиночку, эта необычная раса не обладает хорошими физическими данными, их неказистые тела не могли помочь выжить в суровой среде, и они тысячи лет жили под защитой орков. Это действительно странные создания, с зелёной чешуёй, большими глазами, широким ртом полным мелких, острых зубов, крючковатым носом и заострёнными длинными ушами. Ростом с десятилетнего ребёнка или примерно по пояс взрослому орку они являлись лёгкой добычей для обитателей тёмных подземелий. Что бы быть полезными для защитников они им прислуживали и у них не плохо получилось. В игре против своей физической слабости гоблины выставили свои умственные способности с большим потенциалом и не прогадали, переиграв орков. В отличие от зеленокожих гигантов, зеленокожие малютки не потеряли голову и не одичали, наоборот, они хранили знания со времён жизни на поверхности и передавали из поколения в поколение среди своего народа. Именно это обстоятельство и породило раскол среди гоблинов.

Орки во все времена относились к гоблинам с большой долей презрения. У маленького народца, хоть и имелся острый ум, но руки у всех его представителей растут из одного места, а разум, не смотря на свою изобретательность, пытливость и находчивость, всё время витает где-то в облаках. Что бы долго не объяснять, могу сказать одно, когда гоблины начали жить в людских поселениях, горожане, которым приходилось иметь с ними дела чётко и ясно выразились по отношению к представителям этой расы, что нет врага страшнее, чем такой союзник, или, если запереть гоблина в пустой комнате с одной дверью и двумя стальными шариками, то он обязательно сломает один и непременно потеряет другой...

— Ха-ха! Точнее и не скажешь! А когда, как всегда напорчат, или что-нибудь испортят, то вечно орут: «Са-ва! Са-ва!». — Перебила Джуда.

— Да заткнись, и дай послушать! — Яростно ответил ей Орондер.

— Тихо оба! — Приказал Антуан. Близнецы успокоились и снова сидели готовые слушать, как не в чём, не бывало. Тем временем Махатма продолжил:

— Народу орков пришлось изрядно пострадать от действий своих миньонов. Кто знает? Может это и стало причиной неприязни и презрения, которое в следствии послужило открытой агрессией по отношению к гоблинам? Что бы не произошло их вековые знания

передавались из поколения в поколение вместе с обидой на своих покровителей.

Молодой гоблин Сан-зай возглавлял небольшую общину на дальних территориях орочих угодий и был самым молодым старостой среди своих сородичей впервые за долгое время. Именно Сан-зай первым уловил звуки из неизведанных мест, вдохнул пьянящего, свежего воздуха, почувствовал своей зелёной кожей дуновение ветра и первым увидел бескрайние просторы, озарённые солнцем. В отличие от орков, зрение гоблинов не пострадало, в процессе адаптации к жизни в недрах. Сан-зай всё продумал, его община первая узнала о большом, новом мире. Они провели разведку. Всё сложилось удачно и новое место, как оказалось куда лучше подземелий. Когда всё было проверено, Сан-зай собрал совет общин и возвестил о начале светлого будущего в новом мире. Многие поддержали молодого старосту и коллективно решили, что пора подниматься на поверхность. Вот тут-то у гоблинов и начались проблемы. Сан-зай был из того поколения, которое не очень-то жаловало орков и их «протекторат», он хотел долгой и счастливой жизни только для гоблинов. Противники же по этому вопросу говорили, что покровителей необходимо взять с собой и дальше прислуживать им, восхваляя зеленокожих гигантов, как своих повелителей. Среди главных приверженцев этой идеи был и глава общин, старый консерватор и фундаменталист, а ещё трус, по мнению Сан-зая и его сторонников. Свободолюбивая часть гоблинов хотела просто уйти на новые земли, но им не позволили. Сторонников молодого старосты набралось столько, что это грозило пошатнуть старые моральные и культурные жизненные устои. Глава общин и его соратники решили убить Сан-зая и вернуть себе власть над всеми общинами, но у них не получилось. Однако это неудачное покушение в итоге превратилось в полномасштабную войну. Молодой староста для своих приверженцев стал кем-то вроде освободителя, ведущего к свету, по-моему, так, если не ошибаюсь. В общем последователи Сан-зая и его идей, не стерпели покушения на своего освободителя от уз мрака и рабского труда, и развязалась война. Больше всех, во время этой войны веселились орки, поэтому всегда толпами собирались вокруг полей сражений посмотреть на баталии маленького народца. Гиганты от души смеялись и развлекались, наблюдая как гоблины режут, колют и рубят друг друга, помогая и тем, и другим, пиная всех, кто в пылу сражения слишком близко подходил к зрителям. Но это продолжалось не долго, стоило только оркам понять, что дерьмо не убрано, еда не готова, а топор не найти вообще. Тогда-то они и влезли в эту забавную резню, пытаясь, выяснить причины истребительной войны. Глава общин поведал им всё. Сан-зая и его сторонников было решено уничтожить, ибо из-за них в станах бардак полный и работать некому. Так и произошло, почти всех приверженцев Сан-зая убили. В живых остался только он сам и небольшая группа гоблинов, которых ему удалось спасти. Им ничего не оставалось, они хотели уйти и искать новый дом наверху, но молодой староста не желал прощать своим обидчикам смерть братьев. Все гоблины хранили много знаний о прошлом. Сан-зай и его оставшиеся в живых сторонники знали, где спит дракон. Перед тем как покинуть ненавистные тёмные пещеры, они разбудили чудовище, желая, чтобы оно пожрало орков.

Но как всегда бывает у гоблинов, что-то пошло не по плану и когда дракон проснулся то на несколько миль вокруг возвестил о своём пробуждении и каждый кто слышал этот звук ломанулся на поверхность вслед за беглыми гоблинами. Орки, оставшиеся гоблины, троглодиты, горгоны, тролли и прочая нечисть, все повывлезали наружу. А за ними вылез и дракон, в погоне за своей едой. Не знаю, как себя чувствует Дэв, разбуженный после долгой спячки, но думаю, он проснулся не в лучшем расположении духа, ослабший и голодный.

Этот дракон мог летать и вместо того, чтобы сожрать всех в округе, улетел на запад, туда же куда пошли беглые гоблины. Сан-зай знал куда полетел голодный зверь, точнее не куда, а зачем. Он полетел на запах наиболее вкусной и предпочитаемой пищи, которую почуял за много миль. Староста пошел дальше на запад вслед за драконом.

Люди, что жили западнее восточных степей, подверглись нападению оголодавшего чудовища, которое поедало скот, сжигало деревни и города своим волшебным огнём. Тогда людьми в тех краях правил князь Ворондер, если я ничего не путаю.

Орондер только тихо усмехнулся в ответ на слова Махатмы, вспомнив, как тот недавно исковеркал его имя, а великан тем временем продолжил:

— Он объединял людей и собирал войска в стремлении одолеть дракона и прекратить кошмар, обрушившийся на его земли. Множество мужчин и женщин сплотились под стягом князя, обуреваемые печалью утраты и готовые со всей яростью возмездия обрушиться на чудовище, чтобы утопить своё горе в его крови. Много народу овдовело, ещё больше осиротело, люди лишились всего: крыши над головой, родных, близких. Ворондер собрал под своим знаменем множество таких людей и повёл их на дракона. И умер от зубов чудовища. Как и все, кто пошёл за ним. Монстр оказался не уязвим, он уничтожил своих палачей, разорвал их на куски и сжёг тех, кого не смог пожрать. Пламени праведного гнева и доброй стали, оказалось недостаточно, чтобы свершить месть. Не смогли помочь даже светлые волшебники. Орки и горгоны, покрыты слизью, которая не даёт чарам нанести им вред, с драконом всё было иначе. Он просто забирал их силу, впитывал в себя и извергал на людей волшебное пламя.

К тому времени у князя вырос старший сын Дринар. После смерти отца на его плечи ложилось бремя правления, со всеми вытекающими. Ему предстояло продолжить дело покойного родителя или собрать людей и покинуть эти земли в поисках более безопасного места. Как раз, когда Дринар стоял перед выбором Сан-зай и другие гоблины добрались до людских земель.

Крестьяне при виде этих необычных существ бежали в страхе и читали молитвы своим богам, поэтому в скором времени гоблинов поймали, но не убили, а доставили к князю Дринару. И как только у Сан-зая появилась возможность заговорить, он заговорил. Пусть гоблины рассеяны и не расторопны, но ума им не занимать, старосте и его братьям понадобилось всего лишь несколько дней послушать человеческую речь, чтобы понять и воспроизвести. Сан-зай сказал князю, что знает, как убить дракона.

Гоблины видели спящего дракона, раненого дракона, в том месте, где чешуя была наиболее твёрдая. Несколько огромных чешуек были сбиты и так и не выросли вновь. На их месте расцвёл уродливый шрам, когда-то полученный в битве с другим чудовищем. Плоть в этом месте оставалась без защиты и так можно было убить монстра и избавиться от этой напасти. Маленький народец помог людям построить метательные машины, стреляющие с завидной точностью и создать яд для снарядов. Драконы по словам гоблинов обладали прекрасной регенерацией и требовалось, чтобы отравы попала в кровь, только так можно убить чудовище. Совместными усилиями люди и гоблины смогли одолеть дракона, оставив его тушу покоиться на дне глубокого горного ущелья. Его кости по сей день лежат в том месте. Эта роковая встреча, для всех вышла большой кровью, поэтому ещё с давних времён никто не желал беспокоить даже те места, где покоятся кости этих чудовищ.

Махатма закончил рассказ и слово тут же вставил Орондер:

— Да тут не про драконов, тут про гоблинов и орков больше.

— Мне её рассказал один брахман, а ему странствующий монах, других историй про драконов я не знаю.

— Чё ты докопался? Если такой умный, расскажи получше. — Джуда грубо ударила брата локтем под рёбра.

— Чё про них рассказывать они все тупые, как ты. — Орондер ответил сестре таким же ударом.

— Сам ты дурак...

Брат с сестрой снова устроили семейную перепалку, и Махатма перестал обращать на них внимание.

— Как тебе ис... — Он хотел обратиться к Ханне, но оборвал себя на полуслове, потому что, девушка уже спала, удобно пристроившись на коленях Таджа.

VIII

Ночной прохладный ветерок приятно ласкал кожу и доносил запах полевых трав. Тёмное небо усеивали мириады ярких точек, превращая его в красивейшее полотно, которым можно было любоваться до самого рассвета. Рюк любил звёзды, они напоминали о доме. Не важно где он находится, в Глухоморе или на другом конце мира, ночное небо везде одно. На родине оно особенно красиво в самые лютые морозы. Рюк ехал верхом, высокая трава шелестела под ногами и зелёный ковёр раскинулся до горизонта, как и небосвод, такой же прекрасный, как и на родине. Но сколько берсеркер не старался, так и не смог отыскать не одного знакомого созвездия. Нашёл только Сияющий Клеймор, да и тот оказался не на своём обычном месте. Как и он сам, так далеко от родного дома.

В судьбоносную ту ночь Рюк не видел звёзд и ничего не помнил. Он думал, что спал, а когда проснулся, то узрел свои руки, залитые кровью. Его не убили, линчевать или казнить берсеркера, означало навлечь на себя гнев войны. Закон друидов чётко гласил, что такие воины должны умирать лишь на полях сражений. Но с ним поступили куда хуже. Рюка обвиняли в деяниях, которых он не помнил, схватили и приволокли к ярлу на суд, где приговор навсегда изменил судьбу воина. Изгнанник бежал, пока в него летели камни и проклятия, ему кричали, что он убийца, который за ночь вырезал половину деревни и свою семью. Воину не дали похоронить жену и сына, и эту боль внезапной потери он взял с собой, надеясь вернуть обратно и поделиться с каждым, кто не позволил ему в последний раз увидеть родных.

Господин Эдриан обещал помочь и Рюк не упустит свой шанс. Изгнание скоро закончится, и тогда он вернётся, и отомстит всем, за то, что так обошлись с ним. Что теперь с его женой и сыном? Похоронили ли их как подобает? Если понадобится он вырвет ответы на эти вопросы вместе с кишками, и никто не помешает ему докопаться до истины. Почему он ничего не помнит? Почему все взгляды, устремлённые на него в тот день, были преисполнены ненависти, жалости и страха, словно он бешеный зверь? Почему не убили? И почему никто не хотел его слушать? Рюк оторвался от воспоминаний и обнаружил, что сжимает поводья до боли в руках. Прошное преследовало, а мысли ломались в голову, как алкоголики за дармовым пойлом. Мучительно хотелось поговорить, не хуже Волеса изливать словесные потоки, блеснуть своими знаниями или рассказать что-нибудь о бывших сражениях. Но он не мог этого сделать, тогда все поймут, что с ним что-то не так, особенно Волес. Он точно догадается, что, всегда молчаливый Рюк под действием чёрного гасителя, который держали для Лавия.

Бриджис сказал, что это не чем не хуже зелий Волеса, помогает взбодриться и прояснить голову. Прошло не так много времени с момента, как Рюк в первый раз попробовал чёрный гаситель и пока мог это скрывать. Он не хотел, чтобы, кто-то узнал, было в этом что-то не правильное. Вот только остановиться великан уже не мог. В первую очередь потому, что боль утраты утихала вместе с каждой принятой дозой, а душа словно обретала крылья. Конечно у него хватало силы воли, чтобы не употреблять постоянно, как Лавий, но это до поры до времени. А пока, пользовался случаем и принимал наркотик только вместе с зельями Волеса, чтобы скрывать свою зависимость.

Они покинули город на рассвете и всю дорогу до самой ночи держали быстрый темп. Рюк уже не раз подивился выносливости необычных животных. Даже после целого дня изнуряющей скачки кони могли продолжить путь. Люди чувствовали себя не в пример хуже. Канг так и не отдохнул, Джостар устал, а принц ослаб от потери крови. Поэтому, когда они убедились, что погони нет, сделали небольшую остановку. Волес дал им какое-то зелье, чтобы отбить сон на длительное время и Рюк, уличив момент, в очередной раз, принял изрядную щепотку порошка. И мир преобразился. чёрный гаситель никогда так не действовал. Уже стемнело, он и сейчас видел настолько ясно, будто стоял день. Всё вокруг, словно светилось изнутри: его спутники, трава, луна, звёзды. Мир, уже много часов полнился звуками, ранее недоступные слуху. А время замедлило свой естественный ход, и каждая секунда растягивалась до бесконечности. Уже несколько часов, прилив сил подталкивал к действиям, энергия требовала выхода, но он не подавал вида и ехал молча, крепко сжав поводья. Приём наркотика вместе с другими зельями всегда вызывал какой-то необычный эффект. Как утром, когда он выпил яростную грацию вместе с чёрным гасителем. Из-за этого действие зелья усилилось, но эффект, быстрее чем обычно сошёл на нет.

Ни кстати вспомнился утренний бой с асурами. Уязвлённая гордость назойливо колола сознание раскалённой иглой. Он смог справиться только с одним кровососом, да ещё и на рассвете, а этот убийца разобрался с двумя, да ещё и ночью. Нелегко было признавать, что Джостар более сильный воин. Сейчас Рюк мог бы дать бой и десятку асур. Только врагов в округе не было и приходилось сдерживать разрушительный смерч необузданной энергии, ярящийся внутри. Только убийца и берсеркер. Честный бой решил бы всё, но цель оставалась дороже порыва сиюминутной ярости. Когда Джостару повредило руку, великан даже расстроился, хоть и понимал, что никакого поединка не будет. И это ещё сильнее злило. А когда Рюк узнал, что убийца одолел двух кровососов посреди ночи, сменил ход мыслей и уже не расстраивался, а радовался увечному протезу и слабости врага. Северянин видел в убийце именно врага, которого похоже недооценил, а теперь разумно опасался. Если Джостар решит предать, сможет ли Рюк защитить господина? Он снова поймал себя на мысли, что до боли в пальцах сжимает поводья. Захотелось отвлечься от неприятных дум. В двадцати шагах впереди ехал принц и юноша в окружении людей в шляпах. Те, как и всегда, ровно держались в седле и смотрели перед собой, а Волес много жестикулировал и что-то эмоционально говорил Эдриану. Сейчас великану не нужно было подходить ближе, чтобы услышать. Станный эффект не проходил, а ночь стояла тихая, поэтому Рюк просто прислушался.

— ... это же проявление силы разрушения, — размахивал руками юноша в порыве эмоций, — сила тёмных колдунов.

— И что? — Принц был явно не в настроении на дебаты с алхимиком.

— И что? Но это же тёмные силы от мерзости разрушителя. Как они смогут помочь принести благо на землю?

— Во-первых, благо приносим мы сами, книга всего лишь инструмент, а во-вторых Канг тоже колдун.

— И?

— Он что, по-твоему тоже мерзость разрушения?

Юноша смутился и не нашёлся с ответом, чего и добивался принц. Рюку всё это не нравилось. Он знал о судьбе Волеса, но молчал, потому что поставил свои желания превыше

совести. Больше не желая слушать этот разговор, он сбавил шаг, и вскоре оказался в конце группы. Не смотря на энергичность, чувствовал он себя мерзко, раздражали чужие слова, и собственные мысли. И северянин знал, как это можно исправить.

Впереди ехали Канг и Джостар, они не оглядывались и великан, уличив секунду, выудил из седельной сумки маленькую жестяную коробочку, ловко и быстро достал оттуда щепоть чёрного порошка, высыпал на запястье и втянул носом. Затем так же ловко и незаметно убрал коробочку обратно. Приятное ощущение эйфории растеклось по телу, и мысли немного успокоились. Всё оставалось как прежде, обострённые чувства, энергия, что клокочет внутри и мир, чьё время замедлилось и не желало возвращаться к своему привычному течению. Лишь отступили тревожные мысли о прошлом, успокоилась совесть и больше не колола сознание своими иглами, в напоминание о судьбе юноши. И даже убийца больше не внушал опасений.

Джостар на своём коне подъехал к Кангу. Колдун сидел сторбившись, и тихо похрапывал, повесив голову.

— Эй! — Крикнул ему на ухо Джостар. Не так громко, чтобы привлечь внимание остальных, но достаточно для того, чтобы колдун подскочил в седле.

— А-а!

— Что с тобой? Ты еле живой.

— Нашёл время. — Недовольно буркнул Канг.

Он снова попытался уснуть, но Джостар не дал ему задремать.

— А раньше, как-то и не было его этого времени. С самого утра убегаем. Так что вот сейчас самое, что ни на есть подходящее. — Канг молчал, но убийца терпеливо ждал, и смотрел, на собеседника. Колдун достал бурдюк и сделал несколько больших глотков, протянул Джостару, но тот отказался.

— Пацан мне зелье какое-то дал, что бы я колдовать смог. Магические силы он мне вернул за пару минут, а вот физические отнял. С утра так и не выспался.

— Я так понимаю с колдовством у тебя проблемы. — Скорее утвердил, чем спросил убийца.

— Какой ты понятливый. — резко ответил колдун. — Монаршая задница постаралась, обвинив меня в своих неудачах. Как будто его брат и светлый орден пришли за мной, а не за ним.

— Знаю. Те колдуны вели себя как безумцы рядом с проклятым гримуаром. Наш благородный словно с цепи сорвался. Я пытался его вразумить, но пойдя, переспорь этого недоноска. А тебя тянуло к книге?

— Ещё как.

— И как ты справился? Те, что на нас напали, не владели собой.

— Слизь горгоны помогла.

— А-а. — Понимающе протянул Джостар. — Как теперь поступим?

— А что ты предлагаешь? — Тихим заговорщическим голосом спросил Канг. Он смотрел перед собой и был сосредоточен. От усталости не осталось и следа. — Я тебе не помощник на ближайшие пару дней, если верить принцу. — Он взглянул на увечное предплечье собеседника накрепко примотанное к груди. — У тебя тоже день не задался?

— Не знаю. — Джостар проигнорировал второй вопрос. — Не уверен, что и со здоровой рукой смог бы справиться со всеми, а теперь и подавно. Нужно ждать подходящего момента,

пока северная обезьяна бдит я не совладаю. Их нужно разделить. Порознь они мне не соперники, даже Рюк.

Канг прокашлялся:

— Я не понимаю, ты же убийца, а не боец. Зачем тебе ввязываться в бой, просто отрави, или отвлеки внимание и ударь в спину. Убьёшь северянина, пол дела сделано.

— Да хрен он меня к себе подпустит. Да и принц тоже обложился, не доверяет, словно подозревает что. Старается держать меня на расстоянии, всё время с охраной. Я вообще-то на тебя рассчитывал, а сам, так на подхвате. Это же твоя идея была грохнуть принца и забрать книгу.

— Моя. — С неохотой согласился Канг. — Но я как-то не ожидал такой встречи. Ну, а если отравить?

— Отличная идея. Ты умеешь?

— То-есть? А ты, что нет? Подожди, ты же...

— Ты подожди языком трепать, а я подожду кулаками махать. — Джостар говорил с нажимом, но не громко, чтобы не привлекать внимания спутников, а в его голосе угадывались нотки полные недовольства. — Ты умеешь делать яды? Я вот нет.

— Но как же? Почему? — интонация Канга выражала искренне удивление этому обстоятельству.

— Убийца убийце рознь. Мы не единственная гильдия на Затракане. Для таких методов существует общество отравителей.

— Это всё мне известно, но я не понимаю другого. Ведь чем больше возможности, тем лучше. Почему не изучать все способы?

— По двум причинам. Есть такая поговорка: «Ты можешь бы в чём-то хорош, но всегда найдётся житель Немала, который сделает это лучше, чем ты». Это и есть первая причина. Убийство — это тонкое дело. Если ты разбираешься во всём по не многу, то ты не разбираешься не в чём. Некоторые всю жизнь оттачивают один способ, а люди придумывают всё новые и новые, причём гораздо быстрее чем мастер успеваешь достичь совершенства. Уж ты, чародей должен понимать.

— А вторая причина?

— А вторая причина, друг мой, ответит на твой вопрос. Почему я не умею варить яды и незаметно подмешивать их в еду. Многие западные кланы, строились на религиозных фундаментах и издревле поклонялись смерти и её разным воплощениям. В Синдариин, к примеру, поклоняются Кали, богине смерти.

— Только давай по сути. Терпеть не могу религиозную чепуху. — Канг продолжал смотреть прямо и говорить, будто собеседник находится напротив, а не слева от него.

— Длани госпожи жизнью. Как не назови, но смысл один и тот же. Вот только толкуют его по-разному, прямо как у вас и созидателей. В общем если коротко, то мы должны сами коснуться своей жертвы, как и смерть, когда забирает жизнь. Там целая история, чуть ли не на тысячу лет расписана. Для членов клана — это своего рода ритуал и здесь заложен сакральный смысл.

— Не знал, что ты веришь в эту чепуху.

— Раньше верил. Теперь вот, не очень.

— И что же заставило тебя усомниться?

— А вот это уже никого не касается. — Ответил Джостар, и тут же перевёл тему. — Не учили нас делать яды. Тут мне похвастаться не чем. Попробовать конечно можно, но, если

ошибусь, или поймают на горячем, второй попытки не будет. Тут нужно иметь ловкость вора, и знание алхимика. Вор, как выяснилось, я так себе, — он усмехнулся, одними губами, — а алхимик и отравитель? После неудачного опыта с кражей, как-то даже проверять не хочется.

— Может маленький гений приготовит, соврём ему что-нибудь.

— Не, этот точно расскажет при первой же возможности. Плохой вариант.

— Да уж. И к принцу не подступиться?

— Да. Боится гад. Понимает ведь, что за дураков нас держит. Думал я поверю в эту историю с Волесом. Да он всех порешит. А ведь всё могло плохо кончиться, тот неудачный ритуал нам только на руку.

— Ага, у принца тогда эскорт по серьёзней был и пришлось подчиняться. А теперь гол как сокол. Осталось только отобрать у него книгу и дело с концом. Видел, что с воротами случилось? Да с таким артефактом нам никакие ритуалы не нужны. Мы весь Затракан на колени поставим.

— Ого, ты замахнулся. Сначала заставь её работать. — усмехнулся Джостар.

— Не сомневайся. Главное убрать помехи.

— И как мы это провернём?

— Рюк, поговори с ним, усыпи бдительность, и пырни его не заметно. Главное, чтобы с остальными справился.

— Эти пятеро? Проще пареной репы. Сильные, выносливые и не прихотливые, но бойцы никакие.

— А что за холуи?

— Да после того, как на нас колдуны напали, мы севернее взяли, подальше от Кары. Почти всё дорогу до Синдарины по немальскому пути прошли. В общем из Конвенты они. Вальдемаровы детища.

— Они под гипнозом?

— Да, зомби хреновы. — сплюнул убийца. — Я с ними и одной рукой справлюсь.

— Ну тогда проблем нет. Главное, чтобы получилось. — Он замолчал на некоторое время и посмотрел на Джостара. — Ну?

— Что ну? — Тот непонимающе уставился на собеседника.

Канг еле заметно мотнул головой за спину, в сторону северянина.

— Что сейчас? — Джостар опешил на секунду. В первый раз за время служения госпоже, убийца не был готов убивать, но он быстро взял себя в руки. — Ты спятил? Почему сейчас?

— А когда? — С нажимом спросил колдун. В его голосе чётко угадывались гневные нотки. — Предложишь более подходящий момент? Сейчас этого никто не ожидает. К тому времени, как я верну силы, будет слишком поздно. Волес разговаривал с принцем, нам примерно два дня осталось. Он всё продумал, силы появятся, когда будет слишком поздно. — Он повысил голос, но быстро взял себя в руки. — Сейчас они точно этого не ждут. Если тебе так будет проще, могу прикончить пацана и благородного выроodka.

Джостар пару минут ехал молча, обдумывая слова колдуна, тоже достал бурдюк, глотнул воды, и только потом заговорил:

— Ладно, ты прав, но благородного выроodka прикончу я сам, кровожадный ты сукин сын.

— От такого слышу. Ладно, начинай с Рюка, а я пока отвлеку Волеса.

— Да этот бугай мне не доверяет. Он меня к себе на расстояние вытянутой руки не подпустит.

— Подпустит. — Усмехнулся Канг.

— Что ты имеешь в виду?

— А то. Ты глаза его видел?

— А что с ними? — Джостар обернулся и посмотрел на северянина, но тот ехал по одаль, шагах в двадцати. С такого расстояния убийца не мог судить о состоянии великана.

— Да он под порошком Лавия.

— Чего?

— У него глаза блестят и красные вокруг. Я повидал наркоманов и уверяю тебя, он под наркотой. Разоряет запасы Бриджиса.

— Ты уверен? — Вопрос Джостара просто сквозил скептицизмом. Как-то не верилось, что эта молчаливая машина для убийств, сидит на Чёрном Гасителе и сейчас есть подходящая возможность разобраться с цепным псом принца.

— Это точно. Не забывай, рискуешь не только ты, но и я.

— Резонно. — События развивались быстро и неожиданно, а убийца действительно узрел возможность в происходящем.

— Сейчас или никогда. — Спокойно сказал Канг.

— А что ты? Не так устал, как всем говоришь? Справишься?

— Внешность обманчива, а они слабаки. Принца и парня я вырублю.

— Экий ты злой.

Джостар замедлил шаг и пропустил Канга вперёд. Он смотрел вслед колдуну и спиной чувствовал на себе суровый взгляд Рюка. Великан приближался не спеша, шаг за шагом, а сердце убийцы билось всё чаще. Увечья, оставленные на память злополучной ночью, заставляли терзаться сомнениями, Джостар устал, отсутствующий глаз всё время чесался, а рука превратилась в балласт. Привычное дело, как-то неожиданно преобразилось и стало настоящим испытанием воли и решимости. Он обдумывал варианты атаки в поиске самого эффективного и понимал, что у него не будет второго шанса. Волнение нарастало с каждым шагом и перед тем, как поравняться с великаном, убийца осознал, что не просто опасается, а боится берсеркера. Мысль о том, что страх — это плохой союзник, не пошла на пользу и, вероятно, сыграла свою роль, когда Джостар атаковал.

Разговора Рюк не слышал, увлечённый мгновениями наркотического экстаза. Но прекрасно видел, как убийца пропустил колдуна вперёд и сбавил шаг. Великан было насторожился, но дальнейшее, оказалось полной неожиданностью. Какое-то шестое чувство, подсказало, откуда приближается смерть. В последнюю секунду Рюк подался вперёд и что-то больно чиркнуло по уху. Если бы не зелье вперемешку с наркотиком Лавия, он был бы мёртв. Все мысли исчезли в одно мгновение, берсеркер уже действовал. В правой руке блеснула сталь, и лезвие устремилось вперёд. Укол не достиг цели, Джостар подался назад и разминулся с кинжалом северянина всего на дюйм, за тем сам атаковал, но Рюк поймал его за предплечье и ещё раз ударил, на этот раз сверху. Никто из них не издал ни звука, даже когда лезвие впилося под ключицу, раздалось лишь шипение. Рюк хотел ударить ещё раз, но убийца вывернул здоровую руку и направил заточку в лицо северянину. Тот пригнулся, но уже бил сам и промахнулся, ранив коня Джостара. Животное тут же встало на дыбы, и сбросило всадника. Перед глазами что-то мелькнуло и громкое ржание сразу оборвалось, а

берсеркера обдало тёплой лошадиной кровью. С момента нападения убийцы прошло всего несколько секунд, остальные шли впереди и не видели скоротечной схватки.

Глаза застилала густая, красная жидкость. Рюк вытер лицо и быстро огляделся по сторонам.

— Что Происходит?!

Он слышал властный голос принца, но не стал оборачиваться.

— Твою мать! Вытащите меня отсюда! Рядом в траве, хрипло сипел Джостар, придавленный тушей животного. Рюк не слушал его. Он смотрел на противника. Густая поросль хоть и была выше пояса, но не смогла укрыть врага от взора человека сидящего верхом. Асура в белом халате, тюрбане и маске, скрывающей лицо целиком, больше не таился и прыгнул снова, но на этот раз берсеркер был готов.

Дзанг!

Клеймор, встретил лезвие глефы. Удар оказался такой силы, что Рюк вылетел из седла. Он этого не ожидал, но быстро поднялся. Его нынешняя скорость восприятия позволяла отслеживать движения противника. Он приготовился встретить новую атаку. Внезапное нападение немного отрезвило и блажь прошла, сменившись сосредоточенностью.

Раздалось треньканье и четыре арбалетных болта полетели во врага. Асура не медлил и доли секунды, с феноменальной скоростью он ушёл от болтов и метнулся к стрелкам пока те перезаряжали оружие. Пятый выстрел тоже не достиг цели, вампир двигался как-то странно, пригнувшись. Рюку это показалось жутко неудобно, но думать об этом не было времени, по тому, что ноги уже несли его вслед за противником.

Канг, а за ним и Волес, в обход асуры понеслись к Джостару. Рюк не успевал и прежде чем преобразованные смогли перезарядить оружие, один из них вылетел из седла, а кровь брызнула фонтаном из его разрубленного тела. Белый, как призрак вампир устремился к следующему.

Дзанг!

Снова меч северянина врезался в лезвие глефы, но на этот раз великан учёл прошлые ошибки и не дрогнул под напором врага. На миг их взгляды встретились, и берсеркер узрел два алых огонька в прорезях в маске. И тут же противник исчез, растаял, как тень на солнце. Это было неожиданно. Рюк озирался по сторонам в поисках асуры и вскоре увидел его. Вампир не спешил нападать, и стоял поодаль, в ста шагах от отряда.

Принц подъехал к своему телохранителю:

— Что происходит? Куда ты смотришь? — Он смотрел туда же, куда и Рюк.

— Там асура. — Непривычно быстро, и резко ответил воин.

Он указал мечом в сторону врага. Принц взглянул на великана, как на умалишённого:

— Что ты говоришь, там никого нет! — На лице блондина проступил гнев.

— Да он под наркотой. — Раздался голос Канга. Они смогли сдвинуть тушу. Волес хлопотал над Джостаром, а колдун ему ассистировал. — Я никого не вижу, а ты? — Спросил он у юноши.

Алхимик отвлёкся от своих занятий и взглянул сначала на Канга, за тем на Рюка и принца, а потом в ту же сторону, что и они:

— Не-ет... — Протянул он.

— Что? Под наркотой!? — Эдриан всё больше расплылся.

Они ничего не видели и не понимали, понимал только Рюк, а паузой воспользовался Волес.

— Подождите... Это может быть гипноз. Асуру видели преобразованные, его способность телепатического удара, не справилась с психоблоком техники Вальдемара и не возымела действия, если так...

— Рюк, что происходит?! Ты что, принимал порошок Лавия?! — Принц не слушал алхимика и чуть ли не срывался на визг. Великан, словно каменное изваяние, был глух к словам присутствующих. Но те, не унимались, и потеряв терпение, берсеркер громоподобным голосом огласил на всю округу:

— Он вызывает меня на бой!

— Да что ты несёшь? — Прошипел разъярённый блондин.

— У него галлюцинации. — Снова подал голос колдун.

На этот Раз великан обратил на него своё внимание и под суровым взглядом Канг быстро сник и погрузился в работу.

— Если так, то твоя охрана пыталась подстрелить мои видения. — Эйфория приятно будоражила разум, и северянин с трудом мог скрыть возбуждение. Он старался говорить спокойно, но всё равно получалось, почти, скороговоркой. Его желание броситься в бой, затмевало разум, и все чувства. Сердце стучало всё сильнее, разгоняло кровь, а наркотик в ней дарил поистине волшебные ощущения. И даже клятва принцу, уходила на задний план.

Слова телохранителя сложно было оспорить и Эдриан дал ему продолжить, немного смирив свой гнев. Его ноздри раздулись, он играл желваками, но не перебивал.

— Если бы он хотел, то смог бы перебить нас всех, но не стал. Враг оказался только мне, значит я ему и нужен. Это будет честный бой.

— Что? Нет! Ты погибнешь! Нет, я запрещаю! — Принц тут же пришёл в бешенство от такой новости. Рюк дал господину выпустить гнев, благо длилось это не долго, а за тем продолжил:

— Я уже сказал, что у нас нет выбора. Либо я принимаю бой, либо он убьёт всех. Раз он выбрал меня, значит идёт по следу от окрестностей тюрьмы, чтобы отомстить за смерть своих. Вампир попытается увести меня от вас, и вы сможете уйти, как можно дальше.

— Мы не можем уйти без тебя! — Блондина душили бессилие и злоба, оба этих чувства отразились на его лице.

— Так у нас есть шанс. Если я выиграю, смогу вас нагнать. А если проиграю, он скорее всего примется за вас, а моя смерть не будет иметь значения. Вы должны уйти, господин. Он слишком быстрый, и может насыпать морок, вы с ним не справитесь.

— Волес! Можешь вернуть Кангу силу? — Принц не хотел сдаваться.

Юноша задумался, но тут же помотал головой:

— Не смогу. — Он опустил глаза и вернулся к ранам убийцы.

Рюк, больше ничего не сказал, он вскочил в седло и пришпорил коня.

В его голове на секунду мелькнула мысль, о том, что он не предупредил господина о нападении убийцы, но она быстро забылась под напором нахлынувших чувств. Потом, всё потом. Он не мог больше ждать. Сейчас Джостар не опасен. Рюк сам довершит начатое, когда вернётся. А если не вернётся, то уже не важно.

Принц долго смотрел ему в след, задумавшись о чём-то. Он взглянул на Джостара. Тот, тяжело дышал, и лежал не подвижно, прикрыв уцелевший глаз.

— Внутренние органы не повреждены, но костям досталось. — Волес заговорил, как только принц приблизился. Весь торс убийцы, алхимик вымазал пахучей зелёной мазью и

наложил сдавливающую повязку из ткани и ремней. А сейчас зашивал рану на ключице, в прочем, ему это как всегда не мешало болтать без умолку. — Всё не так плохо, думаю он быстро поправится.

Джостар лежал без сознания. Эдриан выругался и спешился. Схватил большую кожаную сумку и рукой махнул охранникам:

— За мной.

— Эй, ты куда!?! — Крикнул юноша в спину другу.

Блондин ушёл подальше от остальных, примял небольшой участок травы и сел, приказав охранникам:

— Встаньте вокруг меня. Подойдите ближе. Загородите и некого не подпускайте. Стойте, пока я не прикажу прекратить! — Последние слова он прокричал. Бешенство душило его, а время поджимало. Рюка в любой момент могли убить, а этого нельзя допустить.

— Эй! Ты что? — Раздался непонимающий и обиженный голос Волеса.

Он пытался пробиться к другу, но преобразованные встали стеной и преградили путь, не дав и шанса пройти. Принц отвернулся и достал гримуар. С того момента, как он использовал его в конюшне, артефакт уменьшился, почти до исходных размеров. Эдриан без колебаний достал кинжал и полоснул себя по запястью.

— Так и будешь там сидеть? А я думал мы друзья. — Обиде в голосе юноши не было предела. — Ну и оставайся!

Друг ничего не ответил и Волес, шмыгая носом удалился. Он вернулся к колдуну и убийце, приторочил сумку к седлу своей лошади, а сам сел верхом.

— Ты куда собрался? — Недовольно поинтересовался колдун.

— Поеду за Рюком, вдруг смогу помочь. — Он сам не узнал свой грустный голос.

Развернулся и поскакал вслед за великаном. Канг грязно выругался, а за тем, тоже вскочил в седло и помчался вдогонку, оставив Джостара одного.

Конь несся галопом и уже три раза менял направление. Асура в белой маске уводил воина всё дальше от остального отряда. Прежде чем Рюк достиг врага тот растаял и тут же появился в другом месте, гораздо дальше чем прежде, почти на границе зрения, а потом снова. Трава немного поредела, конь не отдохнул и поэтому тяжело дышал, но северянин упорно гнал его вперёд. Его захватили странные, но приятные, головокружительные чувства, они заставляли продолжать погоню за достойным противником. Ему не оставили выбора, и он будет биться за себя, за господина, и за свою мечту. Берсеркер сможет доказать, прежде всего самому себе, что он лучший и достойный воин. И пусть Джостар победил двух вампиров, Рюк одолеет этого. Не простая маска и сила врага отличали его от встреченных ранее асур. И воин желал, чтобы это оказался один из тех генералов крови о которых рассказывал Волес.

Предвкушение поединка затмевало рассудок. Ветер обдувал лицо, а энергия, бурлящая внутри, что воин сдерживал долгие часы, уже готовилась вырваться на свободу и обрушиться со всей своей яростью на столь желанного и прекрасного врага. Война преподнесла ему дар: противник силен и опасен, а что ещё может желать её слуга. В ушах играли барабаны, они отбивали ритм славной песни о великой битве, где самых достойных война примет в свои чертоги. Стремление к победе стало для Рюка единственной целью, центром вселенной и величайшей милостью.

Погоня закончилась неожиданно. Вампир остался стоять на месте и Рюк спешил. В голову закралась мысль атаковать противника на полном скаку, но чувства подсказывали, что неудачное нападение тут же расторгнет негласное соглашение о честном поединке и асура найдет свой морок. Остаток пути он прошёл пешком, и остановился в пяти ярдах от врага. Не было никаких представлений: имён, титулов и званий. Ни прозвучало ни одного слова обвинения или защиты, никто не произнёс красивую речь, как это часто бывает во время цивилизованного поединка. Рюку нечего было сказать, а вампир не желал говорить с убийцей своих сородичей.

Враг атаковал неожиданно. Расстояние в пять ярдов он покрыл за секунду и глефа смертоносным жалом метнулась в выпад. В последний миг берсеркер отразил оружие врага, но лишь для того, чтобы сделать это снова. Сокрушительные удары градом посыпались на воина и в первые секунды ему пришлось отчаянно защищаться, а потом выложиться до предела, чтобы перейти в контратаку. Великан присел и поднял клеймор и тут же сверху обрушилась глефа. Воин заблокировал её, резко встал, отбросил противника и пнул в грудь. Тот отлетел и не успел грохнуться на землю, а берсеркер уже заносил меч, для удара, но не тут-то было. Вместо того, чтобы откатиться, враг ловко встал и защитился глефой.

— Дзанг!

Воин в белом халате отбил клеймор и даже не дрогнул от мощного удара. Лязг дал понять, что древко тоже металлическое. Вампир неожиданно сместился, а берсеркер, тут же потерял опору и завалился вперёд. Чтобы избежать следующей атаки асуры, Рюку пришлось упасть на землю, но он быстро встал, вращая оружие, и тут же напал. Асура послал глефу навстречу клеймору. Они снова и снова скрещивали сталь, Рюк старался не сбить дыхание и весь отдался битве. Он получил древком по шлему, удар был сильный, но прошёл вскользь, поэтому воин быстро восстановил равновесие. Берсеркеру приходилось постоянно перемещаться, он не мог отвлечься ни на мгновение опасаясь пропустить какой-нибудь неожиданный выпад. Неизменный темп отнимал слишком много сил и вскоре пот проступил на лице, а сердце застучало в сумасшедшем сбитом ритме, но великан этого не замечал, увлечённый огненным смерчем, отпущенным на свободу.

Удача улыбнулась на миг, клеймор врезался в бедро и почти отрубил ногу асуры. Из-под маски тут же раздалось приглушённое шипение. Великан улыбнулся и подумал, что боль они всё-таки чувствуют. Меч почти обрушился на голову вампира, но тот в последний миг откатился назад, и снова зашипел, когда припал на раненую ногу. Рюк молнией метнулся к противнику, с одним лишь желанием нанести смертельный удар. Он почти достал врага, как вдруг небо и земля, неожиданно поменялись местами, а боль пронзила спину и затылок, когда великан грохнулся на землю. Челюсть пульсировала и болела, сомнений не было, кость сломана, дыхание сбилось, а силы стремительно убывали. Рюк прислушался к ощущениям, но больше не почувствовал никаких ранений, только сбесившееся сердце металось, как пойманный зверь. Враг не напал, всего-то сделал сальто назад и здоровой ногой врезал в подбородок. Несомненно, противник бился не в полную силу, видимо, как и всегда недооценил слабого человека. Решил поиграть? А человек в свою очередь оказался слишком самоуверенным и наивным. Удар словно предупредил, о временной остановке и воин подумал, что стоит воспользоваться ей сполна. Вампир сейчас излечиться и будет как новенький, а он уже не может двигаться с такой же скоростью. Пот заливал лицо, хотелось пить и не хотелось умирать, только не сейчас, когда желаемое так близко. Неприятные

мысли рисовали печальные перспективы и плачевный исход, и Рюк в порыве отчаяния сделал тяжёлый для себя выбор. Игры кончились...

Когда Канг нашёл Волеса, тот сидел на коленях, скрытый высокой травой и издалека наблюдал за схваткой. Асура припал к земле, а Рюк сидел на против. На плече северянина виднелась какая-то блестящая бляха.

— Нет-нет-нет-нет. — Шептал Волес. Канга охватила тревога, но он даже не успел осознать этого, как, вдруг Рюк заорал на всю округу, вот только не было в этом зверином рёве ничего человеческого. Внутри всё похолодело от страха, даром, что кричал человек, и колдун счёл за лучшее спрятаться в густой поросли:

— Что происходит?

Волес заговорил, только когда рёв стих:

— Он стал берсеркером. Эта бляшка на плече, один из активаторов, с помощью которого достигается необходимый эффект. Если Рюк, как ты говоришь, под действием чёрного гасителя, то он смешается с веществом активатора, понимаешь?

— Нет. — Раздражённо ответил Канг.

Всё это время юноша смотрел на поединщиков и только сейчас повернулся к собеседнику:

— Посмотри, какой эффект дало смешение моего бодрящего зелья, его скорость и реакция, феноменальны. Тот круглый предмет на плече, активатор один, там, с другой стороны игла. Она впрыскивает вещес...

— Ты давай по проще. — С недовольством перебил колдун.

— Если проще, то берсеркер, это не человек, а нечто большее, и я не знаю, что произойдёт с Рюком, когда наркотик войдёт в реакцию с препаратом друидов.

Рюк приподнялся на локте и сел. Он смотрел на врага, а огненный смерч внутри затопило жгучим холодом. Что опаснее в бою? Недооценить противника? Или переоценить себя? Что бы не случилось, воин не хотел сдаваться, просто не мог. Воспоминания рождали образы, и он видел жену и сына, они смотрели на него с укором, и немым вопросом: «Зачем ты это сделал?!». Берсеркер хотел закричать, но не мог.

Он обещал, давным-давно, что больше не выпустит зверя на свободу. Чёрный скалистый медведь самый агрессивный хищник с западных гор, которого он изловил и приволок к друидам, что бы те свершили свои тайные действия, сотворили берсеркера и навсегда изменили его человеческую суть. Животные инстинкты и человеческие желания, звериный голод и осмысленные страсти, слились в одной необузданной и кровожадной сущности. Рюк думал, что подавил её и подчинил своей воле, но жаждущий смерти монстр доказал обратное в одну судьбоносную ночь.

Решение принято, первый активатор он использовал ещё когда лежал, а сейчас следовало задействовать второй. Рюк упорно выговаривал каждое заученное слово тайного заклинания друидов и не обращал внимания на боль в сломанной челюсти. Сочетание звуков вводило в транс и меняло ход мыслей. На несколько мгновений он почувствовал сбитый ритм своего сердца, а за тем весь лёд, застывший внутри, превратился в адский огонь. Когда берсеркер закончил реветь его взгляд выражал что угодно, но только не человеческие эмоции. В ответ асура принюхался. Нога уже зажила, и вампир встал ровно. Теперь поза, да и весь его вид, выдавали настороженность. Вы когда-нибудь сталкивались нос к носу с

медведем? Например, в лесу? Или он с вами? Что вы при том чувствовали? Пожалуй, на всём Затракане не нашлось бы такого человека, который не испытал похожих чувств, глядя в глаза берсеркеру.

Асура первый бросился к врагу. Неуловимо быстро, северный воин встал на ноги и сам ринулся вперёд. Теперь он не чем не уступал противнику. Лезвия столкнулись и более лёгкого вампира отбросило назад, а более массивный человек уже навис над ним и занёс оружие. Кровосос увернулся и снова напал, вот только тщетно, клеймор великана успевал повсюду, берсеркер беспрерывно атаковал, а его противник медленно отступал под неистовым натиском, и вскоре белый халат асуры окрасился в красный, а маска слетела с головы, когда северянин подобрался совсем близко и врезал наверху рукояти по лицу. Удары сыпались без остановки, вампир всё больше пропускал и лишь невероятное восстановление, спасало от смерти. Что бы избежать скорой расправы асура двумя длинными прыжками разорвал дистанцию. Берсеркер немедля бросился к своему врагу. Их разделяло несколько ярдов, а противнику хватило несколько выигранных секунд, чтобы совершить задуманное. В когтистой руке, невесть откуда появилась металлическая фляга, асура ловким движением большого пальца откупорил крышку и в одно мгновение выпил содержимое. Вампир успел запустить флягу в берсеркера, но промахнулся, и они снова сшиблись и закружились в смертельном танце. Скоротечная трапеза пошла кровососу на пользу. От ран на белой коже не осталось и следа, алые глаза заблестели, а прыти явно поприбавилось. Оба воина прошли множество битв и убили несметное количество врагов, и сейчас, как и тогда, никто не желал уступать, и никто не хотел сдаваться, враги обрушились друг на друга готовые стоять на смерть за свои убеждения. С умопомрачительной скоростью, воины самозабвенно бросались друг на друга, оружие летало в воздухе, стойки, связки, блоки и выпады, все движения смазались. Сталь звенела в сумасшедшем, сбитом ритме и поединок превратился в захватывающее зрелище. Даже звёзды и большая, яркая луна замерли и обратили свое внимание на двух смертных.

Волес не прекращал тараторить ни на секунду. Теперь он непонятно чем восхищался:

— Клянусь своей сумкой! Ты когда-нибудь видел такой бой?! Его сила, и скорость превышает все допустимые человеческие пределы, организм может перегреться, а сердце не выдержать. Но ты посмотри, какая скорость, это же уникальный случай, я предполагаю, наркотик вошёл в реакцию с препаратом Друидов и изменил его действие. Это секретная техника, поэтому я мало о ней знаю, но мне кажется, что здесь затронуты разделы алхимии, изучающие ту нематериальную, но всё же существующую, как было доказано, субстанцию, которую на западе принято называть духом, на востоке — аурой, а в учёном мире тонким телом. Такие изыскания в империи и ряде других стран, держатся в тайне из-за...

— И что?! Рюк победит? — Зло перебил Канг. Он и так нервничал, а трескотня Волеса стала последней каплей в чаше терпения. Да и монолог парня, как показалось колдуну, уже не имел отношения к происходящему.

— Сложно сказать. — То, что его грубо оборвали на полуслове, совершенно не задело юношу. Он повернулся к собеседнику и продолжил говорить. — Это один из генералов, а значит ему около ста лет и его обратил лично Серадж. Он очень силён. А наш, хоть и демонстрирует феноменальные способности, но они не вечны. Скоро тело будет расплачиваться за обрётённое могущество. Всё зависит от того, когда это произойдёт. Наркотик, как я понял подстёгивает действие препарата, но как поведёт себя в дальнейшем

тоже не ясно.

— А если наш глухоморец проиграет?

Волес не ответил. Он вообще выглядел и вёл себя так, будто и не переживал за свою жизнь, словно знал исход сражения, или полностью смирился со скорой смертью. Парень вернулся к созерцанию боя. Канг ругнулся себе под нос и последовал примеру алхимика.

Берсеркер без остановки атаковал и снова теснил врага. Как заведённая не знающая усталости машина он наносил быстрые размашистые удары, словно хотел перерубить вампира надвое. Без страха и боли, он стремился смять, разнести, уничтожить противника. Человек яростно рычал и ревел, его тело покрылось ранами. Кровь текла из-под брони и из глубокого ранения на бедре, но воин словно не чувствовал, этого.

Увечья асуры заживали быстро, но похоже это отнимало много сил. Вампир ушёл в глухую защиту, и почти не пытался отвечать. Его халат превратился в изрезанные лохмотья, тюрбан давно слетел, а на иссиня-чёрных волосах запеклась кровь.

Победный рёв разнёсся по округе, когда рука вместе с глефой отлетела на несколько ярдов и упала в траву. Из обрубка хлестала кровь, вампир яростно зашипел, он резко и неожиданно ухватил северянина за горло единственной рукой. Алые глаза вспыхнули ярким оранжевым светом, а клеймор выпал из ладони великана. Асура уже предвкушал победу, как вдруг человек, который сейчас должен повиноваться, и как безвольная кукла и ждать своей смерти, обнажил зубы и тихо зарычал, взглянув исподлобья полными ненависти глазами. Враг не успел удивиться, так же неожиданно берсеркер схватил его за голову и со всей силы надавил большими пальцами на алые глаза. Полный боли визг разорвал ночную тишину, а великан быстрым движением подобрал клеймор и со всего размаху вонзил его в тело противника. Лезвие вошло в живот, а вышло между лопатками, вампира подбросило, и победитель вырвал клинок. Обмякший враг рухнул на землю.

— Он победил! — Канг не верил своим глазам, но на душе почувствовал облегчение. Ощущение скорой смерти отступило, а спокойствие постепенно возвращалось.

— Тише ты, если он нас заметит, то убьёт. — Предостерегающим тоном ответил юноша, схватил Канга за плечо, и заставил пргнуться.

— Это ещё почему? — Удивлённо спросил колдун.

— Он в боевом трансе, поэтому не узнаёт и не различает людей. Его единственная цель убивать всё живое. А что касается твоего вопроса, то, не думаю, что он убил кровососа. — Констатировал алхимик. — Регенерация этого существа настолько феноменальна, что восстанавливаются даже сердце и мозг. Единственный способ уничтожить его — прервать связь между этими органами, или по-простому отрубить голову. Асуры плохо излечиваются днём, но ночью, когда воздействие солнца слабеет, практически неуязвимы.

— И когда он станет нормальным? — Канг оторвал взгляд от берсеркера и посмотрел на юношу в ожидании ответа.

— Лучше бы ему этого не делать. Тогда он больше не боец. Вампир жив и скоро придёт в себя. Теперь берсеркеров не используют как одноразовую боевую единицу. В основном они умирали не от полученных ран, а от разрыва сердца, которое не выдерживает нагрузок. Друиды хорошо постарались сохранить свои создания, поэтому человек приходит в себя, когда его состояние становится критическим и он вот-вот отдаст созидателю душу. Ну или, когда некого будет убивать какое-то время, у каждого индивида по-разному, где-то от

двадцати минут до часа. Но я повторюсь и скажу, что это уник...

Рык над самым ухом заставил Волеса замолчать и одновременно с Кангом повернуть голову. Великан подошёл незаметно и теперь возвышался над застывшими в страхе людьми. Всё произошло быстро. Колдун получил удар окованным каблуком по лицу, тихо пискнул и откинулся в траву. Юноша успел отпрыгнуть, а меч пронёсся мимо. Великан снова занёс оружие, но удар так и не последовал.

Подул лёгкий ветерок, лизнул великана в спину, тот втянул воздух и молниеносно обернулся. Вампир стоял на том же месте, где был сражён. Его внешний вид шокировал и мог бы напугать любого. Одежда превратилась в окровавленное тряпье, порубленное в лоскуты, рука отсутствовала, рана хоть и не кровоточила, но выглядела жутко, а на месте глаз зияли развороченные пальцами лунки. Рюк мгновенно позабыл о беззащитных жертвах, развернулся и сделал первый шаг к недобитому врагу. Он пошёл быстрее, когда послышался странный звук ломающихся костей. С телом кровососа происходило что-то не ладное, но берсеркеру было всё равно, а Волес не сразу смог понять, что происходит, ему было плохо видно на таком расстоянии. А когда увидел и понял, то потом, долго бормотал что-то о трансформации, реструктуризации и поедании какой-то диссертации.

Из обрубка сначала, показались длинные суставчатые пальцы с серповидными когтями, они шевелились и не спеша вылезали. Рука появилась в один миг, только что были видны лишь пальцы и вот уже огромная лапа вылезла и разворотила плоть асуры. На этом изменения не закончились, Рюк злобно зарычал и перешёл на бег, когда лицо человека превратилось в страшную морду. Волосы куда-то исчезли, чёрные буркала на месте глаз, как смола блестели в ночи, нос впал, словно с него срезали всю плоть, а рот раздался в ширь, и теперь от уха до уха скалился ровными рядами острых клыков.

Бледное тело выросло примерно втрое, ноги и руки удлиннились. Живот впал, словно из него вынули внутренности, на спине появился горб, а грудная клетка и рёбра сильно выпирали вперёд.

Бледное, худое, с длинными конечностями и уродливой головой существо, пронзительно и противно завизжало, когда человек с разбегу прыгнул на него. Берсеркер занёс меч, но так и не успел ударить. Большая ладонь послала воина в полёт. Рюк кубарем покатился по земле, но тут же встал и атаковал вновь.

Воин, что претерпел изменения внутренние, и превратился в яростного зверя, ревел и безустанно атаковал врага. Его противник, некогда человек, а теперь опасное чудовище, что претерпел внешние изменения уходил из-под атак, противно визжал и сам наносил удары.

Когти ранили плечо и разорвали нагрудник, меньше чем за минуту. Монстр использовал длину своих рук и не подпускал человека на расстояние удара. Атаки сыпались со всех сторон. Серповидные когти пролетели над головой, и тут же последовал удар с боку. Рюк был готов и ударил, но не успело ещё лезвие достичь плоти, а берсеркер уже упал, избежав смертельного удара. Воин прокатился по траве и клыки щёлкнули в дюйме от его бока. Он ловко встал и снова кинулся в бой.

Рюк увернулся от одного удара, и прежде чем его настиг второй, сделал перекат вперёд, развернулся и рубанул по ногам врага. Клинок рассёк пустоту, потому что тварь успела высоко подпрыгнуть. Она приземлилась в десяти шагах от северянина, и уже хотела развернуться, когда из выпуклой груди вырвалось лезвие клеймора.

Берсеркер среагировал за мгновение, в одну секунду неистовый, безумный зверь

превратился в умного расчетливого хищника. Ещё когда враг находился в полёте, великан занёс меч для броска. Пустяковая рана, противник лишь помедлил несколько секунд, но и этого оказалось достаточно. Бородатый великан, как снаряд обрушился на спину монстра, сбил его с ног, повалил на траву, и надавил на рукоять клеймора. Лезвие вошло в землю, а гарда упёрлась в спину, и вампир оказался пришпилен к земле. Он извивался и визжал, а Рюк навалился на чудовище всем телом, в стремлении добить его. Он выхватил из-за голенища кинжал, и обрушил многочисленные удары на шею монстра. Берсеркер бил без остановки, его руки, лицо и бороду заливала кровь. Тварь рванулась и чуть не сбросила своего врага, но тот смог удержаться. Существо сопротивлялось и брыкалось до последнего и умерло, лишь в то мгновение, когда Рюк схватил всё ещё живую, ярящуюся голову и оторвал от тела одним сильным рывком.

Воин стоял посреди поля над мёртвым чудовищем, а прохладный ветерок обдувал израненное тело. Боль пришла неожиданно, пронзила всё тело и заставила его рухнуть на колени. Он взглянул на свои окровавленные руки, в сознании больно кольнуло воспоминание, оно переместилось в сердце и ранило раскалённой иглой. Холод растёкся внутри и стало трудно дышать. Великан повалился на землю, он широко раскрытыми глазами смотрел в ночное небо и судорожно хватал ртом воздух.

«Сердце. Почему оно больше не бьётся? И почему это так страшно?»

Та самая мысль, что поселилась в голове и ранила сердце, воспоминание, которого не было раньше, убивало медленно и мучительно. Жена и сын, разорванные на куски, и его обагрённые их кровью руки, уже хватают следующую беспомощную жертву и этому видению из прошлого нет конца. Слезы полились по щекам:

«Что я наделал?!»

Не было больше цели, и пропала тропа, что вела его к справедливости и возмездию.

«Я умираю...»

Ещё сильнее защемило в груди, но на душе вдруг стало легко. Он умирал, а печаль и сожаление во мгновение ока сменились радостью и твёрдой уверенностью в благосклонности жестокой судьбы.

«Я отомстил! И пусть я погибну, проклятый зверь уйдёт со мной и исчезнет навсегда, а я предстану перед всемогущей войной. Это жертва, я дарую ей свою жизнь и караю убийцу.»

Свершилось покаяние, сердце больше не стучало в груди, а камень упал с измождённой души. Последний раз он взглянул на звёзды и улыбнулся им прежде чем закрыть глаза.

Стояла глубокая ночь, павлины тихо спали, угнездившись на земле, а слоны устроились на мягкой траве, под роскошными пальмами. Красивый парк раскинулся у подножья прекрасного белокаменного дворца с огромными куполами и чудными барельефами. С высоты его белоснежных башен можно было разглядеть весь столичный град. Праздник закончился вчера, но по улицам снова мелькали змейки огоньков и разносилась весёлая музыка.

На огромном полукруглом балконе, с балюстрадой и полами из белого мрамора, что навис над пальмами дворцового парка, стоял человек, высокий и статный. Его мускулистую и изящную фигуру скрывал роскошный, вышитый золотом шёлковый, белый халат, а заросшее чёрной щетиной волевое лицо, обратилось к городу в гримасе невероятной муки.

Уже не ногти, а острые когти прочертили борозды на мраморном бортике и Серадж зашипел, словно от боли. Огромные клыки показались изо рта и глаза засветились яркими угольками. Он напрягся всем телом и сжал зубы, словно сопротивлялся изменениям из последних сил. Всю прошлую ночь тело царя содрогалось, когда умирали его сородичи, его дети, он чувствовал каждую смерть, словно его разрывали на части где-то там на востоке.

Смерть двух младших асур оказалась полной неожиданностью, но Серадж действовал мгновенно. Он послал зов каждому сыну и дочери в восточных областях, а также отправил одного из своих генералов, чтобы решить всё быстро и избежать дальнейших жертв. Но теперь все погибли, а он выл от боли, что пронизывала его тело каждый раз, как смерть наступала сородичей. Он не видел их глазами, не слышал их ушами и не чуял их носом, лишь чувствовал, как рвутся струны собственной души, и частичка её исчезает навсегда. Смерть младших детей оказалось не таким испытанием как смерть одного из семи первых обращённых. Связь с ними во сто крат крепче, чем с теми, кого он не причастил своей кровью лично. И теперь он испытывал на себе отголосок гибели любимого сына. Тот, в ком правитель увидел своего соратника, сделал защитником своей страны и даже не посмотрел на низкое происхождение этого некогда человека, исчез навсегда. Он словно вырвал кусок из самого сердца, и теперь оно разгоралось пламенем, который Серадж уже не мог потушить.

Повелитель знал, за что они сражались и все обращённые понимали это вместе с ним, и поэтому они умирали, а он страдал. Спина по кошачьи выгнулась, а рот открылся в немом крике, когда раздался хруст костей. Царь не выдержал своего бремени и упал, сложился словно в раболепном поклоне, халат треснул, и свет, льющийся через высокую куполообразную арку из комнаты, упал на уродливую, белёсую, будто рыбе брюхо, спину. Кости позвоночника неестественно выпирали, готовые прорвать кожу. Серадж взглянул на небо, в блестящих чёрных, широко распахнутых глазах стояли боль и испуг, а рот исходил белой пеной, он то открывался, то закрывался, словно мужчина силился заорать, но так и не решался нарушить тишину ночи. Черты лица заострились во мгновение, тело росло быстро и неотвратно, руки и ноги страшными длинными лапами опустились на мраморный пол, а кости лопаток вырвались из плоти и раскрылись огромными перепончатыми крыльями. Метаморфоза завершилась в минуту, и вместо человеческого лица к луне поднялась страшная морда. Тварь взмахнула большими крыльями и последние клочки одежды слетели с мертвенно бледной плоти высокого худого чудовища. Пронзительный, полный скорби и решимости визг раздался на всю округу. Павлины тут же закричали в тени пальм, а слоны встревоженно зашевелились, оторванные от отдыха.

Телохранитель, что стоял на страже, первым услышал визг, и не сомневаясь ни секунды бесцеремонно потревожил царский покой. Когда он вбежал в комнату, то не нашёл там правителя, лишь огромное, жуткое существо. Не оборачиваясь, оно взмыло в воздух и скрылось в темноте ночи.

IX

Первое, что почувствовал Эдриан, когда пришел в себя, было сильное головокружение, а первая мысль заставила подскочить, как ошпаренного. Стояло раннее утро, он провалялся без сознания много часов, очередное кровопускание, сыграло с ним злую шутку, а следующее могло и убить. Тревога нарастала и в миг охватила разум, она перемешалась со злостью, которую вызывали: беспомощность, череда неудач и в пустую пролитая кровь. Ситуация вышла из-под контроля за то время, пока принц провалялся в обмороке и это злило ещё больше.

Слабость и жажда одолевали блондина, но ему было на это наплевать, гнев вытеснял тревогу и побуждал к активным действиям. Импровизированный лагерь спал, Джостар лежал на спине и морщился при резких вдохах, Канг похрапывал, и его лицо наводило на мысли о сыне немальского пчеловода в длительном запое и с разбитой рожей, а Волес обхватил ноги руками и мерно посапывал. Преобразованные стояли как вкопанные, на своём посту, а кони паслись без присмотра в высокой траве.

В голове крутилось сотни вопросов. Разбуженный юноша с неохотой рассказал Эдриану, что произошло вовремя его так сказать «отсутствия» и снова беззаботно повалился спать, а принц остался наедине с неразрешёнными проблемами и неоднозначной ситуацией. Эмоции сменяли одна другую, злость уступила озадаченности, на её место пришло беспокойство, а за тем страх, который быстро перерос в панику, и снова злость на свое бессилие что-либо изменить. Он не мог воззвать к книге и не мог пробудить своего телохранителя.

Волес сделал всё возможное в этом не было сомнений, но воин так и не очнулся. Принц привык опираться на эту скалу, а теперь она словно исчезла, неожиданно, и этот миг потрясения, когда выбивают почву из-под ног, для Эдриана растянулся на долгую минуту. Он как рыцарь, потерявший свою броню на поле боя, почувствовал себя ужасно уязвимым. Это ввергло его в ярость. Блондин хотел разбудить юношу, и вытрясти из него всю душу, но в итоге просто сорвал злость на одном из преобразованных. Телохранитель не издал не звука, лишь откинул голову от удара в челюсть. Руку пронзило тупой болью и бушующие эмоции тут же поутихли, а усталость и слабость накатили вновь.

Принц взглянул на охранников. Им тоже требовались еда и отдых, вот только они никогда об этом не скажут и, если забыть приказать, могут свалиться от истощения в самый неподходящий момент. Такие даже мочиться будут лишь по команде, поэтому Эдриан отдал им соответствующие распоряжения и улёгся прямо на траве.

Солнце недавно миновало зенит, когда все члены отряда были готовы отправиться в путь, ну, или почти все. Рюк так и не пришёл в себя, хотя юноша с уверенностью заявлял, что физически великан в порядке. По его словам, он сам запустил ему сердце за приемлемый срок, лично обработал и зашил все раны, дал необходимые снадобья и ввёл восстанавливающий препарат, но это не помогло вернуть северянина в чувство. По словам Волеса, виной всему, большая кровопотеря, которая могла вызвать кому. Рюк мог прийти в себя в любую минуту, или не очнуться вообще. Такая перспектива принца не устраивала, но ничего поделать он не мог.

Тут же встал вопрос: «Как транспортировать воина?» Волокуши и носилки не

подходили, уж слишком сильно падала скорость передвижения; в том, что погони больше не будет, не было никакой уверенности. Перекидывать обмякшее тело через седло, запретил Волес, прочитав лекцию об усугублении состояния Рюка. В итоге его крепко привязали к спине одного из преобразованных, чья сила и выносливость позволяли без видимых усилий таскать такую тушу.

Никто не знал, есть ли по близости вода, поэтому алхимик дал, животным, какой-то, похожий на маленькие кусочки льда, корм, не больше щепотки каждому, после чего истратил половину запасов воды для людей, чтобы кони могли запить мелкое крошево. Он сослался на необходимость такого расточительства и сказал, что это поможет им весь день обходиться без живительной влаги.

Недолгая трапеза и торопливые сборы были окончены, и отряд двинулся в путь. Напряжение охватило королевича само собой, как-то абсолютно ненавязчивого. Виной тому было гнетущее молчание, и даже Волес не произнёс ни слова и избегал смотреть в глаза принцу. Он держался обособленно глядел куда-то в даль в суровой и печальной задумчивости. Эдриан прекрасно понимал причины такого поведения, но куда больше его занимали косые и недобрые взгляды беспринципного убийцы и тёмного колдуна.

Всё та же сухая земля под ногами, горит костёр, у подножья холма. Она всматривается в языки пламени, и лишь через несколько минут поднимает голову, потому что понимает, что ничего не меняется. Огонь не утихает и не вспыхивает сильнее, а кучка дров и хвороста не распадается, потому что не прогорает.

Никого вокруг, и только туман, липкий и серый окружил Ханну со всех сторон, но стоило лишь взглянуть на него, и клубящаяся хмарь тут же исчезла, открыв взору звёздное небо, большую луну и скрытый ночной темнотой горизонт. Зловещий двойник не заставил себя ждать. Стоило девушке моргнуть, и вот он уже сидит напротив неё. В свете огня, чёрные глаза блестели и отражали пламя, а в них, таилась ядовитая злоба.

Вопреки всем дневным опасениям, страха она не ощущала. Только ненависть к паразиту, который явился в ночи, как надоедливый комар, и лишил покоя. Поэтому девушка выпалила, даже не задумываясь:

— Пошёл вон, и дай поспать.

Двойник лишь улыбнулся неестественно широкой улыбкой и изо рта потекла чёрная тягучая слюна. Этот жест разъярил Ханну ещё больше, но она сдержалась. Какое-то еле уловимое чувство, тонкое, словно безупречно отточенное лезвие, призывало сдерживать эмоции и быть рассудительнее. Поэтому она говорила спокойно, хотя в голосе её слышались нотки юношеской бравады:

— Вроде ты говорил, что нелегко было ко мне пробиться, так чего лез? Поиздеваться? Всё равно ты мне ничего не сделаешь, сейчас лягу и усну, а ты тут хоть дровишки всю ночь.

Девушка с вызовом взглянула в чёрные глаза, но в них всё так же царил веселье и плясали огоньки:

— Хе-хе-хе. А ты всё противишься? Ну-ну, а убийца твоего отца уходит всё дальше.

— Ну и тебе-то что за дело? Отвали и жди своей смерти.

— И твоей тоже! Мне нужна твоя жизнь, и поверь мне, перед смертью ты пожалеешь обо всём на свете и дашь согласие. Я сделаю с тобой то, к чему ты не готова! Ты даже не представляешь, на какие муки я тебя обреку, когда доберусь!

Чёрные глаза были готовы вывалиться из глазниц, спокойствие тут же покинуло скрипучий голос двойника, а на его место пришёл чудовищный рёв, в котором с трудом различалась человеческая речь. Ханна и бровью не повела, в ответ. В прошлый раз он сам показал ей, что пока не опасен. Паразит быстро успокоился, прекратил гневную тираду и продолжил уже сдержанней:

— Я уже говорил, а сейчас предлагаю. Я могу помочь, ты покараешь убийцу и заберёшь украденное, если согласишься на симбиоз.

То, что тварь вышла из себя, хоть на несколько секунд показала своё истинное лицо, порадовало Ханну, но и напомнило, что она имеет дело с беспощадным, лживым чудовищем, которое словно сошло со страниц Книги Созидания, из той её части, где пишется про разрушителя и его рабов. Она никогда не считала себя истинно верующей, созидательной, тем более, сейчас, когда, как ей казалось, разрушает всё вокруг, в частности, человеческие судьбы. Но это сравнение лишь придало ей решимости:

— А мне уже наплевать будет. Сам сказал, что моя жизнь не стоит и ломанного гроша. Так к чему мне месть и бусы, если я перестану быть собой? Пожалуй, ни к чему.

— Не переживай, ради нашей с тобой дружбы, я лично убью тех людей. — Ответ девушки ничуть не обескуражил двойника, и он заулыбался вновь.

Желание врезать по довольной роже возросло неимоверно, но она снова сдержалась.

— Ты лживая тварь, кто тебе поверит? — декламировала она. — Вали из моей головы, по-быстрому и дай отдохнуть. Со своими проблемами я и без тебя разберусь, так что ты мне не нужен. Лучше оставь меня в покое, а то раньше срока себе вены вскрыю.

В ответ существо цокнуло языком и посмотрело куда-то в сторону, и только потом лениво ответило:

— Свалил бы уже. Если бы мог.

Такой неожиданный ответ, удивил и привёл Ханну в замешательство:

— Что это значит? — настороженно спросила она.

— Что тебе не понятно? — Со злобой проскрипел собеседник и недовольно уставился на девушку. Он замолчал, но через несколько секунд заговорил вновь. — Проникнуть в твой разум оказалось сложно, но я смог, а теперь я остался здесь и не могу покинуть его. Такого рода связь между сознаниями, не только телесная, но и ментальная. Я рискнул, когда понял, что умру в твоём теле вместе с тобой. Из-за этого я частично потерял контроль над своей физической оболочкой. Растворив часть своего сознания в твоём, я потерял возможность вернуть её. По сути, для тебя это ничего не меняет, да и для меня тоже. Мой организм продолжит работу и убьёт тебя, но перед этим... Помнишь я говорил, что смогу причинить тебе много боли?

Ханна смолчала в ответ, а двойник продолжил:

— Теперь я сделаю это в твоём сознании. Здесь время проходит не так, как в реальности, я смогу растянуть одну ночь там, — двойник махнул рукой в небо, — на годы здесь, в твоей голове. Так даже лучше, у меня появится время, а ты просто не выдержишь и согласишься, обезумив от боли. Зелье перестанет меня сдерживать, лекарство кончится, а барьер исчезнет и тогда...

К словам прибавились действия, тварь встала и махнула рукой перед лицом девушки с ошеломительной скоростью. Чёрные когти, каждый длиной с саблю, прочертили на невидимой плёнке сияющую борозду, а двойник улыбнулся и продолжил:

— Я разорву тебя на части, пусть и придётся делать это здесь. Что ты будешь делать,

когда твоё зелье закончится?

Он весь задрожал. Рот, чёрным провалом, от уха до уха, раскрылся на встречу девушке, а глаза отражали пламя и фанатично блестели в ночи.

Ханна смотрела на мерзкое существо, с вызовом в глазах и отчаянием в душе. Она не боялась, чувствовала только жгучее желание покончить с этой мерзостью. Больше всего ей хотелось наброситься на него и придушить голыми руками, но девушка придумала кое-что по лучше. Существо расценило её молчание по-своему:

— Что, штаны намочила, и потеряла дар речи? Правильно, бойся, я доберусь до тебя и выпотрошу, буду убивать мед...

— Я согласна!

Двойник так и не договорил, и потрясённо уставился на Ханну. Оторопь быстро прошла, и он недоверчиво спросил:

— На что?

— На твоё слияние. — На одном дыхании выпалила она.

— Правда-а? — Задумчиво произнёс паразит.

Он медлил, смотрел с явным недоверием и немного подумав, спросил:

— Чего ты хочешь взамен?

— Я должна тебе кое-что сказать. — Прежде чем произнести это, девушка явно собиралась с силами, что было замечено черноглазой тварью.

— Я тебя слушаю. — как можно более мягко произнёс двойник.

Ханна встала напротив врага и сделала приглашающий жест ладонью, протянув руку к существу.

«Глупо, глупо, глупо, ничего не выйдет!»

Она сомневалась, но не останавливалась. Сердце замерло, когда чудовище безропотно подалось вперёд...

«Сейчас!»

Ханна, проворно, схватила двойника за шею двумя руками, и со всей силы дёрнула, сунув голову твари прямо в пламя костра. Искры взметнулись, а отчаянный визг полный страха и обиды оглушил и пробудил ото сна.

Утренний свет слепил, а Ханна словно не отдохнула вовсе. Разбитое состояние по кусочкам склеил Махатма, который уже сварил кофе. Ханна хотела возмутиться, им следовало срочно отправляться в погоню, но она молча приняла бронзовую чашку, завёрнутую в кусок кожи. А когда сделала несколько обжигающих глотков, от возмущения не осталось и следа. Девушка быстро допила кофе и съела лёгкий завтрак из орехов и сухофруктов, пока великан помогал ей собраться.

Наёмники вместе с Вильямом, в течение всей ночи дежурили по очереди, но в итоге всех разбудил бриджис своими воплями. По сравнению со вчерашним днём Лавий чувствовал себя превосходно и почему-то решил, что он в своём полном праве потребовать, не попросить, а именно потребовать, от тупоголовых верзил, еду, воду и ещё гашиша. Отряд ещё не тронулся в путь, а наглый гадёныш со своим нытьём уже успел всем надоест. Джуда первой предложила свои услуги по ликвидации бесполезного наркомана, но Ханна решила, что тот ещё может пригодиться, поэтому, дала ему еду и воду, а, чтобы в дальнейшем помалкивал, пригрозила оторвать крылья. Угроза подействовала на бриджиса и дальнейшие сборы прошли в приятной тишине.

Начался ещё один утомительный день. Махатма сказал, что, если двигаться в том же направлении, есть шанс найти ключ или родник. У них не было воды, чтобы поить восьмёрку коней два дня к ряду, но Ганс дал животным какой-то корм и часть воды для людей. Так они должны были дотянуть до вечера, в царстве палящего солнца.

В ушах стоял истошный вопль мерзкого паразита и мысль о случившемся во сне не давала покоя. Она не понимала, что произошло.

«Я ранила его?»

Именно так хотелось думать, и так не хотелось ошибиться. Жестокая судьба играла светом надежды и обещала лишь неизвестность.

Страшные, огромные когти твари не выходили из головы.

«Как победить чудовище, которое одним движением может разрубить тебя на части?»

За думами о случившемся, она сама не заметила, как они захватили её сознание полностью и к полудню Ханна поймала себя на мысли, что ждёт не дожждётся наступления ночи. У неё есть ещё две попытки, чтобы разобраться, а потом предстать пред врагом во всеоружии. Девушка твёрдо решила, что, если у неё появился шанс побороться за свою жизнь и уничтожить это существо, она его не упустит.

День выдался жаркий, лишь ближе к вечеру с востока подул тёплый ветерок и набежали большие, густые облака. Местность изменилась, земля поросла сочной, высокой травой, а на западном горизонте, показались вершины южного хребта.

Тадж, как и вчера был смурной и молчаливый. Всё повторялось и ощущение одиночества снова сдавило сердце Ханны стальными тисками, стены разума дали трещину и открыли зёв ведущий в непроглядную пустоту, что пугала её уже третью ночь подряд, а боль и обида неустанно преследовали и казалось ни что не может заглушить эти чувства. Она сама пыталась заговорить, но юноша, словно избегал её, лишь скупо отвечал на вопросы, и весь день вёл себя так, будто девушка была ему в тягость. В итоге это так разозлило Ханну, что она сама стала игнорировать возлюбленного. К вечеру ничего не изменилось, даже, когда они нашли человека и лошадь с отрубленной головой.

Чёрную шляпу и коричневый дублет, Тадж и Ханна узнали сразу. Тело человека рассекли от таза до ключицы. Если у кого-то и были сомнения, то теперь их не осталось, Вильям вёл правильно.

Они прошли ещё несколько миль на северо-восток, прежде чем нашли воду. К востоку местность сильно менялась, равнина резко обрывалась. С крутого, высокого склона, путникам открылась скалистая, заросшая густым кустарником и редкими кипарисами долина, широким ущельем уходящая в потемневший горизонт. Здесь словно гиганты вспахали землю, а потом разворотили и бросили всё как есть. Следы вели вдоль обрыва, но преследователи остановились на ночёвку. Они заметили родник, чуть поодаль, у подножья крутого оврага и нашли безопасный удобный спуск, чтобы напоить коней и пополнить запасы воды.

Внизу остался только Тадж и Махатма, остальные уже поднялись по склону. Великан поил животное последним, а юноша задержался специально. Его весь день волновал один вопрос и Тадж, убедившись, что их никто не слышит, не уверенным голосом сказал:

— Махатма, ты помнишь, что сказал отец? Завтра, мы должны вернуться.

Махатма наполнял мех водой и не смотрел на собеседника, лишь хмыкнул в ответ, а потом спросил:

— И?

— И? Ты сам знаешь. Из-за этой свадьбы... если я не вернусь вовремя, он рад не будет. Думаю, даже тебе достанется. — Голос Таджа всё ещё звучал не уверенно, с толикой волнения.

— Ха! Парень. Если бы я боялся, что мне достанется, то не стал бы уговаривать твоего старика, а уж тем более лезть во всё это. — Он закончил наполнять мех и с усмешкой посмотрел на юношу. — Поверь, скорее в Закарайской пустыне снег выпадет, чем сорвётся эта свадьба. Ваш брак — это лишь прикрытие, для сделки, от которой выиграют обе стороны. Твой отец подомнёт конкурента, а отец Манджулы обеспечит хорошую жизнь дочери, и счастливую и безбедную старость себе. Да и Виджай тебя не убьёт. Ну поворчит малость, на худой конец ещё плетей получишь...

При этих словах, Тадж демонстративно поморщился, и Махатма оборвал свою речь:

— Я надеюсь ты не поэтому ведёшь себя как полный дебил?

— Что? — Недоумённо спросил юноша.

— Ты второй день сам не свой, весь в себе замкнулся. Ты как будто и не замечаешь, что вокруг происходит. И всё это из-за страха быть наказанным? Готов её тут бросить и домой вернуться, стоит мне так решить? — великан и сам не заметил, как расплылся и навис над юношей уперев руки в бока.

Тадж напрягся. Воспоминания роковой ночи тут же отозвались образами и словами: «Тадж прекрати!». Он проигнорировал тяжёлый взгляд собеседника и с вызовом смотрел в карие глаза великана, а голос его наполнился горячей сталью.

— Неужели ты, Махатма, считаешь меня слабаком? Мы не раз ходили с тобой на охоту, и ты знаешь, чего я стою. Если бы меня пугала встреча с отцом, я бы сбежал ещё в Маджите, плюнул бы на всё от страха. Я пообещал ей, ты понял? Я дал слово. Был там с ней, видел Маркоса и смотрел ей в глаза. И теперь я не отступлюсь и не брошу её.

Махатма уже взял себя в руки и спокойно выслушал отповедь юноши.

— Рад это слышать, парень. За эти два дня ты изменился. Рад, что в лучшую сторону. Она и так переносит это тяжелей, чем я думал.

— Что ты имеешь в виду?

— Что? Ты меня удивляешь. Конечно, замкнулся в себе и заикнуться на своих проблемах. Это ей от тебя нужно? Это ты должен варить ей кофе, разговаривать с ней и поддерживать в трудную минуту. А вместо этого, только думаешь о том, каким ты несчастным будешь с Манджулой? — Махатма вздохнул. — Я понимаю, быть с не любимым человеком, и не иметь возможности быть с тем, кого любишь. Тут не долго и голову повесить. Я бы то же ходил как в воду опущенный. После всего этого... Думаю Ханна уедет. Так будет проще. А сбежать с ней ты не думал?

Махатма выжидающе и с иронией взглянул на юношу, а у того всё сжалось внутри. Стало больно, так мучительно и невыносимо, что хотелось прокричать, проорать великану в лицо о том, что она не уедет и они не сбегут вместе, потому, что её вскоре не станет. Но он держался из последних сил и молчал. Что-то в душе пульсировало, и предостерегало от опрометчивого, импульсивного поступка.

«Стоит ли говорить? Раскрывать её тайну?»

Тадж не мог понять, но чувствовал, что не в праве делать это, ведь он больше всего на свете боялся обидеть и причинить боль Ханне и готов был отдать всё, чтобы ещё раз увидеть её улыбку.

— Да ты прав. — Без колебания ответил юноша.

Желание рассказать всё ещё не утихло, но жребий уже брошен и Тадж не собирался отступать.

«Осталось два дня. Если я не успею вернуть ей ожерелье, то никогда себе этого не прощу.»

Ему действительно было тяжело, только не от того, что он скоро сыграет свадьбу с девушкой, которую почти не знает, а от чувства беспомощности. Он как затравленный зверь в клетке, готов был грызть стальные прутья от бессилия в тщетной попытке заглушить мысли о собственной слабости. А ещё ему было больно, от того, что скоро умрёт его любовь.

— Да, мне тяжело смириться. Я не сбегу с ней, потому что поклялся отцу, я не опозорю семью, но это дело доведу до конца.

— Тогда мне не понятно, почему ты теряешь время?

— Что... — Тадж хотел что-то сказать, но Махатма не дал себя перебить:

— Молчи! У тебя, дурня, отсрочка намечается, побыть с любимой девушкой, а ты тут себя жалеешь. В место того, чтобы поддержать делаешь ей ещё хуже. Она нуждается в тебе, а ты ведёшь себя как осёл. — Великан снова вспылал, но быстро успокоился.

Он действительно не замечал её, погруженный в собственные унылые думы и жалость к себе. Понимание пришло только сейчас, ворвалось, растормошило мысли и потребовало от носителя этой дурной головы, самому себе надавать тумаков за проявленную слабость. Поэтому он растерялся и задал этот весьма предсказуемый вопрос:

— И что теперь делать?

Махатма иронично усмехнулся:

— Ты меня спрашиваешь, как тебе с девушкой быть? Сам что ли не знаешь?

— В такой ситуации не знаю. — серьёзно ответил Тадж.

— Да просто будь с ней парень. — умоляюще протянул собеседник. — Поговори, успокой, приласкай в конце концов! Дурак что ли, не понимаешь?

На душе юноши, как-то сразу полегчало, он готов был бежать к возлюбленной, прямо сейчас. Слова Махатмы придали уверенности.

«И пусть времени чертовски мало. Эти убийцы пусть катятся ко всем чертям. Мне они не нужны, мне нужна только она.»

— Подниматься собираешься? — голос Махатмы оторвал его от мыслей.

Великан взял коня под уздцы и первым пошёл на подъём, а Тадж направился следом.

Лагерь разбили поодаль от обрыва, Вильям настоял. Он не сказал толком ничего, ссылаясь на какое-то предчувствие и только. Бледная маска из добродушной, превратилась в сосредоточенную. Человек смотрел на огонь, а на лице отражалась работа мысли.

Джуда и Орондер, снова не поделили, какую-то ерунду и устроили по этому поводу семейную перепалку с рукоприкладством. В дороге алхимик рассказал, что эти двое вместе служили на рубежной стене. Три с половиной года близнецы мутузили друг друга у орков под боком. Ханна мельком взглянула на возящихся в траве людей. Джуда насела сверху, а брат готовился сбросить её и подмять под себя. Ганс сидел и разговаривал с Антуаном. Тот курил самокрутку и пускал сизый дым. Он снова взялся точить оружие и уверенно водил камнем по... лопате?!

«Похоже выражение лица у меня то ещё». — Подумала Ханна, когда Антуан заметил её

взгляд и широко улыбнулся.

В руке капитана покоился металлический черенок полтора локтя длиной, с прямым, заточенным полотном. Он по-дружески протянул ей лопату и сказал:

— Попробуй.

Она бережно взяла лопату двумя руками.

«Лёгкая».

Ханна вертела её в руках, словно не знала, что делать с этим предметом.

— Смелее, — капитан налёгчиков отвлёк её от созерцания лопаты, — это моё личное оружие. Ну же сделай пару взмахов.

Ханна с сомнением посмотрела на Антуана, но после недолгих колебаний встала и отошла от костра. Девушка приняла фехтовальную стойку и выполнила связку из трёх ударов. Получилось вполне сносно, но как-то неуверенно. Рука привычная к рапире, а с недавних пор и к чакрам, ещё не подстроилась под незнакомое оружие с непривычным балансом, стоило потренироваться несколько дней, что бы привыкнуть.

— Неплохо, да? — Спросил капитан.

Ханна вернула лопату, так же аккуратно, двумя руками и спросила:

— Почему лопата? — Антуан недоуменно посмотрел на неё, и девушка поспешно добавила, — То есть, как ты вообще догадался использовать её как оружие.

Задорная улыбка, озаряла веснушчатое лицо рыжеволосого мужчины. Он смотрел на неё с азартом и каким-то еле уловимым одобрением.

— Ты задала правильный вопрос, мне это нравится. Он подразумевает развёрнутый ответ, целую историю. — Он помолчал секунду, и заговорил вновь. — Лопатой я совершил первое убийство. Разрубил горло своему деду, который на деле оказался убийцей и извращенцем. Не знаю, что он хотел со мной сделать, трахнуть или убить, не хотел знать. Мне тогда было десять, я был ребёнком и хотел жить. — Улыбка исчезла, а азарт в глазах сменился напряжением. Он замолчал ещё на секунду, а потом снова продолжил. — Жаль, что в родной деревне этого не поняли. Когда по окрестностям разошёлся слух, дети за компанию с моими бывшими друзьями придумали про меня дуратскую песенку. До сих пор не могу её забыть, из головы не выходит.

Антуан замолчал. Ханна ждала продолжения, хотела услышать песню, про которую сказал капитан, но это похоже было всё. Видно недоумение слишком заметно отразилось на лице, потому что собеседник добавил:

— Не люблю долго рассказывать, а тем более петь. У вашего друга это получается гораздо лучше. — Он добродушно улыбнулся и вернулся к заточке лопаты.

Ханне было не уютно, сейчас её окружали чужие люди и ей невероятно захотелось побыть одной:

— Пойду пройду, буду неподалёку.

Она и сама не поняла кому и зачем сказала это когда уходила.

Пока Антуан рассказывал свою историю близнецы продолжали мутузить друг друга, а Ганс сделал вид, что занят своими делами и рылся в сумке, но, когда Ханна скрылась в темноте, все трое уставились на своего командира. Джуда и Орондер прекратили возню, а алхимик выглядел так, будто смотрел не на капитана, а на призрак. Он первым задал вопрос:

— Кэп, зачем вы это сделали?

— А в чём проблема?

— Проблема в том капитан, что мы все знаем эту историю, а ещё знаем, что проще вас

калёным железом жечь, чем заставить вспоминать о прошлом. Тех, кто слышал этот рассказ можно по пальцам пересчитать. А сегодня вы разоткровенничались капитан и нам, как никому другому интересно, что это было?

Антуан докурив самокрутку и бросил окурок в костёр, а улыбка его стала похожа на звериный оскал:

— Интересно, да?

— Да. — Подала голос Джуда. — Я эту историю только через полгода услышала, а этой девчонке вы сразу всё сказали.

Она не девчонка, Джуда. — Твёрдым голосом ответил Антуан. Вся троица в недоумении уставилась на него. — Вижу вы ничего не поняли. Так и думал, и без толку вам говорить куда смотреть, всё равно не знаете, что искать. Рыбак рыбака видит из далека. Достаточно взглянуть ей в глаза, чтобы понять. Воля, решимость, боль и страх, борьба со злым роком: вот, что я увидел. Мне этого вполне достаточно, тем более, она задала правильный вопрос и достойна услышать ответ. — Он оглядел свой отряд и добавил. — А теперь отвалите от меня, или вам больше заняться не чем?

Ханна ушла далеко. Костёр отсюда казался маленьким тлеющим угольком, а звуки от стоянки не доносились сюда. Ночь, покой и безмолвие царили вокруг. Она стояла и дышала полной грудью. Ни созерцание красивых пейзажей, ни лёгкий прохладный ветерок не могли принести покоя. В груди ныло и давило, а тяжкие думы наваливались на измученную девушку, готовые раздавить и уничтожить её разум.

«Такая глупая, нелепая, бессмысленная смерть».

Умер отец и последняя надежда, а вместе с ними умирает её душа и тело. Смерть стала невидимой спутницей Ханны, никакого вмешательства, лишь молчаливое ожидание, предрешённых событий. Она словно накрыла всё вокруг невидимым саваном, сотканным из смертей и каждый, кто попадал под его полог, умирал неминуемо. Думать об этом было не выносимо. Хотелось всё прекратить: эту бессмысленную погоню и череду смертей.

Тадж помогал ей держаться, указывал путь и направлял вперёд. Лишь благодаря ему, всё это приобретало какой-то смысл. Пока возлюбленный поддерживал её не хотелось сдаваться, а теперь он отдалился, и Ханна вот-вот готова была сломаться. В голове девушки не умолкал издевательский хохот одиночества. Ни поддержки, ни доброго совета, ни сострадания, ни любви. Зелёные глаза устремились в ночное небо.

«Мама, как же мне тебя не хватает.»

Она села на колени, хотелось расплакаться и выплеснуть боль наружу, но слёзы почему-то не шли, будто закончились вовсе.

«Я даже заплакать не могу». — обречённо подумала она.

Девушка ударила кулаком по земле, но в темноте, попала в камень. Резкая боль подействовала, Ханна смотрела на окровавленные костяшки и так ей стало досадно от этой мелочи, что первые слезинки уже заблестели в уголках глаз...

— Ханна!

«Ах!»

Она забыла про разбитые пальцы и повернулась на звук. Тадж стоял не вдалеке и похоже не видел её. Редкая, но высокая трава скрывала девушку от глаз возлюбленного.

— Ханна!

Она, хоть и волновалась, но быстро приняла решение и резко встала. Он тут же приблизился и остановился в пяти шагах от возлюбленной. Как показалось Ханне юноша

выглядел растерянным.

Её терзали сомнения. Это было именно то, чего она ждала больше всего на свете. Не поведение юноши в последние два дня выглядело весьма странным и это сбивало с толку. Хотелось броситься ему в объятия и больше не отпускать, и в то же время хотелось высказать возлюбленному, всё, что накопилось в душе: боль, страх, обида и одиночество. Ханна не могла определиться: ругать ли ей юношу или расцеловать. Девушка так и стояла молча, а лицо Таджа сменило растерянное выражение на решительное. Он собрался с духом и сказал:

— Прости меня, Ханна.

«Что?»

— Я виноват перед тобой. — он неотрывно смотрел ей в глаза.

«Что же ты такое говоришь?»

Она удивлённая продолжала стоять молча и впитывала каждое слово.

— За всей этой мезью, погоней и страхом я совсем забыл, как тяжело тебе. Я не нашёл сил увидеть твою боль, забыл о твоих чувствах и лелеял свои. И я прошу прощение, за то, что тебе приходится страдать из-за моей слабости и трусости. Снова.

— Тадж...

— Нет! — он громко перебил её. — Я трус и слабак, и уже не раз доказал это. Я не достоин тебя, и ты знаешь почему, но знай, я буду рядом, до самого конца. Клянусь, что буду рядом, что бы не случилось, и клянусь, что больше тебя не подведу. Всё остальное не имеет значения, главное для меня — это ты и твоя улыбка.

Казалось, не важно, что именно он говорит, а важно лишь то, что говорит именно он. Смысл слов был не так важен, как тепло и любовь, которые она слышала в голосе юноши. Слёзы тонкими ручейками потекли по щекам, а боль, которая безудержно терзала душу наконец-то прорвалась наружу. Так стало радостно от того, что она кому-то нужна в этом мире и тому, что она ещё способна почувствовать себя счастливой. Прежде чем девушка подалась вперёд, он первым шагнул к ней на встречу. Они слились в объятиях. Он прижал её к груди, а Ханна слушала биение его сердца. Так они стояли какое-то время, за тем девушка утёрла слёзы и произнесла:

— Считай себя кем хочешь Тадж, но знай, ты кто угодно, но только не слабак и не трус. Он удивлённо смотрел на неё, а Ханна в ответ одарила его самой лучезарной и сияющей улыбкой.

Юноша, словно не мог поверить своим глазам, радость и растерянность читались на его лице. Тадж сильнее прижал её к себе хотел поцеловать, как вдруг земля затряслась, а ночная тишина заполнилась нарастающим гулом.

— Что это? — спросила она.

— Не знаю, я ничего не вижу.

Темноту обволакивал мягкий свет бледной луны и когда глаза привыкают, видно очень даже не плохо. Но ни он, ни она не видели ничего вокруг. Только шум нарастал, и земля тряслась всё сильнее. Стало страшно, но они ничего не могли сделать, лишь повернулись на звук и смотрели в ночь. Словно табун лошадей мчал мимо двух удивлённых людей. Не вдалеке, откуда раздавался звук, стелилась трава. Оттуда повеяло конским потом и слышно было редкое отрывистое блеяние. Ханна всматривалась до боли в глазах, но тщетно.

Вдруг, большое, густое облако прикрыло луну, и она смогла рассмотреть диковинных животных. Стало темнее, но теперь парень и девушка видели тени, что неслись мимо них. По силуэтам похожие на антилоп, существа выглядели абсолютно чёрными и их было

тяжело разглядеть, лишь длинные, слегка изогнутые рога можно было различить в темноте. Большое стадо неслось сплошным потоком от обрыва на запад, мимо лагеря, мимо Ханны и Таджа. Если бы животные не забирали немного на север, то растоптали бы людей.

Когда луна снова выглянула из-за облака, тени опять исчезли, словно растворились в бледном свете. Стадо пронеслось мимо, а шум почти стих. Они услышали громкий свист Махатмы, затем ещё раз и тут же ещё. Тадж резко повернул голову к лагерю:

— Слышишь? Три раза, что-то случилось.

— Может он просто беспокоиться? Думает нас растоптали?

Ханна не хотела уходить, не желала терять этот миг. Только бы снова прижаться к его тёплой груди, и просто наслаждаться мгновениями счастья. Но этому не суждено было случиться. Протяжный, знакомый вой раздался со стороны обрыва и у девушки мороз побежал по коже от этого звука.

Махатма свистел во всю и Тадж свистнул в ответ. Ханна ещё подумала, что так и не научилась так же свистеть. А потом они не сговариваясь рванули к лагерю.

«Оружие осталось там!»

Она, как и Тадж оставила в лагере чакры, охотничий нагрудник, наручи, наголенники и набедренники. А ещё, оставила свою рапиру. Приз, полученный за выигранное состязание она взяла с собой, когда покинула родной дом. Оружие служило ей, как верный помощник, талисман на удачу, а теперь и память о далёком прошлом.

Мысли пронеслись за пару секунд, а вой раздался совсем близко и ещё где-то позади. До лагеря оставалось полпути, когда на фоне света от костра стали видны тени. Огромные и косматые, покрытые густой шерстью, они пронеслись мимо и утробно рычали. Свет впереди помог разглядеть зверей. Один бежал прямо на молодых людей.

В джунглях варгов не было, но там обитали не менее опасные твари. В зарослях диковинных лесов, царстве лиан и дремучих чащ, учишься быстро, или быстро умираешь. Ханна и Тадж почти синхронно отпрыгнули в разные стороны. Перекат и вот оба снова на ногах, бегут к остальным. Варг не стал преследовать их, не разорвал с наскока. Он побежал дальше.

Не один зверь так и не остановился, чтобы напасть. Стае варгов ничего не стоило разорвать людей на части, но животные словно не замечали их, точно обезумевшая толпа мчали сломя голову и не видели ничего вокруг.

Но Ханне некогда было подмечать эти странности, ещё один варг бежал ей на встречу. Перекат и животное, снова, пронеслось мимо, проигнорировало лёгкую добычу. Пожалуй, только благодаря этому обстоятельству Ханна и Тадж успешно достигли лагеря.

— Целы? — Взволнованно спросил Махатма.

— Да, — ответила Ханна, — что это было?

Девушка чувствовала себя гораздо лучше. Сердце возбуждённо колотилось после опасного забега, а разговор с возлюбленным, придал душевных сил.

— Варги гнались за телелопами. — вместо Махатмы, ответил Ганс. Он держал в руках горящую ветку, готовый отпугивать зверей.

«Против волков может и помочь, но против Варгов...» — Подумала Ханна.

— Телелопы? — спросил Орондер.

— Да, идиот. Их так называют, потому что на свету не видно.

— Умная что ли? — Грубо ответил Орондер, и посмотрел на сестру.

— По умней тебя буду. — Она скопировала его интонации.

— Сейчас, по голове пол...

— Нет, здесь что-то не то. — перебил их Махатма. — Если бы они охотились, то остались бы несколько, чтобы с нами разделаться и съесть. Волки, варги, какая разница, зверь есть зверь, он всегда нападет на слабого если есть выбор, а выбор у них был. А эти бежали, как ошпаренные, бежали и ничего не замечали вокруг.

— И что же это значит? — спросил Антуан.

— Это значит, что они не преследовали добычу, они сами ею были. — Вильям ответил своим мягким голосом, но достаточно громко, что бы все его слышали и разом обратили на него взгляды. Он стоял поодаль и вглядывался в темноту.

— Что ты хочешь сказать? — Спросил Тадж.

— Тролль. — ответил Вильям, так и не обернувшись к собеседнику. — Я конечно не верю, что стаю Варгов напугал какой-то тролль, но тем не менее, сейчас он вылез из оврага и идет сюда.

Никто ничего не видел, а человек в черном говорил и казалось, он шутит, так спокойно и буднично звучал его мелодичный голос.

— Я не вижу. — возбужденно ответил Антуан.

— Конечно. — ответил Вильям. — Он еще далеко, пока триста ярдов.

— Триста ярдов?! — воскликнул Ганс.

— Как ты его видишь? — спросил Антуан.

— Твою мать! — выругалась Джуда.

— Мать твою! — добавил Орондер.

— Тушите костёр, а не то заметит. — сказал Махатма.

— Уже заметил. — ответил Вильям.

— По коням, быстро. — скомандовал великан.

— А вещи?! — вскрикнул Ганс и схватил свой сундучок с бомбами.

— Тебе вещи дороги, или жизнь твоя?

— Двести пятьдесят ярдов.

— А что мы будем делать без припасов и амуниции? — спросил капитан наёмников. — Говорят, тролли полумразумны. Если мы оставим наши пожитки, что он с ними сделает? И как мы потом без вещей будем выполнять нашу работу?

— И что ты предлагаешь? — великан насупился и скрестил руки на груди.

— Мы убьем этого тролля, а ты доплатишь нам по пять лун на брата. — Антуан смотрел на Махатму, а в глазах его плясали задорные огоньки.

— Двести ярдов.

Все уже отчётливо, слышали, что приближалось нечто огромное.

— А если не справитесь, что прикажешь делать?

— Я бы на твоём месте беспокоился не об этом, а об оплате, охотник. — Антуан улыбнулся.

— Если бы ты был на моём месте, то я был бы на твоём. А на твоём месте, я бы сначала убил медведя, а потом делил его шкуру.

— Сто пятьдесят ярдов.

— Так, как понимать твои слова? Ты согласен? Пока Капитан и Махатма устраивали разборки, их подопечные молча ждали, когда эти двое хоть на чём-то сойдутся. Великан нервничал, Ханна видела это в его глазах.

«Да он скорее расплавленный свинец себе в глотку зальёт, чем признается, что

обеспокоен. И ведь не за себя он сейчас переживает, а за меня и Таджа. Что поделаться, такой уж он человек.» — подумала Ханна.

— Сто ярдов.

Рёв монстра был уже совсем близко.

— Ладно, сожри тебя гидра, валяй, — сдался великан, — помрёте, и медяка не получите не получите.

Он так и продолжил стоять, со скрещенными руками, а Антуан улыбнулся ещё шире и повернулся к своей команде.

— Слышали? Ганс доставай бомбу, Джуда, цель в лицо, не дай ему добраться до нас. Орондер, мы отвлекаем... Эй, ты что делаешь?!

Вильям уверенно и спокойно шагнул на встречу приближающемуся троллю, а когда его окликнул капитан наёмников, повернулся к нему и произнёс:

— Прошу, не извольте беспокоиться. Я всё сделаю быстро и совершенно бесплатно. — он улыбнулся и отвернулся.

Антуан хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Никто ничего не успел сделать. Вильям прошёл не больше десяти шагов, когда появился тролль. Высокий, не меньше пятнадцати футов в высоту, бледнокожий, из одежды только набедренная повязка. Он налетел из темноты, а когда до Вильяма осталось каких-то пятнадцать шагов воздел свои огромные кулачищи, чтобы с одного удара раздавить жалкую букашку и сожрать то, что останется.

Всё произошло во мгновение ока. Вилл поднял левую руку на встречу чудовищу, а из рукава тут же вылетел длинный тонкий клинок. Он угодил в глаз троллю, и тот вместо того, чтобы опустить руки на человека, взревел и схватился за морду. Вильям отдернул руку, точно от раскалённой сковородки, и лезвие, снова, скрылось в рукаве. Пока монстр не пришёл в себя, человек в чёрном халате, стрелой метнулся под ноги врагу, сделал перекат и очутился у него за спиной. Он развёл руки, словно рвал ткань, в темноте блеснули уже два клинка, разрубили оба сухожилия и снова раздался полный боли рёв. Тролль упал на колени, скрыв Вильяма от взглядов присутствующих, а потом, вдруг, издал какой-то неуверенный рык, его глаза закатились, и безжизненное тело рухнуло на землю.

Всё было кончено. Изумлённые зрители, все без исключения, заворожено взирали на незабываемое действие. Тролль, похоже даже не успел понять, что уже мёртв. Он не успел нанести ни одного удара, так и не вкусил человеческого мяса. Вильям просто взял и убил его, не бился с ним, а убил, холоднокровно и быстро. Стоило бы порадоваться, что обошлось без жертв, но люди стояли, раскрыв рты, словно застыли и неотрывно смотрели на убийцу, который, как ни в чём ни бывало, спрыгнул со спины своей жертвы и преспокойно направился к костру. Да именно так, он по своей прихоти избрал это существо своей жертвой и с лёгкостью убил.

Все кроме Ханны, решили подойти поближе, к мёртвому троллю, чтобы получше его рассмотреть. Она лишь мельком глянула на мёртвое тело. На шее, сзади, под основанием черепа виднелась рана, оставленная острым клинком убийцы. Он напоминал ей того человека, который убил отца. Очень сильно напоминал. Те же нечеловеческие возможности, то же оружие и та же чёрная одежда. Даже копна рыжих волос показалась ей париком на лысой голове. На секунду ей захотелось попробовать сдёрнуть его, чтобы подтвердить свои догадки. Но уверенности не было, да и слишком опасен был этот человек, чтобы прodelывать с ним такое. Стало как-то боязно, и Ханна так ничего и не спросила.

Все вернулись к костру и не скрывая своего любопытства, смотрели на Вильяма. Никто так и не решился заговорить, и убийца первым нарушил молчание:

— Я так понимаю у вас ко мне появилось много вопросов. Боюсь я не смогу ответить на все...

— Где научится так троллей убивать?

Орондера всё же прорвало, а за ним и остальных:

— Какие препараты ты принимал? — поинтересовался Ганс.

— А прибьёшь его за пять лун. — Джуда мотнула головой в сторону брата.

Вилл не перебивал, лишь смотрел, но так, что все трое быстро замолчали. Так мог бы смотреть голодный волк на отару овец.

Снова наступила тишина и убийца обратился к Орондере.

— Где я учился убивать троллей, я сказать не могу, это секретная информация, и узнай ты её, мне придётся тебя убить.

— Пойду ка я отлить. — сказал побледневший Орондер и поспешно ушёл.

— Нет, я не принимаю никаких препаратов, мне это не нужно. — Вежливо обратился убийца к Гансу.

— И твоего брата я не буду убивать, даже за шесть синдарийских лун. — Он обратился к Джуде, и та театрально вздохнула.

— Я скажу вам только одну вещь. Человек, которого вы преследуете, из того же клана, что и я. Он обладает такими же возможностями, что и я. Он очень опасен и боюсь вам с ним не совладать. К счастью, с вами оказался я. Мы договорились не мешать друг другу, но, если вы хотите пожить ещё, не лезьте к этому человеку и позвольте мне помочь вам. Для меня это вопрос веры, поэтому не сомневайтесь, я не подведу. Просто предупреждаю, он слишком опасен.

На этих словах Вильям встал, взял свою сумку и направился в сторону обрыва. В прошлую ночь он сделал тоже самое и пропал где-то на час. Ханна решила, что это не её дело, и каждый, видимо подумал также. Поэтому никто не задавал вопросов.

— Сегодня можете спать спокойно, я подежурю. — бросил он напоследок.

— Ага. Чёрта с два, я теперь усну. — пробубнил себе под нос Антуан.

Лагерь решили перенести, подальше от тела тролля. Потом поужинали. Антуан не отставал от Махатмы и твердил, о том, что надо бы поднять оплату, раз в преследуемом отряде есть человек, способный убить их всех, как беззащитных детей. В ответ великан сказал, что подрядил их не он, а Тадж и отправил к нему. В ответ юноша сказал, что подумает о повышении оплаты, когда всё закончится и на этом прекратил разговор. Рыжеволосый не стал больше его доставать. Проснулся Лавий, и стал всем надоедать своими воплями, но его быстро заткнули, предложением близнецов, засунуть бриджиса в задний проход мёртвого тролля, и посмотреть, сможет ли тот выбраться с другого конца.

Ханна смотрела на Бриджиса и ей вдруг почему-то стало жалко это существо. Она ещё подумала расспросить его об убийце отца, чтобы побольше узнать про Вильяма, но было уже поздно. Наркоман обиделся на весь белый свет. На вопросы девушки он пробубнил что-то неразборчивое и вскоре уснул.

— Интересно, что же это за клан такой, где таких монстров готовят? — спросил Орондер.

— Не задавай вопросов, не услышишь вранья. — ответил Махатма. — Или в твоём случае, не задавай вопросов, дольше проживёшь. — он добродушно ухмыльнулся. — Он

вроде не стремиться всех поубивать, и пока на нашей стороне.

— Пока... — сказал Антуан и закурил новую самокрутку.

— За нас, не за нас, всё равно нервирует. — Высказался Тадж. — Даже знать не хочу, кто он и откуда.

— Мне тут подумалось... — еле слышно сказал Ганс.

— Ты о чём? — спросил капитан.

— О Вильяме. Мне кажется, я знаю, кто он такой.

Все воззрились на алхимика, в предвкушении продолжения, и он, на мгновение смутился из-за столь пристального внимания, а за тем прокашлялся и продолжил:

— Ну, в общем, когда меня отчислили из академии, я решил попробовать себя на поприще своей специализации, перебрался в Травелату и нанялся с караваном для охраны. С украденной книжкой, я мог многое, поэтому добраться до страны двух континентов без проблем. Да, ещё и заработал неплохо. Так, вот, с большим караваном, мы направились в Сардан, через страны по эту сторону хребта. В ту ночь мы встали у озера за пару сотен миль от Мехенвальда. Я надеялся, что мы заедем туда, но нам было не по пути. Представитель торгового дома гнал караван, словно за ним черти гнались. Останавливались на постой за темно, а с первыми петухами, трогались в путь. В ту ночь, мы встали у какого-то озера, поздно готовили ужин, и разбивали лагерь. Места казались спокойными, а люди и животные сильно устали, от долгих, утомительных переходов. И всё равно начальник охраны выставил дозорных. В караване помимо меня был ещё один алхимик. Мы быстро нашли общий язык. Я, не стесняясь рассказал ему свою историю, а он поведал мне свою. Его звали Зирот, он оказался сотрудником Филосовского Камня и направлялся в...

— Прошу прощения. — вежливо перебил Махатма. — а что такое Философский Камень?

Ганс, как-то странно взглянул на Махатму, потом ответил:

— На Азаторне, организация алхимиков, которая, устанавливает и регулирует законы алхимической деятельности, в северных и срединных землях Азаторна. А также, ловит и карает отступников от установленных законов. Много есть желающих поиграть в Бога, но это всегда плохо заканчивается. Таких нарушителей выявляют, ловят и придают суду сотрудники Камня. Эти законы придумали не просто так. Кровью и смертью алхимия шла к установленному порядку. И каждый, мало-мальски здравомыслящий алхимик понимает, что нельзя шутить с природой. На трёх великих запретах строится порядок. Запрет на воскрешение мёртвых, запрет на создание гомункулозов и запрет на практическую биомеханику с недавних пор...

— Так что там про этого парня? — Перебил Антуан.

— А, ну да. Так вот, — продолжил алхимик, — Зирот мог поведать много интересного, мне даже подумалось, что этот человек, мой шанс устроиться на работу в Камень. Я, как раз хотел поговорить об этом, но так и не успел. Мы сидели у одного костра, вместе с представителем торговцев, его телохранителями, проводником и начальником наёмной охраны. Всё произошло так быстро, что никто ничего не понял. Это было что-то. У меня и Зирота, как и у каждого уважающего себя военного, или боевого алхимика, имелось пару сюрпризов в рукаве, на случай нападения. Но ни мы, ни наёмники, ничего не успели. Я плохо запомнил всё это. Мне показалось, что за купцом колыхнулась темнота, а потом послышался лязг метала. Представитель не издал ни звука, лишь закатил глаза, и рухнул. Мы так никого и не нашли. Только одного мёртвого наёмника, что стоял в карауле. Его убили

метательным ножом, а торговца одним ударом, под основание черепа. Наёмники решили, что им теперь не заплатят оставшуюся сумму. Они не уберегли нанимателя и, по-моему, не на шутку перепугались. Перебили личную охрану представителя торгового дома и погонщиков, а мы, под шумок, пока они были заняты добычей, смогли скрыться, от греха подальше. Тогда, я всё-таки попал в Мехенвальд, ближайший город, оказавшийся в округе. Дорога была долгой, и пока мы добирались Зирот поведал мне о том, кто убил торговца. Он сказал, что за ним пришёл не простой наёмный убийца. Как говорят в народе: «Смерть возложила на него свою длань». А это значит, что представителя заказал кто-то достаточно богатый и влиятельный, раз смог связаться с этим кланом убийц и оплатить его услуги. На Азаторне они лучшие из лучших и, поговаривают, что сама смерть указывает на нужных людей, и её слуги ходят по земле, выискивая калек, без рук, и даже ног, а потом создают убийц, прибегая, к запрещённым знаниям по биомеханике. Зирот рассказывал, что никому ещё не удавалось поймать хотя бы одного убийцу этого клана, живым. Даже Философский Камень, не имеет достоверных сведений. Тогда, я не поверил, что всемогущая организация, не пыталась разузнать, о тайном ордене убийц, да и сейчас не верю, но алхимик сказал, что ничего об этом не знает. Мне кажется, что длани, попросту говоря, оказались Камню не по зубам, а Зирот, либо, правда не знал, либо это просто информация не для чужих ушей.

Он замолчал и Тадж, спросил:

— Так, что, он из этого твоего клана?

— Точно не уверен. После того, что я видел... Просто пришло на ум. Опять же, подтвердить мне не чем.

— Да уж, час от часу не легче. Только смертельно опасного фанатика нам под боком не хватало. — недовольно пробурчал Антуан.

— Только про оплату не начинай. — ответил Махатма.

Капитан ничего не ответил. Не смотря на слова Вильяма, он распределил часы дежурства.

Тадж предложил Ханне прогуляться. Вдвоём они ушли в темноту, подальше от ночного лагеря.

Не хотелось ничего говорить. Лишь непреодолимое желание прижаться к юноше, вдохнуть запах и почувствовать тепло его тела, слышать стук его сердца, а потом отдаться страсти и забыть обо всех печалях хотя бы на несколько мгновений. Она провела чудную ночь. Приятные ощущения охватили тело и разум юной девушки, вознесли над болью и страхом, подарив прекрасные минуты покоя и блаженства. Во всём мире остались только они вдвоём, и больше никого и ничего. Он и она. Она поддалась желанию, он поддался страсти, а чувства и тела слились в умопомрачительном экстазе.

В эту ночь Ханна не видела снов. Страшный двойник не явился к ней. Утром девушка задумалась об этом.

Что он?

Затаился?

Или испугался?

Она не знала и вскоре оставила эту мысль. Куда приятнее были воспоминания о ночи, проведённой с возлюбленным.

Х

Командующий охотничьего лагеря Бернард Редфорд осматривал окрестности с высоты возведённой наспех смотровой вышки. Жилистые руки крепко держали подзорную трубу, прохладный восточный ветер обдувал рябое лицо и шевелил каштановые волосы на лысеющей голове. Высокий и худой, он был одет в кожаную безрукавку и плотную серую рубаху, штаны из телячьей кожи и высокие сапоги.

Вчера с востока налетели большие облака, а сегодня всё небо затянуло непроглядными тучами. Куда не глянь, до самого горизонта раскинулась серая хмарь. Быть затяжному дождю. Войтек, алхимик из команды Эдлара, уверял в этом ещё вчера.

Редфорд опустил подзорную трубу, почесал щетинистый подбородок и взглянул на свои владения. Лагерь разбили на славу: быстро установили шатры и палатки, обнесли по периметру защитными заграждениями, похожими на те, что ставят на поле боя, против конницы, только более массивными. Установили оружейный склад и поставили металлическую печь для готовки еды, выкопали колодец. Рек в округе не было, но подземных вод хватало. Даже смогли сколотить, что-то вроде конюшни, для нескольких лошадей. Остальных животных, отправили обратно с обозом, что подвозил припасы и всё прочее.

Жизнь кипела в лагере, каждый был при деле. Люди готовили пищу, делали запасы, жгли костры и сушили одежду, проверяли оружие и доспехи. Под командованием Бернарда собралось больше сотни охотников, а ещё отрядные алхимики, и даже светлые волшебники из ордена созидания.

Чародеи, конечно, как и всегда, действовали на своё усмотрение, но необходимость координировать действия всё-таки вынуждала членов независимой организации сотрудничать с теми, кто будет прикрывать им спину в бою.

Орден созидания издавна воспитывает волшебников для борьбы с тварями и демонами, что живут в недрах земли и иногда выбираются на поверхность чтобы убивать и разрушать. Основная цель ордена, защищать смертных от ужасных чудовищ подземелий и тёмных колдунов. По мнению Рэдфорда дело достойное уважения. Он и занимался почти тем же самым, только не по всему миру, а лишь на территории под названием Большой Немальский Путь и не ради спасения человечества, а за полновесную монету.

Охотник без особого интереса смотрел, как не молодой чародей Натан, выговаривал парню лет двадцати, за очередную оплошность. Рядом стояли его сверстники, такие же ученики, три парня и девушка. Все они носили рясы из добротной плотной ткани. Тот, что получал нагоняй от наставника в суровой решимости смотрел на большой валун, который должен был, по мнению старшего волшебника, разнести на куски. Молодой чародей, держал в руках длинный лук. Это было не простое оружие, оно ярко светилось, словно в руках у парня оказалось маленькое солнце, почему-то принявшее форму лука. Ученик стоически выдержал критику наставника и завёл руку за спину, словно доставал стрелу из колчана. Ярко-жёлтая полоса, появилась из воздуха, и сияла солнечным светом. Он уверенно натянул тетиву, шумно выдохнул, и стрела молнией метнулась к большому камню. Но вместо того, чтобы развалить камень, волшебный снаряд, лишь выбил мелкое крошево, и оставил

почерневшую вмятину на гладкой поверхности. Натан лишь помотал головой и что-то сказал.

На таком расстоянии Рэдфорд не мог разобрать слов, да и не очень-то хотел. Сами волшебники говорят, что выражают дарованную им силу, благодаря воле и концентрации, но Бернард так и не понял, что это значит. А ещё говорят алхимики Азаторна смогли определить природу дара чародеев. Вот, только командир лагеря не разбирался, ни в алхимии, ни в магии. Он оторвался от созерцания тренировки молодых волшебников и взглянул, на запад. Там, в вышине, среди туч, угадывались очертания далёких вершин южного горного хребта.

Судьба порой капризна, иногда зла, а бывает, выбирает тебя своим любимчиком и одаривает приятными сюрпризами. Бернард мог бы гордиться собой, новая крепость будет возведена под его началом, а он по окончании строительства из командира лагеря превратится в командующего крепости, которая по самым лучшим прогнозам, должна превратиться в город подобный Берлоге. Основанный охотниками торговый город расположился по юго-западную сторону от южной гряды, а скоро такой появиться и на востоке. Большие мечты и большие планы, уже не раз посещали голову Редфорда с той самой минуты, как его назначили на должность.

Два больших горных массива: Южный хребет и Северная Гряда, тянутся поперёк материка от западного побережья до Немальского полуострова на востоке, и зажимают весь путь с севера и с юга, соответственно. Словно пропаханная богами борозда тянулась поперёк континента.

В старых легендах народа Рубежных Княжеств говорится, что на заре времён гряда и хребет были едины и являлись не грудой камней, а живым существом, гребнем огромного зверя, который жил в этой земле. Он прибывал в этом мире один и ему было одиноко. Это существо хотело, чтобы рядом находился кто-нибудь ещё. И тогда он решил разделиться, стать двумя разными существами, которые не будут жить в одиночестве. Но зверь не знал, как это сделать и в попытке это сотворить уничтожил себя, а его тело разорвало на двое. Он умер, но своей смертью породил новую жизнь. Из разорванного тела, на свет появились драконы, первые существа населившие земли Затракана. Поэтому рубежники называют Немальский Путь — Колыбель Драконов.

Сам Путь представляет собой обширную степную территорию, почти совсем не обжитую, заполненную специфичной флорой и фауной, как правило опасной и смертоносной. Тролли, Мангалы, огромные нетопыри, каменные змеи, троглодиты, горгоны и многие другие. Все являются с гор, чтобы пожить на самой большой и востребованной караванной дороге в мире.

Государства Немальского полуострова очень активно торгуют с Азаторном и нет более быстрого и дешевого способа доставлять товары, чем везти их по Немальскому Пути. Кораблям пришлось бы обогнуть весь Кэр — Азатанг — восточный материк, а это гораздо дольше и рискованнее. Раньше пытались так делать. Некоторые корабли так больше и не видели. С севера вообще не проплыть, сплошные льды, а с юга вовек не доберёшься, а тем более, если решишь срезать через территории пиратских островов Уробороса.

Раньше купеческие гильдии нанимали уйму охраны для перевозки товаров по столь опасным территориям. Теперь роль наёмников выполняют Охотники из Берлоги.

Так получилось, что некоторые виды обитателей пути, оказались очень ценны для всего мира и на этом можно неплохо заработать. Слюна огромных нетопырей, яд каменной змеи,

шкура тенелопы или слизь горгоны всё это немало стоит, поэтому желающих поохотиться набралось порядочно. Со временем выяснилось, что охотники неплохо поднаторели в этом деле и отлично справляются. Путь стал гораздо безопаснее, а купеческие гильдии и торговые дома, поняли, что эффективнее и дешевле, оплачивать услуги таких вот людей. Маленькие группки объединила одна цель и собрала в огромное сообщество со своей иерархией. Люди продолжали охотиться и зарабатывать деньги, а торговцы платили сверху, чтобы дорога всегда оставалась безопасной для караванов.

Вот только с недавнего времени всё изменилось. Судьба, подкинувшая было подарок Бернарду, решила сменить милость на гнев, и как следует встряхнуть охотника, чтобы не обольщался. Он оказался на другом конце Немальского Пути, на неосвоенных территориях, где-то, между Южным Хребтом и берегами Немальского залива. Редфорд в очередной раз развернул карту местности. На юге от лагеря находилась Синдарийская граница, на севере Путь, на Северо-востоке, Тетвир, горное государство полуострова. А вот на востоке, тот неприятный сюрприз, который преподнесла судьба.

Вся эта авантюра началась с того, что в Берлогу заявили представители имперского торгового дома, и чуть ли не слюной брызгали на старшин охотников. Всему виной оказались пропавшие караваны, которые так и не дошли до полуострова. Торговцы были настроены серьёзно, говорили о политическом скандале и о несостоятельности общества охотников.

Привыкшие жить на хорошем обеспечении старшины тут же смекнули, чем всё может обернуться в первую очередь для них самих. Если это действительно что-то серьёзное, то за имперскими торгашами потянутся и остальные, а там и всех охотников осмеют. А главное взносы платить перестанут. По такому случаю, недолго думая, решили действовать, разузнать в чём проблема.

Сначала думали на разбойников. Лихих людей было предостаточно. Беглые каторжники, или просто отчаянные и жадные люди, и даже дезертиры. Они не редко прятались в окрестностях Пути и выходили на большак щипать караваны. Но с этими легко справлялась и купеческая охрана.

Другое дело, когда человек объединялся с тварями. Редко, но такое случалось. Бандиты и разумные существа действовали сообща. Троглодиты строят под землёй свои города и имеют разум. Горгоны не в конец одичали, а человек может помочь тварям. Всем хочется пожить, дорогими товарами или свежей, вкусной человечиной. Бернард знал историю, как один беглый каторжник убил и скормил раненному троллю своего товарища, а тот потом ходил за ним как собачонка. Вместе они доставили много проблем. Команды охотников долго недоумевали, как тролль скрывает следы и ловко ускользает от облав. И такое бывало. Но сейчас, как смогли выяснить, виной всему стали отнюдь не люди.

Следы оказались незнакомыми, но многочисленными и все вели к долине на востоке. Те, кто доставил имперским торговцам столько неудобств, напали на обозы на подходе к Тетвиру. Удар пришёл не только по имперской экономике. Государства Немала тоже не досчитались нескольких караванов. Правитель горного государства даже отправил роту солдат, чтобы покарать виновных, но никто так и не вернулся. По полученной информации, сами товары небыли тронуты, только кони, мулы и люди пропали. А бесхозные обозы, стали добычей проезжавших мимо купцов, или разбойников.

О таком никому из охотников слышать не доводилось. Все лишь хмурились, и чесали затылки. Только Старик Йон почему-то побледнел, и схватился за сердце, когда увидел

следы и слышал про странные исчезновения людей и животных. Этот сторожил Берлоги мог поведать многое. Старый, но умудрённый опытом человек оказался единственным, из охотников во всей Берлоге, кто уже сталкивался с подобным. Когда Йон поведал о напасти, что появилась в этих землях Бернад нехорошим словом помянул судьбу.

В bestiариях Берлоги не нашлось записей, потому что эти существа слишком редко показываются на поверхности. За то нашлось много информации в библиотеке Ордена Созидателей. Пустые, обитатели недр, приравнивались к опасной нечисти, поэтому волшебники не остались в стороне.

Пустые по строению тела, похожи на богомолов, размером с племенного быка. Не похожа только голова, в форме яйца, безглазая, с чёрными провалами четырёх ноздрей, широким клыкастым ртом, и огромными, заострёнными ушами.

Они живут глубоко под землёй и выбираются только в двух случаях: когда внизу станет нечего жрать, или, когда королева-матка ждёт потомства. Ей необходимо очень много пищи, чтобы выводок не погиб. Матка отъедается, а когда вылупляются дети, то пожирают её, и чем больше сожрёт королева, тем больше потомства выживет. А до тех пор, пустые будут вылезать на поверхность и искать пропитание. У тварей отлично развиты эхолокационные способности, и с поиском пропитания у них никаких проблем не возникает.

Из всей истории Йона радовало только одно: они выбираются на поверхность крайне редко, а их популяция не столь велика. Вот только когда появляется королева небольшие колонии объединяются в рой и действуют гораздо умнее, и слаженней. А это уже не радовало. Старый охотник, лишь подливал себе вина и рассказывал, как мальчишкой ему довелось встретиться с Пустыми. Его деревня почти обезлюдилась всего за одну ночь. Он и ещё несколько мальчишек спрятались на мельнице, вдали от домов, поэтому пережили ночь и днём смогли добраться до города.

Как он потом выяснил, эти твари не переносят солнца и выползают только по ночам. Тогда с напастью справились, потому что пустых было ещё слишком мало. Пришлось перебить их всех, чтобы некому было кормить королеву, и она сдохла от голода. Тогда помогли соседи. Лесные эльфы, по просьбе герцога, запечатали пещеры, служившие выходом на поверхность, своими охранными растениями. Похожие на дикий виноград, они опутывали вход. Те существа, что попадали в эту сеть, оказывались в плену, как мухи в паутине, а хищное растение, выпивало жизнь из тела, как воду из земли.

Сейчас ситуация оказалась гораздо хуже. Судя по следам рой разросся. Но пока эта напасть не прошла дальше караванных дорог у Бернарда оставалась надежда собственными силами справиться с поставленной задачей.

Охотники хорошо подготовились, проверили исправность арбалетов и качество полученных стрел. Алхимики в своём шатре готовили смертоносные смеси. Натан все время тренировал своих ребят. А из империи им доставили энерго-кристаллы, а также средства для их использования. Охотникам передали подробную инструкцию эксплуатации и теперь всем не терпелось увидеть это чудо техники в действии.

В этих местах мало кто даже слышал о таких технологиях. Энерго-кристаллы добывали только на западном континенте, поэтому технический прогресс на Азаторне достиг огромных высот по сравнению с восточным соседом.

Можно было бы, по следам тварей, найти входы, и заминировать их, вот только толку от этого не много. Пустые пророчат новые выходы. Единственный способ — это собрать всех пустых в одном месте и убить. Старшины приняли решение, хорошо окопаться в месте, где

больше следов и ждать рой, чтобы расправиться с ним на равнине. Проблема заключалась в том, что это было не единственное место со следами, просто эти оказались самыми свежими и многочисленными. Из-за этого сложно было предположить, с какой стороны явиться опасность. Охотники сделали всё, что было в их силах, чтобы укрепить лагерь со всех сторон. Пришлось немного по ужаться, но как говорится, в тесноте, да не в обиде. Так люди чувствовали себя спокойнее и увереннее, что не маловажно в их ремесле.

Днём твари спят в пещерах и лезть к ним в дом форменное самоубийство. Приготовления были почти закончены, и не сегодня, завтра, можно будет приступать. А если не получится, пускать гонцов в Тетвир и Синдарию, чтобы принимали меры. Вот только об этом Бернард думать не хотел. Если охотники подведут это уничтожит Берлогу, община лишится половины доходов и репутации, а он сам, если выживет, лишится работы и будущего.

Редфорд отвлёкся от размышлений. Кто-то поднимался. Он успел свернуть и убрать карту, прежде чем из проёма показалась голова, и командир охотников обречённо вздохнул. Льяняные, длинные волосы были собраны в пучок на затылке. Суровая решимость читалась на смуглом, бородатом, морщинистом лице, а тяжёлый взгляд ореховых, миндалевидных глаз из-под кустистых бровей, обратился на командира.

Старший помощник и товарищ Витрас сегодня был не в себе с самого утра. И так считал не только Бернард. Как только Витрас проснулся то сразу же облачился в охотничью броню из кожи с головы Главоглота.

Голова этого существа по виду и твёрдости очень напоминает плоский, овальный камень. Он лишь не много выступает из земли и на нём вполне может поместиться буйвол. Тела этих тварей находятся под землёй и похожи на длинный корень со множеством отростков. Они высовывают на поверхность лишь головы, маскируются и ждут добычу, порой целыми неделями. Достаточно встать на такой камень, и он тут же разверзнется смрадным, острозубым провалом. Всего лишь миг и огромная пасть хватает жертву, и утаскивает под землю. Новички общины проходят испытание. Одно из необходимых условий полноценного членства самому добыть материал для брони — кожу с головы Главоглота. Лёгкая и прочная она идеально подходит на роль защиты.

И это было только начало странностей Витраса. Почти час он о чём-то упорно расспрашивал Натана, потом убежал к алхимикам, осмотрел каждый уголок шатра, заглянул в каждую пробирку и тоже долго разговаривал с ними. Бернард не интересовался содержанием разговоров. Он занимался своими делами и ему было не досуг. Помощник в свою очередь, всё не унимался, оббегал весь лагерь, чуть ли не каждый арбалет и болт лично проверил. Все пики пересчитал, а потом пошёл смотреть на тренировку чародеев и на время оставил всех в покое. А теперь добрался и до своего командира.

Витрас прошёл мимо Бернарда, положил руки на бортник, и молча уставился вдаль. Минуту они провели в молчании. Рэдфорд даже не знал, что и думать. Он закурил трубку, а когда понял, что помощник сам ничего не скажет, заговорил первым:

— И что за маскарад? Зачем вырядился?

— Предчувствие плохое. — помощник говорил с явным акцентом жителя гор и, как показалось командиру, совершенно серьёзно.

— Что? — Недоумённо ответил Бернард. Изумление читалось и на его лице, но он быстро взял себя в руки. На такое, непонятно, что и ответить, и посмеяться хочется, и злость берёт. Редфорд вообще эту мистическую чушь терпеть не мог, но продолжил спокойно. — И

из-за этого ты ребят донимаешь? Какое к хрену предчувствие?

— Плохое. — отрывисто ответил Витрас. Он так и не повернулся к командиру, и продолжал смотреть на восток.

— С каких это пор, ты пророком заделался, плохое предчувствовать? Ты поэтому сегодня всех с утра на уши поставил? Петро на тебя жаловался, сейчас его дежурство, а ты бегаешь, воду мутишь. Я парня взял, чтобы он опыта набирался.

— А я думал, потому что он муж твоей сестры. — Витрас повернулся, и всё тем же суровым взглядом посмотрел на командира.

— Это как-то относиться к твоему предчувствию? — невозмутимо спросил Редфорд и снова закурил трубку.

— Думаешь это смешно? Неужели сам ничего не чувствуешь? Это, как затишье перед бурей. Говорят, некоторые могут предчувствовать день своей смерти. Не знаю, на что это похоже, но я словно... не знаю. — он тяжело вздохнул. — Чувство неприятное и плохое. В первый раз со мной, такое, аж самому не по себе.

— И что теперь? Надо же как-то себя в руках держать. Дело новое и не простое, все на взводе. А может ты устал? Сам понимаешь, возраст всё-таки...

— А по роже хочешь? — резко перебил собеседник.

— По роже, не по роже. — всё так же невозмутимо отвечал командир. — Ты свои переживания чем подтвердишь.

— Подтвердить? Пожалуйста. Я сегодня к лошадям ходил, а ты знаешь, я их терпеть не могу. А сегодня, как потянуло. Накормил и осмотрел. И броню одел. Без неё, как без штанов себя чувствовал. Вот и подтверждение.

— По-о-оня-ятно. — протянул командир. — Иди поспи что ли. Или к Фриде в палатку сходи. Она, конечно, не красавица, но напряжение снимет, будь уверен. А то подумаешь лошадей он накормил, да, как на парад вырядился. Ты точно, либо устал, либо влюбился. — с усмешкой заявил Рэдфорд.

— Всё-таки, по роже хочешь. — Без угрозы ответил подчинённый.

— А может отправить тебя отхожую яму рыть? А то ребята жалуются, что со вчера, как приехали, так за тот валун и бегают.

Витрас промолчал и Рэдфорд продолжил:

— Твоя не здоровая тяга к лошадям и желание чувствовать себя защищённым ничего не доказывают. Я всё понимаю, форт поставить куда надёжнее было бы. Вот только в общине чётко дали понять, что ни времени, ни денег на это у нас нет. Самоу не по себе, торчим в этой долине, как шлюхи голые по среди городской площади.

Помощник отвернулся, а Рэдфорд стал вытряхивать трубку.

— А вот тебе и доказательства. — хмуро буркнул Витрас, и указал на Юго-восток.

Командир пригляделся, выругался, долго смотрел в трубу, потом выругался ещё раз:

— Дерьмо какое-то. Какого они тут делают? — голос его стал тревожным и задумчивым.

— Сюда скачут. — ответил Витрас.

Бернард многозначительно посмотрел на товарища, но ничего не ответил и молча покинул вышку.

Кони выбивались из сил, но покорно мчали галопом, напуганные не меньше, чем всадники. Канг вырвался вперёд, и теперь задавал направление, вот только из-за плотных туч, понятия не имел в какую сторону он скачет. Да и не важно, лишь бы подальше. Колдун готов был благодарить всех и вся, за то, что они выбрались на равнину из проклятой долины.

Утром они нашли спуск с обрыва и Эдриан, раскрыв свою книгу, повёл их в нужном направлении. Канг перестал ориентироваться уже через несколько минут блужданий по скалам и ущельям, и даже под пытками не смог бы вспомнить обратную дорогу. Огромные трещины под ногами зияли холодной чернотой, а камни смыкались над путниками, и казалось вот-вот обрушиться на них.

Пещера выглядела необычно. Огромный свод, выложенный обтёсанным камнем, зиял чёрным провалом, пастью огромного чудовища, вырезанного в скальной тверди, вокруг пугающего входа. Над аркой зловещий взгляд двух пар глаз обращён на пришельцев. Он обещает ад и ужас. А щупальца вокруг расползлись во все стороны. В такой проход можно было и слона провести. От зрелища захватывало дух. Из чёрной пасти чудовища взирала тьма. Она дышала безмолвием и древностью.

Они все так желали туда попасть, но казалось, сама судьба противилась стремлениям принца. Пасть страшного чудовища начала издавать дребезжащие, противные крики. Пока спутники силились понять, что происходит, и настороженно всматривались в темноту пещеры, из него вылезли пугающие твари. Слепые и уродливые. Они отрывисто визжали и двигаясь неуверенно поднимали передние лапы и прикрывали голову, будто боялись свинцовых туч. Лишь несколько из них обратили свои безглазые лица на людей. Они пару ударов сердца нюхали воздух, а потом противно завизжали и устремились к путникам. Пришлось уносить ноги. Один из преобразованных, по приказу принца отвлек погоню на себя и пал жертвой во спасение остальных.

Колдуну, показалось, что прошла вечность, прежде чем они сбавили скорость и остановились отдышаться. Погони не было, но весь замысел летел коту под хвост. Теперь им не попасть в святилище.

Принц кипел от злости и бессильно сжимал в руках свой чехол для проклятой книги. Он выглядел измотанным, побледнел и осунулся, под глазами залегли тёмные круги. Дорогой и красивый костюм помялся и запылится, волосы растрепались. Эдриан мог сойти за безумца, если бы не взгляд, жестокий и холодный.

Блондин молчал, только гримаса затаившейся злобы искажала его лицо. Он спешил и отгородился оставшимися охранниками. Тот, что нёс Рюка, был почти без сил. В дороге они несколько раз менялись. Северянин всё ещё пребывал без сознания. Его пока положили на траву, и все сели передохнуть. Поездка вымотала и людей, и животных. Припасов осталось мало. Нужно было обдумать случившееся.

Волес прибывал в глубокой задумчивости, Джостар ещё не поправился. Он, морщась от боли, не спеша слез с лошади и тут же лёг на траву. Принц продолжал тонуть в бессильном гневе и вряд ли мог трезво мыслить.

Лицо Канга всё ещё болело после удара берсеркера. Благодаря снадобьям и стараниям юноши отёк спал, и колдун смог нормально видеть. Он тоже злился, но умело скрывал это. Злость и чародей уже давно были неразлучны, и действовали вместе. У них была своя цель. Она полностью захватила Канга когда появилось чувство, что желаемое совсем близко. Он пришёл к выводу, что убийца, пока точно не соперник охране принца. Момент был удачным, стоило ещё немного подождать, и силы вернуться к нему. Он заберёт гримуар и убьёт

принца, а потом и всех остальных. Всё складывалось как нельзя лучше, и колдун решил подождать. Нужно было лишь кое-что проверить и кое в чём убедиться. Поэтому Канг первым нарушил тишину и обратился к принцу:

— Что будем делать?

Принц взглянул на него, но ничего не ответил и снова ушёл в свои мысли. Чего-то подобного Канг и ожидал. С ночи, когда на них напал асура, блондин ни словом не обмолвился ни с ним, ни с Джостаром. Это немного настораживало. Похоже, Эдриан что-то подозревал, но не знал наверняка. Колдун припомнил события той ночи, но не вспомнил ничего, что могло бы выдать его или убийцу.

Молчание продлилось не долго. Канг вновь обратился к принцу:

— Так не пойдёт. Думаешь отмолчаться сможешь? Ты обещал мне силу и власть. — чем больше он говорил, тем больше расплылся. Молчание принца разозлило сильнее, и колдун решил выплеснуть свою злость с расчётом разговорить блондина и подтвердить свои догадки. — А теперь? Мы все притаились сюда, и ты нас кинуть решил?

Канг встал и направился к принцу, но двое телохранителей, тут же преградили дорогу и угрожающе нависли над колдуном. Тот в ответ успокоился, отошёл и продолжил более спокойно:

— Мы же легко можем пройти. Просто используй свою книгу, как в городе. Разнеси эту пещеру и тварей. Тебе с такой силой ничего не стоит...

Блондин всё это время зло смотрел на говорившего. Он тоже встал, и казалось, впитывал каждый звук. На последних словах его глаза расширились, а колдуну на секунду показалось, что Эдриан сейчас бросится на него.

— Да что ты об этом знаешь? — зло спросил принц. — Я в отличие от тебя, делаю всё! А тебе лишь повезло родиться под счастливой звездой. Так что не лезь в мои дела! Ты потащился за обещанной силой, и ты её получишь.

— Да, я потащился. — так же зло ответил колдун. — И что теперь? Думаешь, твои обещания дают тебе власть надомной? Я волен делать что хочу. Если мне это надоест я пойду своей дорогой, а ты тогда останешься не с чем. И я хочу знать, что ты собрался предпринять.

— И ты бросишь всё? — угрожающе спросил Эдриан.

— А ты проверь.

Несколько секунд они молчали. Блондин первым нарушил тишину:

— Нам нужно дождаться вечера. Тогда будем действовать. — В голосе его снова слышалось ледяное спокойствие и привычная надменность. Принц смог взять себя в руки.

— И что будем делать? — спросил Канг, с еле уловимым волнением в голосе.

Он уже давно заметил, что Эдриан становится спокоен, когда находит решение проблемы. В эти минуты принц точно знал, чего хотел, и точно знал, что своего добьётся.

Колдун задумался, а блондин закончил разговор и скрылся за двумя охранниками. Теперь у него есть время. Сила скоро вернётся, он уже думал об этом, и по всему получалось, что сегодня к вечеру...

Внезапно, егохватило чувство, страшное и забытое, как кошмарный сон. И совсем не вовремя.

Он стоял в подземном храме, вырезанном в камне. Огромный сводчатый зал, резной потолок, поддерживали колонны с изображениями неведомых чудищ. Люди принца держали факелы, а они пятеро стояли на огромном алтаре-пентаграмме. В этот раз он решил не пить

слизь. Недоверие к блондину и его замыслу, подтолкнуло, обезопасить себя в случае обмана. Канг ещё не знал, что его дар, так реагирует на книгу. Он проявился в нужную секунду, но неожиданный эффект поразил, и не дал возможности мыслить здраво. И теперь произошло тоже самое, потому что Эдриан достал книгу. Потому что дар, робко, но упорно пробивался наружу.

Настойчивый шёпот в голове зазвучал, как звон громадных колоколов. Отдельные звуки складывались в слова и твердили в такт биения сердца. Его сердца. Они манили, просили, умоляли и обещали. Их источник был совсем близко. Хотелось только прикоснуться к нему. Схватить, прижать к себе и слиться в единое, не разлучное целое. Воля ослабла, разум помутился, а приятная эйфория разошлась по телу, и он словно сам не свой потянулся к артефакту. Принц сидел спиной к нему и не видел колдуна. Преобразованные не реагировали, а Канг, больше не в силах противиться желанию сделал первый шаг вперёд, как послушная марионетка.

Так было первый раз, в святилище. Слизь вышла не вся и ещё сдерживала силу чародея, но не могла удержать тягу к этому созданию. В тот раз артефакт находился всего на несколько ярдов дальше, и эта разница хорошо ощущалась. Кангу, вдруг стало страшно. Человеческие мысли и эмоции не пропали, просто глушились непреодолимым желанием получить проклятый гримуар. Колдун упорно сопротивлялся, но проигрывал. Тело не слушалось, и ослабло. Неуверенные шаги, панический страх, и только одна мысль: «Нет!». Но желание, ещё громче кричало: «Да!» и ещё один шаг вперёд. Он ничего так не хотел, как прижать своё разгорячённое тело к переплёту и даже крах его замысла уже не являлся подспорьем.

Ещё один, не уверенный шаг вперёд и Канг споткнулся. Он выстоял, но издал гневное рычание и привлёк внимание принца. Тот повернулся на звук и посмотрел в глаза колдуну. Быстро всё понял и приказал:

— Схватите его!

Двое охранников проворно подскочили и заломили чародею руки. Канг дёрнулся, но преобразованные держали крепко. Принц убрал книгу в чехол.

Сразу стало легче. Канг проморгался и увидел, как Эдриан достаёт из седельной сумки металлический флакон. Колдун сразу понял, что это, и ещё раз дёрнулся, но тщетно. Он не сдавался, и силился вырваться, пока блондин не спеша приближался:

— А я совсем забыл. — холодно произнёс он.

— Зачем?! Если у меня будут силы, я смогу помочь! Справиться с тварями!

— Я сам с ними справлюсь. Видишь ли, друг мой. Я всё ещё не могу доверять тебе. Ещё не понял? Как я буду использовать силу, если ты мешаешь. Ты будешь опасен для себя и остальных, и можешь разрушить все планы.

— Они уже все разрушены! — выкрикнул колдун. — Как ты будешь возвращать в сознание Рюка?

— А кто сказал, что он мне нужен в сознании. — произнёс Принц, и рот его растянулся в хищную улыбку.

Канг попытался ударить его ногами, но не попал, а Эдриан приказал третьему преобразованному держать колдуна за ноги. Блондин открыл флакон и поднял на уровень затравленного лица чародея. По команде, один из преобразованных заменил другого и заломал обе руки. Второй, схватил колдуна за челюсть и задрал ему голову, а принц осторожно пытался влить в раскрытый рот содержимое флакона.

Когда телохранители принца схватили Канга, Волес тут же вскочил, готовый действовать, но совершенно не знал, что предпринять. Он не перебивал, только стоял и озирался вокруг, словно искал стражу на центральной площади.

Канг почувствовал характерный привкус во рту, как вдруг, что-то произошло. Краем глаза увидел, как к Эдриану подлетел алхимик и попытался остановить. Схватил руку с флаконом и кричал хватит, но блондин только разозлился. Он легко отпихнул Волеса. Тот отлетел и повалился на землю. Колдун вновь приготовился глотать слизь. Телохранители принца держали словно клещами, и он даже головой пошевелить не мог. Внезапно, чародей почувствовал, как хватка одного из преобразованных ослабла, и тот завалился на бок. Через секунду такая же участь постигла и второго, который держал голову. Канг упал и тут же пнул охранника, что держал его за ноги. Тот дёрнулся от толчка и метательный нож прошелестел рядом с ухом, оставив небольшой порез.

— Убей его! — прокричал принц.

Джостар направил ладонь на преобразованного, а тот по приказу, тут же бросился вперёд, но споткнулся о ногу, не успевшего убраться с пути, колдуна. Нападавшего это почти не замедлило, но он слегка покачнулся, и нож снова не нашёл цели, а телохранитель принца уже приблизился и занёс меч над головой лежащего убийцы. Джостар не паниковал и безропотно выставил руку, чтобы принять удар. Меч с силой обрушился на голову преобразованного и тот рухнул, как подкошенный.

Из разбитой головы вытекала густая кровь. Джостар отвёл взгляд от мертвеца и уставился на Волеса. Тот тяжело дышал и держал в опущенной руке окровавленный меч. Прошло пару секунд прежде, чем он осознал случившееся. Задрожал всем телом, оружие выпало из руки, а в широко раскрытых глазах читался испуг. Но Джостару некогда было смотреть на душевные переживания юноши. Совсем рядом происходило кое-что по интереснее и убийца переключил своё внимание.

Принц отчаянно сопротивлялся, но Канг быстро взял верх. Он навис над ним и лупил его ногами с завидным усердием. Джостар смог встать и присоединился к колдуну.

Били его долго и в полном молчании. Стоны и крики раздавались на всю округу и утихли не скоро. Кровь текла изо рта, блондин не шевелился, только прерывисто дышал и издавал редкие, булькающие звуки, а его лицо превратилось в кровавое месиво. Джостар прворно наклонился и схватил чехол с книгой.

— Ловко ты. Невероятное исцеление? — спросил колдун.

— У тебя научился. — усмехнулся убийца.

— Этого убьём?

Джостар задумался, и вдруг, вдалеке раздался знакомый противный крик.

— У меня есть идея получше. Оставим здесь. Пусть эти твари его сожрут. Если нет, так сам сдохнет, медленно и мучительно.

— Согласен, да и возиться некогда. — ответил Канг, оглядываясь вокруг. — Он не опасен, а нам нужно убраться отсюда поскорей.

— И куда? Уж точно не назад.

— Возьмите меня с собой.

Оба повернулись на звук и увидели Волеса. Тот стоял в стороне, потупив взор, в ожидании ответа.

— Вот ещё, — резко возмутился Канг, — грохнем тебя с остальными.

— Эй-эй, не надо. — затараторил Волес. — Я и пригодиться могу, сам знаешь. Помогу,

если что. Любое зелье тебе сварю, хоть амальгаму, силы тебе верну...

— Кстати, а что с силами? Должны вот-вот вернуться? — перебил Джостар, обращаясь к колдуну.

— Нет, — резко ответил Канг, — проглотил капельку. Не мог пораньше всё сделать?

— Мог бы, сделал. И сколько теперь ждать?

— Не знаю. Может день, может пол дня.

— Ну, что возьмете? — ещё раз спросил юноша.

Колдун задумался, и убийца заполнил паузу:

— Давай возьмём. Пригодится.

— Чего-то ты добрый такой? — С напускным недоверием спросил колдун.

— Настроение хорошее. — весело ответил Джостар. — Тем более, он мне вроде как жизнь спас.

Он посмотрел на парня, а тот покраснел и опустил глаза. Канг подумал немного и согласился:

— Ладно, пусть едет. Только, не отставай. — обратился он к алхимику, развернулся и пошёл к своему коню.

— А можно Рюка взять? — абсолютно серьёзно спросил юноша.

Колдун развернулся и недоумённо спросил:

— Зачем?

— Думаю, смогу привести его в чувство.

— Зачем? — Спросил Джостар.

— Ну... — он снова опустил глаза и замялся. — Я... Я думаю получится... Хочу сделать из него телохранителя. — выпалил он последние слова.

— Ого... — Только и ответил колдун.

— Удивил, — усмехнулся убийца, — а я-то думал будешь друзей своих защищать.

— Я... — Волес снова потупился, и не поднимая головы произнёс. — Не думаю, что он был моим другом. Я только недавно стал понимать... У меня нет друзей, и может быть никогда не будет. Но надо постараться выжить в этом мире, а в одиночку это сложно. Я не воин и не чародей. У меня своя сила и она здесь. — он постучал пальцем по виску. — Я сам могу создать себе друга, который не предаст и не даст меня в обиду.

Вдали, снова раздался визг.

— Пора уходить.

— Куда поедем?

— Давай по обстоятельствам. Надо зализать раны и привести себя в порядок. Пойдём на север. — ответил убийца и тоже направился к коню.

— Можно на запад, в Удайпур. Ближе ничего нет.

— Ну нет, в Синдарию я больше не ногой.

— Эй! А с Рюком мне не поможете? — Обречённо спросил юноша.

Ему никто не ответил.

Боль заполнила тело, и, казалось, возрастала с каждым ударом сердца. Больно было дышать.

Больно лежать.

Больно шевелиться.

Больно жить.

Не было больше ненависти, только страх, жалость к себе и боль.

Глаза не открывались, рот заполнился кровью, а он даже выплюнуть её не мог. Абсолютно беспомощен. Каждый вдох давался с трудом и сопровождался сипением и бульканьем. Эдриан слышал разговоры предателей, но боль заглушала разум, и смысл слов плохо доходил до него. Потом послышался топот копыт.

И наступила тишина.

Сознание ещё цеплялось за ускользающую реальность, но обрывистые мысли всё чаще пугались и становились похожи на бред сумасшедшего. Принц ещё мог видеть через маленькие слезящиеся щёлочки, а уши ещё могли улавливать звуки. И прежде, чем сознание покинуло Эдриана, он успел услышать шаги, и увидеть пару пыльных сапог.

Близился вечер, Канг вышел из шатра и взглянул на серое небо. Хмурые, густые тучи нависли над округой. Время ещё было, но стоило как можно быстрее покинуть это место. На мили вокруг ни одной живой души и им несказанно повезло оказаться в охотничьем лагере, пусть и не на долго.

Канг решил прогуляться. Нужно было многое обдумать. За спиной остался медицинский шатёр где обосновались местные алхимики. Ученые могли не только калечить, но и лечить, поэтому и устроились там, взяв на себя роль полевых хирургов. Помещение было просторным, и там прекрасно удалось разместить Рюка на одном из процедурных столов. Джостар тоже остался, Волес хотел осмотреть его увечья, но прежде занялся северянином.

Удача улыбнулась им через пружину часов неспешной езды. Охотники встали здесь лагерем, с миссией, очистить местность от Пустых. Тех самых, которых колдуну и его спутникам «посчастливилось» увидеть сегодня утром. Командир лагеря и его помощник, засыпали их вопросами, когда Волес сообщил им об увиденном. Новость о том, что эти твари вылезли из-под земли посреди дня, очень не понравилась охотникам. Густые плотные тучи надёжно укрыли солнце и дали шанс порождениям недр выбраться на поверхность без опасности. Такое предположение озвучил Бернанд. Джостар, предусмотрительно прихватил с собой двух модифицированных коней, и предложил одного командиру лагеря, в обмен на возможность пополнить запасы, воспользоваться медицинским шатром и передохнуть. Каждый такой жеребец стоил целого состояния, поэтому Рэдфорд быстро согласился на такую сделку.

Выслушав распоряжения командира, все разошлись их выполнять. Сам он удалился на смотровую вышку, а путникам в помощь отрядил своего помощника.

Канг брёл по лагерю, среди шатров, палаток и повозок, пока не дошёл до ограждения. Светлые волшебники тренировались за ограждением и хоть, злополучная капля слизи надёжно укрывала от них природу его дара, всё равно, присутствие служителей ордена нервировало и тяготило. Оставалось несколько часов до конца действия вещества, а потом светлые почувствуют тьму и бросятся на него, как свора голодных собак на лёгкую добычу.

А ведь когда-то он был одним из них, таким же светлым. Верил в Созидателя и в праведность своих деяний. О своём прошлом колдун не рассказывал никому. Для всех он придумал красивую ложь, а правду держал в себе. Он относился к волшебникам не лучше, чем они к нему. Но у него хотя бы была причина, а бывшие соратники хотели убить только за то, что он считал справедливым.

Мать души не чаяла в своём сыне, когда у него открылся дар. В храме сказали, что у парня мощный потенциал. Период полового созревания, то время, когда каждый человек на

Загракане может обрести силу по своим деяниям и помыслам. Так было всегда. Никто не знал, по какому принципу в людях пробуждаются чародейские способности. Учёные бились над этой загадкой не один год, но безрезультатно. Знали лишь одно. Если ты чист душой и помыслами, добр в своих деяниях, то у такого человека если и появится дар, то он будет сиять ярко, как само солнце. Но если ты пал пленником грехов, а помыслы твои низменны, то силу может даровать лишь Разрушитель. И сила эта будет черней самой непроглядной ночи.

Канг служил в храме, у него был светлый дар и большое будущее. Душа его прибывала в мире и покое. Он помогал людям, спасал жизни и ничего не просил взамен. Но в один прекрасный день не смог спасти.

Обычный грабёж. Глупый, нелепый случай в один миг лишил его всего. Мать любила своего сына, и от того было ещё больней. Его не оказалось рядом, и никто не помог старой, и немощной, но доброй и отзывчивой женщине. Он помог многим людям не встать на путь саморазрушения, спас множество жизней от подземных тварей. Но не смог спасти одну единственную. Самую дорогую.

Ему было больно, очень больно. Он умалял Созидателя, просил прекратить это страдание. Канг не мог понять, за что на него свалилось такое наказание. Созидатель молчал, а страдающая душа не нашла покоя.

Найти убийц и грабителей оказалось не сложно. Квартира взорвалась вместе с домом, в котором они находилась. Чародей даже не одолжил силы у своего Бога. Самый большой грех волшебника — это использовать свой дар во зло. Канг не нарушал заповедей храма, когда вершил возмездие. Бомба оказалась мощной и уничтожила не только членов шайки, но и мирных жителей.

Он смотрел на огонь и не чувствовал ничего. Люди умирали на его глазах, кричали и звали на помощь, а он и не думал их спасать.

Хватит!

Он помогал им много лет! Ничего не попросил взамен! И так его отблагодарил Созидатель? Что он плохого сделал?

Не достаточно порождений разрушителя убил?

Не достаточно восхвалял Созидателя?

Мало медяков нищему подал?

Он пошёл против святого писания и заветов Созидателя без зазрения совести, и тот осудил его, забрал свой дар, а на его место пришла тьма. Такое редко, но случалось. Каждый имеет право на искупление, и каждый может поддаться соблазну тьмы.

Канг поддался.

Он не чувствовал радости от свершённой мести, лишь ядовитую злость на весь мир и Созидателя. Теперь его дар питала злоба и Канг изменился.

А потом бежал: от своих братьев, от своего Бога, от своей боли. И не хотел обратно. Тьма внутри изменила душу и подпитывала энергиями разрушения и хаоса.

Чародей, впоследствии, много думал об этом. Мысли о прошлом, давно не тяготили его. Прав он был или нет? Уже всё равно. Быть слугой Разрушителя, не чем не хуже, служения Созидателю. Это вечная война чёрного и белого, добра и зла. А по сути, суетливая грызня людей, наделённых силой. Храм сам создал себе врагов в облики гонимых колдунов. Уверенность в этом, со временем, только крепла в душе чародея.

— Ловко у неё получается.

Канг отвлекся от своих дум и посмотрел налево. В паре шагов стоял Волес. Он по примеру колдуна оперся на заграждение и наблюдал за тренировкой волшебников. Чародей проследил за его взглядом.

Коротко стриженная девчушка лет семнадцати, раскручивала в воздухе длинную, сияющую солнечным светом плеть. Молодой парень со светлой кожей и ёжиком волос пшеничного цвета, помогал ей тренироваться. Он подбрасывал в воздух небольшие камни, а девчонка пыталась сбить их своей плетью. Когда она попадала, осколки, с силой, разлетались и парень прикрывался от них энергетическим щитом в виде полукруглой, сияющей сферы. Когда-то и Канг, такой же молодой, поражал тренировочные цели со своими сверстниками. Давным-давно, кажется столетия назад...

— А почему бы не сотворить несколько плетей сразу. Было бы куда эффективнее. И почему именно плеть? Сбивала бы камни какими-нибудь... стрелами. — Алхимик снова прервал размышления Канга.

— А тебе в твоём университете не говорили? — Не глядя на собеседника ответил колдун.

— На моём факультете мы изучали лишь общий раздел по магии, и я не так хорошо в этом разбираюсь.

Канг поднял глаза к небу.

«Странно, что ты только сейчас спросил». — Подумал он и ответил:

— Наше учение называется эйдос. Овеществление конечной идеи. Мы в голове создаём образ оружия, выражаем его и поддерживаем мысль о нём. Нам проще думать об оружии, к которому мы привыкли, которое часто использовали, держали в руках и знаем до малейших подробностей. Далеко не каждый чародей, будь то волшебник, или колдун, сможет мысленно концентрироваться на нескольких предметах и выражать неформленную энергию. На такое способны лишь архонты волшебников или малефики колдунов. Не опытным сложно концентрировать внимание на нескольких объектах сразу. Если будущий послушник не владел боевыми навыками с оружием или без, то в ордене и храме ему могут подобрать оружие. Здесь играет роль вопрос веры, а скорее уверенности в своих деяниях. Я слышал истории о чародеях, которые готовы были жертвовать собой, ради того что бы защитить людей, или уничтожить врага. Такие фанатики могли бы сотворить горы в небесах, а потом обрушить их на землю. В общем, если пытаться выразить много мыслеформ, они, скорее всего, будут разить не сильнее удара палкой. По крайней мере у этой соплячки.

Пока Канг говорил Волес внимательно слушал. Но стоило ему прикрыть рот, как юноша тут же задал новый вопрос:

— Палкой тоже можно сильно огреть.

— Скажи это, порождениям разрушения, что вечно лезут из недр земли.

— И от чего зависит сила?

— У всех по-разному. Колдун концентрирует свою волю на злости и ярости.

— А волшебник?

— А мне-то, откуда знать. — Недовольно пробурчал Канг.

На несколько секунд воцарилось молчание. Волес задумался, и колдун уж было подумал, что разговор окончен, но, как оказалось, нет.

— В труде «Энергии человеческого тела», его автор Корнелус Войский, переводил пример из раздела магии...

Волес воодушевлённо вещал, словно читал лекцию с кафедры. У Канга, на занудную

болтовню алхимика, ещё в тюрьме, выработался иммунитет. Он слушал юношу в пол уха, а сам думал о чём-то своём.

— ... Вы, колдуны и волшебники, как энерго-кристаллы, накапливаете особое вещество — эфир, или как называют его травники, знахари, и прочие, бездари и шарлатаны, энергию космоса. Вы накапливаете и перерабатываете эфир в своём тонком теле. Получаемую материальную энергию вы контролируете и выделяете в удобной для вас форме, используя всё ту же ауру посредством волевого телепатического импульса. В отличие от стихийных магов, которые оперируют веществом напрямую. Так вот, он писал, что накопленный эфир нейтрален, пока не попадёт под воздействие мозговых колебаний чародея, за счёт чего меняет свою структуру. В дополнение ко всему, идёт подпитка вашей ауры, от того самого дара, природа возникновения которого, к сожалению, пока не известна. Известно лишь то, что негативные колебания, способствуют возникновению и дальнейшему развитию тёмного дара, а позитивные, возникновению светлого. Исходя из этого, осмелюсь предположить, что волшебники оперируют эфиром, посредством очищения сознания, эмоционального контроля, и стремления созидать в самой её сути.

— Знаешь парень. Я и половины не понял, из того, что ты сказал. — Недовольно пробурчал Канг. — Но раз считаешь их уравновешенными благодетелями, — колдун указал на старшего волшебника, — объясни, зачем он этих сопляков притащил сюда! — Канг сам не заметил, как злость захватила разум, и он вспыхнул.

Волес немного опешил от такой реакции:

— Но... но они же волшебники.

— Волшебники. Только новоиспечённые. Видишь рясы подпоясаны красной верёвкой. Это значит, что им ещё предстоит последний экзамен. Не опытные совсем.

Он раздражённо смотрел на юношу, а тот растерянно глядел в ответ и не знал, что сказать.

— Ладно. — Колдун немного успокоился и недобро покосился в сторону волшебников. — Не забивай голову. Пойдём обратно, нужно подумать, что делать дальше и валить отсюда поскорей.

Чародей развернулся и пошел к шатру. Волес молча последовал за ним.

XI

— И тут они шарят по комнате, ищут, смотрят, а жена хозяина постоялого двора всё приговаривает: «Может он что-то забыл, может он что-то забыл», и тут хозяин останавливается и говорит: «Да, забыл. Он за постой заплатит забыл».

— Ха-ха-аха-ха...!!!

Раскатистый задорный смех, вспугнул тишину в долине, и эхом отразился от молчаливых скал. Махатма рассказал очередную шутку, и наёмники катились со смеху. Затянувшаяся погоня, часы напролёт в седле, серое небо и однообразные пейзажи. Ничего удивительного, что Махатма решил разбавить всё это своими историями. И как всегда, успешно.

Ханна уже много раз слышала эту шутку, но всё равно сдержанно усмехнулась и посмотрела на небо. Сквозь непроглядные тучи, сложно было определить время. Для этого она разбудила Лавия. Отец рассказывал ей, что у этих существ есть, своего рода, внутренние часы, невероятной точности. Бриджисы могут определить время с точностью до часа, даже если неделями света белого не видят. Лавий сидел в своей клетке, слушал и смеялся вместе со всеми. Он сказал, что уже давно за полдень и скоро начнёт вечереть.

Вильям ехал впереди и, кажется, был единственным человеком в отряде, на котором не сказывалось это долгое путешествие. Он всё время держал спину прямо, а Ханна, глядя на него, только сейчас поймала себя на мысли, что не видела, что бы этот человек ел, или спал. От этого открытия холодок пробежал по спине. Кажется, не только она заметила эту странность в спутнике. Антуан веселился от души, но иногда, Ханна замечала, как тот бросает редкие и настороженные взгляды в спину убийцы.

Вильям старался держаться отдельно от остальных, всегда ехал впереди и говорил, только когда его о чём-то спрашивали. После истории с троллем, таковых нашлось не много. Даже Джуда и Орондер прекращали задирать друг друга по любому поводу в его присутствии и вели себя спокойнее.

Весь день Ханна старалась не думать о своём горе. В этот раз было куда проще, потому что Тадж был рядом и отгонял скорбные мысли. Он ехал неподалёку и напряжённо смотрел вперёд.

Она поблагодарила его за то, что ничего не рассказал Махатме. Ей так не хотелось расстраивать добродушного великана. Не хотела видеть печаль в его глазах и слушать слова искреннего сочувствия. Достаточно было того, что эту боль она поделила с возлюбленным.

Тадж старался вести себя не принуждённо. Но под маской уверенности, скрывалось беспокойство. Ханна видела это, когда смотрела в его глаза. Он переживал за неё. Всячески старался подбодрить, вот только, кажется, не знал, как. Несколько раз заговаривал с ней, но словно сам не знал, что хотел сказать. Да и что тут скажешь? Когда знаешь, что любимого человека скоро не станет, всё кажется таким нелепым и бессмысленным.

Ханна печально улыбнулась своим мыслям.

«Похоже не только мне здесь нужна поддержка».

Она приблизилась и коснулась его руки:

— Чем займёшься, когда всё это закончится? — спросила она.

Тадж взглянул на Ханну, и она улыбнулась ему уголками губ.

— Думаю, первым делом получу плетей. — с безразличием ответил юноша.

— Что? На этот раз за что? — озадаченно спросила Ханна.

— Так у меня сегодня свадьба.

— О... — только и ответила она.

Ханна совсем позабыла об этом. Тадж говорил ей ещё в переулке. Но события закрутились неожиданно, и она выкинула это из головы. Поэтому ответ возлюбленного застал врасплох.

— Да плевать. Не будем об этом. — отрезал юноша. Видно было, что ему неприятна эта тема.

Она не ответила, и некоторое время они провели в молчании. Тадж старался ехать спокойно, но Ханна заметила, что он изредка косится на неё и мнёт в руках поводья. Это привело её в некоторое замешательство. Но прежде чем она озвучила свои мысли, юноша заговорил, тихо и сдержано:

— Сколько у тебя времени?

— До завтрашнего вечера.

Она ответила не задумываясь. Спокойно, словно не испытывала страха и не мало этому удивилась. А теперь смотрела в глаза возлюбленного и пыталась понять, о чём он думает. Тадж сжал губы и отвернулся:

— И как это будет?

— Что?

— Ну, ты сказала, что умрёшь. Я помню твои слова, в переулке... Я... Просто... Я не спрашивал тогда. А сейчас эта мысль не выходит из головы. Просто хочу... — он вздохнул и выпалил. — Как ты умрёшь?

Тадж смотрел на неё в напряжённом ожидании и, глядя на возлюбленного, она ни чувствовала: ни страха, ни обиды, ни злости. Они будто провалились в пустоту, что возникла на их месте. Она понимала, он не хотел причинять ей боль своим вопросом, и боялся этого. Но всё равно спрашивал, а Ханна не понимала для чего. Девушка молчала и Тадж добавил:

— Это не простое любопытство. Я лишь хочу знать... — он снова потупился и пару секунд собирался с мыслями. — Я не знаю, чем ты больна, но если ты будешь страдать перед смертью... Если я должен буду... Прекратить твои страдания. — он опустил голову, сильно сжал поводья, и продолжил выдавливать из себя слова. — Прости. Просто это не выходит у меня из головы. Ещё до встречи с тобой. Это была моя первая охота. Один из членов отряда, какой-то новый парень. Я его совсем не знал. В общем, в его тело проникли Махаоры. Забыл выпить противоядие перед походом в территории, где они обитают.

При этих словах Ханна побледнела, а он, глядя на неё продолжил:

— Можно заразиться и не заметить, поэтому перед походом в глубину леса мы пьём заранее приготовленный эликсир. Парень страдал целую неделю, и эти муки не описать словами. Червь долго мог пожирать его мозг, но прежде его убили из милосердия. Я не знаю, чем ты больна и как ты будешь умирать. Именно поэтому я и должен знать. Если ты будешь раздирать свою голову на части от невыносимой боли, или смотреть, как твоё тело сгнивает в считанные часы. — он повысил голос, но быстро взял себя в руки. — Поэтому я должен знать, чего ждать и что делать.

— У меня начнётся приступ. Сегодня вечером я выпью последнее лекарство, а завтра, после захода солнца, меня скрутит в судорогах. Если моё тело не обездвижить, я сама нанесу

себе смертельные раны. Переломая кости в неестественных движениях, откушу язык, или выцарапаю глаза. Отец связывал меня и вставлял кляп, когда это происходило. Семь дней, я медленно умираю, пока он не закончил с лекарством...

— Подожди, так ты не умрёшь сразу? — он бесцеремонно её перебил и выглядел возбуждённым.

— Только при условии, что я буду обездвижена.

Твою же мать! — в сердцах выпалил юноша. — Тогда ты сказала, что умрёшь. Я принял твои слова буквально, а потом, на время выкинул из головы. Ты понимаешь, что это значит? — он выразительно смотрел на неё, а она выжидающе глядела в ответ. — У тебя есть шанс. У нас есть шанс. Есть время. Я знаю почти всех брахманов Маджита. Они наверняка смогут помочь...

— Не смогут. — перебила его Ханна.

— Что? — в этом вопросе слышалось замешательство и недовольство.

— Ты не дал мне договорить. И не понимаешь. Отец работал над ним не одну неделю, а целыми годами. Он начал ещё десять лет назад, когда заболела мама. Мне несказанно повезло, что он нашёл ответ вовремя. К сожалению, у меня нет столько времени, а моё тело не продержится и месяца.

— Но... но ведь у него должны быть записи. — Не сдавался юноша. — Он учёный, и не мог их не делать. Если их найти, то можно попытаться. Это же всё равно, пусть крохотный, но шанс. Тогда я не знал, но теперь. Эта погоня. Есть ли в ней смысл? Прости, если мои слова обидны, но ты мне дороже, чем погоня за ожерельем.

«О, Тадж».

От его слов на душе становилось и тепло, и горько. Она видела в его взгляде надежду и так не хотела рушить её, но...

— Мне тоже. Я не видела его с самого детства. Вот только, скорее всего, без этого ожерелья, мне не жить. Я нашла записи отца, только перед самым отъездом. Он хранил их в спрятанном сейфе, вместе с ожерельем. Мне не удалось понять, что он там записывал, но если это его наработки по лекарству, то без ожерелья, его не создать.

— Что? — с недоверием спросил юноша. — Но почему? Что в нем особенного?

— Если верить этим записям, оно из костей дракона.

Тадж ошарашено уставился на девушку, а она выдержала небольшую паузу и продолжила:

— Я не знаю, чем они такие ценные, и для чего их используют алхимики. Но они необычайно редкие. Даже в глухих деревнях, где люди далеки от алхимии, всё равно рассказывают сказки и легенды, о волшебных вещах из драконьих костей. Так, что, теперь эта погоня, не бессмысленна, а жизненно необходима.

— Ну и что? — не унимался юноша. — Значит заберём ожерелье, а потом вернёмся и попытаемся тебя вылечить. Это хотя бы какой-то, но шанс.

Тадж был явно взволнован, но Ханна, лишь тяжело вздохнула, и рассказала про тварь, что пришла во сне.

Он слушал и не перебивал, только задумчиво глядел и покусывал губы.

— ...Тогда я не знала про наработки отца, да и сейчас не до конца уверена. А теперь, когда они появились... Этой твари, хватит и одной ночи, чтобы меня уничтожить. Я видела на что он способен. Не уверена, что у меня есть шансы против него...

— Дерьмо это всё собачье. — выплюнул Тадж, и зло уставился на неё.

В ответ Ханна опешила от такой реакции и удивлённо смотрела на юношу, а тот продолжал:

— Думаешь, я тебе поверю? Да Ханна, которую я знаю, ничего не боялась. Никогда не отступала перед трудностями. Никогда бы не сдалась. Слышишь? Никогда. Я не знаю, что за хрень сидит у тебя в голове, но ты не должна его бояться. Не должна умирать. И я не позволю тебе. Ты победишь эту тварь, излечишься, и мы сможем быть вместе. Сбежим хоть на край мира.

Он говорил, и страхи отступали, а на их месте рождалось другое чувство. Ханна впитывала каждое его слово, и в душе снова разгорелся огонь надежды. Веры в этих пылких речах хватило бы и на двоих. Она вспомнила, с таким же воодушевлением он говорил, когда сделал ей предложение, и сейчас, ей больше не хотелось сомневаться:

— Я согласна. — вдохновенно ответила Ханна.

— Что? Ты о чём?

— Я согласна. Я просила подождать моего ответа, и теперь готова. Я согласна выйти за тебя Тадж Чакрабартти. Согласна бороться за наше счастье вместе с тобой.

Целая гамма эмоций отразилась на лице юноши, но прежде, чем он успел заговорить, их бесцеремонно прервали:

— Потом поворкуете. — к ним приближался Махатма. — Кажется у нашего следопыта важные новости раз он сам спешит их сообщить.

Великан опередил юную пару и пустил коня рысью на встречу Вильяму. Все остальные сделали тоже самое. Прежде чем последовать за ними, Тадж обратился к Ханне и сказал.

— Я клянусь тебе, Ханна из рода Вэйдэн, когда мы вернёмся, ты будешь моей женой.

Вильям не выражал никаких эмоций, добродушное лицо, даже при свете дня выглядело, как восковая маска искуснейшей работы:

— У меня для вас хорошие новости, господа, мы почти настигли их.

— Будто для тебя они плохие.

Еле слышно прошептал Антуан. Но Вильям, не смотря, на это, кажется, услышал его слова, потому что ответил:

— Такие дела, давно уже перестали будоражить кровь. Это всего лишь работа. Может, сказывается выслуга лет? Но я не об этом хотел сказать. Я нашёл свежий след. Они были здесь часа четыре назад.

— Но, как же так? С утра мы отставали часов на двенадцать. Они останавливались надолго? Что-то помешало им? — взволнованно спросил Тадж.

— Всеми своё время. — невозмутимо ответил убийца. — Пойдемте, я покажу.

Вильям привёл их на край обрыва.

— Видите, здесь пологое место. Именно тут они и вышли из долины.

— Но где же они спустились? Думаю, что смог бы здесь подняться. Но спуститься? С лошадьми? Это выше моих сил. Произнёс Махатма, и ещё раз взглянул вниз.

— Вы, как всегда правы, уважаемый Махатма. — ответил Вил. — Спускались они где-то дальше, в доль обрыва, и поднимались они весьма быстро и суматошно...

— Что ты хочешь сказать? — взволнованно спросил Тадж.

— Только то, сто говорят мне следы. Они покидали долину в спешке и суматохе. Не знаю, где они потеряли одного коня и всадника, но точно могу сказать, что дальше вперёд шло больше народу.

— Что-нибудь ещё? — нетерпеливо спросил Тадж.

Вильям на секунду задумался и произнёс:

— Ах, да. Спасибо, что напомнили, юноша. Стоило сказать сразу, но я как-то совсем позабыл. — на этих словах Антуан заметно напрягся, но тут же успокоился, когда услышал продолжение. — Одна лошадь везёт двоих, уже давно. Они останавливаются иногда, чтобы сменить коней для двоих седоков. Это их тоже немного задержало.

— Значит, они где-то впереди вошли в долину, потеряли коня, и вышли из неё здесь? — спросил Орондер.

— Не просто вышли, а спешили. Убегали значит, дубина. — огрызнулась на брата Джуда.

— Сама дубина. — резко и злобно ответил Орондер. — с чего ты решила, что они убегали?

Джуда хотела ответить, а Антуан заткнуть подчинённых, но Вилл опередил всех:

— Джуда права. Они убегали. Не люблю строить предположения, но интуиция подсказывает, что от кого-то или чего-то.

— Ещё один тролль? — задал вопрос Тадж.

— Тролль Джостару не проблема. По дороге я видел ещё следы, вот только не пойму, чьи. — задумчиво изрёк убийца.

Не сразу все поняли, что происходит. Даже Вильям. Станный гул, сначала, был почти не слышим, словно, где-то далеко на востоке, на берег накатила волна, потом ещё и ещё, пока звуки эти не слились в непрерывный гул. Весь отряд напряжённо вглядывался в долину. Прошла почти минута, прежде чем Вильям заговорил, и от слов этих, у Ханны побежали мурашки. Пусть голос говорившего и прозвучал, как обычно, спокойно:

— Бежим.

— Что?

— Почему?

— Что происходит?

— Не знаю, что вам ответить, но руку даю на отсечение. Опасность близко и...

Он не успел договорить и оборвал себя на полуслове. Издалека они были похожи на муравьёв. Сначала появился один, а за ним ещё и ещё. Они заполняли видимый участок долины и всё прибывали. Первые из них подбирались всё ближе к людям. И, хоть, до тех оставалось ещё далеко, уже можно было разглядеть, что за твари предстали перед путниками. Некоторые противно заверещали, и сородичи сотнями голосов вторили этим звукам. Словно, подчиняясь какому-то не слышному приказу, вся эта уродливая масса, вдруг оборвала крик и устремилась к обрыву. А все, кто наблюдал это зрелище, уже нахлёстывали коней, в надежде оказаться как можно дальше от пугающих тварей.

Бернард снова стоял на вышке. Он, то напряжённо всматривался в горизонт, то хмурым взглядом окидывал лагерь. После появления незваных и очень подозрительных гостей, с нелепой и явно выдуманной историей, о том, как они здесь оказались, командиру передалось волнение своего заместителя. Не малую роль в этом сыграли новости, которые не званые гости принесли в лагерь. Рэдфорд сам облачился в броню охотника и приступил к подготовке обороны. Остальным членам охотничьего отряда, то же не по душе пришлось вести из долины, и работа по укреплению лагеря пошла полным ходом. Тревога повисла над

лагерем, но вместе с ней и единодушная суровая решимость братьев по опасному ремеслу. Работа оставалась работой.

Небо заметно потемнело, а чувство тревоги, только усилилось. И всё сложнее было не представлять себя червём, посаженным на крючок и заброшенным в омут, кишачий голодными рыбами. По сути они и являлись приманкой для Пустых, которые накинутся на лагерь, когда доберутся сюда. А задача охотников сделать так, чтобы этот червячок оказался прожорливой рыбке не по зубам.

Они сделали всё, что могли. По внутреннему периметру заграждений, поставили все имеющиеся телеги. Там должны встать арбалетчики. Между телегами и ограждением расположатся охотники с пиками. Люди, что ещё недавно охотились за диким зверьём, приготовились уподобиться солдатам, защищающим свои укрепления от натиска неприятельских войск. Только распределив всех, Рэдфорд понял, что их не так уж и много. Он даже не рискнул отправить разведку, слишком опасная затея, когда каждый человек на счету. Тем более, с вышки равнина просматривалась на много миль вокруг, так что о приближении пустых они узнают заранее и успеют подготовиться. Следопыты говорили о количестве, примерно в тысячу тварей. От этой мысли, постоянно скручивало живот, и часто приходилось бегать за большой валун, потому, что отхожих ям так и не отрыли. Как-то неожиданно, не до того стало.

Но было во всём этом и пару положительных моментов. Конечно, радовало, что полдюжины волшебников, примут участие в предстоящей, хоть и специфичной, но всё же, охоте, однако, больше всего надежд Рэдфорд возлагал на Азаторнскую игрушку.

В нескольких ярдах от лагеря, в землю вкопали деревянные столбы по внешнему периметру, и растянули между ними провода. Так окружили весь лагерь, оставили лишь небольшой проход, для тех, кому, удастся вырваться, если ситуация выйдет из-под контроля. Все провода сходились в одном месте и подсоединялись к специальному ложу для энергокристаллов. Светящийся жёлтым камень, похожий на необработанный алмаз, размером с яйцо страуса помещался в паз. После нужно будет только замкнуть цепь специальным рычагом. По рассказам представителя торгового дома, выходило, что всех, кто дотронется до проводов, поджарит на месте. В самом лагере их зарыли под землю, а вот тем, кто будет снаружи, не поздоровится.

Витрас поднялся на вышку и снова оторвал командира от размышлений. Не весело усмехнулся, когда увидел его мрачное лицо и спросил:

— Ты вниз собираешься, или всю ночь тут проторчишь? Подготовку мы закончили.

— Что скажешь? — Бернارد не ответил на вопрос заместителя и задал свой.

— Ты о чём?

— О наших шансах.

— Шансы у нас есть. — ответил Витрас. Он подошёл к бортику и опёрся на него руками. — Понять бы только какие. — помолчал немного и добавил. — Нам ведь не только обороняться надо, но и как можно больше тварей перебить. Часть всё равно разбежится. Тогда уже можно будет пещеры искать и взрывчатым порошком закладывать. Кстати, алхимики ещё часть поля поодаль какими-то склянками забросали. Какая-то взрывная вода.

— Взрывная волна. — поправил его Редфорд.

— Хорошо бы частокол поставить, надёжнее бы было и спокойнее. — продолжил помощник.

— Думаешь, не предлагал? Сразу отказали. — невесело усмехнулся Бернارد. —

Сказали, мол, что некогда столько материала подвозить, и стройкой заниматься. А то, ты наших старейшин не знаешь? Часики тикают, а деньги утекают.

— Понятное дело. Поэтому и коней пожалели. Если эти твари разбегутся, упустим ведь. А с конной погоней, могли бы и всех добить.

— Ну, тут ты прав. Старейшины поскупились. Тетвирцы обещали прислать, специально для этого дела, вот только задерживаются. Сдаётся мне, только к утру будут.

— Жаль. — только и ответил помощник.

Они помолчали с минуту, а потом Рэдфорд спросил:

— А что на счёт прохода? Если туда ломанутся? Столбы не посшибают?

— Нет. Они на два ярда вкопаны, и в два ряда, а место для прохода в разных местах в каждом ряду. Там по верху тоже провода протянуты. Если верхом ехать, то пригнуться надо, чтобы не зацепить. Пустому в самый раз должно быть.

— Да хрен его знает. Я их не видел никогда.

— Так по описанию.

— Надо было у Натана уточнить, может знает что-то?

— Так спрашивал. Говорит, что сам только по книгам знаком. Но источники говорит надёжные. Братья его о будущих поколениях позаботились. Всю информацию постарались точно передать. В этом он меня уверил. Он как раз на этом участке встанет. Проход небольшой, но место выходит слабее, пусть подстрахует.

— А тварей этих, мы, получается, с другой стороны ждём. — скорее утвердил, нежели спросил Берnard.

— Да, следопыты говорят, что оттуда они и приходят. В этом месте алхимики свои склянки и раскидали. — он подумал не много и добавил. — А может не придут они сегодня?

— Не придут сегодня, придут завтра. Они тут, по всему, получается, чуть ли не каждую ночь бегают. А работу всё равно сделать надо. Сам знаешь, тебя никто не тянул. Зато, когда выгорит, заживём по-другому.

Витрас хмуро взглянул на командира, но ничего не ответил. Они помолчали немного. Оба прекрасно понимали, что тут скорее ни «когда выгорит», а «если выгорит», но никто не стал произносить это в слух. Берnard забил трубку, достал из-за ремня одну спичку и резко провёл по коричневой головке, ногтем большого пальца. Огонёк вспыхнул, повалил дым и в нос ударил запах Немальской спички, гораздо более качественной, чем Затраканская спичка из белого фосфора. Почти с минуту Рэдфорд пускал сизый дым, и глядел на людей, снующих по лагерю. Взгляд его остановился на навесе для коней.

— А что эти пришлые? Ещё здесь?

— Я их не проверял, но вроде бы они ещё в лазарете сидят.

— Хм. А вот это странно. — озадаченно ответил Берnard. — Надо к ним сходить, напомнить, в каком дерьме они скоро окажутся, если не свалят.

Рэдфорд поспешил вниз, а с лестницы до Витраса долетели слова:

— Побудь пока здесь, а то гостей провороним.

В лазарете резко пахло какими-то медицинскими препаратами. Яркий свет ламп резанул по глазам, но Рэдфорд быстро привык. Почти весь пол шатра устлала циновки для размещения раненых. В глубине помещения стояло несколько столов для алхимической и медицинской утвари, и раненых людей, которым может понадобится хирургическое вмешательство.

На вошедшего Бернарда уставилось двое из трёх присутствующих людей. Одноглазый

сразу же спрятал что-то за пазуху. Второй мужчина, что до этого задумчиво смотрел на одноглазого, теперь с недовольством глядел на командира лагеря. А третий, самый молодой из них возился около стола, склонившись над бесчувственным северянином, и постоянно смотрел на песочные часы, явно позаимствованные в лазарете. Парень никак не отреагировал на присутствие Бернарда.

— Если решили остаться, то настоятельно рекомендую присоединиться к обороне. Скоро здесь станет жарко и так у вас будет больше шансов выжить. — вместо приветствия произнёс Редфорд.

Вместо ответа, человек с недовольным взглядом обратился к юноше:

— Сколько тебе ещё возиться? — спросил он нетерпеливо.

— Ещё ровно пять минут. — спокойно ответил парень. — Инъекция должна подействовать. Тогда он переживёт дорогу.

— Пять минут у нас есть? — недовольный обратился к Рэдфорду.

— Надеюсь, что да. Как закончите, найдите меня, я покажу вам выход.

— Я пойду седлать коней. — сообщил одноглазый, и спрыгнул со стола, на котором сидел.

— Ага, одной рукой-то. — ответил ему недовольный, и пошёл следом к выходу. — Волес! Поторапливайся, ждать не будем. — бросил он на ходу и вышел из шатра.

— Ага.

Парень так и не оторвался от своего занятия. Он стоял спиной к Рэдфорду, и тот не видел, что именно делает юноша.

Бернард вышел наружу. Небо потемнело, или это так казалось, после ярких ламп с флюоритами, что висели в шатре. Живот снова скрутило.

«И задницу подтирать, в этом сраном поле нечем». Именно эта мысль пришла в голову охотника, прежде чем Витрас окликнул его, с вышки.

Конь Ханны был весь в мыле. Погоня всё ещё являла собой реальную угрозу, но у животных почти не осталось сил. Им удалось оторваться, но они не знали, как далеко ушли от опасности. Сначала они берегли коней, но преследователи со временем настигали людей. Животные уставали, им устраивали отдых, но последний рывок вымотал их до опасного предела. Всё это Махатма рассказывал людям, что выехали на встречу из какого-то укрепленного лагеря. Квадратный периметр топорщился острыми кольями, а столбы, связанные между собой проволокой, угрожающе окружили лагерь. Он стоял на возвышении и выглядел впечатляюще, по среди дикого бескрайнего простора.

Человек, которого звали Бернард выслушал Махатму. Он быстро всё пояснил и посоветовал свалить, как можно дальше, если дорога жизнь. Все понимали, что это разумное решение. Но прежде, чем продолжить путь, в разговор вмешался Вильям. Он спросил про человека в чёрном. Командир лагеря хотел что-то ответить, как вдруг Ханна ощутила знакомую дрожь во всём теле и её охватила паника. По спине пробежал обжигающий холод, а в ушах зазвенело, и кровь застучала в висках, заглушив голоса людей.

«Но солнце же...». — последнюю её мысль сопровождал взгляд на небо, и рука ещё успела метнуться к сумке, а потом сознание померкло.

— Вот чёрт! — Выругался Тадж и проворно соскочил с лошади. Он был рядом с Ханной и успел подхватить бесчувственное тело, до того, как оно достигло земли.

Мир для него сжался в одну точку, где не было никого и ничего, только он и она. Об этом он и спрашивал возлюбленную, к этому хотел подготовиться, но, в итоге, оказался не готов. Глаза девушки закатились, спина выгнулась дугой, а рот распахнулся в немом крике. Конечности беспорядочно задёргались, а пальцы скребли землю. В висках стучала кровь, Тадж склонился над Ханной, в попытке удержать её руки.

Она чуть не прокусила ему шею. Вены на её голове почернели. Юноша растерялся всего на миг, но этого хватило, что бы ногти возлюбленной оцарапали ему щёку. От куда-то появился Махатма, схватил Ханну за руки и прижал к земле:

— Ноги держи! — рявкнул он на юношу. — Что с ней?

Тадж послушно ухватил Ханну за ноги и по примеру Махатмы, прижал к земле всем своим весом, но так и не ответил на вопрос. Девушка рычала в ночное небо, изо рта её пошла пена. Юноша вспомнил слова, об откушенном языке, тут же снял с головы тюрбан и запихал ей в рот.

— Какого хрена? — спросила Джуда.

Ей никто не ответил. Тадж навалился на ноги изо всех сил, а Махатма пыхтел, удерживая руки.

— Парень, Шива тебя задери! Что с ней?!

— Не знаю! — Резко ответил юноша. Пожалуй, слишком резко и зло. Вся эта ситуация выбила его из равновесия. В голове мелькнула мысль, что Махатма лишь пытается помочь, и Тадж добавил:

— У неё должно быть лекарство, она говорила. Кто-нибудь, помогите подержать!

Вильям тут же откликнулся. Он ловко спешил, и схватил ноги Ханны. Тадж зарылся в её седельной сумке. Через несколько секунд в его руках оказалось шесть стеклянных пузырьков с неизвестным содержимым. Юноша склонился над девушкой, выложил на землю пузырьки и произнёс:

— Должно быть, что-то из этого.

— Ну-ка, подержи. — ответил великан.

Махатма сразу откинул пару пузырьков. Остальные он открывал и нюхал. И так, пока не остался всего один, который не был отброшен вместе с остальными.

— Попробуй этот. — сказал великан и протянул склянку юноше.

— Почему ты так уверен?

— Всё остальное я смог распознать, а что налито здесь, — он взболтал бирюзового цвета жидкость, — я понятия не имею.

Тадж секунду смотрел на великана, а за тем кивнул. Махатма перехватил руки девушки, а юноша попытался разжать рот возлюбленной и удержать голову. Это оказалось неосуществимо, но на помощь, снова пришёл Вильям. Тадж перехватил ноги, а убийца вцепился в голову Ханны и, как показалось молодому охотнику, совсем без усилий прижал к земле одной рукой, а второй отодвинул челюсть и раскрыл ей рот. Махатма изловчился, и коленом придавил предплечье девушки, а свободной рукой схватил склянку, зубами вытащил пробку и быстро влил содержимое ей в рот. Вильям, тут же задрал Ханне голову, так, чтобы она проглотила предполагаемое лекарство.

Ханна всё ещё бесновалась и её продолжали держать. Все молчали и терпеливо ждали затаив дыхание. Про себя, Тадж молился богам. Он крепко держал ноги девушки, но это

становилось всё труднее. Руки налились свинцом, за пару томительных минут, но вскоре конвульсии и спазмы начали сходиться на нет. Зрачки её вернулись на прежнее место, тело перестало выгибаться, а конечности выкручивать. Дыхание и сердцебиение пришло в норму минут через десять. Её отпустили и вынули изо рта импровизированный кляп. Тадж поднялся и огляделся. Пока они помогали Ханне, остальные присутствующие не вмешивались.

— Что это было парень? — Махатма накинулся на Таджа. — И не смей говорить мне, что ничего не знаешь!

Тадж не знал, что ответить.

— Если всё в порядке, может подберёте для разговора другое место. — вмешался Антуан.

— И-иду-у-ут! Иду-у-ут! Бер!!! Они идут!

Голос из лагеря, привлёк всеобщее внимание, и от произнесённых слов, у всех сердце на миг замерло, а душа ушла в пятки.

— Твою мать. — выругался Орондер.

— Мать твою. — поддержала его Джуда.

— Слы-ышу! — крикнул Бернад. А потом обратился, к отряду. — Все в лагерь быстро.

— Мы ещё можем уйти. — напомнил Антуан.

— Ни хрена у вас не выйдет. С вышки, на восток, равнина просматривается на несколько миль. Если их увидели, они будут здесь очень скоро. Ваши лошади скоро рухнут от усталости. И девка без сознания. Далёко ты сможешь уйти за это время? А они не остановятся здесь, почуют твой пот и страх. Встретишь их на голой равнине?

Бернард говорил с нажимом, и в его голосе слышалось нетерпение. Он пристально смотрел на капитана наёмников.

— А там? — Окрысился на него Антуан и мотнул головой в сторону лагеря. — Остаться здесь и запереть себя в ловушке. Так больше шансов?

— Если присоединитесь. Возьмёте оружие и встанете плечом к плечу. — невозмутимо ответил Рэдфорд. — В любом случае, решать вам. А сейчас я вас покину, мне нужно возглавить охоту. — на последних словах, он и его спутники повернули лошадей и поскакали обратно.

— Эй! Вы слышали, что он сказал! — пронзительно запищал, молчавший до этого, Лавий. — Я не собираюсь подышать тут с вами, розовыми верзилами! Выпустите меня отсюда! Слышите...

Отвечать ему никто не собирался.

— Твою мать! Парень! В хреново дерьмо мы влезли! — выругался Махатма, и посмотрел на Таджа. — Почему она не приходит в себя?! Что с ней, парень!? Пока она без сознания, мы не сможем уйти далеко.

— У нас мало времени, господа. Думаю, стоит послушать командира и направится в лагерь. — предложил Вильям.

Но Махатма проигнорировал его слова и продолжал распекать Таджа. Великан, кажется вспылал не на шутку и не собирался останавливаться, лишь повышал голос и его бас рокотал на всю округу:

— Ты хоть понимаешь в какой конской заднице мы очутились?! Думаешь это прогулка по джунглям? Что я скажу твоему отцу? Принесу ему твое мёрт...

Ему не дали договорить. Тяжёлая, холодная рука легла на плечо. Махатма осёкся и тут

же развернулся. Его полный гнева взгляд встретился с сапфировыми глазами Вильяма. И вся ярость тут же исчезла с лица.

— Не стоит заглядывать так далеко в будущее уважаемый Махатма. — вкрадчиво заговорил убийца. — Может так случится, что нести придётся тебя самого. А может быть так, что некому будет возвращаться. Ты отвечаешь за этих детей, на тебе огромная ответственность. Поэтому ты и должен мыслить трезво. Сейчас лучший выход — это укрыться в лагере, и попытаться выжить.

Пока Вильям говорил, Махатма успел успокоиться. Всё это время, он сосредоточенно смотрел на собеседника, а когда тот закончил, лишь коротко кивнул. Тадж прежде ни видел, друга отца, в такой ярости. По крайней мере он точно помнил, что великан никогда не был так зол на него. И тем не менее, юноша чувствовал вину перед ним. Многого стоило рассказать. Но не сейчас. Махатма лишь хмуро посмотрел на Таджа, и то был только рад, что великан умирил свой гнев и успокоился. Они вместе погрузили бесчувственное тело Ханны на её лошадь и заторопились к лагерю.

XII

— Убью гниду! — прошипел Канг.

— Успеешь убить. Лучше думай, что теперь делать будешь. — недовольно ответил Джостар.

— Волес у нас умник, у него и спрошу.

С этими словами они вошли в шатёр. Волес повесил на плечи свою сумку и крепил ремни. Он заметил вошедших и улыбнулся.

— Я закончил, можем продолжить путь. Поможете дотащить?

Джостар не был готов к этому, но он всё равно успел схватить колдуна за куртку, когда тот рванулся к алхимику:

— Я убью его!

— Да в чём дело? — улыбка юноши сменилась тревогой в глазах, а в голосе прозвучала растерянность.

Канг прибывал в такой ярости, что и слова сказать не мог. Он покраснел от злости, но пока не пытался, снова кидаться на Волеса.

— Эти твари уже здесь, уйти не удастся. — с безразличием в голосе информировал Джостар.

— Но... — запнулся юноша. Он побледнел и испуганно взглянул на собеседников.

— Я не собираюсь стоять там с копьём. — зло выпалил колдун.

— Тогда, думаю, тебя тут на смерть запинают, те, кто выживут. Если выживут. — всё с тем же безразличием говорил Джостар.

— Ты думаешь это смешно?! — ещё пуще вспыхнул Канг. На этот раз он крикнул на убийцу.

И тот сразу окрысился:

— А я-то здесь при чём? Сам виноват. Мог бы и не ждать.

— А кто говорил: «Давай оставим. Пригодится»! — не унимался колдун.

— Да что ты взъелся на всех?! — Не выдержал Джостар, и спросил прямо. — Мы тут все на одинаковых условиях. Так, что чего ты ноешь?

— На одинаковых?! А ты уверен? — Канг взглянул на убийцу исподлобья и одарил испепеляющим взглядом.

Джостар выжидающе смотрел в ответ, но колдун отвернулся и направился к Волесу.

— Из-за тебя мы в этой заднице, так, что с тебя и спрос. — Канг подошёл почти в плотную и тыкнул пальцем в грудь юноши.

— Но чем я могу помочь? — Волес был всё так же встревожен. Он попятился, но уперся в хирургический стол с Рюком на нём.

— Прежде всего. — колдун с нажимом, но терпеливо выговаривал каждое слово, и сопровождал свою речь тычками пальца в грудь алхимика. — Мне. Нужна. Орочья. Слизь. Иначе скоро все волшебники в округе обратят на меня внимание. А это не Азаторнские храмовники, это орденцы. Эти убьют без разговоров и возможности искупления.

На последних словах он перевёл взгляд с Волеса на Джостара. Тот остался не проницаем.

— У меня нет слизи.

— Твою мать! — громко выругался Канг. И отошёл от юноши. — Что теперь будем делать!?! — Ни к кому не обращаясь спросил колдун. Он повернулся к спутникам и зло произнёс. — Если меня убьют, кто с ней разберётся?! — Он указал пальцем на футляр. — Меня убьют и с вас спросят за пособничество. И тогда плакали все ваши планы.

Джостар подошёл к остальным и встал по другую сторону операционного стола. Кожаный футляр Эдриана он сразу присвоил себе, и не расставался с ним на протяжении всего времени. Его не тяжело было носить, благодаря длинной лямке. Убийца похлопал по футляру и взглянул на спутника.

— А, может, попробуем... — произнёс он с усмешкой.

— Что? — с недоверием спросил колдун. — Использовать сейчас?

— А ты что, испугался? — Тут же поддел его убийца.

Канг зло посмотрел на собеседника, потом на другого. Он облизнул губы и сплюнул:

— Согласен. Доставай. — выдавил он.

Джостар не успел достать гримуар. В шатёр вошли люди. Их было четверо. Сначала, бородатый, здоровый мужик в тюрбане, он нёс на плече бесчувственное тело рыжеволосой девушки. За ним вошёл молодой Синдариец в таком же тюрбане и броне. И при таком же оружии. Когда вошёл третий человек, в шатре установилась напряжённая тишина. Люди рассматривали друг друга всего несколько мгновений. Никто ничего не успел сделать. Всё произошло слишком быстро.

Руки обоих убийц поднялись почти одновременно. Вильям ударил первым, а Джостар не успел. В последний миг он подставил футляр, и отполированная сталь впиалась во что-то твёрдое, внутри. Тонкая цепочка тянулась из-под широкого рукава и оканчивалось на лезвии, торчащем из сумки. Убийца рванул руку и клинок в секунду, снова, скрылся под рукавом.

Джостар не медлил. Он бросил футляр на бесчувственное тело северянина и метнулся к стене. Лезвие вспороло ткань, и убийца выскочил в темноту. Вильям молнией метнулся к противоположной стене, и проделал тоже самое, что и его жертва.

Всё это произошло в несколько секунд. Остальные стояли обескураженные увиденным. Никто из оставшихся в шатре не ждал такого развития событий. Разве только Тадж.

Юноша узнал человека в чёрном, как только увидел. Он рассматривал остальных. Тогда, в городе, у разрушенных ворот, он видел людей, Того здорового северянина, который теперь лежит на операционном столе. С этими двумя он не был так уверен. Он видел кого-то, но поднятая пыль и солнце в глаза помешали хорошо разглядеть всех. Тадж точно мог сказать, что в лицо не узнаёт этих людей.

Махатма аккуратно уложил бесчувственное тело Ханны на циновку и подошёл к Таджу, не отрывая взгляда от чужаков.

— Что скажешь парень? — он обратился к юноше.

— Тот, за кем погнался Вильям, убил Маркоса. А этот здоровый ублюдок, — он указал на северянина, — был там в гостинице. Он со всеми напал на патруль. — Гневно ответил Тадж.

— Понятно, а эти двое?

— Этих я не помню.

— Эй! — Махатма тут же взял быка за рога. — Вы с ним?

— Мы... Э-э...

— Нет. Мы здешние алхимики. — Ответил Канг, вполне уверенно. — Этот, — он указал

на дыру в шатре, — притащил этого, — колдун указал на Рюка, — и попросил помочь.

— Понятно. — Процедил великан.

Он пару мгновений смотрел на чужаков, а за тем произнёс:

— Тогда вы не будете против, если мы осмотрим его вещи.

На этих словах, он двинулся к столу.

Канг неуверенно встал на пути:

— Нет. Конечно не позволю. — С возмущением ответил он.

— С чего вдруг? — вскинул бровь Махатма. Он остановился в полушаге от колдуна, и грозно посмотрел на него сверху вниз. — Он тебе приплатил что — ли, за охрану?

— Да. — Не задумываясь выпалил Канг.

Великан усмехнулся, услышав ответ, и невозмутимо произнёс:

— Я заплачу больше.

— Миллион, золотом.

Услышал он такой же невозмутимый ответ. Махатма ещё раз усмехнулся, а потом сказал:

— Тогда могу тебя поздравить, если он вывалил тебе столько денег. Скоро твой работодатель отправится на суд к богам, так, что ты теперь сказочно богат, и можешь валить отсюда. А теперь отойди.

Он прошёл вперёд и плечом отбросил Канга. Тот от неожиданности отлетел и грохнулся, между столами. Волес хотел помешать, но его остановил Тадж.

— Не мешай. — зло выдавил он и лезвие чакры мелькнуло у носа алхимика.

Тот остался стоять и испуганно смотрел, как великан приблизился к футляру и раскрыл его. Вытащил гримуар и с отвращением посмотрел на обложку.

— Что за мерзость! — прошипел Махатма и брезгливо бросил книгу на грудь северянина, рядом с футляром.

— Сзади!

Услышал он голос Таджа. И успел развернуться быстрее, чем на него налетел обезумевший человек. Глаза на выкате, и странное выражение лица, ярость и страх. Охотник оттолкнул его.

Канг, снова, бросился вперёд, и попытался обойти великана, но был не ловок и медлителен. Махатма не стал церемониться, и рубанул колдуна резким ударом правой. Тот повалился и больше не вставал.

— Вы...

Начал парень с сумкой на плечах, но Тадж его перебил:

— Где ожерелье, засранец?

— Оно... Оно... Оно не у меня. Оно у Джостара. Он... Он сказал, что это его трофей. У меня ничего нет. — Трясущимся голосом ответил юноша.

— Это мы посмотрим. — зло ответил Тадж. — Показывай, что в сумке.

— Там ничего нет. Там только лекарства! — заволновался алхимик.

— А ты значит лекарь?

— Да! — тут же в глазах Волеса загорелся энтузиазм. — Да, я могу лечить, и очень хорошо. Закончил университет с отличием. — нервно тараторил он. — Я вижу, с ней что-то не так? — он указал на девушку. — Если так, то я могу её вылечить.

— Обязательно. — ответил великан. — Сумку давай!

— Но... но... но...

— Хорошо уже! — зло крикнул Тадж. — Открой сумку, или убью.

— Л-ладно.

Обречённо произнёс алхимик и принялся расстёгивать ремни. Он провозился с минуту, прежде чем сумка оказалась на земле. Тадж ещё никогда не видел столько всяких зелий и порошков за раз. Чемоданчик раскрылся множеством полочек с ячейками и кармашками, заполненными склянками, мешочками и маленькими футлярами с неизвестным содержимым. Парень открывал их по очереди, показав, что ожерелья у него нет. Тут действительно не было ничего, что могло бы заинтересовать охотников.

— Что теперь делать. — спросил Тадж.

— Можно сходить за мелким заморышем, может он что разъяснит.

— Да он сам говорил, что ни хрена не знает.

— Тогда, пойду осматрюсь. Если ожерелье у этого Джостара, нужно его забрать. — уперев руки в бока, ответил великан. — А ты разберись здесь.

— Что значит разберись? Как разобраться? — непонимающе спросил Тадж.

— Свяжи их. — невозмутимо ответил Махатма. — На случай, если он врёт. Когда всё закончится, разберёмся...

— Нет. Я иду с тобой! — Решительно перебил его юноша. — Свяжем их и пойдём вместе.

— Никуда ты не идёшь! — тут же вспыхнул великан. — Я не собираюсь всю жизнь винить себя за то, что не уберёг тебя от твоей же глупости. Лучше останься здесь, с ней, — он указал на Ханну, — защищай её и молись богам, что бы вы оба пережили эту ночь. Нам ещё предстоит долгая беседа.

На последних словах Махатма направился к выходу.

— Помни, о чём я просил тебя, парень. Не делай того, о чём я потом пожалею. — бросил он, прежде чем скрыться за пологом.

В первые секунды Тадж готов был выскочить вслед за великаном. Что за глупости? Он не раз бывал в джунглях, и неоднократно рисковал на охоте. А сейчас его пытаются уберечь от опасности. И что изменилось теперь? Он не знал ответа, и это изрядно раздражало, но юноша быстро передумал, когда взгляд его обратился на Ханну. Она всё ещё была здесь, и всё ещё без чувств. Он не мог оставить её здесь одну, тем более, с этими людьми. И, хоть, один из них валялся без сознания, а второй был увлечён содержимым своего чемодана и выглядел вполне безобидно, Тадж не питал иллюзий, касательно этих двоих. Чёрное чудовище отпечаталось в его памяти навсегда. Учинившие такое, при здравом рассуждении, могут быть очень опасны. Поэтому, Тадж счёл за лучшее прислушаться к совету Махатмы и связать убийц.

Юноша поискал глазами верёвку, но её здесь не было. Всё, что удалось найти, за короткое время, это несколько тонких, кожаных ремней, для перетяжки. Он снова вернулся к алхимику. Тот продолжал заниматься своим делом, но, когда к нему подошел Тадж, поднял голову и как-то странно посмотрел на него.

— Не надо меня связывать. Я не убегу. — ровным голосом ответил юноша.

«Было бы куда бежать». — не весело подумал Тадж.

Он решил, что всё равно его свяжет. Но сначала занялся колдуном. Когда юноша закончил и поднял голову, то увидел, как парень держит в руке наполненный шприц. Такие вещи в Синдарии, не малая редкость, но ему уже приходилось видеть её на вооружении у некоторых брахманов. Тревога, стремительно ворвалась в мысли.

— Что ты делаешь? — грозно спросил Тадж и поспешил к юноше. Но прежде парень воткнул иглу в бедро и быстро вколол содержимое.

— Какого... — он остановился в паре шагов и насторожился. В этот миг откинулся полог шатра.

Сначала вошел Махатма, а за ним высокий, худой человек в потёртой, светло-коричневой рясе, подпоясанной белоснежно-белой верёвкой. Грозным взглядом он окинул шатёр. Тадж отвлекся и этим воспользовался алхимик. Игла второго шприца вонзилась прямо в сердце.

Волшебник уже направлялся к ним, когда сидящего на коленях, возле своей сумки, парня скрутило судорогой. Он выпучил глаза, схватился за живот и повалился на бок. Не успел никто сделать и шага, как юноша болезненно и громко застонал, а в следующую секунду издал истошный крик. От этого звука у Таджа холодок пробежал по спине, столько в нём слышалось адской, невыносимой боли. Внезапные звуки снаружи, похожие на раскаты грома, и пронзительный визг, заглушили этот крик.

Волес, тайком смотрел на синдарийского юношу недобрым взглядом, и внимательно следил за тем, чтобы сделать всё незаметно. Сначала его охватило волнение, что ничего не выйдет, но со временем оно переросло в приятное возбуждение по мере того, как продвигался процесс. Он извлёк четыре склянки и смешал содержимое, спрятав руки за своей сумкой, что бы этот дикарь ничего не заметил. Дикарь, а кто же ещё? Который по интеллекту ближе к орангутангу чем к Волесу. Даже если увидел, всё равно бы не понял, что творит гений по сравнению, с которым и алхимики с академии, где научный прогресс мчится впереди планеты всей, сушие приматы. Ещё никто не смог сотворить такого и ещё долго не сможет, а он смог. Его изобретение потрясёт мир, пришло время это доказать. При других обстоятельствах он может быть и не решился бы, но сейчас ситуация вынуждала. Он хотел помочь Джостару, который не бросил его на равнине, и даже Кангу, который его явно недолюбливал на протяжении всего знакомства.

Друзья? Нет, они не друзья. Волес теперь не столь наивен, как прежде. Эдриан преподавал ему хороший урок. Скорее партнёры, которых можно использовать, как и Рюка, для своих целей.

Юноша сдержанно улыбнулся.

Друзей у него никогда и не было. Теперь, вспоминая прошлое, он всё понял. Матушке всегда было всё равно. Её больше занимали толпы ухажёров, а впоследствии, любовников. Сверстники всегда чурались его, словно прокажённого, хотя он, вроде, и не давал им повода. А наставники хотели, лишь, использовать его гениальный ум в своих целях. Может быть поэтому, он всегда считал, что в мире творится какая-то несправедливость, вот только никак не мог понять, в чём её причина, а рядом никого не было, чтобы объяснить. Он отлично разбирался в алхимии, но в жизни не разбирался совсем.

Но ничего. Теперь он всё понял и покажет это всем. Мир давно плюнул на него, а теперь пришёл его черёд.

Его ещё терзали сомнения. Он годами работал над этим препаратом, но не имел возможности тестировать его на людях. Вот только сомневаться алхимику не хотелось. Все мысли об этом, он старался загнать на периферию сознания, и заглушить их рёвом предвкушаемого триумфа. Если всё получится, никто больше не сможет обходиться с гением непочтительно.

На несколько секунд пришлось отвлечься и ответить Синдарийцу, а потом перестать прятать руки и, снова заняться делом. Он достал два шприца и наполнил их получившимся содержимым. Почти всё было готово, осталось только уличить момент и совершить задуманное.

Синдарийский юноша начал связывать Канга, когда осталось наполнить ещё один шприц. Волес всё делал аккуратно, хотя и торопился. Когда миг настал, гений всё же заколебался на секунду.

— Что ты делаешь?

Услышал он грозный голос и это послужило сигналом.

«Да пошёл ты! Сильным себя мнишь? Думаешь я дерьмо безобидное? Я не позволю тебе так со мной обращаться! Больше никому не позволю! Я гений, Биомант! И скоро все будут со мной считаться!» С этой мыслью он сделал первый укол. Было больно, но он терпел. Волес уже подумал, что не успеет ввести вторую инъекцию. Но этот идиот, не видел другого шприца, и вместо того, чтобы помешать, замешкался и глупо уставился на него. В шатёр кто-то вошёл, и как только Синдариец отвлёкся, сделал второй укол.

«Всё!.. Но... Странное чувство. Что... происходит? Всё... Словно... Горит... Внутри. Неужели... Почему же так... Больно-о-о-о-о-а-а-а-а!!!»

Антуашка. Так звала его мама в детстве, и всегда пела ему одну глупую песенку, когда они ходили на посадку картофеля, в поля. А он это имя терпеть не мог, и эту песню, и картошку тоже. Всем мальчикам на праздники дарили игрушечные, деревянные лопатки, а ему досталось за то, что переделал свою в меч. После случая с дедом, ему пели другую песню. Она звучала в голове, когда он убегал, и звучит по сей день. Он сбежал от отца, от матери, и от всех, кто его знал. Самосуда не было, его не убили, староста послал в город, что бы судили по закону. Это почему-то злило ещё больше, чем, если бы селяне сами чинили суд. Антуан так и не понял почему. За то после этого случая, решил, что ни одного человека он не будет бояться. И так и было. Но теперь враги — не люди, им плевать на твою смелость, они не примут капитуляцию и не пощадят. И бравый капитан наёмников боялся. Но будь он проклят, если покажет это.

Когда появились Пустые, Антуан ещё лелеял надежду, что им удастся уйти. Он отвечал не только за себя, но и за отряд. За ребят, которые, не смотря не на что, остались рядом в трудную минуту. Джуда, Ганс, Орондер, Гатц, у каждого из них, как и у любого человека, была своя жизнь и свои мечты, но они сделали свой выбор. И вот куда он их завёл.

«Хорошо, хоть Гатц остался в Маджите.» — невесело думал Антуан.

Он покрепче перехватил пику и осмотрелся. Слева стоял Орондер и сжимал такое-же оружие. Рубежник со стены, уверенно держал пику, словно всю жизнь с ней в бой ходил. Их фальшионы не годились для этой ситуации, поэтому пришлось взяться за другое оружие. Брат Джуды рассказывал, что при прохождении службы на рубежной стене, тебя учат пользоваться копьями, алебардами, бердышами протазанами и гизармами. Как показала многолетняя практика, переть на четырёхсот фунтовую тушу орка с мечом или даже секирой, форменное самоубийство, если ты не мастер.

«Одного орка сдерживают несколько копейщиков, а смертельную рану наносят лучники

за их спинами. Так он рассказывал? Эх, не мастак я с пикой обращаться». — Он сам себе не весело усмехнулся и посмотрел вперёд, в попытке увидеть, что творится за баррикадой. Вдалеке, охотники разожгли костры, что бы арбалетчики смогли метко стрелять во врага.

Из его отряда только Джуда оставила привычное оружие. Да и, пожалуй, Ганс тоже. Девушка стояла на телеге, за спиной брата и всматривалась в горизонт. Ганс был там же, он сидел и прилаживал к стрелам рубежницы самодельные бомбы, в виде тонких продолговатых свёртков с фитилём.

«Со своими фитилями, все спички у меня забрал». — после этой мысли захотелось покурить, но Антуан не стал. — «И одна спичка, сейчас может жизни стоить».

С ними на телеге находился ещё один паренёк. В пропылённой светло-коричневой рясе, подпоясанной красной верёвкой. Он смиренно молился, стоя на коленях и не отвлекался ни на что, лишь еле слышно бормотал себе под нос.

«Мне бы у него выдержке поучиться». — подумал Антуан и сжал челюсти.

Он обернулся и посмотрел на лагерь. Бернард стоял на вышке вместе со своими помощниками, и глядел на восток. Вот только нигде не было видно синдарийцев. Сам капитан и Орондер уже облачились в свои доспехи. Куртки из дублёной кожи поверх кольчуг, плотно застёгнутых на множество ремней. Наручи, наплечники и поножи, из такой же кожи, с металлическими пластинами, вшитыми между двумя слоями, чтобы металл не гремел во время передвижений и нападений. И шлемы с широкими полями, похожие на каппелины пехотинцев свободных королевств. Доспех Джуды выглядел так же, только без кольчуги и шлема. Каждый занял своё место в обороне, а спутников всё не было.

«Может им с противоположной стороны место выделили? Хотя нет, должны бы вместе поставить, у них коллектив слаженный, привычный. Никто чужаку спину прикрывать не доверит».

От рассуждений его отвлёк молодой волшебник. Он подскочил как ошпаренный, его взгляд заметался:

— Что происходит? — взволнованно спросил парень, ни к кому, не обращаясь, тут же развернулся и бросился к своему наставнику.

— Чего это он? — спросил Антуан.

Близнецы в ответ лишь пожали плечами.

Вокруг старшего волшебника собрались все остальные, подопечные. Они быстро переговорили, и молодые чародеи, снова разошлись. Старший скрылся за шатрами, а паренёк поспешил обратно. Когда он вернулся на своё место Антуан тут же спросил:

— Что случилось?

— Сам не знаю... Мы ещё не встречались с тёмными. — парень был, явно, взволнован, он старался говорить спокойно и уверенно, но всё время прерывался и оборачивался. — Мы все почувствовали присутствие разрушительных сил, но... Наш наставник, сказал, что разберётся сам и не велел вмешиваться...

Мир, вдруг, затаил дыхание и замер, всего на несколько мгновений, и снова ворвался в чувства Антуана, вместе с нарастающим гулом и противными криками. Звуки разрывали темноту, и заполняли её липким страхом, который сковывал тело и разум.

— Замкнуть цепь! — над лагерем пронёсся крик Бернарда.

Антуан не понял, что это значит, но после отданной команды, от проволоки, окружавшей лагерь, послышался тихий, еле уловимый гул. А за тем, в небо взметнулось пламя.

— Ба-бах!!!

Пронзительный визг заполнили округу.

— Бах! Бах! Бах!

Огненные вспышки снова и снова озаряли сгустившуюся темноту. Все, затаив дыхание смотрели на восток. Крики становились всё громче.

— Джуда. Ты что-нибудь видишь? — как можно более спокойно спросил Антуан.

Со своего места, он ничего не видел. Только слышал, что взрывы звучат всё реже, а крики и гул всё нарастают.

— О-о, да. — напряжённо ответила рубежница. — И они приближаются. Сообразили, твари обойти.

Первые арбалетные щелчки послышались издалека. Все стрелки левее участка Налётчиков усердно полили в появившихся Пустых. Твари были совсем рядом, и шум стоял оглушительный, но как заметил Антуан, никто не дрогнул. Арбалетчики сосредоточенно отстреливали добычу, и стоит сказать, что арбалеты у них были на славу.

Такие встречаются не так уж часто, и стоят не дёшево, но любой охотник с таким оружием, обязательно скажет, что деньги были потрачены не зря. В отличие от своих немальских родственников — Чо-ко-ну, арбалеты охотников более массивные и дальнобойные правда имеют в магазине меньше болтов и чуть дольше времени уходит на перезарядку, а сама перезарядка осуществляется не рычагом, а подвижным цевьём. Такие, к сожалению, были не у всех, некоторые пользовались арбалетами с более простыми механизмами, и по долгу оттягивали тетиву, рычагом, воротом, или крюком, вставив ногу в стремя.

Антуан со своего места уже мог видеть приближающихся пустых. В воздух взметнулся сноп искр, когда твари разметали ближайший костёр, и в мгновение ока, на том месте расцвёл огненный цветок.

Бах!

Джуда пустила стрелу. Молодой волшебник тоже палил из своего светящегося лука, и капитан видел, как сияющие стрелы отрывают от чудищ куски мяса. Люди сеяли смерть, Пустые сражённые в голову, падали за мертво десятками, но раненные в грудь, брюхо или конечности продолжали упорно двигаться. Наконечники с чавкающим звуком впивались в плоть, и чёрная кровь заливала их белёсые тела. Ответом на обстрел, был громкий, пробирающий до костей, визг. Твари будто и не замечали своих потерь.

Они растянулись почти по всей северной стороне, а потом ринулись прямо на укрепления. Сплошная лавина бледнокожих тел, зубов и шипов, почти обрушилась на охотников. Антуан понимал, что их слишком мало, и натиска они не сдержат. Их накроет, сомнёт, раздавит, и никто не выживет. Капитан готов был заорать. Толпы чудовищ на полной скорости врезались в столбы с проволокой, и темнота наполнилась слабыми белыми вспышками, сопровождаемыми звуками — За-ап. За-ап. За-ап. Пустые умирали за один удар сердца, а их туши загорались словно по волшебству и оставались висеть на проводах, но твари за их спинами продолжали напирать. Воздух наполнился запахом горелой плоти.

Арбалетчики и Джуда продолжали обстрел. Прогремел ещё один взрыв и осветил море кишаших чудищ. Провода, опасно натянулись и, казалось, вот-вот порвутся, а лавина захлестнёт лагерь. Пустые напирала на своих мёртвых собратьев и противно визжали. Тихий За-ап, уже не звучал.

— Ну, давайте сукины дети! — выкрикнул какой-то копейщик невдалеке. Многие

выкрикивали ругательства, остальные ждали, затаив дыхание.

Антуан, взирал молча. Во вспышках он видел белёсые тела, и уродливые головы с оскаленными пастями, полными острых зубов и тягучей слюны.

Волна пустых отхлынула внезапно, твари в задних рядах подсакивали, словно ошпаренные, одна за другой. Рой поспешно отступал назад и растянулся дальше, вдоль проводов. Многие из чудищ двигались уже не так проворно. Они шатались, словно, городские пьяницы по мостовой, из стороны в сторону, и вот-вот норовили упасть. Некоторые так и сделали, но ещё толпы тварей двинулись дальше, вдоль укреплений. Чудища пробовали напирать одной толпой, в надежде найти дорогу к желанной добыче и взяли западнее. Теперь, оттуда раздавалось щёлканье арбалетов.

Как показалось капитану Налётчиков, он только сейчас выдохнул. Руки словно задеревенели, ноги будто налились свинцом, сердце колотилось как бешенное, а в горле, пересохло.

«Вроде не обделался. Нет синдариец. Тут двадцать лун маловато будет. И двухсот не хватит.» — подумал Антуан и не вольно улыбнулся.

— Выдержала. — прошептал он.

Провода выдержали, и пусть некоторые столбы опасно накренились, они устояли. Тела Пустых, так и висели на проволоке, но ещё больше их валялось на земле. Некоторые пытались встать и неуклюже ковыляли к общему рою. Таких безжалостно добивали из арбалетов. Надежда, вытеснила страх из души Антуана, с такой защитой они смогли бы выстоять и без потерь. Так же подумали и остальные, и явно, приободрились. Какой-то охотник на соседней телеге даже рассмеялся. Но его никто не поддержал, все неотрывно взирали на новую попытку прорыва. Бернард запретил покидать свои позиции без приказа, поэтому они сейчас только смотрели, а те, кто находился ближе к Пустым, посылали болты во врага.

Антуан взглянул на волшебника. В глазах чародея стояла тревога, а сам он места себе не находил. Парень стоял, словно на раскалённых углях. Он, вообще не интересовался Пустыми. В место этого он постоянно вертелся, и смотрел, то куда-то вглубь лагеря, то на своих собратьев по ремеслу, тех, которых мог увидеть со своего места, то на шатры в центре лагеря. А ещё, беспрестанно теребил в руках красную верёвку, что подпоясывала рясу.

— В чём дело, парень? — спросил Антуан.

— Я... — тот, вздрогнул, и посмотрел так, будто только заметил присутствие капитана. — Я не знаю. Та сила, что мы почувствовали. Она ещё где-то там, в лагере, а наставник Натан ещё не вернулся.

Капитан сжал челюсти. В лагере было темно, а шатры закрывали обзор. Со своего места, он мог видеть, только часть восточных и западных укреплений. Ему показалось, что он что-то слышал, но крики охотников и Пустых, заглушали все остальные звуки. Антуан ещё раз осмотрелся и заметил, что Бернарда, нет на вышке.

— Чёрт. — вырвалось у него.

— В чём дело, кэп? — спросил Орондер.

— Понятия не имею.

Бернард чуть не грохнулся с лестницы, пока спускался со смотровой вышки. Сейчас, стоило бы молиться Созидателю, что бы всё предприятие не пошло крахом, но вместо этого, он проклинал всех и вся. Прежде всего Витраса и его дурацкое предчувствие. Старшин

Берлоги, которые решили быстро и дёшево отделаться от проблемы, грёбаных Пустых, что объявились на равнине, проклятых пришлых, среди которых оказался тёмный колдун, и даже Натана, решившего, что он справится в одиночку. Но больше всего Рэдфорд клял себя самого, за то, что согласился на эту охоту, за то, что впустил в лагерь чужаков, и за то, что позволил волшебнику решить проблему самостоятельно.

О чём он только думал? Да понятно о чём. Все мысли были заняты подготовкой к предстоящей охоте. Из-за этого он словно в тумане, принимал одно неправильное решение за другим. Всё остальное казалось не существенным и не стоило внимания. А теперь приходилось расплачиваться.

Как только Натан и Синдариец скрылись в шатре, Бернард всё внимание переключил на приближающихся Пустых. Сотни тварей заполняли равнину. Они, словно ведомые единой волей стремились к людям, их крики становились всё громче, и вот уже в общей массе кишачих чудищ, можно было разглядеть отдельные белёсые тела. Взрывы прогремели внезапно, разогнав темноту, огонь взметнулся к небу сопровождаемый громким звуком, на секунду заглушившим противные крики. Рэдфорд оторвался от этого зрелища, когда на периферии зрения, сверкнула яркая жёлтая вспышка, а через миг ещё одна. Командир выругался, а за тем увидел, как из медицинского шатра выскочили двое синдариийцев. Один из них нёс на руках бесчувственную девку. Они успели пробежать лишь несколько ярдов, когда что-то, со скоростью пущенной стрелы, вылетело из того-же шатра им вдогонку. От удара в спину оба грохнулись и растянулись на земле. Даже в темноте, Бернард мог разглядеть куски белой материи, на том, что сбило синдариийцев с ног. Поэтому он схватил арбалет и поспешил вниз, оставив бремя командования на Витраса и Петро, которые находились вместе с ним.

Когда он подбежал к волшебнику, тот был ещё жив. Его ряса почти вся покраснела и намочена от крови. Натан являл собой кошмарное зрелище. Глубокие раны, огромные и рваные, как от когтей, кровоточили, а сам чародей давился кровью. Она заливала его истерзанное лицо, и глядя на всё это, было непонятно, как человек был ещё жив и в сознании.

— Грёбанное дерьмо. — выругался Рэдфорд, но его яростный крик потонул в общем шуме.

Натан, неожиданно схватил Бернарда за куртку и попытался притянуть к себе. Его шёпот было сложно разобрать, и командир лагеря услышал лишь несколько слов:

— Книга... не колдун... проклятая книга... уничтожь...

Из горла вырвался воздух, и волшебник обмяк, отпустив куртку.

— Что там случилось! — требовательно спросил Рэдфорд у синдариийцев.

Те уже поднялись и отстёгивали чакры от пояса.

— Хрен его знает. — ответил великан, не отрывая взгляда от шатра. — Тот парень, что был там... с ним что-то произошло...

Больше он ничего не успел сказать. Сквозь общий гам, что доносился от укреплений Бернард отчётливо расслышал, гулкое, утробное рычание, раздающееся из шатра. Он выругался себе под нос и нацелил арбалет на полог.

— Остайся с ней, парень. — услышал он голос великана, прежде чем, что-то чёрное выскочило из шатра и ринулось на Рэдфорда. Он успел выстрелить, но похоже не попал, потому что тварь совсем не замедлилась, и всё, что Бернард успел — это кинуть свой арбалет на встречу существу и отпрыгнуть в сторону. Он так и не понял, как так вышло, что

плечо обожгло болью, а его самого развернуло в воздухе.

Новый рык раздался совсем рядом. охотник успел поднять голову, чтобы посмотреть на тварь с которой не смог совладать волшебник. Наплечник из шкуры Главоглота она, играючи, разодрала своими огромными когтями, а теперь готовилась нанести новый удар. Командир успел заметить маленькие фасетчатые глаза на антрацитовый чешуйчатой морде и пасть с раздвоенной нижней челюстью, усеянную страшными зубами. Чудовище не успело ударить, чакра врезалась в его голову, но не впиалась в череп, а отлетела, будто от каменной стены. От удара голова дёрнулась, и тело слегка повело, но не более.

Только то, что существо переключилось на новых врагов, спасло командира от скорой гибели. Оно, рыкнув ещё разок, рванулась к новой угрозе в виде великана, который отбросил чакру и схватил пику со стойки для оружия, что так удобно находилась рядом.

Бернард быстро поднялся и успел увидеть, как великан ударил тварь прямо в грудь, но не пробил кожу. Наконечник чиркнул, словно о камень. Ударом руки, чудовище обломало древко. Великан не на секунду не растерялся и прежде, чем монстр нанёс удар, перехватил оружие, а затем уклонился от стремительной, но предсказуемой атаки и со всей силы саданул чудовище по ногам. Удар вышел сильный, он заставил противника упасть на спину... И с ним начало твориться, что-то странное.

Существо не попыталось подняться, точнее попыталось, но у него ничего не вышло. Тварь больше не стремилась нападать на людей, вместо этого, её тело било мелкой дрожью, а из страшной пасти, доносилось отрывистое бульканье вместо рычания.

Бернард встал и осторожно подошел к убийце Натана. Юноша оставил девушку и тоже приблизился. Из рта у твари, обильно лилась какая-то густая зелёная жидкость. Теперь командир лагеря смог получше рассмотреть это существо. В человеческий рост, покрытое антрацитовый чешуёй с небольшими наростами, как у крокодила, и спина, усеянная иглами, как у дикобраза. Оно повернулось на живот и исторгало из себя новую порцию зелёной субстанции. Руки и ноги его, похоже, не слушались и беспорядочно металась, колотили по земле. Через несколько ударов сердца тело его начало таять. Когти и иглы потеряли твёрдость и обвисли, словно, щупальца осьминога, а антрацитовое тело начало обтекать чёрной слизью. Тварь задрала лицо к небу. Глаза её провалились внутрь, а из глазниц вытекла белая пена. Нижняя челюсть срослась, а из рта посыпались зубы, когда голова снова опустилась. Монстр не издал не звука. Чёрная слизь почти стекла с тела, обнажая человеческую плоть под ней. Прошло не больше пары минут, прежде чем юноша, с ног до головы, покрытый чёрной слизью обмяк, и его голова коснулась земли. Бесчувственное тело лежало неподвижно, но никто не решался проверить, жив ли парень.

— Что это была за хрень. — спросил Редфорд, стараясь говорить спокойно. Плечо отозвалось тупой болью, при беглом осмотре рана не выглядела серьёзной.

— Да кто бы знал. — ответил великан.

— Этот парень. Он что-то себе вколол, и превратился в это. — добавил юноша.

— Но как он убил Натана?

— Ваш волшебник пытался атаковать, но его магия не действовала на этого. — ответил Тадж.

Несколько ударов сердца, все стояли в молчании, лишь кровь стучала в висках и противный визг повсюду.

— Командир! Командир!

Бернард повернулся на крик. К нему бежал один из охотников.

— В чём дело? Они прорвались? — Спросил командир, когда охотник приблизился.

— Нет... но... энерго кристалл, он почти иссяк, еле светится. Тарвел там, он поменяет, но пока он будет это делать, ослабнет защита.

— Сколько это займёт? — решительно спросил Бернард.

— Он сказал, что около минуты.

— Грёбаное дерьмо. Значит так. Беги к Тарвелу, и скажи, пусть смотрит на вышку. Как только подадут сигнал, пусть меняет.

— Понял. — Взволнованно ответил охотник и побежал обратно.

— Ждите здесь, я на вышку и обратно, пойдёте со мной. Возьмите пики и ждите меня.

На этих словах, он поспешил к лестнице.

— Какого хрена, ты из себя няньку корчишь? — с ненавистью в голосе спросил Тадж. — Я что ребёнок или баба какая?

— Заткнись парень. Не раздражай. А то в ухо дам. — сдержанно ответил Махатма и пошёл к стойке с пиками.

Тадж поспешил за ним:

— Да какого же хрена? Что ты меня защищаешь, как дитё малое? Я шикари всё-таки, не раз жизнью рисковал в джунглях. Думаешь я боюсь? Или не справлюсь? В чём дело?

Махатма, не отвечая, подошёл к стойке и взял одну пикку. Тадж тоже подошёл и схватился за другую, но великан перехватил её и сурово взглянул на юношу.

Тот рванул пикку, но великан держал крепко.

— Отдай, я не буду тут отсиживаться!

Он рванул ещё и ещё, а когда его терпение у Махатмы кончилось, тот рявкнул так, что Тадж сразу же опешил, и усталился на старшего шикари, как суслик на змею:

— А ну заткнись и послушай, сопляк! — лицо Махатмы исказила злоба. — Я головой за тебя отвечаю! Ты понял?! И не собираюсь смотреть, как ты лишишься своей из-за пустого желания по геройствовать!

— Но послушай...

— Нет, это ты меня послушай парень. — бесцеремонно перебил Махатма. Он помедлил немного, а когда снова заговорил, в его голосе усталости было гораздо больше, чем ярости, и как показалась Таджу, какое-то отчаяние. — Не моя эта ноша, и не хотелось мне её нести. Если бы я знал, в каком дерьме мы окажемся, то никогда бы не пустил тебя. И будь ты хоть сто раз шикари, я не прощу себе если ты погибнешь.

— Но как-же джунгли? Я постоянно рискую там? Когда я ходил на охоту, не очень-то ты переживал. Что изменилось-то?

Махатма как-то не определённо смотрел на юношу, и хранил молчание.

— Эй, пойдём! — Бернард уже спустился и никого не дожидаясь, убежал к укреплениям.

— Сейчас не время для разговоров, парень. — сурово произнёс великан. — Ты лучше позаботься о Ханне, попробуй разбуди её что ли. Или найди для неё безопасное место. Не забывай, ты здесь не ради своей бравады и гордости, а ради неё.

На последних словах, он развернулся и быстро зашагал следом за Рэдфордом, оставив Таджа в одиночестве.

Джостар крался в темноте под конскими навесами. С одной стороны, стена, с другой лошадиные зады. Животные не реагируют, так бесшумна его поступь. Он слился с тенями и скользил среди них, подобно незримому духу в мире живых. Он весь обратился в слух, обострил каждое чувство.

«Палач! Поцелованный госпожой! Проклятый Арлекин!»

Имена внушали липкий, почти материальный, животный страх. Главный палач клана явился по его душу. Джостару казалось, что Арлекин повсюду, следит за ним и может атаковать в любой миг. Одно неверное движение, одна ошибка отделяет от смерти. Убийца замер, и постарался успокоиться.

Он, как тогда, в подвале, почувствовал себя жертвой, слабой и незащищенной. Теперь ошибка, одна малейшая ошибка непременно будет стоить жизни. Джостар знал, его шансы невелики. Однорукий, одноглазый инвалид, измотанный дорогой. Вот только сдаваться не хотелось. Не так и не сейчас, когда стольким пожертвовано, и всё поставлено на карту.

«Мы ещё посмотрим...»

— Эй! Кто здесь? Ты меня слышишь?! Выпусти меня!

У Джостара всё упало внутри. Он чуть не подпрыгнул, услышав знакомый детский голосок, но успел взять себя в руки и присел, изготовившись к атаке. Через пару мгновений убийца понял, что ничего не происходит. Прислушался, но ничего не услышал. Тогда он в одну секунду, оказался около источника неожиданного звука, схватил клетку, и как можно тише прошипел:

— Заткнись тварь, не то сдохнешь. — и сжал клетку, так, что прутья готовы были раздавить маленькое тело Лавия.

Джостар был готов в любой момент сжать прутья, и раздавить бриджиса, но тот оказался на удивление вменяемым и не издал ни звука.

— Значит так. Слушай меня внимательно. Я тебя отпущу, прямо сейчас, но ты мне поможешь. — настойчиво шептал Джостар. — Где-то в лагере есть человек в чёрном, в рыжем парике. Ты должен его найти и сказать, где он. Понял? Кивни. — Увидев утвердительный кивок, он продолжил. — Вернись ко мне и скажи, где он находится, тогда я отдам тебе весь порошок. Понял?

Услышав про порошок, Лавий оживился, и хотел что-то закричать, но убийца его оборвал:

— Заткнись, твою мать. — он сильнее надавил на клетку. — Ты понял? — Ещё один утвердительный кивок. — Смотри, что бы тебя не засёк. Давай.

Он отпустил Лавия, тот не уверенно взлетел повыше и быстро взмахивая крылышками, улетел. Сомнения на счёт успеха этой затеи, закрались сразу же, как только Бриджис скрылся с глаз. Сейчас он увидит, что вокруг творится, и даст дёру, забыв про свой мешок. Но стоило использовать любую возможность. Шум вокруг, тем временем, всё нарастал, в воздухе слышались крики людей и визжание приближающихся монстров. Несколько томительных секунд ничего не происходило, как вдруг раздались взрывы. Вспышки разогнали тени под навесом, а Джостар повернулся, чтобы увидеть свою собственную. Он упал не задумываясь. Нож прилетел, через долю секунды и сталь впиалась в дерево с глухим звуком. Убийца уже потянулся к цепи рукой, но не успел схватить, как она исчезла вместе с клинком.

Джостар рванул вдоль навеса. Взрывы рассеивали мрак, и он был как на ладони. Стена закончилась, и он нырнул, за ближайшую палатку, и тут же откатился назад, за миг, до того, как пролетело лезвие. Второе попало в парализованное предплечье. Джостар впился в клинок свободной рукой. Он пытался не вытащить, а удержать оружие. Была бы здорова вторая, он перерубил бы цепь, но увы. Напор ослаб и к Джостару устремился Вильям. Он подобно пущенной стреле летел к жертве. Его противник не растерялся, он выставил руку с раскрытой ладонью, словно хотел остановить человека таким движением. Нож прошелестел рядом с ухом, в последний миг рыжеволосый дёрнул головой и сталь не нашла плоти. Второй нож отбил рукой, выпустил свой клинок, но Джостар успел пригнуться. Арлекин пробежал полукругом, а его соперник, ринулся следом. Ещё один нож прошелестел, рядом с рыжими волосами. Вильям одним резким движением сделал сальто назад и изящно подлетел над своим преследователем. Тот не растерялся, по инерции пролетел вперёд, упал на спину и выпустил заточку. В ответ ему прилетел нож. Джостар перекатился ещё раз, уходя от второй атаки.

Он успел схватить цепочку, извернулся всем телом и прижал её ступнёй к земле. Молниеносное движение рукой перед лицом Арлекина. Время остановилось всего на миг и понеслось дальше. Нож уже летел и с расстояния в ладонь нельзя было промахнуться. Тело противника отлетело, и скрылась в ворохе полотна сбитой палатки. Надежда, что он смог убить своего убийцу, старалась вытеснить сомнения, но что-то казалось не правильным, и Джостар силился понять, что. Он достал стилет, и посмотрел вниз. Нога его стояла на цепочке. Она валялась на земле вместе с клинком.

Джостар взглянул на то место куда упал Арлекин. Сомнений не было Поцелованного там нет. Он нигде не видел противника, страх холодком пробежал по телу.

«Ножей не осталось».

Вся уверенность куда-то исчезла. Убийца из убийц, больше не испытывал того превосходства, что всегда и везде сопровождало его. Теперь в душе властвовал иступлённый, бессильный гнев. На себя, на лживый клан, на судьбу, а самое главное, на Арлекина.

«Что он медлит? Профессионал так не делает, не играет с жертвой».

Джостар взглянул на шатёр, который покинул так поспешно. Книгу он не взял, чтобы не мешала, а теперь жалел о своём решении. Убийца затаился и чего-то ждал, это злило ещё больше. Душа не находила покоя и не хотела проигрывать, страх сменялся решимостью, уверенно прогоняя сомнения. Тем более он, кажется, разгадал задумку врага.

«Ты не помешаешь мне. Не сейчас, когда сила и власть вот они, только руку протяни! Поиграть решил? Мы ещё посмотрим кто кого».

Джостар больше не раздумывал, нажал на пластину, на повреждённой руке, и адреналин смешался с кровью. Он со всей доступной скоростью метнулся к лазарету. У врага всего один шанс. Мысли неслись, а убийца приближался к задней стенке шатра и уже готовился прорезать новое отверстие в ткани.

«Если он будет действовать, то сейчас!»

Джостар именно так бы и поступил. Все чувства обострились до предела, и он приготовился к неожиданной атаке. Но время шло, а её всё не было. Уже добрался, занёс руку, внутри шатра его спасение, если убийца решил поиграть с жертвой, пусть знает, что это дорого обходится...

Убийца вспорол ткань, но так и не проник внутрь. Из нового отверстия выскочила нога, и ударила в грудь. И не одно чувство не сообщило о приближении врага, хотя Джостар

ожидал атаки в любой миг.

«Да как?..»

От неожиданности удар показался особенно сильным. Торс обжигало болью. Джостар отлетел, он кувыркался по земле, пока его не остановила деревянная стена навеса. Весь воздух вышибло из лёгких, а рёбра хрустнули. Убийца пытался подняться, когда услышал звук шагов.

Он пытался говорить, но само дыхание давалось с трудом, и его хрипы тонули в общем шуме. Сил только на то, чтобы сесть и облокотиться о стену. Одежда намочила от крови, а в месте удара кровавая каша из обломков костей, обрывков ткани и разворочанной плоти. Джостар не питал надежд. В сознании он только потому, что адреналин действует. Силы и гнев враз оставили его, как дезертиры, понявшие, что бой проигран. Он остался наедине с бессильной злобой на себя, клан, и этого проклятого палача, что пришёл по его душу. Звук, неуверенным бульканьем с брызгами крови, вырвался изо рта. Джостар пытался смеяться, как мог. А потом отрывисто спросил:

— А рыжую мочалку-то... зачем нацепил? Страсть что ли... не здоровая?

В ответ молчание. Джостар взглянул на Вильяма и продолжил:

— Или лысым быть не по душе? Понимаю. Ладно давай... делай своё дело... я больше не длань.

— Ты никогда ей не был, предатель. И ты умрёшь, потому что предал Госпожу...

— Госпожу? Ты говоришь мне... о госпоже? — Джостар болезненно усмехнулся. — Меня подобрала люди, сделали протезы люди... и направляли люди. Всю жизнь я учился у людей, и работал на них. И никакой Госпожи не видел. Ты сраный фанатик понял?!... - он говорил всё громче и громче, и ему это доставляло сильнейшую боль. Но он не обращал на неё внимание и продолжал. — Верь в свою Госпожу сколько хочешь! А по мне, если я кого и предал... Кха — кха! — он закашлялся, но всё настойчивее и яростнее, словно одержимый, продолжал говорить. — Я... я предал только людей... Кха-кха!.. А не твою эфемерную богиню... Кха-кха!.. Сам то её видел хоть раз?..

Речь прекратилась, он залился кашлем, и не видел, как лицо Вильяма исказила гримаса отвращения и ненависти. Кашель убийцы оборвался, когда Арлекин ударил его в лицо. От столкновения с металлической рукой физиономия Джостара превратилась в кровавую кашу, но он ещё жил.

«Я снова ошибся...» — это была его последняя мысль, прежде чем Вильям схватил его за предплечья и пальцами надавил у самого локтя.

— Умри, как тебе и должно, предатель. Это ты и должен был сделать, когда понял, что больше не принадлежишь Госпоже. — Никто его не слышал, но если бы слышал, то поклялся бы, что голос Вильяма дрогнул.

Тело упало и задергалось в конвульсиях. Разбитый рот издавал лишь еле слышные хрипы. Сначала оплавилась грудная клетка. Кожа и кости, всё вместе с одеждой провалилось в обгоревшую дыру в теле. Затем убийца выгнулся дугой, и перевернулся на живот. С позвоночником происходило тоже самое, его словно облили кислотой, и теперь она растворяла ткань и плоть. Череп тоже оплавился и провалился внутрь, а предплечья уже превратились в грудку ржавого искорёженного металла. Всё это заняло не больше минуты.

Вильям с безразличным выражением лица, перевернул тело жертвы носком сапога. Что-то белело, на фоне изорванной, чёрной одежды. Человек в чёрном достал ожерелье из белой кости. Оно ничуть не пострадало, в отличие от всего остального.

Синдарийский юноша вышел из-за шатра и наткнулся на Вильяма. В руках он держал рыжеволосую девушку, а сам настороженно и задумчиво смотрел на убийцу и ожерелье в его руках.

— Держи! Кажется, это ваше.

Ожерелье шлёпнулось у ног Таджа. Тот взглянул на него, не выпуская девушку из рук и некоторое время рассматривал, словно в раздумьях, брать, или нет. Когда он поднял голову, Вильяма уже не было видно.

ХШ

Ханна очнулась на поле перед лагерем. Пусто было вокруг и темно. Люди и лошади исчезли, осталась только рапира у пояса. Девушка с облегчением нащупала рукоять. Все последние крохи рассыпающегося сознания она старалась сосредоточить на своём оружии и у неё получилось. Серые, низкие тучи заполонили небо своими клубящимися телами, они замерли, как и зелёный ковёр под ногами, как и воздух без малейшего дуновения ветерка. Лагерь охотников стоял в отдалении, но, кажется, пустовал. А вокруг властвовала оглушительная тишина, никаких звуков, кроме тех, что издавала она сама.

Ханна озиралась и не знала, чего ожидать, но изо всех сил старалась не бояться и надеяться, что Тадж вовремя даст противоядие, которое она ему так и не успела показать. Другой надежды у неё не было. Только на помощь возлюбленного и большую удачу.

Паразит не спешил показываться на глаза, и Ханна не знала, как ей поступить. Стоять на месте и бездействовать стало не выносимо, тишина давила на девушку, а тревога колола сознание ледяными иглами. Чтобы прогнать эти чувства, она решилась и выкрикнула в пространство:

— Эй! Тебя долго ждать?! Ты тут помниться симбиоз предлагал! Понравился ответ?

Ответ пришёл незамедлительно: знакомый мерзкий смех нарушил тишину. Ханна тут же обнажила клинок и огляделась в поисках противника, но никого не увидела. Смех оборвался и раздался ненавистный скрипучий голос:

— Я ждал тебя. Ну, что? Пришла убить меня?

— Покажись и узнаешь! — выкрикнула Ханна.

— Я и так всё знаю. А ты всё равно умрёшь! — рявкнул он в ответ. — Твоя надежда хрупка, ты не излечишься и сдохнешь.

— Я всё равно попытаюсь! — прошипела она.

— Хватит тратить время! Зря ты не выпила лекарство. Не хочешь соглашаться сама, я тебя заставлю.

Голос стих, а Ханна приготовилась к атаке. Она резко шагнула вперёд, и только благодаря этому избежала удара больших чёрных когтей. Следующий удар девушка отбила рапирой. Оружие выдержало и тут же устремилось блокировать вторую руку противника. Паразит оказался быстрым, а его атаки напористыми и Ханна могла лишь пятиться, и блокировать мощные удары когтей. Во сне всё оказалось не так, как в жизни. Усталости будто и не было, но страх ошибиться и пропустить удар никуда не делся. Он подстёгивал девушку, и она успевала отбивать все атаки паразита. Но неумолимо отступала под неистовым натиском. Ей пришлось использовать все свои знания и умения в фехтовании, чтобы сдержать его. И тем не менее, она чувствовала, что проигрывает. Вот-вот, ещё чуть-чуть и она пропустит...

Она присела и пропустила когти над головой, не вставая отбила удар другой руки, а потом резко выпрямилась и ударила наотмашь. Рапира разрубила пустоту, противник исчез, растаял в воздухе. Ханна не успела удивиться, как что-то сильно толкнуло в спину. От удара она упала и ударилась о землю. Со спины будто содрали кожу, боль была нестерпимой, весь воздух вышел из лёгких, а слёзы заливали глаза. На несколько мгновений, она потерялась во

времени и пространстве, а когда очнулась, услышала голос своего мучителя.

— Хватит играть. Эта боль ещё цветочки. Не хочется мне умирать в такой жалкой оболочке. Я слишком долго томлюсь в твоей никчёмной башке, так что сэкономь мне время и согласишься на слияние.

Ханна хотела ему ответить, но не могла. Она судорожно дышала и пыталась вытереть слёзы. Боль прошла так же неожиданно, как и появилась, но лишь от воспоминаний о ней дышать становилось тяжело, глаза снова наполнялись слезами, а по спине пробегал обжигающий холод.

Её грубо схватили за плечо и перевернули на спину. Рапира выпала из рук во время подлого удара и Ханна пожалела, что не подумала ещё и о чакрах. И всё равно попыталась пнуть паразита ногой, но тут же пожалела об этом. Когти полосонули по бедру, и ногу пронзило всё той же нестерпимой болью. В этот раз девушка закричала протяжно и истошно. Как и в первый раз, боль прошла, и Ханна взглянула на изувеченную ногу. Раны не было, даже следа на одежде. Это изумило её на столько, что девушка на секунду забыла о нависшей опасности и недоумённо уставилась на паразита.

— Глупая оболочка. — его голос был полон снисхождения, и выражение лица под стать голосу. — Ты не умеешь слушать. Ты. В своей. Голове. Ты не кусок мяса, а проекция своего сознания. Физически тебя никто не будет мучить, но боль ты испытаешь. — двойник расплылся в мерзкой улыбке.

Тварь склонилась над девушкой, и чёрный коготь незримым движением вонзился под ключицу.

«Больно!»

Снова боль, Ханна стиснула зубы и застонала. Одной рукой она схватилась за него, в безуспешной попытке вытащить. Коготь на указательном пальце правой руки нацелился девушке в глаз и стал медленно приближаться. Другой рукой Ханна схватила его в надежде не допустить новой боли. Она давила изо всех сил, но всё равно коготь неотвратимо приближался, а паразит злобно улыбался. Она отпустила тот, что держала правой и подключила левую руку, но это не сильно помогло. До новой порции боли оставалось не больше дюйма, как вдруг пространство перед глазами девушки пошло рябью.

Руку паразита с силой откинуло, а его самого повело. А в следующий миг воздух между ними поплыл, и двойника отбросило от жертвы на несколько ярдов.

От раны, снова не осталось и следа, боль, как и всегда пропала, но остались ощущения, что она может вспыхнуть в любой момент. Ханна поднялась, а с души, словно камень свалился. Тадж справился и это обстоятельство приободрило, и придало смелости. Паразит медленно поднимался, держась за голову, а девушка подобрала рапиру, и решительно направилась к противнику. Угрозы больше не было, весь страх испарился, а на его место, тут же пришли злость, и желание поквитаться со своим мучителем. Обиду за себя, за мать, и за отца, всё это она хотела выместить на этом мерзком существе.

«Только бы получилось» — думала она, когда приближалась к твари.

Ханна волновалась. Она была преисполнена решимости, но это непонятное волнение, почему-то не проходило. До врага остались считанные шаги. Паразит уже встал, и улыбнулся девушке. Все мысли на краткое мгновение вылетели из головы, когда рапира обрушилась на противника. Тот выставил блок, когти не соприкоснулись с лезвием клинка. До столкновения оставалось меньше дюйма, когда пространство между объектами пошло волнами. В ту же секунду тварь снова отбросило, и она грохнулась на землю в нескольких

ярдах от Ханны.

Похоже паразит не ожидал такого результата, иначе, зачем стал бы, это делать? Он сидел на земле и держался руками за голову. Ханна не раздумывая бросилась к нему. Паразит услышал быстро приближающуюся опасность, удивлённо взглянул на девушку, и вдруг исчез, а клинок рассёк пустоту.

Сердце Ханны сжалось, когда она поняла, что упустила свой шанс. Она в ярости огляделась вокруг, но никого не видела. Отчаяние поселилось в душе и сковало холодом. Ей хотелось завывать, но какое-то необъяснимое чувство останавливало её, а обречённость давила на мысли. Она постаралась успокоиться, но это давалось с трудом. Сейчас Ханна как никогда остро осознала, что второго шанса у неё не будет. Недавний проигрыш в бою, был тому подтверждением. Паразит оказался сильнее, при этой мысли рапира чуть не выпала из ослабевшей руки. Девушка упала на колени, и готова была зарыдать, она вспоминала родителей, а сердце наливалось кровью. Ханна держалась из последних сил, потому что не желала больше лить слёз, но делать это, почему-то становилось всё сложнее.

Исходящий злобой и весельем смех прокатился по округе. Все мысли разлетелись, перед надеждой и злостью, которые на время заключили союз и сплелись в новое труднообъяснимое чувство, заполнившее сознание девушки. Она резко подскочила на месте, подняла голову вверх и закричала в пустоту:

— Выходи проклятый трус!

Была в этом голосе и обида, и ярость, и приказ, и крик отчаяния, всего понемногу, а в ответ ей снова раздался смех.

— Завтра у нас будет честный бой. А сейчас я не могу тебя убить. — проскрипел паразит.

Ханна прислушивалась и старалась определить откуда звучит голос твари. Она вспомнила ту ночь, когда поняла, что на лице паразита нет и следа от встречи с костром.

«В ту ночь он сказал, что не может уйти, значит, где-то здесь, раз слышит и видит меня, но звук, кажется, разносится отовсюду, будто в голове».

Она стояла и смотрела по сторонам. Голос паразита стих и Ханна снова закричала, в надежде ещё раз услышать врага и определить его место нахождения:

— И долго я буду тут торчать?! Мне скучно, хоть бы развеселил меня!

Она постаралась успокоиться и сосредоточиться на своём деле. Снова наступила тишина. Сердце отбило десять ударов и на краткий миг замерло, когда Ханна услышала ответ.

— В таком состоянии, я не могу понимать, что происходит вне твоей головы, — резким скрипучим голосом ответил паразит, — а здесь время может растянуться, как угодно. Так что жди, что бы разбудили и не ной.

— А-а! Не нравится?! — Ханна расплылась, и постоянно перемещалась. Она надеялась, что паразит спишет её метания, на пагубную ситуацию. Но она всегда ускорялась, когда говорила сама, и замедлялась, когда слушала ответ, а сама искала. И надеялась. — Так ты, выродок, слушать меня не хочешь?! Так вот, красавчик, завтра мы не увидимся, потому что оба сдохнем.

Ответом ей была тишина. Прошло несколько томительных секунд, прежде чем паразит заговорил:

— Тебе духу не хватит. — отрезал он.

И губы Ханны тронула лёгкая улыбка. Её было сложно сдержать. В резком ответе

паразита ей отчётливо послышались нотки страха, а от смысла слов веяло отчаянием.

— Да что ты? — с издёвкой спросила Ханна. — Это ты в голове моей нарыл?

— Я не читаю твои мысли, но ощущаю, всё с тобой происходящее, пока ты бодрствуешь. — зло проскрипел невидимый противник. — Но поверь, человеческая натура мне известна. Говори всё, что угодно, но смерти ты боишься больше, чем меня. И когда придёт время, ты сделаешь правильный выбор.

Ханна снова замедлилась, пока слушала, но ей никак не удавалось понять, где прячется враг. Она снова огляделась вокруг. Равнина уходила к горизонту, сердце девушки сжалось, а сомнения на счет её задумки с каждой секундой терзали всё сильнее. Только сдаваться, ну совсем не хотелось, снова мысль о том, что она остановится и перестанет действовать, дала понять: это уничтожит её быстрее всякого паразита. Поэтому она, не взирая, на растущее отчаяние, снова крикнула в пространство:

— А ты бы на моём месте, что сделал?

— О-о. Я бы точно согласился. Ты не знаешь, от чего отказываешься. Ты бы получила огромную силу, вместе мы могли бы поставить сильных мира сего на колени.

— Складно чешешь. Вот только бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Не просто же так ты мне всё это дашь?

— Конечно, нет. Я растворю твою личность в своём сознании, а твой разум станет моим. Ты не исчезнешь, но станешь частью меня.

Ханна остановилась, а кулаки её сжались.

— Всего-то? — дерзко ответила она. — Что же ты сразу не сказал? Тогда я согласна. Подойди поближе и мы скрепим договор.

— Ну, нет, больше этого не повторится. Ты ещё ответишь сполна за свой обман! — рявкнуло существо.

Ханна и не ожидала, что её уловка сработает дважды. Она стояла на месте. Где находится паразит определить никак не получалось, голос всё так же звучал отовсюду. Но она продолжала говорить. Навязчивое желание разозлить собеседника не позволяло молчать.

— Да? А что, больно было? Прости, если бы я только знала. — она произнесла это с напускным сочувствием, прижала руки к груди и закатила глаза к небу. — Я думала, раз ты такой сильный, то тебе и огонь не по чём.

— Говори, сколько влезет. — Рявкнуло существо. — Скоро я буду слушать твои крики.

— Ну что ты так расстраиваешься? Ты, как я вижу мордашку не испортил, вон какой красавец. И следа не осталось. Ты, как и я, проекция сознания?

Ханна не собиралась задавать этот вопрос, он как-то сам собой пришёл ей в голову, когда она вспомнила о своей зажившей ране и комментариях паразита, и был озвучен без всякой цели. Ханна просто продолжала говорить, без особой надежды.

— Не совсем. — услышала она быстрый ответ. — Я всё-таки гость в твоём сне. Когда твоё сознание отключаются, мозговые волны имеют определённый ритм, который позволяет мне проецироваться в твоём сне. Мы оба не материальны, всего лишь выражение двух воль. И моя воля сильнее твоей. Вот только это имело побочный эффект и теперь я всегда в твоём сознании, когда у тебя наступает вторая фаза сна, поэтому я являюсь в любой твой сон. Это ведёт к его искажению, поэтому он всегда одинаков...

Паразит говорил что-то ещё, но Ханна уже не слушала. Сны. Ей всегда снились странные сны, иногда очень пугающие. Она уже не помнила какие, только то, что было жутко. В детстве её успокаивала мама, а маленькая Ханна слушала ласковый шёпот. Память

вернула позабытые слова, и они приятным шелестом пронеслись в сознании. «Не бойся своих кошмаров, ведь это твой сон. В своём сне ты можешь всё, даже летать». И глупая мысль: «почему бы не попробовать», породила жгучее желание взлететь к облакам, такое же сильное, как тогда, когда он ранил её, а она хотела, чтобы боль прекратилась. Ханна закрыла глаза, и земля словно провалилась, ушла из-под ног. На несколько мгновений девушке показалось, что она падает, но в следующую секунду тело застыло на месте и она открыла глаза.

У неё перехватило дыхание, когда она огляделась вокруг. Глаза не видели опоры для ног, и девушка зашаталась, как готовый упасть канатоходец в процессе работы. Она тут же начала падать, но мысленный крик: «нет!», снова заставил тело зависнуть в воздухе. Ханна неуверенно огляделась и обругала себя. Она своими манипуляциями, совсем не продвинулась к цели. Противник оставался невидим, а после удачного взлёта ещё и не слышим. Ханна захотела пролететь вперёд, но совсем не понимала, как. Движения пловца, ни к чему не привели, вернее почти ни к чему. Они вызвали жгучую злость у девушки и смех у паразита.

— А я смотрю у тебя неплохо выходит. — Проскрипел он.

— Да пошёл ты. — Выплюнула она.

— Думаешь я тебя так не достану? — Поддело существо.

Ханна не отвечала. Злость и гордость не позволяли ей произнести ни слова. Она взлетела вот только теперь не могла сдвинуться с места, не знала, как, поэтому молча висела в воздухе и глотала обиду. А тварь тем временем продолжала:

— А что, если бы я стоял на земле? Тогда зачем тебе летать? — раздался скрипучий смех.

Ханна постаралась не обращать внимания на насмешки и сосредоточилась на собственных мыслях. Самым большим желанием её было найти паразита и разрубить на части, и девушка, снова закрыла глаза, а когда раскрыла, то увидела, то, что и хотела. Отчётливым светлым пятном, на земле, ярко светилась фигура паразита. Он никуда не исчезал, просто был не видим для неё, и сейчас стоял недалеко от лагеря. Желание тут же потянуло её, смертельной молнией обрушиться на голову своего врага, чтобы раз и навсегда уничтожить его, а тело послушно выполнило, и устремилось к намеченной цели.

Она не успела покарать врага, небеса загрохотали, а мир вокруг задрожал. В тот же миг полёт её стал неуправляем. Тело камнем несло вниз, земля быстро приближалась. Но всего за мгновение до удара, всё заволочла тьма и девушка нырнула в неё словно в тёмную воду. А потом...

Шум и гам яростно навалились и терзали слух. Крики людей и противное визжание, редкие взрывы и вспышки волшебной энергии, всё это слилось в оглушительную какофонию звуков и в первые несколько секунд оглушило Ханну. Мысли быстро вернулись на свои места, и в первые мгновения её охватила обида. Она не успела... Всего несколько ударов сердца отделяли её от победы, а теперь будет ли у неё второй шанс? Ханна не знала ответа, а чувство обиды преобразилась в злость, направленную сначала вникуда, а уже через мгновение на виновника пробуждения. Вот только все чувства и мысли разлетелись как испуганные птицы, когда она открыла глаза.

Бернард готов был рвать волосы на голове от напряжения, и не только у себя. Ситуация грозила выйти из-под контроля, а он, к сожалению, не мог успеть везде. Та драгоценная минута что требовалась для замены иссякшего энерго-кристалла сильно повлияла на ход охоты и явно не в пользу людей.

Новый кристалл ещё не установили, когда Пустые снова обрушились на провода. Они напирала с запада, там, где оставили небольшой проход для людей. Те твари, что накинулись первыми были безжалостно вдавлены в проволоку, они молотили передними конечностями, и противно визжали. Часть устремилась в проход. А потом столбы первого рубежа не выдержали и покосились, а провода лопнули, как струны лютни в руках пьяного гнома, исполняющего весёлую песню.

Бернард не переставал выкрикивать команды в свёрнутый в воронку металлический лист. Его слова Витрас дублировал с вышки, с помощью такого же устройства, как у командира. Редфорд успел перекинуть часть людей и собрать их в нужном месте и в нужную минуту. Он уже понял, что всё это время рой Пустых двигался против часовой стрелки, набирал скорость и прорывался к добыче. Если бы они так не растягивали фронт, то могли бы смести защиту. Рэдфорд в этом не сомневался, но пока судьба была милостивой. В округе валялось уже много мёртвых Пустых, сколько точно, он не знал, но глядя на кишашее море тварей не собирался отвлекаться на бессмысленный счёт.

Алхимики достали свой инструментарий на изготовку, и стояли рядом с носилками, чтобы вовремя оказать помощь раненым. Волшебники потели от напряжения, но не переставали изливать на чудовищ свои заклятья. Бернард ничего не сказал им про Натана. Мысль эта тяготила, но понимание, что от его решения зависит множество жизней, настойчиво призывало к молчанию. Он не знал, как отреагируют юнцы, и не хотел рисковать. Потом, всё потом, им главное пережить эту ночь.

Пустые навалились в брешь, и пока энергии в проводах не было пролезали десятками. Когда они накинулись на второй ряд, провода снова тихо загудели, и те, кто попробовал взять их штурмом, вспыхивали бледным светом, как молния в ночи и загорались, повиснув на проволоке.

Охотники лупили в тварей, по чём зря, командиру казалось, что у них всех вот-вот закончатся стрелы. В полчищах Пустых раздавались редкие взрывы и сияли солнечные вспышки светлой магии. Двое молодых чародеев стояли на коленях и молились. Это помогало им восстановить немного сил, пока была возможность. Трое других: два парня, и девушка продолжали сеять смерть среди монстров по мере возможностей. Томас уже не использовал лук, а Ванда, не рассекала тварей гигантским хлыстом, потому что сил на это уже не осталось. Вместо привычного им оружия они использовали снежки.

Когда Бернард увидел это впервые, то сразу и не понял. Натан рассказал, что это такое же оружие. Молодой чародей учится постоянно. Лепить такие комки, но не только из снега, а из всего, чего только можно. Из грязи, из теста, да хоть из дерьма, если это спасёт тебе жизнь. И делать это при каждом удобном случае. Такие манипуляции должны стать делом привычки, неотъемлемой частью жизни чародея, и тогда, они не будут такими энергозатратными, но непременно станут быстрым способом атаковать.

Руки молодых ребят двигались быстро и умело. Одна рука уверенно зачерпнула воздух, и подняла его на ладони, а вторая легла сверху. Между ними в несколько мгновений разрастался сияющий кругляш, а волшебники катали его в ладонях, словно пытались придать ему идеально гладкую форму. А затем это маленькое солнышко устремлялось к

шпурмующим, и отрывало от них добрые куски плоти. Волшебники кидали их, как деревенские мальчишки камни и очень даже метко. Пустые подошли достаточно близко, чтобы чародеи не промахивались.

Сколько бы тварей не убили их всё ещё оставалась тьма тьмущая. Монстры рвались в брешь и напирали на второй ряд натянутых проводов. Столбы опасно накренились, но люди продолжали атаковать. Тела Пустых, прижатые к проводам вспыхивали и это давало охотникам лучшую видимость. Но твари продолжали набиваться и напирать на своих сородичей, они больше не растягивались вдоль укрепления. Несколько существ сделали это в начале и теперь своими телами завалили не широкий проход между первым и вторым рядом проводов. Противное визжание сотен голосов заглушило остальные звуки. Пустые в первых рядах пытались выбраться-они лезли друг на друга, некоторые ринулись к лагерю и у арбалетчиков добавилось работы. А потом второй рубеж пал, так же, как и первый. Толпа голодных чудищ прорвались, и ринулась на людей.

Люди отступали с укреплений, а некоторые бежали. Послышались первые крики умирающих. Чудовищ не останавливал страх получить стрелу, лишь инстинкт безжалостно гнал вперед. Бернард стоял на телеге, невдалеке. Он выкрикивал приказы, и охотники сбегались к нему. Нужно было перегруппироваться и выстроить из телег новую баррикаду, но они не успевали.

Волшебники тоже отступали. К командиру бежало множество арбалетчиков, и не так много охотников с пиками. Многим не удалось покинуть укрепление. Люди ещё не пришли в себя и не готовы были дать достойный отпор, а первые твари уже перевернули телеги и устремились к добыче.

Бернард обернулся, когда на востоке раздался слабый раскат грома, а с неба на его пысеющий затылок, упало несколько капель дождя.

Болты продолжали лететь в чудовищ, но не могли их остановить. За то смогли остановить два молодых волшебника, что пару минут назад мирно молились Созидателю. В сияющих латах, которые покрывали их тела, словно полный доспех рыцаря, чародеи обрушились на тварей. В руках они держали огромное оружие с каким обычно гномы изображают своих горных богов, тем самым подчёркивая их неземную мощь. В руках одного, с невероятной скоростью вертелся молот, с рукоятью в два человеческих роста и головкой с матёрого кабана. Второй волшебник умело орудовал таким же огромным топором, так, словно он ничего не весил.

Юноши ворвались в самую гущу, размахивая оружием, и уподобились камню, что рассекает водный поток. Сокрушительные удары сметали по несколько пустых за раз. Те пытались обогнуть смертельную опасность, но волшебники не зевали и не давали им шанса. Вот только двое не могли сдержать всех. Пустым всё же удавалось обойти их и вскоре таких было уже не мало.

Редфорд тут же разбил людей на группы, по несколько человек. Кое-кому пришлось сменить арбалет на пику. Небольшие отряды направились убивать тех Пустых, что смогли избежать сияющего молота и топора, остальные отойдя к центру лагеря сгоняли телеги с безопасных участков и строили баррикаду.

Бернард наблюдал за ходом сражения, и отправлял подкрепления к отрядам. Пустых убивали, но и люди несли потери. Алхимики по мере сил, подбирали раненых и уносили их за баррикаду. Со временем командир стал замечать, что людям приходится всё тяжелее. Пустых прибывало всё больше, Рэдфорд посмотрел на волшебников в сияющих доспехах.

Юнцы уже не двигались так проворно, а их оружие, словно обретало всё больший вес, с каждым ударом. Вокруг валялись трупы врагов, они мешали передвигаться, и хоть волшебные доспехи защищали своих владельцев, но не смогли спасти их от напирющей массы. Ребята пытались отступить, но не рассчитали своих сил. Они двигались слишком медленно, Пустые окружили их, а сияние магии на глазах тускнело, но прежде, чем броня и оружие совсем исчезли, юношей накрыл прозрачный, подёрнутый янтарной дымкой кокон.

Томас покраснел от напряжения, а по лицу его катился пот, но он удерживал Мыльный пузырь. Так они это называли, когда Бернард спросил. Это тоже была часть тренировки, юнцы постоянно ходили со своими склянками и надували эти мыльные пузыри, словно дети столичных аристократов.

В это время, Ванда и ещё один парень (Бернард не запомнил его имени), взобрались на телегу. Волшебница вытянула перед собой руки и закрыла глаза. Она делала странные движения, будто двумя камнями пыталась высечь искры для костра. Через десять ударов сердца, глаза девушки оторвались и из пространства перед руками появилась, и взлетела сияющая искорка. В мгновение ока она превратилась в ревущее золотое пламя. Лёгкое движение руки и огонь уже ползёт по земле к чудовищам. Почва под тварями вспыхнула ярким, жёлтым пламенем. Мыльный пузырь замерцал, но вдруг засиял с новой силой, когда Томаса сменил чародей, стоявший рядом с Вандой. Томас обессилил и осел на землю, а за ним и девушка. У обоих из носа текла кровь, верный признак перенапряжения и переутомления у чародеев. Золотое пламя тут же погасло, но волшебники уже были в безопасности. Огонь выжег приличных размеров площадь, вокруг пузыря. Парни, не раздумывая, воспользовались подаренным шансом, и ринулись к баррикаде.

Волшебники все до единого выбились из сил. Они больше не помогали простым людям своим волшебством и тем пришлось справляться самим. Огонь прогорел и ни что больше не останавливало чудовищ. Дождь уже готов был превратиться в настоящий ливень. Утоптанную землю быстро размыло, пустые носились тут и там, сметали палатки и набрасывались на обороняющихся.

Всё смешалось перед глазами. Бернард уже не отдавал приказы, а палил из арбалета так быстро, как только мог. У него кончались болты, тогда он снимал с пояса новую обойму, перезаряжал и продолжал стрельбу. А когда закончились и обоймы, схватил пику убитого охотника, собрал кого смог и атаковал. Он кричал до хрипоты, а вокруг были только грязь, кровь, пот, дождь, боль, отчаяние и надежда остаться в живых. Всё смешалось в этом безумном кошмаре. Сердце рвалось из груди, а разум отказывался осознавать происходящее, главное не расслабляться и колоть врага. И он решил, что небеса раскололись, когда раздался оглушительный раскат грома.

А потом всё закончилось. Рэдфорд не сразу понял это. Он лежал лицом в грязи, дождь заливал щёку, попадал в глаза, в рот. В небе раздавались редкие раскаты грома, но уже не такие, как этот, что минуту — другую назад, заглушил все остальные звуки, сотряс небо и землю. Словно не природа его создала, а один из богов громовержцев, почитаемый в древние, забытые времена.

Каждый дюйм его тела раскалывался от усталости и боли. Левый бок горел огнём, а правая нога онемела. Большим усилием командир заставил своё тело шевелиться. Оно отозвалось болезненными спазмами, но всё же подчинилось. Сквозь стену дождя и царившую темноту, он пытался разглядеть происходящее, но это удавалось с трудом, только редкие крики, наполненные болью, изредка раздавались во мгле.

Лагерь был разгромлен и являл собой печальное зрелище. Он разглядел людей — они были похожи на призраков, бесцельно блуждающих в ночи. Разбросанные палатки втоптаны в грязь, навес для животных разбит. Трупы устилают землю...

«Трупы!...»

Осознание происходящего навалилось неотвратимой, огромной волной, и накрыло все чувства. Он подскочил и огляделся, в надежде, что его догадка не подтвердится. Но увы...

Тел не было. Он не видел ни одного человеческого тела. Да что же это такое? Даже раненых было немного. От осознания этого мурашки побежали по спине.

К нему спешили Витрас и Петро.

— Бер! — расслышал он крик помощника в шуме дождя. Выглядел он встревожено.

— Куда они дели людей? — мрачно спросил Рэдфорд, когда помощники приблизились.

Витрас заговорил так, будто совсем не хотел этого делать.

— Они забрали их с собой. Всех мертвых и много раненых забрали. И не только людей. Лошадей у нас нет, их тоже того. Они и своих мертвецов забрали.

В первые секунды Бернад не знал, что ответить.

«Да как же так?». Только и вертелось в голове.

— Что произошло? Почему они бежали?

Витрас вздохнул, и обратился к Петро:

— Что ты там говорил?

— Я... Я думаю, гром напугал их. — неуверенно произнёс охотник, и добавил. — Под землёй нет таких звуков... Я думаю.

— Что думаешь? — спросил командир у Витраса, когда Петро замолчал.

— Не уверен. Взрывы их не испугали. — отрешённо ответил охотник. — Думаю, сообразили, что потеряли много своих, схватили, что есть, и сбежали.

Мысли уже пришли в порядок, а разум командира готов был обдумывать дальнейшие действия. Работу они так и не доделали, а Пустые вернуться за новой порцией еды. Может даже следующей ночью.

— И сколько их ушло? — всё так же мрачно спросил командир.

— Ты сколько насчитал? — Витрас снова обратился к Петро.

— Не знаю, сложно сказать, может двести? — скорее спросил, чем утвердил Петро.

Командир вопросительно взглянул на Витраса.

— Не уверен, но думаю, что больше. — ответил он.

Бернард собрался с мыслями.

«Так всё дело пропадёт. Но ничего. Я жив, а это самое главное.»

Стоило организовать помощь для пострадавших из тех, кто твёрдо стоит на ногах, пересчитать потери, и позаботиться о своих ранах, а иначе, в ближайшее время, в пору будет завешание составлять, а не планы строить.

— Какие потери?

— А кто же знает-то, не считали ещё. В себя ещё прийти не успели. — процедил Витрас.

Бернард ещё раз огляделся, и произнёс:

— Ладно. Помогите рупор найти.

«Что же ты рыдаешь?» — она задавала себе вопрос за вопросом, сама отвечала, и рыдала навзрыд.

«Убийца наказан, а ожерелье вернулось к тебе. Разве ты не этого хотела?».

«Этого».

«Тогда почему тебе так больно?».

«Потому что Тадж...»

Он защитил в минуту, когда она была абсолютно беспомощна, а Пустой сделал то, что не удавалось многим опасным хищникам из Ядовитых Джунглей — пробил, пропитанную смолой, броню Шикари. Суставчатая передняя конечность, ударила в спину юноши. Тадж появился быстро, загородил своим телом, и спас её от смерти, а теперь сам готовился к встрече с ней.

Тадж мог умереть, если бы не Махатма. Он с яростным криком обрушился на Пустого и пикой проткнул уродливую голову.

Тадж обмяк, но оставался в сознании. Первые слёзы потекли по её щекам, когда он протянул ей ожерелье. Она смотрела на него. Измученный, но счастливый. Безрассудный глупец. Она так боялась за него...

«Так почему же позволила этому случиться?» — снова вопрошал внутренний голос.

«Не могла по-другому».

«Не могла, или не хотела?».

«Это не имеет значения, он бы не отступил, даже откажись я от этой проклятой затеи. Собрал бы людей и бросился в погоню. И слова, вроде: «Я боюсь за тебя», не подействуют. Глупые Синдарийские устои. И глупый Тадж».

«И почему ты не осталась? Почему бросилась в погоню?»

«Потому что, боюсь за него. Потому, что хотела защитить».

«И как? Удалось?»

«...»

«Что же ты молчишь?»

«Потому что, несправедливо! Почему всё так не справедливо?!»

Она рыдала и спрашивала себя об этом, когда тащила возлюбленного по грязи, в попытке спрятать под телегой. Она плакала и задавала свои вопросы Махатме, когда тот оказался рядом.

Он мог бы обвинить Ханну в сокрытии правды о её состоянии и был бы прав. Он мог бы упрекнуть её в том, что она, причина всей этой авантюры. И был бы прав. Махатма мог бы сказать многое или вообще ничего, но он ответил:

— Потому что нет никакой справедливости, только обстоятельства. Мы только принимаем решения, а потом переживаем последствия. И это тяжелей всего. Все мы люди — поэтому все мы ошибаемся.

Каменное лицо, отрешённый взгляд, и напряжённое дыхание. Махатма отгородился от мира, все движения и слова стали скупыми и экономными. Но в его карих глазах Ханна видела печаль и всю тяжесть груза ответственности, возложенного на его плечи. Это он должен был беречь её и Таджа, и в первую очередь Таджа, а он не уберёг и не защитил. А теперь был бессилен, что-либо исправить. Ханна не знала о чём думает великан, но догадывалась о его чувствах. Он, как и она, сейчас, корит свою глупость, бичует раба-душу плетью-виной, и не может найти покоя. А ведь ему держать ответ не только перед своей совестью, как ей. Но перед другом и соратником, чьего сына он согласился беречь.

«Нет. Махатме куда больше чем мне». - подумала Ханна.

Дождь стих, ветер унёс грозовые тучи на запад, а те, точно, недовольные таким

положением вещей, возмущённо громыхали и сверкали. Ханна смотрела, как Таджа кладут на носилки, и уносят к центру лагеря, где чудом уцелели несколько больших шатров, в том числе и медицинский.

О состоянии юноши сложно было судить. Ранение не смертельное, но он потерял много крови, и теперь вся надежда была, только на оставшихся в живых алхимиков. В этом тоже виновата она? Потому что слишком долго тащила его подальше от страшных тварей, носящихся вокруг?

Она села прямо в грязь, и обхватила голову руками. Мучительная боль разрывала сердце, и хотелось убежать, скрыться, провалиться под землю, или забыться беспробудным сном. И больше не страдать, не думать обо всём этом.

Крики разорвали темноту неожиданно и страх сковал сердце льдом. Даже вопли раненого, которому ампутировали ногу не звучат с таким невыносимым страданием. Душераздирающие крики множества голосов раздавались из лазарета. И потрясли всех, кто находился снаружи.

Антуан выбросил разбитый портсигар с промокшими самокрутками. Хотелось закурить. На капитане не было ни царапины, перепачканная грязью одежда и пару ссадин не в счёт. Другой бы порадовался такой удаче, но как он мог? Вместо радости, только саднящее ощущение в груди. Бессилие и злость объединились и безжалостно терзали разум своего владельца, когда он смотрел на близнецов.

Когда всё закончилось он принялся искать свой отряд или то, что от него осталось. Вот только оказался не готов к потрясению, когда нашёл. Джуда склонилась над телом брата и Антуан мог поклясться, что никогда не видел Рубежницу такой подавленной. Она не рыдала, но яростно пыталась вернуть Орондера в сознание. Она била его по лицу ладонями, и, кажется, абсолютно не сдерживала удары, поминала брата последними словами, и совсем не стеснялась в выражениях.

Капитан готов был расцеловать Ганса, когда его увидел. Тот, как и Антуан, целый и невредимый, первым делом, побежал осматривать Орондера. Он чуть не схлопотал по роже, когда пытался оттеснить Джуду, но капитан вовремя пришел на помощь. Вместе они смогли успокоить Рубежницу.

Ганс осмотрел Орондера и оценил его состояние, как критическое. Шип на передней конечности твари, пробил дублённую кожу, разорвал кольчугу и оставил страшную рану в боку.

Алхимики унесли брата Джуды и Ганс поспешил с ними. Антуан остался один на один с подчинённой и в первый раз в жизни чувствовал себя так неловко рядом с Рубежницей. Может стоило что-то сказать? Слова не шли и все казались не к месту. Он не хотел смотреть ей в глаза, потому что тут нечего было говорить. Они пошли за ним, доверились и вот что вышло. Его вина. Капитан отвечает за своих людей. Да, каждый получает свои деньги, но капитан отвечает.

«Иначе зачем он нужен».

Он, всё-таки взглянул на девушку, посмотрел ей в глаза. Она насупилась и смотрела себе под ноги. Сердитое дыхание можно было расслышать и за милую, а кулаки сжаты. Похоже, она держалась изо всех сил, чтобы не зареветь. Они вместе прошли много битв на юге Кер — Азатанга. И ни разу Антуан не видел, как девушка плачет. Хотя поводов было не мало. И даже сейчас, когда в опасности жизнь человека, который был рядом с самого

рождения, всю жизнь надоедал и раздражал. Самый близкий человек на свете. Даже сейчас, девушка силилась, чтобы не плакать.

Капитан молча подошёл и обнял её. Очень хотелось закурить...

Крики непередаваемого ужаса и боли разнеслись на всю округу.

Бернард стоял рядом с уставшими волшебниками над трупом Натана.

Ребята весьма стойко отнеслись к этой новости. Все они сильно устали. Ванда плакала, но быстро выбилась из сил. Хмурые взгляды ребят, избегали встречаться с глазами Бернарда. Тела парня, убившего Натана, нигде не было, и всё, что осталось — разорванный наплечник, рана на руке, и кучка тёмной грязи на земле. Поверили ему или нет, он не знал, но чародеи оказались немногословны. Они расселись вокруг тела учителя, опустили на колени и тихо зашептали свою молитву.

Редфорд встал и огляделся. Он хотел найти Синдарийца и капитана тех ребят. Они отлично помогли. Если бы не тот одноглазый, не стоял бы он сейчас здесь. Лопата вышибла зубы Пустому, за миг до смертельного удара, и спасла командира.

Но он никого не увидел. Несколько носилок занесли в лазарет. Всё произошло почти одновременно, но всё же с некоей, еле различимой последовательностью. Сначала в шатре погас свет, в сию же секунду все пятеро волшебников застонали и исторгли из себя содержимое желудков, прямо на тело наставника. Может в какой-то другой ситуации это могло выглядеть смешно, но только не в этой. Ещё пару ударов сердца и крики разорвали темноту. Да такие, что шерсть встала бы дыбом на загривке командира, если бы была. Редфорд не раздумывая, захромал к шатру.

XIV

Зрачки бешено завертелись, как только поднялись веки. Безумные глаза ощупывали пространство вокруг, но не находили того, что искали. Их обладатель не видел, но чувствовал. Он рядом. Гримуар зовёт.

И он звал. Он обещал, убеждал, приказывал и лишал воли. Приятные ощущения охватили всё тело, от макушки, до пяток. Колдун попытался подняться, но понял, что накрепко связан. Это его не расстроило, только обрадовало. Идиоты не привязали ему руки к ногам за спиной, лишив возможности встать. Вместо этого связали руки за спиной, и ноги.

Снаружи раздавался неопиcуемый шум. Раскаты грома смешивались с криками и визжанием. Канг не слышал этого. Он попытался встать и у него получилось.

Книга лежала на теле северянина и черный переплёт её беспрестанно шевелился, как медленно закипающая смола. Гримуар вырос. Огромный, почти с весь торс берсеркера, он пил из него жизнь. Кожа и кости, по-другому и не скажешь, вот что осталось от великана. Это ужасное зрелище, нисколько не смутило колдуна. Он прыгал на связанных ногах и быстро приближался к артефакту. В его глазах стоял радостный блеск и безумное желание. И больше ничего. Оглушительный раскат грома, заставил землю под ногами трястись, и вскоре после этого всё затихло.

Канг не глядел на предмет своего желания, он налетел, с разгона, и не сомневаясь, прильнул лицом к книге. Два удара сердца, и чёрная субстанция заскользила по лицу колдуна. А тот не переставал блаженно улыбаться.

Перепуганный заяц, спрятавшийся в кустах, и даже не смеющий пошевелиться от страха. Такое сравнение больше всего подходило Волесу. Обессиливший, продрогший и абсолютно одинокий, он лежал под развороченной палаткой и наблюдал за происходящим. Ткань была мокрой и холодной, но он всё равно завернулся в неё, чтобы скрыть наготу.

Юноша прибывал в абсолютной растерянности. От холода у него зуб на зуб не попадал. Хотелось плакать, но он боялся выдать себя.

Своё незавидное положение Волес осознал целиком и полностью, когда, понял, что среди людей, нет ни одного знакомого лица. Канга и Джостара среди выживших не оказалось и мысль, что он остался здесь совсем один, голый, среди чужаков, заставляла ежиться от страха. Заяц среди волков. Юноша не питал иллюзий. Люди никогда не были добры к нему так, как он к ним. В лучшем случае, безразличны. С чего бы этим отличатся от остальных? Раньше алхимик, обязательно попросил бы помощи. Но не теперь, когда он наконец-то смог понять, что надо быть такой же распоследней сволочью, как и все, чтобы соответствовать, так сказать норме социальных взаимоотношений. Нет. Никого он просить не будет.

Эта мысль привела его в чувство, и жалость к себе немного отступила. Он вспомнил про свою сумку, про книгу, про то, что он хотел сделать. Превратиться в существо иммунное к

магическим и физическим атакам, способное эффективно убивать. Проблема была в том, что Волес не мог вспомнить абсолютно ничего. Он помнил ту нестерпимую боль, и желание разбить себе череп, лишь бы её не чувствовать. И всё. Разум пробудили из забытья: раскаты грома, вода с неба и крики Пустых. А потом только страх, холод, боль и усталость. Развернувшаяся картина не давала никакой информации, относительно случившегося. И это волновало юношу не меньше, чем отсутствие одежды. Как бы не больше. Что-то явно было не так, об этом Волесу говорило хотя бы то, что кругом оставались живые люди.

Он попытался хоть что-нибудь вспомнить, но тщетно. Впрочем, в ожидании худшего, алхимик решил для себя две вещи. Во-первых, на всякий случай, не стоит выдавать своего присутствия. А во-вторых, необходимо раздобыть одежду и, во что бы то ни стало, вернуть свою сумку. О том, чтобы уйти без неё, юноша и думать не хотел, и готов был рискнуть.

Желание вернуть своё добро подстёгивало к активным действиям. Волес уже было решил. В голове созрел план, как раздобыть одежду, как вдруг, ночь разорвали жуткие крики.

Тучи продолжали прятать луну от людских взоров, но охотники зажгли несколько, уцелевших факелов. Благодаря специальной алхимической обработке, пакля не теряла своих свойств от намокания, а пламя пылало ярче, и гораздо дольше обычного. И Волес всё прекрасно видел. Как потух свет в лазарете. Как командир лагеря зашагал ко входу. Как сбегались уцелевшие, и как один из охотников рванул впереди Бернарда. Чёрная цепь вцепилась ему в шею и потащила внутрь шатра. В пять ударов сердца тело проволокли по земле, и оно скрылось за пологом. Командир поспешно отступил, а к нему рванулись волшебники.

Волес смотрел, не отрываясь и только тихо прошептал:

— Клянусь своей сумкой.

— Что за чёрт?! — рявкнул Редфорд, обратившись ко всем сразу.

Но никто не ответил. Все настороженно смотрели на шатёр. Петро затянуло внутрь и наступила тишина. Все сбегались на площадку, освещённую факелами. Рубежница уже натягивала новую тетиву. Многие охотники последовали её примеру. Если бы Пустые не отступили, а дождь не утих, всем арбалетчикам пришлось бы взяться за пики. К Бернарду подошёл Антуан, Махатма и рыжеволосая девушка, у которой, при первой их встрече случился припадок, и имени которой он так и не узнал.

У всех в глазах читался один и тот же вопрос, который командир задавал сам, несколько секунд назад. Озвучил его Антуан:

— Что произошло?

— Да если бы знать. — напряжённо прошипел Бернард.

Он огляделся, сам не зная, чего ищет, и заметил волшебников. Те держались вместе, и смотрели на шатёр... Холод пробирал от такого взгляда. Так охотничьи собаки смотрят на чащобу, из которой явился тигр. Нет. Сотни тигров. Сомневаться не стоило, если кто и знал, что происходит, то это были чародеи.

— Эй! Что это за чертовщина? — пришлось в упор подойти и гаркнуть, что бы ребята его заметили.

Они вроде бы и хотели что-то ответить, но, как будто не знали с чего начать, и кто первый возьмёт слово.

Командир огляделся. В шатре, пока, не происходило никаких изменений, но люди всё

равно не осмеливались приближаться. Даже те, кто не видел, что произошло с Петро, напряжённо следили за пологом, готовили оружие, но не двигались с места. Никто не произнёс не слова. Вокруг витало всеобщее напряжение. Лагерь наполнила незримая угроза, исходящая от шатра.

— Командир Берnard.

Рэдфорд дёрнулся, услышав, робкий голос Ванды. В один удар сердца он весь обратился в слух.

— Вы когда-нибудь слышали, про Тварей и Демонов? — это был не риторический вопрос. Она терпеливо ждала ответа.

Твари и Демоны. Конечно он слышал. В здешних краях это более чем редкое явление, но даже на восточном краю Немала, слышали о них. Но слухи на то и слухи, они отличаются поразительной неточностью поэтому, здесь, чего только не болтают. Единственное, что Берnard мог сказать точно, там, где появляются эти создания, неминуемо случается локальный конец света.

Ох, и не понравился командиру этот вопрос.

— К чему ты клонишь? — прошипел он.

Может он оказался слишком резок, но тут произошло уже порядочно. Больше половины людей погибло. Работа не сделана, а о продолжении охоты не может быть и речи. Демон — это меньше что сейчас нужно этим людям и самому командиру, в частности.

— Видите ли. Тварь, или Демон, — Ванда будто и не заметила грубости охотника. Она заговорила как ни в чём ни бывало. — в нашем мире, эти создания...

Томас громко кашлянул, и перебил Ванду. Девушка смутилась, всего на микро-мгновение, но это не укрылось от Бернарда. Ребята не договаривали, но он не стал акцентировать внимание и продолжил слушать чародейку.

— ...они состоят из частички истинной тьмы... — она исправилась, но снова запнулась. Ещё одно микро-смущение. — Ну... в общем, здесь не может появиться тот или другой. Мы чувствуем энергию разрушения, не обычного колдуна, а самой настоящей тёмной Твари. Одной из тех, что иногда поднимаются из недр. Вот только здесь не было прорыва Твари, и тем более пришествия Демона. Для этого необходимы... Некоторые условия и обстоятельства. Такое сложно не заметить. Но мы все чувствуем, здесь именно эту тьму хаоса и разрушения. Однажды мы сталкивались с такой, во время учёбы, и чувствовали тоже самое, что и сейчас. Нас на изнанку выворачивало. Учитель Натан убил тварь.

На этих словах она замолчала. А Берnard подумал, что информация не несёт никакой практической помощи. Стоило бы немного надавить на юнцов, и выведать то, о чём умолчала девчонка, но он не стал. Берnard смотрел на них и видел пятерых напуганных детей. Они не решат проблему за него, как бы не хотелось. Он здесь командует, а дети теперь под его защитой. Командир принимает решения.

— И что теперь делать? Мы не знаем, что там с нашими товарищами. А вы говорите, что там Тварь или Демон, которые не могли здесь появиться. И если так, то что нам теперь делать? Может надо пойти, посмотреть? Или стоит уносить ноги отсюда, пока целы?

Пока Берnard говорил, он косился, то на Витраса, то на волшебников. Первый ему ответил помощник:

— Нет. Бежать я не хочу. — медленно и задумчиво начал он, глядя командиру в глаза. — Во-первых, без припасов, куда мы пойдём? Вокруг пустошь. А во-вторых, я, пока не

узнаю, что с ребятами произошло, отсюда не уйду. Мне ещё их жёнам, детям и родителям, в глаза смотреть. И что я им скажу? Мол, не знаю, я ушёл?! У нас тут, почти у всех друзья, родственники, нам перед их семьями ответ держать. А ты сестре, что скажешь?

Бернард проигнорировал последний вопрос. Глупцы. А если некому будет сообщать родным и близким? Хотел спросить командир, но не стал. Он рассматривал оставшихся в живых охотников. Три дюжины, тех, кому повезло избежать серьёзных ранений. И от вида, внутри рождалась гордость. Они все решили остаться.

— У меня там брат! — выкрикнул Амато.

— А у меня сын! — поддержал его Витар.

— А у меня друг детства, Жак!

— А у меня племянник...

— А у меня...

Голоса звучали всё бодрее, и так пока каждый кто хотел, не высказался. Досада и злость терзали не только командира. Они провалили охоту и потеряли столько хороших людей.

— Мы тоже останемся, командир Бернард.

Томас и другие волшебники стояли рядом.

— Вы же почти без сил? — услышали они в ответ.

— Это не имеет значения. Силу можно накопить. И мы должны этим заняться. Это требует времени, поэтому мы должны просить вас помочь нам.

— В чём? — недоуменно спросил Бернард.

— В уничтожении порождения Разрушителя. Что бы там не произошло, это проявление тёмной энергии. Силы, с которой мы поклялись бороться ценой своих душ...

Бернард хотел усмехнуться этой белиберде, о спасении души, загробном мире, и надмировых силах. Для него, что Твари, что Демоны, не больше, чем странные существа. Вот только ему пришлось проглотить свою усмешку, когда он повнимательней присмотрелся к юнцам. Дети не боялись, а в глазах их пылала решимость святых воинов, готовых умереть за правое дело. Он не верил в Созидателя, да и вообще в богов, но здесь и сейчас поверил в этих ребят.

— Нас к этому готовили. — продолжал Томас. — Мы принесли клятву Созидателю. Мы не знаем, что там такое, но порождение мрака узнаем без труда. В любом случае мы не отступим, пока не попытаемся остановить это. Мы поклялись защищать людей от тьмы. Пусть даже ценой наших жизней...

— Да бред какой-то! — перебил Бернард. — А если силы не равны, что тогда? Бросаться в полымя и жертвами идиотского героизма там...

— А не бред сотни мёртвых детей?

Настала очередь Томаса перебивать. Бернард даже опешил на мгновение, от неожиданности. А парень тем временем продолжил:

— Мы пока не знаем, равны ли силы. Но порождение разрушения, всегда порождает только разрушение, тут, к гадалке не ходи. Если исходить из того, что это Демон, а мне почему-то кажется, что это он, а не Тварь, то уйти, означает обречь тысячи людей на верную смерть. Мы не можем поступиться. В нас есть частичка Его света, и мы принесли Ему клятву защищать этих людей.

— Что ты хочешь этим сказать? У нас есть шанс убить Демона? — соратники заразили его духом доблести, и он очень хотел услышать утвердительный ответ. Волшебники сказали, что там все мертвы, но последняя надежда, что кто-то из людей ещё жив, не желала уходить.

— Именно так. Для истинной тьмы это чуждый мир, как и для истинного света. Ему всегда нужен какой-то носитель, и актуализация. Для этого нужно время. Пока его можно поразить обычной сталью. Убить очень тяжело, но ранить можно. И он в первые часы очень уязвим для нашей магии.

— А что потом? — спросил Витрас.

— С восходом солнца он будет искать укрытия и уйдёт под землю. — ответила Ванда. — Там полностью воплотиться, и пойдёт разрушать и набираться сил. Если мы не попытаемся сейчас, это может стоить тысячи жизней, которые мы поклялись защищать. В этой части мира волшебников можно пересчитать по пальцам одной руки. Пройдёт время и только светлые смогут его остановить. В истории были подобные случаи и с тех времён человечество не знает других способов уничтожения сильных Демонов. Сейчас он скорее всего выжидает, чтобы собрать побольше сил, но как только мы начнём собирать силу, это может спровоцировать атаку. Поэтому мы и просим вас помочь. Отвлеките его, пока мы копим силу, и готовим заклинание. Мы не в коем случае не требуем, только просим. Даже если вы откажитесь, мы всё равно будем выполнять свою миссию. Только, пожалуйста, отправим кого-то одного доложить в орден.

И тут Бернард крепко задумался. С одной стороны, они сбегут, будут долго мотаться по пустошам, а когда вернуться, опозорят свои имена и всю общину. А с другой, помочь орденцам убить Демона, а это не Тенелопу подстрелить. С таким оправданием не стыдно и вернуться. Принести его тупую башку и подарить старшинам. Пусть в главном зале повесят. Он смотрел на пришельцев, пока прикидывал шансы.

Вот рубежница, намотала на две стрелы, две последние бомбы, пальмовый лист не позволил содержимому промокнуть, а фитиль сделан так, что загорится хоть под водой.

— Кэп. Вы как хотите, а я не уйду, пока не узнаю, что с братом.

— Про Ганса не забудь. — сурово ответил Антуан и взял в каждую руку по фальшиону.

Бернард его понимал. Больно терять своих соратников, а тем более тех, которыми взялся командовать.

На пальцах Махатмы угрожающе крутились чакры.

Вот рыжая вытащила рапиру из ножен. На грязном лице остались следы пролитых слёз. И хоть в глазах её читалась тревога, девушка приготовилась встретить опасность лицом к лицу с оружием наготове.

Они не проронили не слова. Рэдфорд не мог сказать, почему эти люди остались. Он не знал, что, если юноша мёртв, синдариЙцу нет дороги назад, а девушка скорее сдохнет, чем сбежит.

Можно было начинать. Волшебники отошли и сели на колени, молитвенно сложили руки и начали что-то бормотать. Люди без приказа, но всё же, как по команде изготовились к атаке, пока ещё не ведомо чего...

Он не успел.

Цепи взметнулись в беззвёздное небо, они аспидами извивались и остервенело раздирали ткань шатра. На конце каждой цепи имелся крюк, по форме, как рыболовный.

Все замерли и попятнулись. Обрывки ткани опали на землю, каркас развалился, а на встречу людям двигался чёрный, в форме прямоугольного параллелепипеда, столб. Он медленно вращался вокруг своей оси и продвигался вперёд. При этом он издавал странный, пугающий, неровный гул, словно ветер задувает в трубу. Цепи поутихли. Они вылезали из узких стыков между сегментами, расположенными по горизонтали. От вида захватывало дух.

Столб достигал двадцати пяти футов в высоту, его вполне, могли бы обхватить четыре-пять человек, не меньше. Поверхность сегментов напоминала сильно обгоревшую, и плохо зарубцевавшуюся плоть, покрытую тонким слоем чёрной смолы. Это было ужасно. Из сегментов выступали человеческие тела. Они тоже были чёрными, словно их вплавили в столб. Руки и ноги, иногда голова или грудь, торчали наружу. Лица застыли в мучительном крике.

Все расступились, когда столб остановился у границы света, созданного факелами. Огонь слегка освещал уродливое творение. Творение ли? Скорее создание, из плоти и того, что заменяет ему кровь. Бернард никогда не видел Демонов, зрелище ужасало. И это они должны были задержать? Командир сдержал нервный смешок и отдал первую команду.

Ханна украдкой взглянула на Махатму и сердце её сжалось, но она подавила щемящее чувство и скрыла свою боль. Девушка не могла перестать винить себя, хотя и старалась изо всех сил. Всё это было кошмарным сном. Ханна не знала, что случилось с Таджем, и отказывалась верить в его смерть. По крайней мере пока лично не убедится в таковой. Она виновата перед ним. Из-за неё он пострадал. Иступляющее чувство рвалось из груди, и настойчиво твердило рассудку, идти до конца. Ханна столько сомневалась, но не сдавалась и упорно двигалась к цели, благодаря возлюбленному, который не бросил её в самую трудную минуту. И она не бросит, и не уйдёт отсюда, чего бы это не стоило.

А ещё великан. Ханна, ещё раз украдкой, взглянула на него. Махатме тяжело, и это видно по его лицу. Он, как и Ханна, вцепился в последнюю надежду, и готов на всё, чтобы не выпустить её из рук. Чувство вины перед этим человеком было столь огромно, что девушка боялась заглянуть ему в глаза. Он тоже пострадал, за то, что помогал ей, от всего сердца. И что теперь? Винит ли он её, Ханна не знала, но была уверена в одном. Его она тоже не бросит. Если есть надежда...

Она хотела сказать это в слух, но не успела.

Её надежда растаяла, когда появился чёрный столб. Холод пробежал по спине, когда она разглядела его поверхность. Чёрные, уродливые сегменты вращались вокруг своей оси в разные стороны.

Столб загудел, и медленно закрутился, начал своё неспешное движение прямо туда где сидели волшебники. Послышался первый приказ Бернарда, и охотники начали отходить влево. Ханна и её спутники последовали за ними. Около волшебников осталось с десяток человек. Остальные должны были отвлечь существо на себя.

Столб не отреагировал на манёвр, и продолжил свой путь. Ещё одна команда и в воздухе засвистели болты. Они впивались в сегменты и в зазоры между ними, в выпирающие части тел. После увиденного, не стоило и надеяться, на то, что кто-то остался в живых. Ханне не хотелось в это верить, но осознание неотвратимо заполняло разум, выдворяя из мыслей всякое неверие. Похоже никто уже не надеялся, и тем не менее, ни один человек не дрогнул, при виде страшного создания. Боль, обида, досада, и злость. Все, кто находился здесь, этой роковой ночью, потеряли, если не всё, то многое. Одни родных и близких, другие надежду на будущее, а кто-то всё сразу. Накопившиеся чувства слились воедино, они закипали, а теперь выплеснулись на общего врага, как причину всех бед, и возможность хоть как-то унять это мерзкое чувство внутри. Каждый человек вступает в эту при интереснейшую игру, под названием жизнь, и когда, вдруг понимает, что проиграл, что делает тогда? Рассудком Ханна понимала, что они уже никого не спасут, но что-то удерживало её здесь, на этой поляне,

какое-то чувство, что оказалось сильнее всякого здравого смысла и логики.

Столб загудел, наконец-то обратил внимание на атакующих и с жутким гулом подался в сторону охотников. Люди продолжили обстрел, и действовали слаженно. Но это было только начало.

Столб приближался. Он возвышался над людьми, а цепи угрожающе зашевелились. Ханне показалось, что гул доносился откуда-то сверху, но у неё не оказалось времени обдумать эту мысль.

Цепи взметнулись и обрушились на людей. Ханна успела отпрыгнуть в последний миг. Глянцевая поверхность звеньев отражала свет от факелов, и опасность, худо, бедно, можно было заметить. На всеобщее счастье, это нечто, не догадалось их потушить. Люди прыснули в разные стороны. Цепей было не меньше десятка, их оказалось не легко сосчитать, они постоянно и быстро двигались, и переплетались. Первая атака не принесла особых результатов, зацепило только одного нерасторопного охотника. Крюк пробил ему ногу, поднял тело в воздух и потащил к столбу. Остальные, снова, устремились к людям. Кому-то удавалось уйти из-под удара, но не всем. Среди общего гама, изредка раздавались полные боли крики, и ещё одна цепь с крюком понесла новую жертву к столбу.

Воздух рассекла чакра и с лязгом ударилась о чёрное звено. Человек с воплем упал на землю. Охотникам пришлось не легко со своим оружием. Арбалеты и пики не помогают против цепей. Та, что, усилиями Махатмы, осталась без крюка, втянулась в темноту зазора между сегментами.

Ханна вовремя заметила цепь и ударила наотмашь. Перерубить не удалось, только отбить. Антуан тоже включился в работу и бросился рубить цепи. Вдвоём с Махатмой, они сдерживали напор. Ханна проследила за крюком, который тащил очередную жертву. Тело подняло над столбом. Охотник что-то увидел там наверху, его глаза были готовы вылезти из орбит, а заорал он так, словно в одну секунду лишился рассудка. А потом цепь опустила его на вершину и крик резко оборвался.

Бах!

Столб заволокло пламенем. Выстрел пришёлся на верхний сигмент. Дым рассеялся. Огромный кратер остался на месте взрыва. Он истекал чёрной жидкостью и зарастал на глазах. Чёрная, развороченная плоть нарастала, минута-две, и от ранения не останется ни следа.

Никто не успел изумиться. Сигменты снова задвигались, пока не сложились в определённой последовательности. Отряд приходил в себя. Бернард выкрикивал команды, люди занимали свои позиции, и готовились к новой атаке. Но Ханна не желала становиться частью всего этого. Увиденное породило в мыслях, одну догадку, которая требовала срочного подтверждения.

Сигменты на столбе закончили движение. На нескольких из них части тел совпали так, что составляли полноценную, анатомически правильную человеческую фигуру. Никто не придавал этому значения, пока не открылись глаза, и не зашевелились тела. Чёрные, похожие на людей существа отделялись от поверхности столба и приземлялись на землю. Пять тварей дёргались, рычали, резко оглядывались по сторонам и нюхали воздух. Стоило одной из них заметить людей, она сразу ринулась на них с противным визгом, а за ней и остальные. Бешеный взгляд, оскал острых белых зубов и жуткое визжание.

— Стреляйте! — наконец-то прозвучал приказ Рэдфорда.

Раздались звуки выстрелов. Существа спотыкались и падали, но снова вставали, и, не

так уверенно, как сначала, но всё равно продолжали двигаться в сторону людей. Губы командира сжались в тонкую линию. Кажется, он ожидал другого результата, но не растерялся.

Когда монстры приблизились, Рэдфорд отдал ещё один приказ, люди рассредоточились и окружили их. Существа оказались сильными, проворными и бесстрашными. Одного из них повалили на землю, и попытались заколоть, но тот извернулся, схватил человека за голень и вонзил в неё зубы. Парень орал и пытался высвободить ногу. Другому охотнику сломали руку, он пытался отползти подальше, а из предплечья торчала кость. Ещё один, не задумываясь, спас друга от смерти. Ткнул пикой в морду одного из нападавших, и пробил голову насквозь. Тот в мгновение затих.

Ханна решила. Она уже давно хотела забраться на вышку. Сначала, для того, чтобы осмотреть место рухнувшего шатра, и поискать выживших, а теперь, чтобы убедиться в своей догадке. Подъём занял не больше пяти секунд. Она смотрела на столб сверху. Вершина его являла собой круглую пасть, полную острых, мелких зубов.

Пока она разглядывала столб, охотники, хоть и не без потерь, но смогли справиться с поставленной задачей. Стоило им закончить, как в воздухе снова появились чёрные цепи.

— Джуда! — крикнула Ханна, что было сил. — Джуда!

Та услышала, но пришлось крикнуть ещё, что бы девушка поняла, куда смотреть. Рубежница не стала разбираться, и в миг оказалась рядом с Ханной. Дальше объяснять не пришлось. Джуда хищно улыбнулась и наложила последнюю стрелу:

— Огоньку не найдётся? — Не переставая скалиться спросила она.

Ханна растерялась. Но, видимо, сама удача решила помочь девушке. Стоило только опустить взгляд, как на полу сразу нашёлся маленький свёрток. Внутри оказалось несколько спичек и тёрочная пластина.

— Хорошие, Немальские. — Джуда быстро схватила одну, провела головкой по пластине, и подожгла фитиль. — Это тебе за брата, тварь!

Цепи не донесли до пасти двух охотников, когда раздался взрыв. Столб больше не вращался. Дым рассеялся, и девушкам сверху открылась шокирующая картина. Развороченный рот и часть верхнего сегмента истекали чёрной жидкостью, а плоть медленно и уверенно нарастала вновь.

— Не сдохла. — голос Джуды был полон разочарования.

Снова послышался гул, и сегменты зашевелились. Сложились в правильную последовательность, и столб исторг из себя ещё шесть существ.

— Я в низ. — Ханна уже спускалась по лестнице.

— Я с тобой. — ответила рубежница и последовала за ней.

Когда с новыми монстрами было покончено, на ногах осталось не больше двадцати пяти человек, считая Ханну, и её спутников.

Волшебники продолжали молиться. Бернард отводил людей. Те стреляли в столб, отвлекали его на себя. Раны на чёрном существе затянулись, уже через несколько минут, и сразу же цепи показали из своих вместилищ.

Махатма и Антуан не справлялись с налётом цепей, и те утаскивали всё больше охотников. У некоторых из них нашлись двуручные, тяжёлые секиры, но всё равно приходилось не легко.

Сначала Ханна думала, что ей показалось. Но звук повторился вновь, а потом ещё, определённо ближе, чем в первый раз. Ещё несколько ударов сердца и сквозь крики людей,

отчётливо послышался жуткий рёв неведомого зверя. Так ревут львы в Абрафийской саванне, или медведи в Кандарийских лесах, или люди на полях сражений. Звук доносился откуда-то сверху, и как по волшебству, он заставил замереть не только людей, но и цепи над ними. Что-то приближалось, что-то достаточно могущественное, что бы чёрный столб потерял интерес к людям.

Бернарду не нужно было командовать отступление. Когда рёв раздался прямо над головой, люди решили освободить место новоприбывшему, и организованно удалились на безопасное расстояние.

На землю приземлилось нечто. Оно было худое и бледное. В два человеческих роста, с кожистыми крыльями и большими когтями. Чёрные буркала на уродливой голове долго осматривали людей. Чудовище нюхало воздух своим впалым носом и скалилось огромным ртом, усеянным жуткими клыками. А потом оно обратилось к столбу.

Ханна нашла Махатму. Он был ранен, ногу заливала кровь. Кожаный набедренник болтается на одном ремне, а из бедра вырвало приличный кусок мяса. Великан побледнел и кряхтел от боли, но не терял сознание. Она наспех перевязала ему рану, прежде чем началось.

Рёв неведомого существа, раздался на всю округу, а потом оно бросилось на столб. Чёрные цепи метнулись навстречу. Теперь их стало гораздо больше, чем прежде. Существо взмахивало руками, и звенья разлетались под ударами когтей. Некоторые ранили его, но бледная плоть восстанавливалась не хуже, чем у противника. Крюки вырывали куски мяса, но это не мешало существу самозабвенно рвать цепи и продираться к их обладателю.

Люди замерли и, затаив дыхание, смотрели на битву неведомых монстров. Крылатая тварь, медленно, но уверенно продвигалась к противнику. Цепей осталось совсем мало. Они не смогли остановить это существо. Оно уверенно ринулось вперёд, и нанесло страшный удар когтями. Рёв снова разорвал темноту, а за ним последовал новый удар. Чудовище остервенело накинулось на столб. Когти его светились богровым светом, они разрывали плоть и её осмётки разлетались в разные стороны. Ран на столбе становились всё больше, и они уже не зарастали так скоро, как в начале.

Вдруг, из каждой рваной раны на поверхности столба, выскочили чёрные щупальца. Огромные, напоминающие осменожи, а вместо присосок, острые костяные шипы. Отростки разворотили раны изнутри, вырвались наружу и ответили своему врагу.

Щупалец было больше, чем конечностей у противника, и они уже не рвались, так легко, как чёрные цепи. Ситуация мгновенно изменилась. Теперь крылатому пришлось защищаться. Он размахивал руками с бешеной скоростью, а светящиеся богровым светом когти оставляли на щупальцах страшные раны, но те без остановки атаковали. Они норовили ударить, или схватить, оплести кольцами, и сдавить. Прошло не больше минуты, и уже всё тело крылатого существа заливала его же собственная кровь. Раны продолжали заживать, но не так быстро и чудовище теряло силы на глазах. Оно кружило вокруг столба, и ревело в бессильной ярости, но никак не могло переломить ход сражения.

Одно из щупалец метнулось к противнику и обвилось вокруг ноги. Сильный рывок, крылатому чудовищу пришлось взмахнуть клыльями, чтобы не упасть. Оно попыталось взлететь, но не тут-то было. Ещё один рывок, и тело оказалось на земле, а над ним нависли остальные отростки. Они вдруг удлинились, и резко опустились на врага.

Крылатый не переставал реветь под градом ударов, но не мог вырваться. Нога всё ещё пребывала в ловушке. Тогда монстр из последних сил извернулся, и впился в отросток

кльками. Он перекусил его в два счёта, а обрубок, прежде чем втянуться внутрь столба, нанёс хлёткий удар, и противника отбросило на несколько ярдов.

Бледнокожий прокатился по грязи, и тут же встал на четвереньки. Из пасти стекала чёрная жидкость, которой ему пришлось вкусить, чтобы освободиться. Существо пыталось очистить рот, так, будто эта жидкость являлась наиопаснейшим ядом. За своим занятием оно не заметило, как щупальца увеличелись. Они атаковали противника и тот не смог достойно ответить.

Свет багрянца потускнел, и когти потеряли былую мощь. Они всё ещё могли разить, но уже не так быстро и эффективно. Бледнокожий понимал, что не выстоит, и попытался улететь, но кажется забыл, что удары по спине переломали ему крылья. Только болезненный рык раздался в ночи, когда он сделал взмах. Это отвлекло его от противника, и тот, тут же этим воспользовался. Одно из щупалец схватило крыло и резко рвануло вверх. Плоть затрещала, и алая кровь хлынула из раны. У крылатого совсем не осталось сил. Его шатало, он чуть ли не падал. Однако, неожиданно из последних сил рванулся к столбу. Три щупальца потянулись к врагу, но монстр неожиданно вильнул в сторону, и они схватили пустоту. Он выставил когти и приготовился нанести удар, но этому не суждено было случиться. Сверху, справа, и слева, со всех сторон налетели щупальца. Они выросли стеной перед атакующим, и прежде чем он достиг цели, ударили все разом.

Это произошло очень быстро, крылатый не успел увернуться. В последнюю секунду он почуял неладное, но этого оказалось недостаточно. Тело лишь слегка качнуло вправо, а за тем подбросило в воздух, вот только, едва ли по воле крылатого.

Шипы на щупальцах разодрали грудь, и кровь залила землю. Рёв бледнокожего оборвался, а сам он, пролетев мимо обескураженных и напуганных людей, скрылся во ночной темноте.

Тело ударилось о землю, и замерло. Все напряжённо вглядывались во мрак, и прислушивались, но нежданный помощник никак не проявлял себя. На какое-то время лагерь накрыла тишина. И была грубо нарушена тварью из шатра.

Щупальца продолжали шевелиться, но пока не стремились добраться до живых. Они больше не увеличивались, но и не уменьшались. А вот со столбом происходили разительные перемены. Он весь покрылся трещинами, и их с каждой секундой становилось всё больше. Будто кто-то, или что-то пыталось выбраться из своего тесного узилища. Стены столба выгнулись, трещены разошлись, а между ними, там внутри, за этими стенками, что-то шевелилось. Чёрное, ещё чернее, чем сам столб. И оно было живое. Плоть шевелилась внутри жуткой скорлупы и стремилась на свободу. Она дышала голодом и пустотой, смотрела множеством страшных глаз.

Болты засвистели в воздухе. Охотникам не потребовалась команда. Люди отступали, но продолжали обстрел, а щупальца в ответ медленно колыхались, но не пытались атаковать. Угроза ощущалось всё сильнее, по мере того, как росли трещины на стенках столба. Охотники не знали, что предпринять. Бернارد, постоянно оглядывался на волшебников, но те продолжали своё занятие и не обращали никакого внимания на происходящее.

Ханна не сомневалась, что следующей атаки люди не переживут. Похоже все остальные думали точно также. Охотники потянулись к командиру, к ним присоединились Антуан и Джуда.

Ханна тащила раненного Махатму подальше от ожившего кошмара и старалась не думать об охватившей жути. Чудовище за спиной рвалось наружу, и пугало до безумия.

Велекан готов был потерять сознание в любую секунду, а ещё оказался очень тяжёлым. Кое-как он поднялся и опёрся на такую хрупкую, по сравнению с ним, девушку. Ноги её подогнулись, но она стиснула зубы, и, как два пьяницы, они двинулись шаткой походкой.

Они смогли отойти ярдов на двадцать, прежде чем Хынна выбилась из сил. Она постаралась, как можно более аккуратно, опустить великана на землю. Осмотрела его, потрогала горячий лоб, и только потом, решилась, и взглянула в его карие глаза.

«Надежды нет?»

«Похоже, что так».

«Прости маня, великан».

«За что это?»

«Это всё из-за меня. Я виновата перед всеми вами. Перед тобой, перед Таджем. Да, даже перед Виджаем!»

«Ты?! А я, что по-твоему, несмышлёныш малолетний, что за тётей, как телок на привязи, пойду? Свой выбор я сделал сам, и никого винить, кроме себя, не собираюсь. О чём я думал? Не важно. Теперь не важно. Не знаю, перед кем ты виновата, но точно не передо мной.»

Они не проронили не слова. Ханна первая отвела глаза. Чтобы не заплакать, она взглянула на столб, который был, настигнут болтами и утыкан пиками, но всё это без видимого результата. Люди отчаянно надеялись поразить врага. Не смотря на безнадёжное положение, никто не дал дёру. Витрас, Бернард и Антуан, решительно направлялись к волшебникам. Оставшиеся в живых медленно отступали в ту же сторону. Теперь все надеялись только на чародеев, и, наверняка, молились своим богам.

Столб надрывался и трещал, как раскаты грома, Ханна взглянула на небо, огляделась по сторонам. Слабая вспышка молнии на горизонте, и девушка на её фоне увидела чёрную фигуру. Человек сидел на перевёрнутой телеге, и его сложно было разглядеть в темноте, но у Ханны не возникло сомнений относительно этой личности.

— Ты убил его? — спросила она сразу, как только приблизилась.

— Да. — спокойно ответил Вильям.

И всё. То есть ничего. Убийцу отца настигло возмездие, которого она так желала. Ради этого она бросилась в эту проклятую погоню, ради этого умер возлюбленный. А она, услышав ответ, не чувствовала ничего. Ни радости, ни утешения, лишь пустота в душе, пугающая своим безразличием. Почему-то было всё равно. Ханна спрашивала себя, ради чего делала всё это, и не могла найти достойного ответа.

— Ради чего? — шепчет она и кривится в печальной усмешке.

Теперь всё казалось пустым и бессмысленным. Теперь Ханна точно знала. Месть бессмысленна и пуста. Что бы осознать это в полной мере, пришлось пожертвовать всем.

Она потеряла всякий интерес к убийце. И к мёртвому и к живому. Ремесло наёмного убийцы было ей чуждо, она не понимала таких людей, и боялась. И пусть этот свершил её возмездие, благодарности девушка не испытывала. Просто так обстоятельства сложились, интересы совпали. С такой же лёгкостью, жертвой могла бы быть, и она сама. Тогда, Вильям без сомнений и колебаний, отправил бы её к Созидателю.

Вдалеке, Бернард о чём-то разговаривал с одним из волшебников, прервавшего свою молитву. Столб оглушительно трещал, на землю сыпались куски узилища, и через бреши в темнице, в мир просачивалась тьма. Клубы чёрного дыма, такого густого, что казалось, его можно поторгать руками, растекались по воздуху, шевелились и медленно разрастались в

стороны.

Ханна сделала шаг, она собралась вернуться, проверить Махатму, и переместить его поближе к волшебникам, когда услышала за спиной добродушный голос:

— Можно я дам тебе совет?

Этот голос заставил её замереть. За всё время знакомства Ханны с убийцей они и парой слов не обмолвились.

— Какой? — растерянно ответила девушка, когда обернулась.

— Вон там, — как ни в чём не бывало заговорил собеседник и указал пальцем в темноту лагеря, — осталась машина, подающая напряжение на провода. И не смотря на ливень, продолжает работать. Есть только один энерго кристалл, поэтому у вас будет только одна попытка победить эту тварь.

Ханна удивлённо смотрела на убийцу, и до неё не сразу дошли его слова.

— Зачем ты мне это говоришь? — с недоумением спросила она.

— Если бы я хотел убить эту тварь, воспользовался именно таким оружием.

— Если бы хотел?

Этот ответ сбил девушку с толку.

«Так ему просто не хочется?»

Именно это она и спросила, возмущённая словами убийцы.

— О-о, пожалуй, я не так выразился. Думаю, стоило сказать, сели бы я мог. — невозмутимо ответил Вил.

— Почему не можешь? — озадаченно спросила Ханна.

Она не на секунду не забывала с каким опасным и безжалостным человеком разговаривает, но чем больше они говорили, тем дальше отступал её страх перед убийцей.

— Я не принадлежу себе. Моя жизнь и моя смерть принадлежит Госпоже. Не я решаю, кого отправить на встречу с ней. Я всего лишь Её длань, исполнитель Её воли и замысла, не больше не меньше. Убивать я могу, если действия других лиц, направлены на защиту выбранного Госпожой, или, если намеренно причиняют ущерб мне или клану.

Такого она не ожидала. И ответ, признаться, её не на шутку встревожил, а страх тут же вернулся. Ей никогда не понять этих слов и этого пути.

— И что же заставило тебя, так ревностно служить своей госпоже? — спросила она.

На самом деле, она хотела спросить иначе. За что ты так продался? Должен был звучать именно этот вопрос. Но поостереглась. Здравый рассудок возобладал перед нескрываемой неприязнью к убийцам и их ремеслу, обострённую событиями последних дней.

«А вдруг, грубость у них тоже за вред считается». — подумала девушка.

— Не меня. — послышался ответ. И в нём звучала самая острая на свете сталь. Лицо тоже изменилось, да так, что невыносимо стало находиться под этим взглядом.

Ханне, захотелось голову вжать в плечи, и сжаться, как нашкодившему мальчишке, что приготовился получить на орехи. Но она одёрнула себя, и постаралась успокоиться.

— Мальчишка, который хотел жить, и в последние часы своей жизни воззвал к смерти и попросил забрать его к себе. Не я. Он хотел жить. И Госпожа услышала. Она дала ему руки и ноги, которых у него не было. Спасла жизнь, и подарила цель. И появилась ещё одна длань, вот расплата.

Кажется, мурашки охватили всё её тело. Холодок пробежал, но не исчез, а настойчиво щекотал спину, и не желал проходить. Вся неприязнь, и страх куда-то пропали, а на их месте осталась одна лишь безграничная жалость. Она постаралась не выказывать эмоций, но

казалось, что сапфировые глаза видят её насквозь.

— Прости. Я и подумать не могла. — опустив голову пробормотала она.

— Тебе не стоит извиняться. Это я хотел извиниться от себя и от лица моей Госпожи. — приятный голос Вильяма снова изменился. Он как ни в чём не бывало, стал звучать мелодично и спокойно. А на лицо снова вернулось добродушное выражение.

— За что? — опешила Ханна.

— Госпожа указала на этого человека, и совершила ошибку. Даже смерть ошибается.

По её вине была созана Длань, и по моей, она испортила Её замысел, и причинила тебе столько горя. Я не могу вмешаться в замысел смерти, без воли Госпожи, но мы хотим помочь, и поэтому я ещё здесь. Решил дать совет.

— Какой? — Ханна всё ещё осмысливала услышанное, и напрочь забыла о том, что Вил говорил в начале диалога.

— Машина с энерго кристаллом. — угодливо напомнил собеседник.

Ханна уже вспомнила сама. Она снова взглянула на столб. Тот держался на одном каркасе. Стены отвалились, и не понятно было, как клубы сдерживаемой тьмы ещё не вырвались на свободу.

Оставшиеся люди Бернарда рассыпались по лагерю. Некоторые бегали, и что-то искали в палатках, а остальные взяли волшебника в большое кольцо. Светловалосый парень не стал присоединяться к молящимся чародеям, и похоже, решил помочь людям. Треск уже не стоял, но это затишье говорило Ханне только об одном, скоро оно вырвется и убьёт всех. Волшебники медлили, и судя по всему, пока не готовы действовать, а время, явно, поджимало.

— А если по подробнее? — спросила Ханна.

Когда девушка дослушала ответ, она, в первую очередь побежала к Бернарду, и уже потом решила вернуться к Махатме. Вильяма и след простыл.

Бернард старался обуздать свои чувства. Сначала Томас, который говорил, о накопленных силах, и о Демоне невероятно сильном. Вся речь сводилась к тому, что противник очень опасен, а сил ещё слишком мало. Сам парень должен был выплесками силы отвлечь чудовище от остальных чародеев. Охотников осталось мало, и командир отдал приказ найти что-нибудь из запасов алхимиков. Неплохо было бы иметь пару бутылок зажигательной смеси, или чего получше. Он нутром чуял время поджигает. И скоро начнётся что-то страшное.

Наступила тишина, все напряглись, когда к нему подбежала эта рыжая девка и так и не представившись, выложила какую-то тарабарщину, которая заставила сердце охотника бешено колотиться в груди. Она говорила, а внутри зарождалась надежда.

Нужно было Найти Тарвела. Он управлялся с машиной, но Бернард, даже, не помнил видел ли того живым. Подошёл Витрас, весь сгрязный, и в разодранной броне, но целый и невидимый. Девка убежала к своему синдариюцу, а ещё подошел этот наёмник с лучницей.

Рэдфорд пересказал план рыжей. Заморосил дождик.

— Я бы тебя попросил, но тогда командовать будет некому. — обратился командир к помощнику.

Витрас не успел ответить. Тьма, с оглушительным гулом, вырвалась на свободу.

А потом...

Бернард весь в поту, вытаскивал, из земли, провод обесточенной машины, тянул изо

всех сил и резал ладони. Когда чудовище вырвалась, повеяло гнилью, и чем-то ещё, совсем не знакомым, и совсем неприятным. Дождь усилился, пространство наполнилось звуками: жутким гулом, криками людей, взрывами, но командир не отвлекался. Он не видел, как чёрное облако густой тьмы отрастило себе уродливые скорпионьи лапки, а точнее лапища, потому что само было размером с добрую крестьянскую избу. Не замечал, что в этой чернильной завесе шевелится мерзкое, склизкое тело, со множеством глаз и щупалец, а на спине зияет огромная зубастая пасть.

Это нечто медленно и неуверенно двинулось в сторону молящихся волшебников, но тут же изменило направление, когда в пасть ударила сияющая солнцем стрела. На всё это Бернард старался не смотреть, он пытался размотать провод, и не прекращал работу не на секунду. С другим проводом возился Антуан, а Витрас должен был установить кристалл и запустить машину.

Наёмнику и охотнику пришлось бежать к месту прорыва, и тянуть провод оттуда. И вот, осталось совсем немного и всё будет готово. Он не собирался смотреть, только ловил отдельные звуки. Они ещё держались. Чародей должен приманить тварь по ближе, а парни постараться не умереть. Бернард знал, что, когда раздаётся отчаянный крик, это кто-то из охотников лишается жизни, и сердце его сжималось в эти секунды. Звуки смерти, как барабаны с имперских галер, заставляли работать ещё усерднее. Командир не сомневался — его ребята отчаянно выполняют свою работу, загоняют дичь в ловушку, по всем правилам охотничьего ремесла. Им всё же удалось найти какие-то горючие смеси, и в подтверждение этой мысли, раздавались тихие взрывы, и сияли в ночи вспышки оранжевого света.

Когда Рэдфорд крепко примотал провод к наконечнику пики, Антуан уже закончил. Гул раздался совсем близко. Последние выжившие охотники, и волшебник медленно отступали под непрекращающимся натиском монстра. Томас держался из последних сил, он сосредоточился на мыльном пузыре, вокруг людей. Его держали под руки и волокли к машине. Ещё двое схватили за ноги, и теперь бежали вместе с чародеем. Тварь не отставала, и не переставая колотила по пузырю, щупальцами.

Шар замерцал интенсивнее, а люди прибавили ходу. Томас воздел руку и в чёрное облако ударил лучь света. Раздался громкий гул, и тварь прекратила погоню. Она гудела и молотила себя щупальцами, все глаза, в чёрном облаке, закатились и исчезли.

Голова томаша упала на грудь, и он обмяк в руках охотников. Пузырь тут же исчез. Волшебник хотел выиграть время, но его удара хватило лишь на несколько секунд. Он не увидел, как демон перестал гудеть и рванул к убегающим.

Взгляд наёмника был красноречивей всех слов. Они бросились на встречу чудовищу одновременно. Бернард орал как сумасшедший, и больше всего на свете, он хотел успеть воткнуть воткнуть пику в тварь, до того, как она настигнет людей. Кажется, он уже охрип, воздуха не хватало, лёгкие наполнились огнём, но ноги еще несут, хот и налились свинцом. Мимо пробежали охотники с волшебником на руках, и пика вонзилась во что-то мягкое, но вязкое и не податливое. Он хотел увидеть Антуана, но не увидел. А потом почувствовал боль в груди, странное чувство невесомости, и... Новая боль пришла быстро, обдала огнём затылок и спину, а потом никаких чувств.

Бледное лицо Махатмы встретило Ханну раскрытыми глазами. Рана уже не кровоточила, и девушка растерянно опустила веки мертвеца. В ушах стоял шум, в голове гул и пустота. Тогда, в подвале, когда она поняла, что отец мёртв, её как молнией ударило. Она

словно утратила связь с рассудком, растерялась, и не понимала, что теперь делать. Сейчас она чувствовала тоже самое. Больше не за что цепляться, нет цели и смысла. Она перестала понимать, что делает здесь и сейчас. Люди гибли на её глазах, а она безразлично созерцала, как волшебник отвлекает и бьёт тварь своей магией, как люди пытаются окружить монстра и кидают в него склянки с алхимическими смесями. Где-то внутри чёрного дыма вспыхивает огонь, и раздаётся протяжный громкий гул. Девушка чувствовала себя опустошённой, одинокой, и совершенно разбитой. С пустотой в глазах она наблюдала за командиром и капитаном, которые бегут навстречу смерти, и орут во всё горло. А потом её отвлекает вспышка, недалеко, справа.

Один из охотников установил новый кристалл, но что-то пошло не так, и его убило на месте. Она и сама не поняла почему, но эта вспышка и человек, что рухнул как подкошенный, на минуту прояснили сознание. Апатия отступила, и Ханна увидела, как Антуана ударило одно из щупалец. Он пролетел с десятков ярдов, ударился о землю и больше не шевелился. Бернард достигает цели и пронзает пикой облако густой тьмы. Но разделяет участь Антуана.

Откуда ни возьмись появился какой-то лысый парень, худой, и весь мокрый, кое-как, замотанный в полотно палатки. Он рванулся к пике Антуана, схватил её, закричал, и ринулся на монстра.

И тут с Ханной что-то случилось, как тогда, в детстве, когда она слышала слова матери: «Делай что можешь». Она рванула с места, и побежала к машине. Та находилась не далеко, и вся лениво искрила. Девушка не смотрела на труп охотника, в голове у неё стояла всего одна картина. Худой парень с пикой в руках, отчаянно кричит и атакует чудовище, как давным-давно, маленькая рыжеволосая девчушка без страха и сомнения бросилась на помощь, презрев всякую опасность. Она делала то, что могла, а главное то, что сама хотела. Как только парень достиг цели, Ханна без раздумий опустила рычаг.

Ночь. Первое, что он подумал, когда открыл глаза. Эмоции и мысли суматошно навалились на него, но были быстро обузданы и взяты под контроль. Он лежал на мокрой земле, и ощущал, как капли бождя ударяются о голое бледное тело.

Серадж прекрасно понял, что произошло, но не знал где находится, и ничего не помнил. Такое уже было однажды, когда четыре раджи хотели взять власть в свои руки и убили отца Сераджа. Тогда он потерял контроль над собой. И в этот раз тоже. Он стоял на балконе, когда его охватили, ни с чем не сравнимые чувства. А потом только боль и ярость. И больше ничего.

Всё тело тряслось. Но не от холода. Царь ослабел на столько, что не мог унять дрожь в теле. У него не осталось сил. Он понял это, когда попытался подняться. Голова закружилась, а руки отказывались слушаться. Серадж перевернулся на живот, и упёрся руками в землю. Он зарычал, когда приподнялся и встал на четвереньки. Слабость рождала голод, всегда. Он смотрел в землю, а его глазами послужило обоняние. Серадж чуял смерть много смерти, и кровь, много крови. Это чувство было сложнее всего контролировать. Запах сводил с ума. Безумие голода вытисняло здравый смысл, а царь изо всех сил старался сохранить рассудок. Неожиданно, появился новый запах. Жажда временно отступила, перед этим жутким зловонием гнилых трупов и горелого мяса. А ещё там присутствовал совсем неизвестный царю аромат. Что-то не знакомое и чужое, было в этом запахе. Он рождал ужас перед чем-то неизведанным, запередельным и пугающим. Серадж не без усилий повернулся, чтобы

увидеть то, что учуял.

Темнота и расстояние не были помехой. Чёрное склизкое существо медленно копошилась на земле. Оно пыталось встать на лапы, но те подгинались и не слушались. Прирывистый слабый гул сопровождал эти попытки. Шупальца по всему телу безвольно повисли, а пасть на спине обгорела. Серадж увидел, как четверо людей в светлых, перепачканных грязью рясах спешно приближаются к чудовищу и обступают его с четырёх сторон. Они воздели руки и головы к небу, одновременно кричат какое-то слово, и над существом расцветает сияющая пятиконечная звезда. Свет столь яркий, что Серадж чуть не ослеп. Он шурит глаза и закрывается рукой. Звезда на небе источает обжигающий жар, она вращается всё быстрее, и превращается в светящийся диск. А потом огромный луч света с рёвом вырывается из звезды и бьёт в землю, туда где копошится демон. Жар становится нестерпимым, Серадж отворачивается и рычит. Но внезапно всё заканчивается. Снова стало темно и царь видит, что от существа почти ничего не осталось, только ровный круг жженой земли и горсти пепла. Волшебники сотворили заклинание и, как подкошенные рухнули на землю. У них не осталось сил, и они потеряли сознание.

Запах, что источало чудовище, исчез вместе с ним, почти исчез. Серадж преодолевая слабость встал, и не обращая ни на что, внимания, двинулся к месту, где лежало чудовище. На том месте покоился человеческий скелет, а внутри нечто омерзительное. На вид книга, но Серадж чувствовал в ней жизнь, и знакомый запах. Голод и слабость снова навалились на царя, массой неприятных ощущений. Ему нужна была кровь, много крови. Он готов был выпить целый галлон. И она здесь была, однако прежде, чем подумать о себе, он проломил кости, вытащил книгу, и крепко сжал в руке.

Царь вампиров брёл мимо лежащих тел, иногда останавливался, и внимательно всматривался в некоторые из них.

У человека была переломана грудная клетка, кости сдавили сердце, но он ещё жил. Серадж смотрел на смертельно раненного и видел его кровь, органы, кости, мышцы, он мог разглядеть каждый нерв. А ещё мог узреть то, что долгие тысячелетия, лишь описывают брахманы и учителя. Он взглянул на ауру этого смертного и не остался разочарован.

Вопрос Сераджа был встречен глубокой печалью, болью и страхом, но человек быстро взял себя в руки, принял суровую реальность, и погрузился в мучительные раздумья. Весь выбор сводился, к пугающей неизвестности, но ответ не заставил себя ждать.

Серадж не много удивился, когда смог найти ещё одного подходящего ему человека. Со сломанной шеей он лежал на последнем издыхании. Вопрос не поставил человека в тупик. Ему, как и первому было мучительно больно выбирать, но думал он не долго.

Когда серадж закончил он встал и огляделся. Не считая волшебников, выжила лишь небольшая горстка людей. В темноте, Серадж мог разглядеть всего пятерых, чьи сердца мерно бились в груди. Некоторые из них уже приходили в себя. И тут внимание Сераджа привлекло кое-что интересное.

Теперь он удивился сильно. Рыжеволосая девушка лежала без сознания, повелитель асур приблизился к ней и пригляделся повнимательнее. Никаких видимых повреждений он не нашёл, её организм был в полном порядке. За то аура расплывалась, меняла очертания и каждую секунду меняла цвет. Повелитель асур попытался наладить телепатическую связь, но с сознанием девушки тоже творилось что-то не ладное, с ним невозможно было контактировать. Однако Серадж только улыбнулся. Он уже понял, что служило всему виной. Маленькая чёрная дрянь, что сидела между третьим и четвёртым позвонком, в области шеи.

Её почти невозможно было увидеть, даже его не обычным зрением. Но царь уже заметил её. Точно такую же, как и в прошлый раз. Любопытство становилось сильнее. Он уже видел такое однажды, но тогда он смог проникнуть в мысли того человека, а здесь полный провал.

Разбудить тоже не получилось, все проверенные способы ни к чему не привели. Тогда Серадж надкусил вену на предплечье и приложил рану к её губам.

Небо заметно посветлело. Долину охватил предрассветный холодок. Густые тучи хмурым, серым ковром растянулись по небу и поливали землю морозящим дождичком. Резкий порыв ветра ударил в нос запахом сырой земли и заставил вернуться в сознание. Боль оказалась тут как тут, но от неё не мутило сознание, и принц смог преподнять веки. Опухоль ещё не спала и глаза слезились, а щевелиться оказалось слишком больно. Он мог только лежать, и через пелену влаги попытаться разглядеть, что происходит. Он слышал дождь, но не чувствовал его на себе. Соображать было тяжело, в нос ударил странный запах чего-то незнакомого и неприятного. В глазах мелькнуло, и принц почувствовал, что к нему кто-то подошёл.

— Очнулся? — раздался над головой голос, и Эдриана накрыла тень.

Тот, кто стоял перед ним нагнулся, и промокнул его глаза платком. Теперь принц мог разглядеть говорившего. Ничего особенного, невзрачный такой юноша, лет семнадцати, в потрёпанной дорожной одежде и стоптанных сапогах. Скуластое лицо, грязные тёмно-русые волосы, и ледяные глаза. Безумный взгляд парня вполне соответствовал его голосу, а не внешности. Мурлыкающий, словно портовая девка, заигрывающая с щедрым клиентом, и одновременно жуткий, скрипящий и старческий.

Страх и интерес охватили Эдриана одновременно и заставили губы шевелиться.

— Хххсо ссы саххой? — просипел он еле слышно.

Но вопрошающий всё расслышал, и прекрасно понял:

— Сейчас это не важно. Главное, что ты упустил артефакт.

— Е-а федали? — отозвалось с земли.

— Ну-ну. — насмешливо ответили ему. — Ты сам вёл этих людей на смерть. Жаль. Теперь их не вернуть. — последняя фраза прозвучала уже без насмешки.

— Щцео сы ххоцешь?

— Сразу видно, у тебя деловая хватка. — снова насмешка в голосе. — Ты себя не очень хорошо чувствуешь, пожалуй, даже умираешь, но я могу привести тебя в чувства и дать силы, о которых ты так долго мечтал.

— И шсо хоцешь ф саен?

— Я же говорю, деловой человек. Взамен я попрошу сущую малость. Ты вернёшь артефакт и принесёшь его мне.

Принц хотел зарычать, но не мог. Он не поверил безумному парню ни на секунду. Но...

— Отказываться не рекомендую. В этом случае я просто оставлю тебя здесь и найду другого желающего.

А вот этому он поверил и мог точно сказать одно. Умирать здесь и сейчас он не желает.

— За-а. — выдохнул он.

— Хорошо. Ты отлично знаешь, как вести дела. — последовал ответ.

Эдриан почувствовал, как что-то склизкое проникло ему в рот, и тело свело судорогой.

Темнота вокруг давила. Камень кругом. Фитц уже давно не видел солнца и не спал. Силы ещё были, но человек очень устал. Гнетущая обстановка давила на разум, если он не ошибся, то, вместе с остальными, уже третьи сутки спускался под громаду Гиблейских гор. На его глазах в пещеру загнали людей из целой деревни и почти без остановок куда-то вели. Агент имперской внешней разведки ни разу не сталкивался с такими существами прежде, но читал секретную документацию и, тем не менее, удивление его достигло всякого предела. В отчётах алхимиков и показаниях живых очевидцев они описывались, как существа, по физиологии, напоминающие людей. В общем-то это когда-то и были люди, если верить священному писанию, но разведка в него не верила. Однако, сейчас, описания разных источников совпали почти на все сто процентов.

Открытые части тела являли собой одну сплошную, обгоревшую рану. На предплечьях, на шее, голених, по всему телу. Подавляющее количество этих существ было разодето в чёрные и грязные лохмотья, частично скрывающие ужасное тело. Но было несколько, более внушительного вида, в тяжёлых латах. У тех, что в лохмотьях, имелись изогнутые, зазубренные мечи, а те, что были закованы в чёрную броню держали в руках внушительного вида секиры, и шипастые круглые щиты. Фитц не видел их лиц, этому препятствовали странные маски. Чёрные, с выпуклым лицом, и огромными красными кругами на месте глаз. Жуткий звук их дыхания, не утихал ни на миг. Священники храма Созидания, называли таких чертями, и описывали в книгах, скорей, как миф, нежели научный факт. Но не смотря, на трезвую рассудительность Фитц уже не знал, во что верить. Он почти не спал, не ел и всё время следил за людьми и их конвоем. В какую-то секунду шпион понял, что слишком далеко зашёл, но было уже поздно. Ему пришлось принять пару стимуляторов, что оказались с собой, но они не могли заменить еду, воду и сон.

С ними находилось ещё одно существо такого вида, что и во сне душевно больному не привидится. С твари словно содрали кожу. Она походила на очень высокого и худого человека с металлической маской на лице. Ни носа, ни рта, только пустые глазницы безразличные ко всему. Пальцы рук заканчивались стальными длинными когтями, из красной плоти торчали металлические рёбра. Серые пластины металла покрывали спину, руки, ноги и грудь, а позвоночник топорщится острыми шипами.

Последний отдых подарил утомлённому агенту несколько часов сна, и вот они наконец-то дошли до пункта назначения. Серый камень и тусклый свет фонарей сменились гигантской пещерой и ярким, бледным светом, что исходил от огромных светящихся существ, летающих над головой. Они напомнили агенту те микроорганизмы, что недавно открыли алхимики. Ему дали взглянуть на несколько, когда сведения попали в руки имперских учёных.

Было светло, как днём. Пещера была настолько огромной, что потолок терялся в вышине, а на горизонте не виднелся край, в какую сторону не глянь. Летающие существа парили высоко, и казались маленькими на таком расстоянии, но прикинув, Фитц решил, что они, своим размером, могли бы поспорить с китами. Умом он понимал, что находится глубоко под землёй, но создавалось впечатление, что он уже не под горами, а на поверхности другого мира.

Воздух посвежел, они шагали по открытому пространству не таясь, а агент, который

незаметно следовал за конвоем, готов был шею свернуть, чтобы рассмотреть невиданный ранее, ошеломляющий пейзаж.

Огромные квадратные столбы из серого монолита с каркасами из проржавевших металлических балок были разрушены почти до основания. Серый камень грудями лежал вокруг, а по нему, паутиной, разросся тёмно-зелёный мох. Огромные бледные грибы, выше человеческого роста, торчали повсюду, и с каждой пройденной милей их становилось всё больше. Чёрные твари похожие на сколопендр, размером с анаконду, выползали из одной груды камней, чтобы через секунду скрыться в другой. Через несколько часов ходьбы разрушенные строения стали попадаться на каждом шагу и всё вокруг заросло красными наростами похожими на кораллы.

Одно из зданий выглядело иначе, более приземистое и почти не разрушенное. Двухэтажное, с высокими окнами, и куполообразной крышей. Когда подвывающих от страха людей завели внутрь Фитц незаметно прошмыгнул вслед за остальными.

Такого не упоминалось ни в одном секретном архиве из тех, что касались подземного мира. Шесть жутчайших на вид существ сидели за большим каменным столом и поедали мёртвых людей. Рвали зубами, словно голодные собаки, отрывали руки и ноги, раскусывали головы. А только что приведённые люди стояли на коленях и смотрели на кровавое пиршество. Они скулили и подвывали от страха, дети плакали, а старики не переставали молиться и заливаясь слезами.

Здесь было не так светло, как снаружи. В помещении властвовали тени, они скрывали приличный участок большой комнаты. Что-то было там, шевелилось во мраке, что-то большое и жуткое, но Фитц, как не пытался не мог разглядеть.

Первое существо во главе стола, ростом под три фута с большим горбом, закутанное в красную хламиду, тонюсенькими, но сильными ручками, отрывало от человеческих тел головы и отправляло в свою зубастую пасть. Когда оно разгрызало кости, на его, лице лишённом всякой плоти, сияла жуткая улыбка.

Рядом находилось вторая тварь: от пояса и выше, была похожа на человеческую женщину с выпуклыми грудями, изящной фигурой и надменным жестоким лицом. А от пояса и ниже, паучье брюшко и восемь мощных лап. Вся чёрная и склизкая, она извергала изо рта какую-то зелёную жидкость прямо на трупы, и только потом поедала их.

По другую руку третье, похожее на гигантский гриб с руками и ногами. Он жевал, и из его пасти, расположенной на ножке текла густая, зелёная слюна. Таких Фитц уже видел. Сапринги обитают на юге в подземельях Зомбии, но никак не в центральной части Затракана.

Четвёртый тоже походил на человека, но раза в два больше обычного. Над его телом явно поработал маньяк-психопат, который к тому же забыл вынуть орудия пыток из тела жертвы. Монстр был одет только в чёрные обтягивающие шорты.

Пятое существо выглядело, как чёрное дерево без листьев. Ветвями оно хватало тела, разрывало их и запихивало в рот, что раскрылся прямо на стволе. Чуть выше светились злобные зелёные глаза. Все без исключения Гворны обитают лишь на острове Танатос, на далёком юге, и Фитц никак не ожидал увидеть это чудовище здесь.

Пятый субъект больше напоминал худого и высокого человека, накрытого большим куском чёрной ткани. Чернота стелилась по земле, подбиралась к столу, и хватала небольшие куски, а потом погружала их в тело своего обладателя.

Прошло не меньше десяти минут, прежде, чем тот, что стоял во главе стола выкрикнул

что-то непонятное человеческому уху. Как по приказу, черти засуетились, и стали выхватывать из толпы самых крепких мужчин, а когда выбрали всех, то погнали их как непослушную скотину во тьму помещения.

Шипящий окрик заставил кавалькаду остановиться, а пожирателей человечины бросить своё занятие и уставится на новоприбывшего.

Седьмое существо вышло из темноты и все остальные яростно на него зашипели. Было и в этом что-то от гуманоидной физиологии. Голова без глаз и носа, но с широким, полным ровных зубов, ртом, увенчанная костяным наростом в виде гребня от уха до уха. Торс и руки как у человека, молочно-белая плоть, ничем не прикрыта. И юбка до пола, как будто выросшая из его собственного тела. Ростом он не уступал остальным.

Когда чудовища заговорили Агент имперской разведки мог только догадываться о чём идёт речь. Гортанный и одновременно шипящий язык твари в красном и его новоприбывшего оппонента, был совершенно не понятен для Фитца, но он всё равно вслушивался в разговор.

Существо во главе стола зашипело в ответ. Они перекидывались фразами, и в эти секунды чем-то напоминали людей. Разговор быстро прекратился, и от стены отделилось жуткое существо. Громадная тварь из металла и частей тел разных существ. Медвежий череп служил ей головой, а всё остальное от гориллы, со стальными когтями на передних и задних лапах.

Тварь рванулась к жертве, но не смогла настичь. Существо с гребнем подняло руку и сдуло что-то с ладони в сторону противника. Попав под действие коричневой пыли, монстр остановился и передними лапами стал колотить себя по морде. Прошло не больше десяти секунд, прежде чем лапы его безвольно опустились. Ещё через несколько секунд, он развернулся и бросился на своего бывшего хозяина. Прыжок, мгновение, они сталкиваются, ещё мгновение и напавшая тварь летит через половину комнаты. Существо во главе стола истекает чёрной кровью, и опирается на столешницу. Его противник уже встал готовый атаковать вновь, но вместо этого подходит и садится рядом с чудовищем без глаз.

Теперь заговорил пришлый. Он, как сильный по праву дворянин взял слово на каком-нибудь собрании светских господ.

Тварь долго говорила, и хоть Фитц и не понимал, но без сомнений это походило на банальные интриги и делёж власти. Безглазого спрашивали о чём-то, он отвечал, а потом тыкал пальцем, поочерёдно указывал на каждого, кто ел человеческое мясо, и агент, в эти секунды, слышал обвинение в этой не понятной речи.

Так продолжалось довольно долго, и разведчик успел задремать. Ему-то и надо было, всего лишь следить за экономической ситуацией в королевстве и слать своевременные отчёты, а там решат, что важно, а что нет. А теперь он здесь, и его уже обнаружили.

Фитц резко проснулся и быстро понял, что это всего лишь сон. Когда он выглянул из своего укрытия, все присутствующие покидали место действия. Похоже они пришли к какому-то компромиссу, и теперь решили прогуляться. Двое чертей тащили странного вида носилки, с прозрачным куполом, под которым лежал частично покрытый чёрной коркой хоббит.

Разведчик допил из фляги последнюю воду, которую он так удачно набрал в подземном ручье и решил идти за остальными.

Снаружи их поджидал экипаж, запряжённый, похожими на тараканов, бледными жуками, размером с лошадь. Такими же запрягли ещё несколько повозок очень странных на

вид. Одна была с клеткой, туда затолкали всех людей. Фитц успел устроиться под эту повозку и, благодаря конструкции, неплохо расположился. Жуки с места взяли быстрый темп, но разведчик умудрился задремать и там, а проснулся, когда уже прибыли на место.

Ему снова повезло, хвост колонны на его глазах скрылся в каком-то проходе. Помещение погрузилось во тьму, но Фитц запомнил направление и поспешил следом.

Таким лабораториям и оборудованию мог бы позавидовать и император, да что там, император, гномы бы со своими големами и порталами, от зависти съели бы карликов с их механическими протезами и продвинутой медициной. Здесь всё было белым и чистым, стерильным, как выражаются медики. Куча сложного оборудования, не виданного разведчиком ранее. Что-то подобное находят археологи, но ничего похожего Фитц не видел и в музеях. Стекланные цилиндры стояли ровными рядами. Зелёная жидкость внутри и человек в каждой из них. Все молодые парни, реже девушки. Утомившийся рассудок готов был покинуть владельца, но его вовремя уберёг услышанный вдалеке женский крик. Агент постарался сосредоточиться и принял ещё один стимулятор. Этот оказался с эйфоретиком в малых дозах, он был последним. Препарат подействовал, и разведчик в прекрасном расположении двинулся на повторившийся, приглушённый расстоянием крик.

Прошло не меньше получаса, прежде чем он добрался до цели. Эйфория немного поутихла, и осталась только бодрость. В помещении, где он встретил тех, за кем шёл, было наполнено машинами, которые шумели, пищали и издавали множество других звуков.

На удивление Фитца здесь находились и люди. Они управляли машинами и общались с пришельцами.

Агент видел, как семеро монстров окружило стол, на котором лежала беременная женщина. Похоже, она вот-вот должна была родить. В рот ей вставили деревянный брусок, а руки и ноги крепко привязали к массивной столешнице. Но это не волновало Фитца так, как присутствие людей. У него появилась надежда на то, что выход может быть ближе, чем он думает, а главное, семеро монстров общалась с людьми на их языке. Карайский — язык страны колдунов.

Женщина не переставала кричать ещё час, но теперь она умолкла и можно было расслышать разговор сквозь, не такие громкие, детские крики.

— Господин, их двое! — воскликнул удивлённый человек, в грязном от крови халате.

— Ш-ш-што? — Раздалось в ответ шипение безглазого. — Как так выш-ш-шло?

— Клянусь! Мы не могли и подумать!

Человек сел на колени и опустил глаза, когда собеседник приблизился. Он взглянул на детей и спросил:

— Кто ис-с-с них-х-х?

— Мы это выясним господин. — распрямылся человек.

Фитц не видел, что тот делал с младенцами, но они беспрестанно орали. Их мать пришла в себя, приподняла голову и протянула руку к детям. На секунду всё вокруг задрожало, а потом тварь с гребнем ткнула женщине в глаз пальцем, погрузив его целиком за одно мгновение. Всё прекратило трястись, а человек в халате закончил свои манипуляции и с уверенностью заявил.

— Этот. — указал он на ребёнка.

Существо склонилось и долго смотрело на новорождённых, водило головой и беспрестанно открывало-закрывало пасть. Вскоре оно удовлетворённо кивнуло и прошипело.

— Вы с-с-снаете ш-ш-што делать.

— А что делать со вторым? — спросил собеседник монстра.

— Он, как и второй мож-ж-жет с-с-стать вмес-с-стилиц-щем, и мож-ж-жет быть опас-с-сен для нас-с-с. Ис-с-сбавтес-с-сь от него.

Он ещё что-то заговорил, но уже не на людском языке и чудовища куда-то удалились. Уши и черти с измученными людьми, а человек в белом халате, надел налобный фонарик со свето-кристаллом, взял в руки одного из детей и пошёл в ту сторону, где скрывался разведчик.

Больше книг на сайте - Knigoed.net